Поправки и добавленія.

Стран. 136, строка 6 и 8 снизу: вм. цани чит.: вани.

Стран. 141, стр. 8 св.: вм. иностранныхъ чит.: монастырскихъ.

Стран. 142. Къ замѣткѣ о „Пантеонѣ Литературы" слѣдуетъ прибавить, что Латышская сказка о богатырѣ Ильѣ напеч. въ собраніи Θ. Трейланда, въ „Сборн. матер. по этнографіи, изд. при Дашк. Этногр. Музеѣ", вып. II (Моск. 1887), стр. 144.

Стран. 167. Въ библіографіи праздника пропущено указаніе на „Украинскій народный орнаментъ" О. П. Косачъ (Кіевъ, 1876, 2 изд. 1879), гдѣ помѣщено 23 рис. пасхальныхъ яицъ, съ замѣткою въ предисловіи.

Стран. 180, стр. 6 св. вм. о, чит. со.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Кн. II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Гинцбургъ.
1889.

Печатать разрѣшается. Москва, 7 октября 1889 г. Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
Ординарный Профессоръ *Всеволодъ Миллеръ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ.

Самое раннее указаніе на распространеніе иранскихъ эпическихъ сказаній въ Закавказьѣ, именно въ Арменіи, находимъ мы у армянскаго историка Моисея Хоренскаго (половина V в. по Р. X.). Предлагая, по просьбѣ своего патрона, правителя Арменіи Саака Багратуни, объясненіе парсійскимъ легендамъ о Бюраспѣ Аждахакѣ (въ Зендавестѣ Ažidahaka baevaraspô), армянскій историкъ, какъ благочестивый монахъ, предпосылаетъ своему объясненію слѣдующія характерныя слова: „Ненавистные для меня разсказы и дѣйствія, *молва о которыхъ оскорбляла мой слухъ* (слѣдовательно эти разсказы были распространены среди армянъ), теперь собственной рукой начертываю, придаю смыслъ ихъ безсмысленности, излагая здѣсь событія древнѣйшія, недоступныя даже для самихъ Парсовъ, только чтобы сдѣлать тебѣ угодное и, если можно, полезное“ [1]).

Давая затѣмъ эвгемеристическое толкованіе, согласно вкусамъ своего времени, парсійскому миѳу объ Аждахакѣ, Хоренскій въ другомъ мѣстѣ своей исторіи (I, гл. VIII), говоря о великанѣ Торк'ѣ, назначенномъ царемъ Вахаршакомъ правителемъ запада, представляетъ другое любопытное свидѣтельство о томъ, что главная личность персидскаго эпоса—Рустамъ—былъ извѣстенъ армянамъ: „Если желаешь,—говоритъ онъ обращаясь къ Сааку,—я разскажу тебѣ о немъ (т. е. Торк'ѣ) невѣроятныя и нелѣпыя сказки, какія Парсы

[1]) Исторія Арменіи—пер. Н. О. Эмина. М. 1858, стр. 73.

разсказываютъ о Ростомѣ Сагчикѣ, имѣвшемъ силу ста двадцати слоновъ"... [1])

Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ прослѣдить въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ отголоски иранскаго эпоса, считаемъ необходимымъ припомнить сначала нѣкоторые историческіе факты.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на отношенія закавказскихъ народностей въ древніе и средніе вѣка къ ихъ персидскимъ сосѣдямъ, чтобъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ широко и глубоко должно было проникать въ Закавказье вліяніе иранской культуры. Еще въ періодѣ Ахеменидовъ нѣкоторыя народности Закавказья входили въ составъ обширной Персидской монархіи. Изъ списка податей, приводимаго Геродотомъ и основаннаго на оффиціальныхъ документахъ, мы узнаемъ, что при Артаксерксѣ I цѣлый рядъ закавказскихъ племенъ вносили дань въ богатую казну Ахеменидовъ. Таковы Каспіи, давшіе свое имя Каспійскому морю, и Павсики, Пантиматы и Дарейты, составлявшіе 11-ю область персидскаго государства, Армяне, входившіе съ сосѣдними съ ними племенами (до Чернаго моря) въ составъ 13-й области, Матіены, Саспейры, Алародіи (18-я область), Мосхи, Тибарены, Макроны, Моссинэки и Мары (19-я область [2]). По словамъ того же историка, „жители Колхиды и ихъ сосѣди до Кавказскаго хребта согласились (sic) подносить подарокъ персидскому царю (владѣнія персовъ простираются только до этихъ поръ, вся же сѣверная часть Кавказа находится внѣ ихъ власти)." [3]) По приказу персидскаго монарха, закавказскія племена выставляли отряды въ персидское войско и принимали участіе въ отдѣльныхъ походахъ,

[1]) Тамъ же, стр. 84. По поводу этого мѣста ученый переводчикъ Хоренскаго Н. О. Эминъ замѣчаетъ вполнѣ справедливо: „Вѣроятно, въ V в персійскіе рапсоды воспѣвали такіе подвиги Рустема, которые въ XI в., во время Фердуси, были уже забыты; ибо нашъ авторъ увѣряетъ, что парсійскому герою приписывали силу ста двадцати слоновъ (стр. 286).

[2]) Herodot. III. 92—94.

[3]) Ibid. III 97.

сохраняя каждое свое національное вооруженье, но подчиняясь командѣ персидскихъ военачальниковъ [1]). Конечно, нельзя думать, чтобъ соприкосновеніе закавказцевъ съ персами во время походовъ могло глубоко распространять иранскую культуру въ горахъ Закавказья. Но несомнѣнно, *нѣкоторыя* черты этой культуры какъ въ области матеріальнаго, такъ и въ области духовнаго быта, могли уже въ эти отдаленныя времена проникнуть на Кавказъ и сохраниться тамъ тѣмъ прочнѣе, что съ паденіемъ древняго персидскаго царства вліяніе Ирана на нѣкоторыя области Закавказья не прекращается, но продолжается при владычествѣ Парѳянъ и особенно усиливается въ періодъ средневѣковой персидской монархіи Сасанидовъ (отъ 226 до 651 г. по Р. Х.). Исторія Арменіи и Грузіи представляетъ длинный рядъ фактовъ, указывающихъ на политическое вліяніе иранцевъ на эти области. Уже во II в. до Р. Х. парѳянскіе Аршакиды склонны смотрѣть на Арменію, какъ на вассальную страну, и Митридатъ I (6-й аршакидъ) возводитъ на ея престолъ своего брата Вах'аршака. Вся исторія этой несчастной страны сводится въ періодѣ парѳянскаго царства (отъ 250 г. до Р. Х.—226 по Р. Х.) къ происходившей въ ней ожесточенной борьбѣ между парѳянами и римлянами, причемъ въ различныхъ перипетіяхъ этой продолжительной войны на престолъ Арменіи восходили то парѳянскіе, то римскіе ставленники. Вмѣшиваясь свободно во внутреннія дѣла Арменіи, какъ ближайшей и сосѣдней страны, парѳянскіе цари простираютъ свое вліяніе и на болѣе отдаленныя области— Иберію, Албанію и привлекаютъ ихъ къ участію въ своихъ войнахъ съ римлянами и къ усиленію своего вліянія на Арменію. Еще рѣшительнѣе и свободнѣе распоряжаются въ Закавказьѣ могущественные цари династіи Сасанидовъ. Уже первый сасанидъ Ардеширъ I (226—240) подчинилъ себѣ Арменію, изгнавъ изъ нея слабые римскіе отряды, и съ тѣхъ

[1]) См. описаніе вооруженія закавказскихъ отрядовъ въ арміи Ксеркса у Геродота VII, 67, 78.

поръ армянскіе цари только время отъ времени выходятъ изъ подъ вліянія Сасанидовъ, если послѣднимъ измѣняетъ счастіе въ войнѣ съ Римомъ и затѣмъ Византіей. Наконецъ въ 5-мъ вѣкѣ (428 г.) Арменія утрачиваетъ и свою національную царскую династію и, какъ прочія области персидской монархіи, управляется персидскими *марзбанами*. Въ той части ея (Персарменіи), которая была во власти персовъ [1]) Сасаниды, эти ревностные пропагандисты національной религіи персовъ—ученія Заратуштры, стараются силой оружія и интригами распространить государственную религію и вытѣснить христіанство. Особенно упорнымъ пропагандистомъ магизма является Іездегердъ II (438—457), котораго царствованіе можетъ быть названо послѣднимъ кровавымъ періодомъ борьбы ученія Заратуштры съ ученіемъ Христа въ Закавказьи (Арменіи, Иберіи, Албаніи). На успѣшность своей попытки Іездегердъ могъ разсчитывать (хотя послѣдствія показали, что онъ заблуждался), особенно въ виду того, что задолго до христіанства среди народностей Закавказья былъ распространенъ культъ иранскихъ божествъ. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о дохристіанской религіи Арменіи и Грузіи, представляютъ намъ въ пантеонѣ этихъ странъ на ряду съ національными богами боговъ древнеиранскихъ.

Такъ, дохристіанскимъ армянамъ были извѣстны иранскія божества: Арамаздъ (въ Авестѣ Ahura Mazdâ°), богиня Анахита, Михръ (авест. Mithra) и друг. [2]), имѣвшія много храмовъ въ предѣлахъ Арменіи. Въ Грузіи процвѣталъ въ Мцхетѣ культъ Армаза, въ святилищѣ, сооруженномъ по преданію основателемъ первой грузинской династіи Фарнавазомъ (носящимъ кстати вполнѣ иранское имя) [3]). Этотъ

---

[1]) Другая половина Арменіи была подъ властью Византіи.

[2]) См. Н. Эмина—Очеркъ религіи языческихъ Армянъ. М. 1864.

[3]) Вахушта сообщаетъ, что статуя Армаза была громаднаго размѣра облаченная въ золото; глаза идола были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней и блестящая корона изъ такихъ же камней украшала его голову. У подножія статуи совершалось религіозное празднество, сопровождавшееся обильными жертво-

иранскій культъ, смѣшавшійся въ Грузіи съ мѣстнымъ идолослуженіемъ, былъ особенно поддерживаемъ правительствомъ съ тѣхъ поръ, какъ по прекращеніи (со смертью царя Асфагура въ 265 г. по Р. Х.) династіи Аршакидовъ въ мужской линіи, наслѣдницей престола осталась единственная дочь этого царя и высшее сословіе страны обратилось къ Шапору, персидскому царю, съ просьбой возвесть на престолъ Грузіи его сына Миріана, женивъ его на дочери Асфагура. Эта религіозная и династическая связь Грузіи съ Персіей продолжалась до эпохи водворенія въ Грузіи христіанства (въ 1-й четверти IV в.); но и послѣ религіознаго разрыва Сасаниды, пользуясь слабостью этого государства, не оставляютъ надежды искоренить новую религію, и послѣдней нерѣдко угрожала серіозная опасность, особенно въ царствованіе фанатика Іездегерда II, когда подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій и пропаганды маговъ низшія сословія грузинскаго народа стали сильно уклоняться отъ христіанства [1]. При сасанидѣ Кобадѣ (490—531) персы свободно хозяйничаютъ въ Грузіи и занимаютъ своими гарнизонами даже крѣпость въ Даріальскомъ ущельѣ, отрѣзая такимъ образомъ эту страну отъ сѣверо-кавказскихъ народовъ, которые нерѣдко являлись вспомогательными отрядами въ грузинскихъ и византійскихъ войскахъ. Преемникъ Кобада Хозро Аноширванъ (631 - 578) обращаетъ еще большее вниманіе на Закавказье—Албанію, Иберію—и на горные проходы. Онъ возстановляетъ крѣпость Дербендъ и учреждаетъ въ разныхъ областяхъ, прилегающихъ къ этому важному военному пункту, персидскія вассальства подъ управленіемъ наслѣдственныхъ шаховъ, которые для собственныхъ интересовъ должны были зорко охранять съ этой стороны персидскую границу. Опасность, угрожавшая христіанству въ Закавказьѣ, устранилась лишь чрезъ пятидесятилѣтіе по смерти Кобада, когда послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ

приношеніями—быковъ, барановъ, козъ и даже дѣтей и завершавшееся пиромъ. См. Вахушта и Баратовъ—Исторія Грузіи I, стр. 38, 45.

1) Баратовъ—Исторія Грузіи II, стр. 27.

императоромъ Иракліемъ персидскому царю Хозро Парвезу, Персія лишается своего политическаго вліянія на Кавказѣ. Императоръ разрушаетъ храмы поклоненія огню въ Ганзакѣ (нынѣ Елисаветполь) и другихъ мѣстахъ Закавказья, изгоняетъ изъ Грузіи въ 629 г. всѣхъ огнепоклонниковъ, отказавшихся принять христіанскую вѣру, и съ этого времени вѣковая борьба магизма съ христіанствомъ можетъ считаться оконченной, а черезъ нѣсколько лѣтъ, съ покореніемъ Персіи арабами (въ 642 г.), огнепоклонство лишается уже всякой внѣшней поддержки и падаетъ окончательно.

Однако вѣковое религіозное вліяніе Персіи на Кавказъ не могло не оставить даже послѣ своего прекращенія слѣдовъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Такіе слѣды особенно въ восточной части Закавказья, подвергшейся при Аноширванѣ персидской колонизаціи, дѣйствительно были указываемы въ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей и въ нѣкоторыхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, сохранившихся до нашихъ дней. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, нуждающійся въ спеціальной разработкѣ, отмѣтимъ, что не менѣе сильно, чѣмъ въ вѣрованіяхъ, отразилось персидское вліяніе на южнокавказскихъ языкахъ. Множество персидскихъ словъ проникло въ грузинскій языкъ, а армянскій словарь преисполненъ ими до такой степени, что даже нѣкоторые лингвисты, принимающіе въ разсчетъ лексическую сторону языка болѣе, чѣмъ фонетическую и морфологическую, склонны видѣть въ армянскомъ языкѣ языкъ иранской группы.

Переходя послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ вопросу о вліяніи Персіи на Закавказье въ области произведеній словесности, мы вступаемъ на почву еще совсѣмъ не разработанную и которую мы сами, конечно, не имѣемъ притязанія разработать. Мы желаемъ только указать на интересъ, который должны представить въ будущемъ систематическія изслѣдованія, предпринятыя въ этой области спеціалистами арменистами и иберистами для исторіи литературныхъ вліяній, подтвердить эту мысль нѣкоторыми

примѣрами распространенія завѣдомо иранскихъ (персидскихъ) сказаній на почвѣ Кавказа и приблизительно опредѣлить періодъ времени, въ теченіе котораго могло происходить это вліяніе Ирана на Закавказье.

Изъ иранскихъ эпическихъ героевъ, усвоенныхъ сказаніями кавказскихъ народностей, мы избираемъ двухъ наиболѣе популярныхъ, Рустема и Бежана. Имя перваго богатыря до сихъ поръ одно изъ употребительныхъ на Кавказѣ личныхъ именъ, а древній сказочный носитель его является общеизвѣстнымъ идеаломъ храбрости и силы. Такъ, при изображеніи совершенствъ какого нибудь сказочнаго царевича, разсказчикъ говоритъ, что онъ былъ прекрасенъ какъ Искандеръ Зюлькарнейнъ (Александръ Македонскій въ восточныхъ версіяхъ Александріи), уменъ, какъ Логманъ (извѣстный индійскій мудрецъ), *храбръ, какъ Рустеми Залъ* [1]). Между похожденіями Рустема наибольшимъ распространеніемъ въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ пользуется его встрѣча и битва съ роднымъ сыномъ, плѣнявшая народную фантазію своей глубоко трагической развязкой.

Разсмотримъ 3 версіи этого сказанія: *сванетскую*, *пшавскую* и *осетинскую*.

По *сванетской* версіи, сообщенной въ газ. Иверія (1887 № 214) [2]), Ростомъ былъ туранецъ (sic), жилъ въ царствѣ Кекевоза (перс. Кей-Каусъ) въ „Караи“ (?) и проводилъ жизнь въ борьбѣ съ *дэвами* и кабанами. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ—Гиви и Гургена и одного племянника Бежана, сына Гиви. Кекевозъ дорожилъ Ростомомъ, такъ какъ безъ него *дэви* погубили бы его царство. Когда дэви наводняли царство и похищали у жителей даже дѣтей изъ колыбели, тогда Ростомъ, по просьбѣ Кекевоза, истреблялъ ихъ и очищалъ царство. Когда Ростомъ состарился, Кекевозъ собралъ народъ и предложилъ позаботиться о томъ, чтобы

---

[1]) См. народн. сказки закавказскихъ Татаръ—Захарова въ Сборн. Мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI, Отд. II, стр. 124.

[2]) Русскій переводъ этихъ легендъ былъ обязательно сдѣланъ для насъ А. С. Хахановымъ.

Ростомъ оставилъ послѣ себя сыновей, которые продолжали бы дѣло отца и спасали отечество отъ дэвовъ. Ростомъ, какъ герой, не хотѣлъ имѣть связи съ женщиной. На собраніи была одна женщина, которая вызвалась завлечь богатыря. Царь обѣщалъ ей большую награду, если она исполнитъ свое слово. Женщина пригласила Ростома на ужинъ, а послѣ ужина уговариваетъ его остаться у нея ночевать. Долго отказывался Ростомъ, но наконецъ согласился. Хозяйка приготовила три постели и на одну изъ нихъ указала Ростому. Когда богатырь заснулъ, она прилегла къ нему. Проснувшись, Ростомъ сильно разсердился на то, какъ осмѣлилась женщина лечь рядомъ съ богатыремъ, которому повелѣно отъ Бога не знать женщинъ, такъ какъ онъ посвятилъ себя исключительно геройскимъ подвигамъ, и перешелъ на другую постель. Но женщина и тутъ не оставила его въ покоѣ; она перешла къ нему, и когда онъ перешелъ на третью постель, снова послѣдовала за нимъ. Когда наконецъ она высказала подозрѣніе, что онъ лишенъ мужской силы, Ростомъ, устыдившись, долженъ былъ исполнить ея желаніе. На другой день, покидая ее, онъ объявилъ, что, въ случаѣ рожденія сына, она должна назвать его Зурабомъ. Когда мальчикъ подростетъ и захочетъ пуститься на геройскіе подвиги, пусть она надѣнетъ ему на шею *шарни* (гривну) и привяжетъ его шлемъ къ сѣдлу: по этой примѣтѣ Ростомъ узнаетъ сына, если ему придется съ нимъ встрѣтиться. Дѣйствительно, у женщины родился сынъ, прекрасный, какъ звѣзда. Ночью онъ росъ на $^1/_4$ аршина, днемъ на 4 пальца. Когда онъ подросъ и выходилъ въ поле, то билъ всѣхъ сверстниковъ, не щадя и сыновей Кекевоза. Царевичи однажды упрекали его тѣмъ, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти. Тогда Зурабъ отправился отыскивать отца, и мать передъ его отъѣздомъ надѣла на него *шарни*. На дорогѣ въ Караю Зурабъ встрѣтился съ діаволомъ, принявшимъ видъ женщины. Эта женщина стала издѣваться надъ юношей, смѣясь надъ его женскимъ украшеніемъ и шлемомъ, привязаннымъ къ сѣдлу. Зурабъ, не

обративъ на это вниманія, ѣдетъ дальше. Діаволъ въ другомъ видѣ снова встрѣчается ему и повторяетъ свои насмѣшки. Наконецъ послѣ 3-й встрѣчи съ діаволомъ, богатырь, выйдя изъ себя, прячетъ шарни въ карманъ и шлемъ подъ сѣдло. Прибывъ въ Караю, гдѣ охотился Ростомъ, Зурабъ до вечера убилъ столько звѣрей, что сдѣлалъ себѣ изъ ихъ костей палатку, гдѣ и располижился на ночлегъ. Замѣтивъ въ полѣ палатку, Ростомъ подъѣхалъ къ ней и, не видя на пріѣзжемъ богатырѣ своихъ примѣтъ, вызываетъ его на поединокъ. Въ первой схваткѣ Ростомъ всадилъ Зураба въ землю до колѣнъ, а Зурабъ Ростома до спины. По обычаю богатырей поединокъ долженъ былъ возобновиться на второй и на третій день. Оставшись побѣжденнымъ вторично, Ростомъ замыслилъ хитростью убить пріѣзжаго богатыря. Онъ заказалъ кузнецу два копья и спряталъ ихъ въ своихъ ногавицахъ. Когда въ третьей сваткѣ Зурабъ повалилъ его, Ростомъ, лежа на землѣ, всадилъ оба копья ему въ животъ. Умирая Зурабъ проклинаетъ своего убійцу и грозитъ ему мщеніемъ Ростома, своего славнаго отца: „взойдешь ли ты, говоритъ онъ, на скалу, Ростомъ обратится туромъ и догонитъ тебя; пустишься ли въ море, онъ поплыветъ за тобою форелью; войдешь ли въ землю, онъ обратится въ крысу и не оставитъ мою смерть безъ отмщенья“. Пораженный горемъ, Ростомъ разспрашиваетъ сына, и тотъ объясняетъ, почему онъ скрылъ свои примѣты. Ростомъ старается излѣчить раны сына, но напрасно: Зурабъ уже похолодѣлъ. Тогда въ отчаяніи отецъ обращается съ молитвой къ властителю міра и даетъ обѣтъ 12 лѣтъ просидѣть въ ямѣ, не видя солнца, если воскреснетъ Зурабъ. Выкопавъ затѣмъ яму въ 12 саженъ глубины, онъ сходитъ въ нее съ трупомъ сына и сидитъ въ ней безъ пищи и питья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подзываетъ къ ямѣ дьякона царя Кекевоза и посылаетъ его просить у царя для Зураба воды, воскрешающей мертвыхъ. Коварный царь даетъ дьякону чашу воды, но приказываетъ ему, подходя съ нею къ Ростому, нарочно оступиться и пролить

воду; иначе, говоритъ онъ, „Ростомъ съ такимъ сыномъ-богатыремъ отниметъ у насъ царство“. Дьяконъ исполнилъ приказаніе царя, но Ростомъ, разгадавъ ихъ хитрость, посылаетъ изъ ямы угрозы дьякону и царю.

Десять лѣтъ уже сидитъ Ростомъ въ ямѣ. Борода у него отросла до ногъ. Онъ продѣлъ волосы бороды между пальцами Зураба, сдѣлалъ такимъ образомъ „чіанури“ (скрипку) и наигрываетъ на ней печальные мотивы, воспѣвая несчастное убійство сына. Между тѣмъ дэви и кабаны наводнили царство Кекевоза. Братья Ростома—Гиви и Гургенъ— не способны были защитить страну; племянникъ, Бежанъ, былъ совсѣмъ молодъ. Кекевозъ проситъ Гиви послать сына его Бежана противъ враговъ. Гиви исполняетъ просьбу царя и посылаетъ Бежана, давъ ему въ руководители его дядю Гургена... (Далѣе въ сванетскомъ сказаніи слѣдуетъ описаніе похожденій Бежана, которыя мы разсмотримъ позже). Послѣ того, какъ Бежанъ былъ заключенъ царемъ Афросуапомъ въ яму, Кекевозъ возлагаетъ всю надежду на одного Ростома и посылаетъ къ нему дьякона съ мольбой о помощи. Дьяконъ, наступивъ на камень, закрывавшій яму Ростома, кричитъ ему грознымъ голосомъ: „встань, старикашка, безъ тебя дэви и кабаны разорили насъ!“. Ростомъ, выведенный изъ себя этой дерзостью, бросаетъ трупъ Зураба, въ которомъ уже начинали показываться признаки жизни, выходитъ изъ ямы и приказываетъ дьякону достать бритву и осла, навьюченнаго пулями. Дьяконъ исполняетъ приказаніе. Тогда Ростомъ сбрилъ ему бороду и положилъ его подъ осла и сказалъ: „если несправедливо поступилъ со мною дьяконъ, то я разсѣку однимъ ударомъ осла, навьюченнаго пулями, и дьякона, чрезъ котораго я второй разъ убилъ сына“. Дѣйствительно, однимъ ударомъ онъ разсѣкъ осла и дьякона и всадилъ мечъ въ землю на 12 саженъ. Затѣмъ онъ идетъ къ царю. Кекевозъ съ двумя сыновьями выходитъ ему на встрѣчу, но Ростомъ, помня его коварство, раздавилъ царевичамъ головы, чтобы и Кекевозъ почувствовалъ, какъ тяжело потерять сына.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по поводу приведеннаго сванетскаго сказанія.

Сравнивая его съ извѣстнымъ эпизодомъ о Рустемѣ и Зорабѣ, поэтически обработаннымъ поэтомъ Фердуси, мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ какъ бы остовъ этого иранскаго преданія, но остовъ не той редакціи, которую находимъ у тусскаго поэта, а какой-то, повидимому, болѣе простой и вѣроятно болѣе ранней. Впрочемъ, слѣды болѣе грубыхъ изводовъ проглядываютъ и у Фердуси, который, какъ поэтъ и эстетикъ, старался внести въ свой пересказъ болѣе изящества и благородства.

Сванетская женщина, грубо преслѣдующая Ростома, польстившись на царскую награду, такъ же мало напоминаетъ изящную Техминэ Фердуси, какъ наша баба Горынична въ ея связи съ Ильей Муромцемъ. Однако Фердуси не настолько уклонился отъ древняго преданія, чтобъ совсѣмъ замаскировать ту черту, что инціатива той любовной связи, отъ которой произошелъ Зорабъ, принадлежала не Рустему, а Техминэ. Послѣдняя ночью проникаетъ въ спальню Рустема, признается ему въ страстной любви и желаніи имѣть отъ него сына. Не трудно видѣть, какія были ближайшія послѣдствія этого ночного визита. Но Фердуси, желая соблюсти законныя формы, говоритъ, что Рустемъ, выслушавъ любовное признанье, согласился стать мужемъ царевны, послалъ *мобеда* (жреца) испросить согласіе ея отца на бракъ, и царь, обрадованный этимъ, устраиваетъ свадьбу, согласно съ обычаями страны [1]).

Далѣе въ сванетской версіи отсутствуетъ цѣлый рядъ деталей извѣстныхъ изъ Фердуси. Она ничего не знаетъ о выборѣ Зорабомъ коня предъ отправленіемъ въ Иранъ, о присылкѣ властителемъ Турана Афрасіабомъ войска Зорабу и обоихъ полководцевъ Бармана и Гумана, которымъ поручено всячески препятствовать Зорабу узнать своего отца Рустема, о взятіи Зорабомъ *бѣлаго* замка, о его битвѣ съ

1) Mohl—Le livre des Rois, t. II, p. 62.

амазонкой Гурдаферидой, о вызовѣ царемъ Кей-Каусомъ Рустема при извѣстіи о побѣдахъ Зураба надъ иранцами и о похожденіяхъ Рустема, предшествующихъ его встрѣчѣ съ сыномъ [1]). Послѣ второго неудачнаго для него боя, Рустемъ у Фердуси не прибѣгаетъ къ такому коварству, какъ сванетскій Ростомъ. Онъ только проситъ божество возвратить ему въ полномъ объемѣ его прежнюю силу, отъ части которой онъ нѣкогда самъ отказался, такъ какъ погрязалъ отъ тяжести въ землю. Получивъ свою силу обратно, Рустемъ повалилъ Зураба и распоролъ ему „груди бѣлыя". Въ окончаніи разсказы персидскій и сванетскій также значительно расходятся. Оба сохранили ту подробность, что Рустемъ обращается къ царю Кей-Каусу за „живой" водой; но, по версіи Фердуси, царь просто отказываетъ посланному Рустемомъ Гудерзу въ воскрешающемъ средствѣ; сванетская же версія вводитъ какого то коварнаго *діакона*, проливающаго „живую" воду по приказу Кекевоза. Далѣе Фердуси описываетъ подробно обрядъ оплакиванья Рустемомъ убитаго сына, прекращеніе войны съ Тураномъ, путешествіе Рустема съ войскомъ, сопровождавшимъ похоронныя носилки, въ Забулистанъ, плачъ старика Заля надъ трупомъ внука, построеніе Рустемомъ склепа, но ничего не говоритъ о долголѣтнемъ пребываніи въ немъ Рустема и объ убіеніи послѣднимъ двухъ сыновей Кей-Кауса. Всѣ эти черты несходства между разсмотрѣнными версіями древне-иранскаго сказанія указываютъ на то, что въ основѣ сванетскаго пересказа долженъ лежать не тотъ изводъ, который поэтически обработалъ Фердуси.

Переходимъ къ *пшавскому* сказанію о Ростомѣ, сообщенному въ газ. „Иверія" (1889 № 82).

Однажды богатырь Ростомъ увидѣлъ высокую скалу, съ вершины которой капала кровь. Онъ приставилъ къ скалѣ чинаръ, взобрался на вершину и нашелъ тамъ исполинскаго чернаго араба. Великанъ сидѣлъ, всадивъ въ землю меж-

[1]) Ibid. стр. 66—117.

ду колѣнами кинжалъ, и когда начиналъ дремать, ударялся лбомъ объ остріе кинжала и тотчасъ просыпался. Ростомъ спросилъ его: „братецъ, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь?“ Арабъ открылъ глаза и говоритъ: „счастье твое, что ты назвалъ меня братомъ, а то ты пострадалъ бы“. Затѣмъ онъ объяснилъ Ростому, что онъ подстерегаетъ краснаго араба, который поднимется съ чудной красавицей съ востока изъ Краснаго моря и пройдетъ мимо скалы. Черный арабъ будетъ биться съ краснымъ изъ-за красавицы и потому подстерегаетъ его, боясь заснуть. Ростомъ предложилъ черному арабу уснуть, обѣщаясь караулить и во-время разбудить его. „Ты меня не разбудишь,— сказалъ ему черный арабъ, — если не ударишь меня кинжаломъ въ босую ногу“. Такъ и сдѣлалъ Ростомъ, когда вскорѣ затѣмъ красный арабъ разлилъ свѣтъ на востокѣ. Ростомъ пожелалъ помочь черному арабу въ борьбѣ съ краснымъ. Черный приказалъ ему вырыть яму и сидѣть въ ней во время борьбы, укрывшись такимъ образомъ отъ ужаснаго вѣтра, который поднимется отъ ногъ борцевъ. Если красный арабъ начнетъ осиливать, пусть Ростомъ выйдетъ изъ ямы и крикнетъ; тогда красный потеряетъ бодрость. Ростомъ исполнилъ все это, и черный арабъ отбилъ у краснаго красавицу, а Ростомъ оставался у побѣдителя въ качествѣ слуги. Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкравшись къ нему во время сна, онъ пытается отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не можетъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ своимъ кинжаломъ отрубилъ арабу обѣ ноги. Великанъ приподнялся и бросилъ свои отрубленныя ноги такъ сильно, что деревья съ корнями взлетѣли вверхъ. Затѣмъ Ростомъ напалъ на искалѣченнаго араба, убилъ его и хотѣлъ взять съ собою красавицу. Но она убѣжала отъ него и крикнула: „не можетъ быть моимъ мужемъ тотъ, кто измѣной и коварствомъ убилъ араба, а не лицомъ къ лицу, какъ подобаетъ герою“. Ростомъ не могъ пустить стрѣлу въ убѣгающую красавицу, такъ какъ герой не можетъ поднять руку на женщину; но

онъ взобрался на гору, крикнулъ такимъ громкимъ голосомъ, что красавица упала, и онъ овладѣлъ ею. Покидая красавицу, Ростомъ даетъ ей особый знакъ и велитъ ей пришить его къ одеждѣ будущаго сына, когда онъ выростетъ и задумаетъ искать отца. Самъ Ростомъ возненавидѣлъ съ этихъ поръ всѣхъ женщинъ и черный цвѣтъ.

Зурабъ—такъ назвала красавица сына - былъ такъ силенъ, что еще 6-и мѣсяцевъ отъ роду, сжимая альчики въ рукѣ, обращалъ ихъ въ порошекъ. Однажды одинъ обиженный имъ мальчикъ сказалъ ему: „если ты ужъ такъ силенъ, то отыщи своего пропавшаго отца". По настоянію Зураба, мать разсказала ему объ отцѣ, и онъ отправился его разыскивать. Чтобъ испытать сына, какъ онъ встрѣтитъ врага, мать одѣлась въ мужское платье, вооружилась и въ видѣ всадника подскакала на пути къ Зурабу, требуя, чтобъ онъ отдалъ ей оружіе. Зурабъ ударилъ копьемъ въ лошадь всадника, шапка съ него упала, и разсыпались женскіе волоса, по которымъ Зурабъ узналъ свою мать. Послѣдняя, довольная мужествомъ сына, благословила его въ дальнѣйшій путь и вернулась домой.

Зурабъ прибылъ въ какой-то городъ. Здѣсь одинъ старикъ по „знаку" призналъ въ немъ сына Ростома и, опасаясь, что отецъ съ сыномъ будутъ причинять городу еще больше несчастій, сталъ издѣваться надъ *знакомъ* Зураба, говоря, что съ нимъ онъ похожъ на женщину. Зурабъ спряталъ знакъ за пазуху. Старикъ разсказалъ въ городѣ о пріѣздѣ Зураба, и, по его совѣту, горожане отправляются просить Ростома сразиться съ пріѣзжимъ богатыремъ. Ростомъ идетъ къ дому, гдѣ остановился Зурабъ, и смотритъ на богатыря чрезъ окно въ крышѣ. Зурабъ подзываетъ его къ двери, но Ростомъ не входитъ и отвѣчаетъ, что завтра они будутъ биться. Въ первой схваткѣ осилилъ Зурабъ. Ростомъ прекратилъ бой. Ночью онъ отточилъ ножъ и утромъ вызвалъ Зураба на вторичный поединокъ. Но Зурабъ снова повалилъ стараго богатыря. Тогда, лежа на землѣ, Ростомъ вонзаетъ неожиданно ножъ въ Зураба. Юноша, смертельно раненый,

угрожаетъ противнику местью своего отца. Пораженный его словами, Ростомъ требуетъ „знака" и Зурабъ, умирая, указываетъ себѣ за пазуху. Въ надеждѣ воскресить сына, Ростомъ посылаетъ къ кузнецу Кевху Маканадзе за „живой" водой. Маканадзе былъ врагъ Ростома и не желалъ воскрешенія его сына, но все-же послалъ воды съ дьякономъ, которому велѣлъ, приблизившись къ Ростому, споткнуться и пролить воду. Въ отомщеніе за это Ростомъ прибѣжалъ къ Кевзу Маканадзе и убилъ двухъ его сыновей, а самъ бросился въ море, но не могъ утонуть и все плавалъ на поверхности. Городъ обѣщалъ крупную награду тому, кто выманитъ Ростома на берегъ. Одинъ старикъ берется за это предпріятіе съ условіемъ, чтобъ его кормили на общественный счетъ, пока онъ живъ, и похоронили, когда умретъ. Онъ идетъ на море и начинаетъ полоскать въ водѣ черную шерсть. Ростомъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ старику: „безумецъ, развѣ можетъ воронъ побѣлѣть, хоть бы безъ конца мыть его пескомъ!" Старикъ отвѣтилъ: „а кто когда-либо воскресилъ слезами умершаго?" Ростомъ вышелъ на берегъ и остался на землѣ, проклиная свою несчастную судьбу.

Все начало приведенной сказки едва ли принадлежитъ къ иранскимъ сказаніямъ о Рустемѣ и противорѣчитъ характеру героя. Лицо, служащее у чернаго араба, затѣмъ убивающее его коварнымъ образомъ и отвергаемое красавицей, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ эпическимъ Ростомомъ. Въ пшавскомъ сказаніи скомкано и спутано содержаніе двухъ разныхъ сказокъ, и потому первая часть, до рожденія Зураба, можетъ быть нами оставлена въ сторонѣ. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя черты — черный богатырь (арабъ), красный богатырь и красавица морского происхожденія—встрѣчаются въ грузинскомъ разсказѣ о похожденіяхъ героя Бадри Яманисдзе, входящемъ какъ эпизодъ (porte 2 me) въ составъ романа о похожденіяхъ богатырей Дареджановъ (Daredjaniani), во главѣ которыхъ стоитъ популярный въ грузинскихъ сказаніяхъ герой Амиранъ [1]).

[1]) У автора „Барсовой Шкуры" Шота Руставели читается четырехстишіе

Остальная часть пшавскаго сказанія довольно близка къ сванетскому. Отмѣтимъ только черты несходныя. Такъ, въ пшавскомъ, встрѣчѣ Зураба съ Рустемомъ предшествуетъ нападеніе на Зураба переодѣтой въ мужскую одежду женщины. Сказаніе видитъ въ ней мать Зураба, желавшую испытать его мужество. Но очевидно этотъ мотивъ представляетъ отголосокъ поединка иранскаго Зураба съ амазонкой Гурдаферидъ, о полѣ которой онъ узнаетъ, также какъ въ сванетской сказкѣ, по волосамъ, разсыпавшимся изъ-подъ сорваннаго съ нея шлема [2]).

Въ другой подробности — въ высматриваніи Рустемомъ пріѣзжаго богатыря чрезъ отверстіе въ крышѣ — можно видѣть отголосокъ ночного тайнаго посѣщенія иранскимъ Рустемомъ замка, въ которомъ жилъ Зурабъ, причемъ Рустемъ убиваетъ ударомъ кулака Зендэ Резма, замѣтившаго его случайно [3]).

Яма, въ которой, по сванетской версіи, нѣсколько лѣтъ сидитъ Ростомъ у трупа сына, замѣнена въ *пшавской* моремъ, попавшимъ сюда изъ другого сказанія [4]), повидимому принадлежавшаго къ циклу похожденій Дареджановъ, отдѣльныя черты которыхъ и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ переплетаются съ похожденіями Ростома. Такъ, въ осетинскихъ сказкахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, Ростомъ принадлежитъ, какъ и Беза (Бежанъ), къ богатырскому роду Даредзановъ.

Уѣзжая изъ дому,—сообщаетъ *осетинская* сказка, записан-

(№ 1637 по изд. 1841 г.), гдѣ говорится, что „Моисей Хонскій въ Имеретіи прославилъ Амирана Дареджанисдзе. См. Brosset—Melanges Asiatiques, t. VIII pp. 423 и 428 Содержаніе рукописнаго романа Daredjaniani см. въ Bulletin Scientifique de l' Acad. Impér. t. III, 1838, стр. 7 и слѣд.

2) Mohl—II, p. 75.

3) Mohl—II. 101.

4) Такъ въ осетинской сказкѣ о Дарезанахъ Амиранъ, сынъ Ростома, живетъ сначала въ морѣ и затѣмъ посредствомъ хитрости, къ которой прибѣгаютъ его братья Бадри и Руси, выходитъ на берегъ. См. Осет. Этюды I, стр. 145; ср. также I стр. 17.

ная г. Кайтмазовымъ [1]),—Ростомъ оставилъ жену свою беременною и велѣлъ ей прислать къ нему сына, какъ только тотъ выростетъ. Такъ какъ Зурапъ-ханъ, какъ вообще всѣ Даредзаны, выросъ быстро, то мать захотѣла испытать его, какъ наказывалъ ей мужъ. Зурапъ-ханъ, схвативъ буйвола за заднія ноги, перебросилъ его чрезъ семь этажей. Тогда мать снарядила его въ путь; между прочимъ, она велѣла ему привязать за сѣдломъ пукъ прутиковъ и не отвязывать ихъ ни въ какомъ случаѣ, хотя черти всячески будутъ нарочно надъ нимъ смѣяться. Зурапъ-ханъ отправился въ путь. На дорогѣ встрѣчаются ему нѣсколько человѣкъ, которые стали расхваливать его, говоря, что никогда еще не было въ ихъ сторонѣ такого ѣздока, только его безобразитъ этотъ пукъ, привязанный за сѣдломъ; они совѣтовали ему отвязать и бросить его. Зурапъ-ханъ не послушался. Забѣжавъ впередъ, черти опять ему встрѣтились и повторили то-же самое. И на этотъ разъ Зурапъ-ханъ былъ благоразуменъ; но когда это повторилось въ третій разъ, Зурапъ-ханъ, не подозрѣвая обмана, не выдержалъ—бросилъ пукъ и поѣхалъ дальше. Онъ подъѣзжалъ уже къ городу Абрасетъ, когда завидѣлъ его Ростомъ, который, смотря на него, не мало удивлялся: „всадникъ будто изъ Даредзанъ, а за сѣдломъ его нѣтъ отличительныхъ прутьевъ.“ Онъ крикнулъ на него. Зурапъ-ханъ будто и не слыхалъ. Ростомъ крикнулъ во второй разъ,—то-же самое, въ третій разъ—все одно: Зурапъ-ханъ даже вниманія не хочетъ обратить на него; такъ-же спокойно слѣзъ онъ съ лошади и пустилъ ее въ садъ. Ростомъ, не встрѣчавшій еще такого пренебреженія къ себѣ, бросился на незнакомца, и они стали бороться. Въ то время, какъ Зурапъ-ханъ повалилъ Ростома, послѣдній вынулъ изъ-за ногавицы ножъ и всадилъ его Зурапъ хану въ животъ.— „Горе твоему очагу“,—сказалъ Зурапъ-ханъ, умирая: „у меня есть отецъ, Ростомъ, который поймаетъ тебя за ногу, если

---

1) См. Сборн. Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII, 1889, отд. II, стр. 18.

ты вздумаешь отъ него спасаться на небо, и за чубъ, — если въ землю: нигдѣ тебѣ отъ него не укрыться!“

Ростомъ, узнавъ сына, сталъ рыдать и рвать на себѣ волосы. Но ничего нельзя было уже сдѣлать. Тогда онъ вошелъ съ трупомъ сына въ подземелье (бынелетъ) и тамъ круглый годъ пробылъ съ нимъ, отростивъ до колѣнъ бороду. Ни на минуту не выпускалъ онъ его изъ объятій, обливая его горькими слезами. Наконецъ, боги сжалились надъ нимъ: въ день, когда настала годовщина несчастнаго событія, Зурапъ-ханъ сталъ шевелиться...

Далѣе, какъ и въ сванетской сказкѣ о Ростомѣ, разсказывается похожденіе Безана, которое мы разсмотримъ ниже.

Осетинская сказка ближе къ сванетской, чѣмъ къ пшавской. Такъ же, какъ въ первой, насмѣшки чертей, принявшихъ человѣческій видъ и три раза встрѣчавшихся Зурабу на пути, заставляютъ сына спрятать знаки, по которымъ его могъ бы узнать отецъ. И такъ же, какъ въ сванетской сказкѣ, въ осетинской Ростомъ съ трупомъ Зураба опускается въ яму. Послѣдняя черта, не извѣстная изъ сказанія о Рустемѣ у Фердуси, представляетъ, повидимому, подробность, вошедшую въ иранское сказаніе уже на Кавказѣ, хотя мы и не можемъ уяснить ея источника. Основная мысль въ ней та, что по прошествіи извѣстнаго времени мертвецъ могъ бы быть воскрешенъ: онъ начинаетъ уже проявлять признаки жизни, но внезапный перерывъ сидѣнія около оживлявшагося трупа, снова приводитъ его въ прежнее состояніе.

Нѣсколько сходный мотивъ встрѣчается въ осетинскомъ сказаніи о Нартѣ Урызмегѣ. Чудесный мальчикъ-богатырь сопровождаетъ этого богатыря на войну и помогаетъ ему въ осадѣ замка Чилахсартонова. Чилахсартонъ ранитъ мальчика стрѣлою. „Въ то время, — продолжаетъ сказка, — было такъ: если кого перенесутъ за три долины, то уже тому смерти не было. Урызмегъ положилъ мальчика на спину и перенесъ его за двѣ долины. Сырдонъ былъ злодѣемъ для Нартовъ. Онъ сказалъ Урызмегу: „Ага, Урызмегъ! твою дружину разбили, а ты колдуньина сына на спину положилъ и несешь.“ Урызмегъ бро-

силъ мальчика, когда услыхалъ эти рѣчи. Поэтому мальчикъ умеръ" [1]). Если мы замѣтимъ, что въ другихъ осетинскихъ сказаніяхъ чудесный мальчикъ богатырь оказывается безыменнымъ сыномъ Урызмега [2]), помогающимъ отцу въ его подвигахъ и, по одному сказанію, нечаянно убитымъ своимъ же отцемъ [3]), то сходство вышеприведеннаго мотива съ сидѣніемъ Ростома въ ямѣ и прерваннымъ воскрешеніемъ Зураба станетъ еще ярче.

Переходя къ разсмотрѣнію сказаній о Бежанѣ, которыя на Кавказѣ тѣсно переплелись съ сказаніями о боѣ Рустема съ сыномъ, считаемъ не лишнимъ напомнить въ главныхъ чертахъ ту персидскую редакцію, которую поэтически обработалъ Фердуси.

Разсказъ о похожденіяхъ Бижена открываетъ тусскій поэтъ описаніемъ роскошнаго пира царя Кей-Хосру съ его богатырями (пехлеванами), среди которыхъ засѣдаютъ Гивъ, Гургинъ и Биженъ, сынъ Гива. Въ залу пиршества вводятъ посольство отъ Ираманцевъ, живущихъ на границѣ между Ираномъ и Тураномъ. Посланники просятъ защитить ихъ область отъ исполинскихъ кабановъ, которые ее опустошаютъ. Царь, обѣщая богатую награду, вызываетъ охотниковъ изъ среды своихъ пехлевановъ. Всѣ молчатъ, и только Биженъ выражаетъ готовность ѣхать биться съ кабанами. Въ спутники и совѣтники слишкомъ юному богатырю даетъ царь Гургина. Запасшись для охоты гепардами и соколами, оба отправляются въ путь и достигаютъ лѣса, въ которомъ бродятъ страшные кабаны. Биженъ разсчитываетъ, что и Гургинъ приметъ участіе въ бою, но тотъ благоразумно уклоняется. Биженъ бьется одинъ, убиваетъ множество кабановъ и привозитъ ихъ головы къ окраинѣ лѣса, гдѣ его ждалъ Гургинъ. Тотъ поздравляетъ его, но въ душѣ завидуетъ и задумываетъ его погубить. Онъ разсказываетъ ему,

---

1) См. Осет. Этюды I, стр. 45.

2) См. Осет. Тексты Шифнера, стр. 71—86 и Сборн. свѣд. о Кавказскихъ Горцахъ, Вып. V, отд. II.

3) Осет. Тексты Шифнера, стр. 72.

что недалеко отъ нихъ, на границѣ Турана, есть прелестная поляна, гдѣ веселится съ своимъ штатомъ дивная какъ пери дочь туранскаго царя Афросіаба Менижэ. Биженъ хочетъ полюбоваться на красавицъ, ѣдетъ къ указанному мѣсту и, скрытый за кипарисомъ, любуется играми тюркскихъ женщинъ. Менижэ замѣтила пехлевана, плѣнилась имъ и послала къ нему свою кормилицу узнать, кто онъ. Онъ называетъ свое имя и тайно приходитъ въ шатеръ Менижэ, которая бросается ему на шею. Угостивъ его обильнымъ ужиномъ и напоивъ его, царевна увозитъ его спящаго въ свой дворецъ, и проснувшись Биженъ очутился ея любовникомъ. Нѣкоторое время царевнѣ удается скрыть его присутствіе, но наконецъ все было донесено Афросіабу, который приходитъ въ ярость отъ такого оскорбленія. Посланный схватитъ Бижена Герсивезъ, обѣщавъ ему сохраненіе жизни, выманиваетъ у него оружіе. Бижена связываютъ и приводятъ къ Афросіабу. Тотъ велитъ его повѣсить, но, склонившись на убѣжденія Пирана, рѣшаетъ посадить его скованнаго по рукамъ и ногамъ въ глубокую яму на пожизненное заключеніе. Свою дочь онъ прогоняетъ и она должна жить около ямы, гдѣ сидитъ ея любовникъ, и питаться подаяніемъ. Менижэ ежедневно собираетъ милостыню и кормитъ Бижена, бросая ему хлѣбъ въ яму. Между тѣмъ коварный Гургинъ возвращается въ Иранъ и говоритъ, что Биженъ погнался за онагромъ съ арканомъ, исчезъ и не возвратился. Отецъ Бижена Гивъ, подозрѣвая со стороны Гургина коварство, жалуется царю. Тотъ велитъ наложить на Гургина оковы и обѣщается узнать о мѣстопребываніи Бижена, посмотрѣвъ въ чудесную чашу семи *кешверовъ* (частей земли). Дѣйствительно, чаша открываетъ ему, что Биженъ сидитъ въ ямѣ у царя Афросіаба и что царская дочь его кормитъ. Затѣмъ царь посылаетъ Гива за Рустемомъ, который одинъ въ состояніи освободить Бижена, *своего внука* [1]). Рустемъ, по обыкновенію, не торопится: нѣсколь-

¹) Гивъ былъ женатъ на дочери Рустема и отъ нея имѣлъ сына Бижена.

ко дней пируетъ съ гостемъ и затѣмъ отправляется ко двору. Звѣсь онъ прежде всего испрашиваетъ у царя пощады Гургину, затѣмъ снаряжаетъ свою экспедицію. Онъ велитъ навьючить всякими драгоцѣнными товарами сотни верблюдовъ и съ огромной свитой, подъ видомъ купца, отправляется въ Туранъ. Въ городѣ Афросіаба онъ нанимаетъ домъ и начинаетъ торговать. Менижэ, узнавъ о прибытіи купцовъ изъ Ирана, отправляется къ Рустему, разсказываетъ ему объ участи Бижена и проситъ помощи. Рустемъ, чтобы не выдать себя, говоритъ, что не знаетъ Бижена, но даетъ ей изъ состраданія къ узнику дичь, въ которую вкладываетъ свой перстень. По этому перстню Биженъ узнаетъ о прибытіи Рустема и посылаетъ къ нему Менижэ. Тогда Рустемъ открываетъ цѣль своего пріѣзда и велитъ Менижэ ночью зажечь костеръ передъ входомъ въ яму Бижена, обѣщаясь прійти его выручить. Менижэ исполняетъ приказаніе. Ночью Рустемъ съ своей дружиной подходитъ къ ямѣ, отваливаетъ покрывавшій ее камень, который всѣ его спутники напрасно усиливались отвалить, и прежде, чѣмъ вытащить Бижена, беретъ съ него клятву, что онъ не будетъ мстить Гургину. Получивъ отъ Бижена обѣщаніе, Рустемъ бросаетъ ему арканъ и вытаскиваетъ его наружу. Затѣмъ освобожденный вмѣстѣ съ Менижэ скачетъ въ Иранъ, а Рустемъ совершаетъ еще ночное нападеніе на дворецъ Афросіаба и, разбивъ его дружину, преслѣдуетъ ее на разстояніи нѣсколькихъ фарсанговъ. Наконецъ всѣ благополучно возвращаются въ Иранъ [1]).

Вотъ краткое содержаніе романа Бижена и Менижэ, изложеннаго Фердуси въ пространной поэмѣ, обильно украшенной цвѣтами восточнаго краснорѣчія. Въ нѣкоторыхъ кавказскихъ народныхъ версіяхъ это романическое иранское преданіе сохранило почти только остовъ, а личность Менижэ, этой любящей женщины, прокармливающей милостыней своего возлюбленнаго, сохранилась даже не во всѣхъ изводахъ.

---

[1]) См. Mohl—o. c. III, стр. 231—327.

Похожденіе Бежана, какъ мы сказали, приводится въ тѣсную связь съ окончаніемъ сказанія объ убіеніи Ростомомъ его сына. Въ то время, когда Ростомъ сидитъ въ ямѣ, говорится въ *сванетскомъ* разсказѣ, царь Кекевозъ (а не Кей-Хосру, какъ у Фердуси) посылаетъ Бежана вмѣстѣ съ Гургеномъ прогнать кабановъ, опустошавшихъ его царство. Бежанъ убилъ столько кабановъ, что ихъ клыками наполнилъ 100 арбъ; Гургенъ же, испугавшись, влѣзъ на дерево и оттуда смотрѣлъ на побоище, по окончаніи котораго помогъ Бежану выдергивать клыки. Затѣмъ онъ предлагаетъ Бежану идти къ иранскому (sic) царю Афросуапу и просить у него дочь красавицу Маруджану. Онъ дѣлаетъ это изъ хитрости: туранцы и иранцы — кровные враги; Бежана убьютъ иранцы, а Гургенъ присвоитъ себѣ убитыхъ кабановъ. Когда Бежанъ отправился овладѣть красавицей, Гургенъ привезъ клыки къ царю Кекевозу и разсказалъ, что самъ перебилъ кабановъ, а Бежанъ, испугавшись ихъ, обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ кабаномъ и убитъ. За такой подвигъ Гургенъ получилъ почетное званіе у царя. Между тѣмъ Бежанъ прибылъ къ башнѣ, въ которой Афросуапъ держитъ свою дочь. Послѣдняя увидѣла Бежана, влюбилась въ него и поручила своей служанкѣ ввести его тайкомъ въ башню, гдѣ онъ и остается при ней нѣкоторое время. Узнавъ объ этомъ, Афросуапъ окружаетъ башню войскомъ. Бежанъ перебилъ половину его, а другую обратилъ въ бѣгство. Визири совѣтуютъ царю прекратить осаду, позволить Бежану жениться на Маруджанѣ, а затѣмъ овладѣть имъ хитростью. Царь послушался совѣтниковъ. Сыграли свадьбу. Когда Бежанъ спалъ ночью, на него наложили оковы, но онъ разорвалъ ихъ какъ нитку. Удивились царь и визири и рѣшили отъ него же самого узнать, чѣмъ его можно связать. Уговорили служанку вывѣдать объ этомъ у Бежана, и послѣдній проговорился, что его можно связать только тетивою его собственнаго лука. Такъ ночью и связали его. Царь радуется и глумится надъ Бежаномъ. Бежанъ говоритъ, что еслибъ ему дали *лахти* (булава изъ

металла), онъ перебилъ бы всѣхъ иранцевъ. Афросуапъ хочетъ его убить, но его визирь Шевлохъ, туранецъ по происхожденію, знавшій Ростома, отговариваетъ царя и совѣтуетъ ему бросить Бежана въ яму и чтобы Маруджана сама доставляла ему пищу, добывая ее какъ знаетъ. Афросуапъ велѣлъ вырыть въ городѣ своемъ *Нарти* (который будто бы существуетъ и донынѣ) яму. Туда посадили Бежана, закрывъ яму громаднымъ камнемъ. Родъ Ростома имѣлъ „минутные часы" (sic), посмотрѣвъ на которые, можно было видѣть весь міръ. По выходѣ изъ ямы, въ которой онъ оплакивалъ Зураба, Ростомъ, взглянувъ на часы, увидѣлъ Бежана въ ямѣ. Тогда онъ взялъ съ собой 12 молодыхъ богатырей, посадилъ ихъ въ мѣшки, которыми нагрузилъ ословъ, и съ такимъ караваномъ отправился въ городъ Афросуапа. Жена Бежана узнаетъ о его прибытіи и сообщаетъ мужу, что пріѣхалъ человѣкъ очень похожій лицомъ на него. Бежанъ посылаетъ ее къ пріѣзжему съ разспросами. Ростомъ въ свою очередь посылаетъ узнику кольцо съ мизинца, письмо и курицу. Изъ письма Бежанъ узнаетъ, что дядя Ростомъ придетъ ночью освободить его съ 12 богатырями. Маруджана разводитъ огонь около ямы. Никто изъ товарищей Ростома не можетъ отвалить камня, но онъ бросаетъ его такъ сильно въ башню, что ея вершина обрушивается, а камень летитъ дальше, ударяется въ скалу и затѣмъ падаетъ въ средину города Нарти, разрушивъ его до основанія. Освобожденный Бежанъ и 12 богатырей ѣдутъ домой. Афросуапъ съ войскомъ догоняетъ ихъ, но Ростомъ, отправивъ впередъ Бежана съ дружиной, одинъ остается, чтобы встрѣтить непріятеля. Вырвавъ съ корнемъ громадный кедръ и очистивъ его отъ вѣтвей, Ростомъ бросилъ имъ въ Афросуапа и пригвоздилъ его съ конемъ къ землѣ. Затѣмъ онъ догоняетъ товарищей. Бежанъ хотѣлъ убить Гургена, но Ростомъ исходатайствовалъ у племянника прощеніе дядѣ [1]).

При всей близости сванетскаго разсказа къ персидскому

---

1) См. Иверія, 1887, № 214. Легенда „Ростомъ-герой".

у Фердуси, цѣлый рядъ деталей указываетъ на то, что въ основѣ сванетскаго лежитъ не тотъ изводъ, который былъ обработанъ персидскимъ поэтомъ. Прежде всего мы отмѣчаемъ странное явленіе, что Иранъ и Туранъ помѣнялись ролями. Ростомъ, этотъ главный паладинъ Ирана, въ кавказскихъ разсказахъ сталъ туранцемъ, а жесточайшій врагъ Ирана Афросіабъ сталъ царемъ Ирана. Такая перестановка объясняется, конечно, историческими отношеніями Закавказья къ Ирану т. е. Персіи. Персіяне, эти враги христіанства, нерѣдко опустошавшіе Закавказье своими походами, были настолько ненавистны грузинамъ, что даже заимствуя національные сказанія о борьбѣ Ирана съ Тураномъ, закавказскія племена не могли допустить, чтобъ герои Ростомъ, Бежанъ и другіе были иранцами, и не измѣняя содержанія иранскихъ сказаній, чисто внѣшнимъ образомъ переименовали иранцевъ въ туранцевъ. Любопытный примѣръ тому, какъ легко и просто и съ какими поверхностными измѣненіями усвоиваются національныя сказанія одного племени другимъ!

Далѣе, связавъ между собою хронологически два сказанія – бой Рустема съ сыномъ и освобожденіе Бежана изъ плѣна—сванетская сказка называетъ царемъ Турана (sic), пославшимъ Бежана биться съ кабанами, того же Кекевоза, хотя по персидскимъ преданіямъ похожденія Бижена пріурочиваются къ царствованію Кей-Хосру.

Отмѣтимъ далѣе такія детали сванетскаго разказа, которыхъ не находимъ у Фердуси. Дочь Афросуапа Маруджана, соотвѣтствующая персидской Менижэ, живетъ въ башнѣ и туда призываетъ Бежана. Въ персидскомъ разсказѣ первое свиданіе Менижэ съ Биженомъ происходитъ въ палаткѣ на полянѣ и затѣмъ охмелѣвшаго Бижена переносятъ въ замокъ царевны. Сванетскій Бежанъ одинъ прогоняетъ цѣлое войско, осаждавшее замокъ, разрываетъ желѣзныя оковы, какъ нитку, и попадаетъ подъ власть Афросуапа только тогда, когда проговорился, что можетъ быть связанъ тетивою собственнаго лука. Чудесный кубокъ семи кешверовъ,

въ который смотритъ царь Кей-Хосру у Фердуси, замѣненъ какими-то „минутными часами", на которые смотритъ самъ Ростомъ. Караванъ съ драгоцѣнными товарами, сопровождающій персидскаго Рустема въ его экспедиціи въ Туранъ, замѣненъ двѣнадцатью богатырями, сидящими въ мѣшкахъ, навьюченныхъ на ословъ; сванетскій Ростомъ пріѣзжаетъ въ *иранскій* городъ Нарти, слѣдъ котораго яко-бы существуетъ и доселѣ. Узнику Бежану онъ сообщаетъ о цѣли своего пріѣзда не только перстнемъ, но сверхъ того (въ силу эпической амплификаціи) *курицей* и *письмомъ*. Громадный камень, покрывавшій яму Бежана и брошенный вверхъ Ростомомъ, уничтожаетъ въ своемъ паденіи весь городъ Нарти, а брошенный тѣмъ же богатыремъ въ Афросуапа кедръ пригвоздилъ „иранскаго" царя вмѣстѣ съ конемъ къ землѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ персидской редакціи, по которой Афросіабъ, хотя и разбитый, спасся бѣгствомъ и еще много зла впослѣдствіи причинялъ Ирану. Всѣ эти различія въ подробностяхъ показываютъ, что въ иранское сказаніе на почвѣ Кавказа проникли отдѣльныя черты изъ другихъ сказокъ.

Осетинская передача сказанія о Безанѣ отличается крайней бѣдностью деталей.

„Въ то время, какъ Ростомъ находился въ *Абрасетъ-городѣ* (въ ямѣ съ трупомъ сына), *братъ* его Беза охранялъ отъ враговъ какой-то другой народъ. Онъ завелъ тамъ любовницу, и жители за это вознамѣрились извести его какимъ нибудь путемъ, но средство нужно было найти повѣрнѣе; это средство указалъ имъ Гурдженъ, холопъ Беза. Онъ научилъ враговъ Беза связать послѣдняго во время сна тетивой его собственнаго лука. Этой тетивы онъ не разорветъ и его легко будетъ убить. Шесть человѣкъ взялись за одинъ конецъ, шесть за другой и стали пилить тетиву. Когда она была перепилена, лукъ выпрямился и ударилъ державшихъ его съ такою силой, что трехъ убилъ съ одной стороны, трехъ съ другой. Теперь враги ожидали только дня, когда Беза заснетъ.

А *Даредзаны*, заснувъ, спали безъ просыпу цѣлую недѣлю. Беза заснулъ. Враги вырыли большую яму, связали его тетивой лука и вкатили въ эту яму, наваливъ на него громадный камень. Жена Ростома, посмотрѣвъ въ это время въ зеркало, имѣвшее силу отражать все, по желанію смотрѣвшаго въ него, узнала объ этомъ и послала сказать мужу, находившемуся въ подземельѣ, чтобы онъ поторопился, оставивъ сына, такъ какъ сынъ у нихъ еще можетъ родиться, а брата не дастъ ему уже никто. Ростомъ, услыхавъ такую вѣсть, бросилъ сына, начинавшаго уже шевелиться, и поспѣшилъ на помощь къ брату. Онъ отвалилъ камень и развязалъ Беза. Когда обнаружилось, что предателемъ его былъ холопъ Гурдженъ, Беза хотѣлъ его задушить, но Ростомъ не позволилъ ему пачкаться собачьей кровью. Тогда братъ просилъ только позволить ему бросить въ Гурджена за наказаніе яблокомъ. Ростомъ позволилъ ему это. Беза, вырѣзавъ яблоко въ серединѣ, налилъ его свинцомъ и ударилъ имъ Гурджена въ грудь. Яблоко-свинецъ пролетѣло насквозь, и Гурдженъ упалъ мертвый“ [1]).

Вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ сохранилось древнее иранское сказаніе у Осетинъ, переваливъ за кавказскій хребетъ! Отъ всего поэтическаго эпизода о любви Менижэ къ Бижену, донесся лишь глухой отголосокъ въ томъ, что Безанъ гдѣ-то, у какого то народа завелъ любовницу и жители, неизвѣстно почему, за это вознамѣрились его извести. Позабыто имя „любовницы“, ея отца Афросіаба, и родственныя отношенія между Рустемомъ, Безаномъ и Гурджиномъ перепутаны. Изъ внука Беза (Биженъ) перечисленъ въ младшаго брата Ростома, а Гурдженъ сталъ холопомъ Беза. Незначительная деталь, которую мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ и которая отсутствуетъ въ персидскомъ, именно связываніе героя тетивой его собственнаго лука,—почему-то пришлась по вкусу осетинамъ и получила даже хотя не совсѣмъ осмысленное пополненіе. Перепиленная тетива, преж-

[1]) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII, 1889 г. Отд. II, стр. 19 и слѣд.

де чѣмъ ею былъ связанъ Беза, убила 6 человѣкъ, хотя необъяснено, какъ не замѣтилъ Беза въ теченіе нѣкотораго времени отсутствія тетивы на своемъ лукѣ. Чудесный кубокъ Кей-Хосру и „минутные часы“ Ростома замѣнены чудеснымъ зеркаломъ, въ которомъ видитъ Безана жена Ростома, мать Зурапъ-хана. При этомъ осетинскій разсказчикъ вводитъ ту черту (извѣстную изъ другихъ народныхъ сказаній), что *братъ* стоитъ выше *сына*, и заставляетъ Ростома покинуть уже воскресавшаго Зурапъ хана, чтобы поспѣшить на помощь брату. Тотъ же разсказчикъ не могъ помириться съ безнаказанностью Гурджена, и послѣдній долженъ быть убитъ за свое коварство.

Въ приведенномъ осетинскомъ разсказѣ экспедиція Безана съ Гурдженомъ противъ кабановъ оставила только самый глухой слѣдъ. Разсказчикъ только упоминаетъ, что Беза охранялъ отъ враговъ какой-то народъ. Но болѣе яркій отголосокъ, доказывающій, что эта деталь еще не совсѣмъ исчезла на почвѣ Осетіи, находимъ мы въ другомъ осетинскомъ разсказѣ, записанномъ нами въ Алагирѣ и скомкавшемъ весьма страннымъ образомъ оба разсматриваемыя нами иранскія сказанья: объ убіеніи Ростомомъ сына и о похожденіи Безана.

Приводимъ этотъ разсказъ, какъ любопытный образчикъ контаминаціи въ народныхъ сказаніяхъ.

„Ростомъ и Безанъ были изъ рода Сануасовыхъ. Безанъ былъ младшимъ. Однажды имъ послали сказать изъ сада: „Ростомъ! Ангетовскія желѣзно-рылыя свиньи вашъ виноградникъ съѣли“. Безанъ туда отправился. Жена его была беременна и сказала: „Ты идешь, а мнѣ что дѣлать? Какъ ты узнаешь, мальчикъ-ли будетъ у меня или дѣвочка?“ Онъ сказалъ: „Если будетъ мальчикъ, то по какимъ мѣстамъ пойду, тамъ пойдетъ побѣгъ *стрѣловаго дерева*; это будетъ знакомъ моего пути“. Онъ пошелъ и сторожилъ садъ. Затѣмъ у него родился мальчикъ. Ночью онъ на ладонь росъ, днемъ на локоть и скоро сталъ играть стрѣлой.

Однажды дочь колдуньи шла по воду, и мальчикъ стрѣлою

пробилъ ей ведро. Дѣвушка ему сказала: „если уже ты такой хорошій мальчикъ, зачѣмъ же твоего отца вошь съѣла?“ [1]). Мальчикъ съ плачемъ вошелъ въ свой домъ. Мать сказала ему: „что съ тобою? что плачешь?“—Отъ кого я родился, сказалъ онъ, былъ у меня отецъ?“—„Былъ“, сказала она. —Такъ гдѣ-же онъ? Мать сказала: „Теперь ты малъ, туда не пойдешь!“—Отчего не пойду? Покажи мнѣ дорогу къ моему отцу. Мать пошла и направила его по отцовской дорогѣ, по побѣгу стрѣловаго дерева. Мальчикъ ушелъ и шелъ впередъ. Безана въ шатрѣ не было, мальчикъ тамъ сѣлъ; Безанъ ушелъ за добычею. Возвращаясь назадъ, онъ увидѣлъ мальчика издали, началъ къ нему подкрадываться, подкрался къ нему, выстрѣлилъ въ него и убилъ. Мальчикъ сказалъ ему (умирая): „Хорошаго мужа сына ты убилъ!“—Какого рода племени этотъ мужъ?—спросилъ его Безанъ. „Я Безановъ сынъ“,—сказалъ мальчикъ. Безанъ себя ружьемъ по головѣ колотилъ; потомъ пошелъ, сдѣлалъ себѣ жилье подъ землею, сталъ тамъ сидѣть и просидѣлъ годъ Еще три дня оставалось до года, когда ему такъ крикнулъ Сырдонъ: „У! у! ради одного ребенка чего ты подъ землею сидишь?“ Если бы еще эти три дня прошли, то мальчикъ былъ бы воскрешенъ,—поясняетъ сказка. Этого болѣе не выдержалъ Безанъ и оттуда вылѣзъ. Не догнавъ Сырдона, онъ вынулъ свой кинжалъ, вонзилъ себѣ въ грудь и умеръ [2]).

Приведенная сказка можетъ служить примѣромъ того крайняго искаженія, которому иногда подвергаются эпическія сказанія, занесенныя далеко отъ первоначальной своей родины. Всякіе слѣды иноземнаго происхожденія Ростома и Безана стерты. Они являются уже осетинами изъ какого-то рода Сануасовыхъ (Сануастӑ) и разсказанное событіе произошло уже не въ глубокой древности, такъ какъ Безанъ застрѣлилъ сына изъ *ружья*, хотя глухо упоминается о какомъ-то стрѣловомъ деревѣ (фатqӑд.). Начало сказки за-

---

[1]) Т. е. твой отецъ бездомный нищій.

[2]) Осетинскіе Этюды. Ч. I, стр. 79, № XV. Ростомъ и Безанъ.

имствовано изъ сказанія о Безанѣ, такъ какъ *амиентовскія* желѣзно рылыя свиньи соотвѣтствуютъ гигантскимъ ирманскимъ кабанамъ (Фердуси), но въ дальнѣйшемъ разсказчикъ совсѣмъ позабылъ о Ростомѣ, и его роль сыноубійцы переходитъ къ Безану. Настоящаго единоборства отца съ сыномъ уже нѣтъ. Отецъ, безъ всякой мотивировки, подкрадывается къ малолѣтнему сыну и убиваетъ его. За то сохраненъ мотивъ оплакиванья отцемъ сына въ ямѣ, мотивъ, какъ мы видѣли, неизвѣстный въ редакціи Фердуси, но встрѣчающійся въ другихъ кавказскихъ пересказахъ поединка отца съ сыномъ. Это *сидѣніе* отца съ трупомъ сына въ ямѣ нашло себѣ въ разсматриваемомъ разсказѣ приличную мотивировку: мальчикъ могъ бы быть воскрешенъ, еслибъ сидѣніе не было внезапно прервано (срав. пересказы сванетскій и пшавскій). Нарушителемъ сидѣнья удачно введенъ Сырдонъ, который всегда дѣлаетъ все на зло нартамъ въ осетинскихъ сказаніяхъ. Онъ пристыжаетъ отца его любовью къ сыну—и, по осетинскимъ понятіямъ о приличіи, слова Сырдона дѣйствительно оскорбительны, потому что постороннему говорить отцу о его женѣ или дѣтяхъ, а тѣмъ болѣе о его любви къ нимъ, считается, по осетинскимъ понятіямъ, неприличнымъ и оскорбительнымъ. Понятно, что Безанъ „не выдержалъ" и вылѣзъ изъ ямы. Наконецъ сказка кончается смертію отца (Безана-Ростома), чего нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ кавказскихъ пересказовъ и чего не было въ „иранскомъ" основномъ преданіи.

Мы видѣли, что по сю сторону кавказскаго хребта, въ обоихъ осетинскихъ сказаніяхъ, уже стерты слѣды персидской національности героевъ. Ростомъ и Безанъ принадлежатъ либо къ роду Даредзановыхъ, либо Сануасовыхъ и уже не являются представителями Ирана въ борьбѣ съ Тураномъ (или наоборотъ, какъ въ закавказскихъ сказаніяхъ). Но нѣкоторые слѣды Турана, быть можетъ, еще укрываются гдѣ нибудь въ Осетіи. По крайней мѣрѣ, по словамъ г. Кокіева, ему случилось въ Бесланѣ слышать разсказъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминалось, что Ростомъ

убилъ властителя Туранцевъ (амардта Турантѵ ӕлдарѵ [1]). Съ своей стороны высказываемъ догадку, что въ названіи города *Абраостъ*, быть можетъ, мы имѣемъ послѣднее искаженіе имени Афрасіабъ, сванет. Афросуапъ.

Разсмотрѣнные нами кавказскіе пересказы *двухъ* эпизодовъ изъ похожденій Рустема въ достаточной степени показываютъ, насколько сохраняются еще доселѣ иранскія эпическія сказанія на почвѣ Кавказа. Несмотря на тысячелѣтнюю давность, на рядъ искаженій и смѣшеній, даже въ жалкой осетинской сказкѣ о Ростомѣ и Безанѣ еще сквозитъ иранскій прототипъ. Мы прослѣдили на Кавказѣ измѣненія двухъ цѣлыхъ эпизодовъ изъ персидскаго эпоса, но *отдѣльныя* черты, занесенныя въ кавказскія сказки разныхъ народностей изъ того же источника, встрѣчаются весьма часто. Однако такіе отдѣльные сходные съ персидскими мотивы въ сказкахъ представляютъ уже второстепенный интересъ, въ виду того, что, при существованіи сходныхъ мотивовъ въ сказкахъ самыхъ различныхъ народностей, мы не всегда можемъ быть увѣрены, что та или другая черта заимствована именно изъ персидскихъ сказаній. Мы ограничимся поэтому лишь нѣсколькими примѣрами такихъ сказочныхъ мотивовъ, которые *могли бы* быть сведены къ персидскому эпосу, хотя безъ полной убѣдительности.

Такъ осетинскіе нарты, по однимъ сказаніямъ—Созрыко, по другимъ—Батразъ, родятся не естественнымъ путемъ, а выходятъ на свѣтъ Божій чрезъ искусственный разрѣзъ, подобно Рустему, котораго матери (Рудабэ) было сдѣлано кесарское сѣченіе [2]). Богатырь-сынъ, не знающій своего отца, допытывается о немъ у матери подъ угрозой ее убить. Такъ осетинскій Батразъ (Батырадзъ) идетъ къ матери и угрожаетъ выжечь ея грудь раскаленнымъ желѣзомъ, если она не скажетъ ему правды объ отцѣ [3]). Съ угрозой же обращается

[1]) См. Осет. Этюды I. Введеніе, стр. 12.

[2]) Mohl—o. c. I 277.

[3]) Сборн. св. о кавк. горцахъ, вып. V.

къ матери Зурабъ, чтобъ узнать, кто былъ его отецъ и гдѣ онъ находится [1]), и Дарабъ въ сказаніяхъ объ Александрѣ (Искандеръ-Намэ) [2]). Нѣкоторыя черты изъ иранскихъ сказаній о Ростомѣ, напримѣръ, сраженіе его съ *бѣлымъ дивомъ*, сохранились въ удинской сказкѣ о Рустомѣ, [3]) но главное ея содержаніе не имѣетъ ничего общаго съ похожденіями иранскаго богатыря. Считая подобныя отдѣльныя аналогіи весьма мало доказательными, мы въ заключеніе коснемся другого вопроса: въ какое время могли быть занесены на Кавказъ отголоски эпическихъ сказаній Ирана и откуда можно ждать разъясненія тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, которымъ они подверглись на почвѣ Кавказа?

Выше мы привели важное свидѣтельство Моисея Хоренскаго о томъ, что въ его время (V в.), когда Закавказье находилось подъ могущественнымъ вліяніемъ Сасанидовъ, эпическія сказанія Ирана и въ томъ числѣ „Ростеміада" были извѣстны туземному населенію. Завоеваніе персами Дербенда въ VI в., занятіе горныхъ проходовъ и иранская колонизація восточной части Кавказа должны были еще болѣе содѣйствовать распространенію иранскихъ вѣрованій, миѳовъ, обычаевъ и эпическихъ сказаній. Въ областяхъ Закавказья, подчиненныхъ вліянію персовъ, героическія сказанія Ирана находятъ для себя не менѣе благодарную почву, чѣмъ въ другихъ областяхъ обширной персидской монархіи, въ которой въ VI вѣкѣ являются первыя попытки къ собиранію историческихъ преданій, къ составленію такъ называемой „Книги царей". По извѣстному свидѣтельству Фердуси царь Хосро Аноширванъ (531—578) отдалъ приказаніе собирать во всѣхъ областяхъ государства народныя преданія о древнихъ царяхъ и герояхъ и всѣ эти записи хранить въ дворцовой библіотекѣ. Эта работа была снова предпринята при послѣднемъ сасанидѣ Іездегердѣ III

---

1) Mohl—o. c. II 64.

2) См. Spiegel—Eranische Alterthumskunde. II, p. 584.

3) См. Сбор. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказ». Вып. VI, 1888. Приложеніе, стр. 20—28.

(632—651), приказавшемъ *дихкану* [1]) Данишверу, одному изъ наиболѣе родовитыхъ и свѣдущихъ людей при дворѣ въ Мадаинѣ, привести въ порядокъ записи, собранныя Ануширваномъ, и пополнить съ помощью *мобедовъ* (духовныхъ) встрѣчающіеся въ нихъ пробѣлы [2]). Сводъ, составленный Данишверомъ, былъ въ VIII в. уже переведенъ на арабскій языкъ гебромъ Рузбэ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Абдалла Ибнъ-аль-Мокаффа, и этотъ переводъ (не дошедшій до насъ) носилъ названіе „Исторіи царей". Арабское завоеваніе Персіи не только не подавило, но напротивъ послужило къ возрожденію національнаго эпоса. Едва халифатъ начинаетъ обнаруживать признаки слабости, какъ въ Иранѣ поднимается сначала глухая, затѣмъ открытая реакція въ національномъ духѣ. Національные правители отдѣльныхъ областей Персіи стараются освободиться отъ политическаго вліянія Багдада: при ихъ дворахъ господствуетъ персидскій языкъ и оказывается покровительство національной литературѣ и преданіямъ старины съ политическою цѣлью— поднятія народнаго духа для борьбы съ халифатомъ. Уже основатель первой національной династіи (софаридовъ) на престолѣ Персіи Якубъ, сынъ Леиса, заботится о переводѣ съ пеглевійскаго на современный ему персидскій языкъ историческаго свода Данишвера и о пополненіи собранныхъ послѣднимъ матеріаловъ. Этотъ историческій трудъ, оконченный въ концѣ IX столѣтія и носившій обычное названіе „Книги царей", распространился въ многочисленныхъ спискахъ въ Хорасанѣ и Иракѣ. Не меньшимъ рвеніемъ къ собиранію матеріаловъ по исторіи и народному эпосу отличались дальнѣйшія персидскія династіи—Саманидовъ и Газневидовъ, а вѣкъ Махмуда (997—1030), 2-го царя династіи Газневидовъ, можетъ считаться золотымъ вѣкомъ эпической поэзіи Ирана. При его дворѣ собирается цѣлая

1) Подъ дигканами (dihkan) разумѣются члены высшаго земельнаго дворянства, производившіе себя отъ древнихъ національныхъ родовъ и дорожившіе поэтому народными преданіями.

2) См Mohl—I. Предисловіе, стр. V.

плеяда даровитыхъ поэтовъ, и царь, страстный любитель національной литературы, поручаетъ тусскому пѣвцу, знаменитому Абулькасиму Мансуру, съ прозвищемъ *Ферджуси*, великое дѣло созданія народной исторической поэмы, въ которой были бы поэтически обработаны преданія старины, начиная отъ древнѣйшихъ временъ.

Знаменитый поэтъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ отнесся къ своей работѣ. Онъ долго изучалъ все, что по части собиранія народныхъ историческихъ преданій было сдѣлано его предшественниками, самъ продолжалъ разыскивать родовыя преданія среди представителей древнихъ фамилій, и въ своемъ твореніи указываетъ для отдѣльныхъ сказаній, вошедшихъ въ его обработку „Шахъ-намэ", ихъ непосредственный источникъ, т. е. лица, отъ которыхъ онъ ихъ слышалъ. Извѣстно, что великая историческая поэма Фердуси получила для всего Ирана громадное значеніе: она до сихъ поръ въ глазахъ персіянъ является и неоспоримымъ историческимъ источникомъ, и высокимъ образцомъ эпической поэзіи. Художественная обработка массы мѣстныхъ родовыхъ преданій, высокій патріотизмъ автора, благоговѣніе предъ доблестью древнихъ героевъ—все это содѣйствовало подъятію національнаго самосознанія и съ новою силою пробудило въ персидскомъ обществѣ любовь къ народнымъ сказаніямъ. Успѣхъ Фердуси вызвалъ въ теченіе XI и части XII в. появленіе цѣлаго ряда подобныхъ же историко-эпическихъ поэмъ, которыя, на основаніи народныхъ преданій, поэтически разрабатывали біографіи отдѣльныхъ богатырей древности, иногда упоминаемыхъ „Книгой царей", иногда не захваченныхъ ею. Изслѣдователи персидской литературы упоминаютъ много такихъ рукописныхъ весьма обширныхъ поэмъ, сохраняющихся въ европейскихъ и восточныхъ библіотекахъ, напримѣръ: Гершаспъ-намэ (книга о богатырѣ Гершаспѣ), Самъ-намэ (о богатырѣ Самѣ внукѣ Гершаспа), Джихангиръ-намэ (о Джихангирѣ, сынѣ Рустема), Фарамурзъ-намэ (о богатырѣ Фарамурзѣ), Бану-Гушаспъ-намэ (о дочери Рустема Бану-Гушаспѣ), Барзу-намэ (о Бар-

зу, сынѣ Зораба), Бахманъ-намэ (Бахманъ—сынъ Исфендіара) и друг. [1]). Авторы большинства подобныхъ иногда весьма обширныхъ поэмъ пользуются народными историко-эпическими сказаніями, вплетая въ нихъ мотивы изъ фантастическихъ сказокъ, столь любимыхъ на востокѣ.

Это подавляющее богатство и разнообразіе эпическихъ сказаній Ирана дѣлаетъ понятнымъ то явленіе, что отголоски иранскаго эпоса звучатъ еще доселѣ далеко за предѣлами Персіи. Подвиги главныхъ иранскихъ богатырей уже рано становятся достояніемъ народныхъ сказаній въ Закавказьѣ, и персидскій эпосъ на ряду съ другими сторонами персидской культуры оказываетъ значительное вліяніе на расцвѣтающую при Багратидахъ грузинскую литературу. Такъ національный поэтъ Грузіи Шота Роставели заявляетъ, что онъ взялъ сюжетъ для своей поэмы (Барсова шкура) изъ персидскаго (см. строфа 16) и переложилъ его въ грузинскіе стихи „не сокращая и не умаляя рѣчи“ (стр. 21). И хотя до сихъ поръ знатоки персидской литературы не нашли прототипа знаменитой грузинской поэмы, но вліяніе персидской поэзіи на Роставели представляется несомнѣннымъ. Хотя въ „Барской шкурѣ“ въ женскихъ личностяхъ (Тинатинѣ, Нестанъ-Дареджанѣ) находятъ идеализированныя черты Тамары, къ которой, по преданію, Руставели пылалъ глубокою страстью, хотя въ этой поэмѣ природа, люди, обычаи—чисто грузинскіе, но главное содержаніе ея—любовныя похожденія героевъ, романтическія приключенія, битвы, скитанія по разнымъ странамъ—Аравіи, Индіи, царству Морей, землѣ Каджовъ, письма съ назидательными размышленіями въ стилѣ Фердуси, которыя пишутъ другъ другу дѣйствующія лица, сравненія и эпитеты въ персидскомъ духѣ, упоминанія *дивовъ*, воззванія героя Автандила къ планетамъ (Сатурну, Юпитеру, Марсу, Венерѣ, Меркурію), сравненіе героевъ съ Рустемомъ и т. п.—все это ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ былъ хорошо знакомъ съ про-

---

[3]) См. Mohl—I. Preface стр. LXII—LXXXI.

изведеніями персидской поэзіи. Изъ того, что *до сихъ поръ* не найденъ персидскій прототипъ любовнаго сюжета „Барсовой шкуры“, еще нельзя заключать, что такого прототипа не было, и убѣжденіе г. Чубинова (выраженное имъ въ предисловіи къ его изданію), что Руставели *не* заимствовалъ сюжета у восточныхъ писателей, кажется намъ преждевременнымъ [1]). Вообще историко-сравнительный методъ до сихъ поръ не былъ прилагаемъ къ произведеніямъ грузинской поэзіи, и это составляетъ для исторіи перехода восточныхъ сказаній на Кавказъ существенный пробѣлъ, восполнить который должны изслѣдователи грузинской литературы. Они оказали бы немалую услугу для исторіи литературнаго общенія востока съ западомъ, познакомивъ насъ подробно съ содержаніемъ тѣхъ многочисленныхъ рукописныхъ „исторій“ и „поэмъ“, которыхъ списки появлялись время отъ времени въ статьяхъ покойнаго академика Броссэ.

Отъ *иберистовъ* должно ожидать обстоятельнаго изслѣдованія и того вопроса, который мы могли только затронуть въ нашей статьѣ,—вопроса о переходѣ иранскихъ эпическихъ сказаній на Кавказъ. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ указаній Броссэ, что въ грузинской литературѣ существуютъ обработки „Рустеміады“ и эпизода о любви Бежана къ Менижэ; [2]) и для насъ весьма важно было бы знать, въ какомъ отношеніи эти обработки находятся къ изложенію этихъ сюжетовъ у Фердуси, къ какому времени они относятся, и насколько грузинскія версіи иранскихъ сказаній были попу-

1) Руставели самъ говоритъ въ строфахъ 15 и 16: „Я, Руставели, своимъ искусствомъ созидаю это твореніе. Вотъ я хочу перевести по грузински разсказъ *персидскій*, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки. Я ее нашелъ и переложилъ стихами, совершилъ дѣло достохвальное. Пусть дѣло рукъ моихъ смягчитъ горделивыхъ красавицъ.“ См. статьи г. Гулака—о „Барсовой кожѣ“ Руставели—въ Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа IV стр. 129—187.

2) Такъ акад. Броссэ (Melanges Asiat. VIII p. 438) упоминаетъ исторію Ростома (Rostomiani), обработанную Хосро Турманидзе. См. о ней Compte rendu de l'Acad. pour 1837 p. 98, и исторію Бежана и Маниджавы (Bejaniani), напечат. въ Тифлисѣ въ 1875 г.

лярны въ обществѣ. Только послѣ такихъ предварительныхъ разысканій можно будетъ отвѣтить на другіе вопросы, для рѣшенія которыхъ у насъ въ настоящее время нѣтъ матеріаловъ, именно: отражаются ли въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ объ иранскихъ богатыряхъ грузинскія *литературныя* обработки или отголоски *устныхъ*, занесенныхъ на Кавказъ, иранскихъ сказаній или, наконецъ, то и другое соединенно?

Всев. Миллеръ.

Замѣтка о персидскихъ эпическихъ произведеніяхъ въ грузинскомъ переводѣ.

Настоящая замѣтка составлена по просьбѣ Вс. Ѳ. Миллера въ прибавленіе къ статьѣ почтеннаго профессора: „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ". Имѣя въ виду постепенно знакомить русскихъ читателей съ сюжетами ниже поименованныхъ персидскихъ эпическихъ произведеній, переведенныхъ на грузинскій языкъ, я ограничусь теперь однимъ сухимъ, далеко не полнымъ перечнемъ ихъ, указывая, гдѣ возможно, время жизни и имя переводчика.

1) *Баба-Амиріани*, разсказъ по содержанію сказочнаго характера, переведенъ, судя по одному древнему каталогу, въ XIII вѣкѣ, при царицѣ Русудани, знатокомъ персидскаго языка *Соломономъ Тархнишвили*.

2) *Дапнисіани*, переводъ неизвѣстнаго автора, содержаніе сказочное. Рукописей Дапнисіани мало сохранилось.

3) *Камиліани*, романъ названный по имени персидскаго царя „Камилъ-Алькамиліани". По припискѣ къ одному манускриту можно заключить, что онъ переведенъ въ царствованіе царицы Русудани.

4) *Бараміани*, повѣсть три раза переведенная на грузинскій языкъ—въ XIII, XVII и XVIII вв. „Общество распространенія грамотности среди грузинъ" въ Тифлисѣ пріобрѣло переводы „Бараміани" въ стихахъ и прозѣ. Въ прозаической формѣ повѣсть напечатана въ 1879 въ Тифлисѣ.

5) *Сиринозіани* существуетъ въ прозаическомъ и въ стихотворномъ переводѣ. Первый переводъ точнѣе второго.

6) *Саридоніани*, героическій сюжетъ этого произведенія извѣстенъ поэту *Абдуль Мессіа Шавтели*, жившему при царицѣ Тамарѣ (1184—1212). Переводъ сдѣланъ подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстной поэмы „Барсова Шкура", принадлежащей перу геніальнаго поэта Руставели. „Саридоніани" изданъ въ Тифлисѣ въ 1879.

7) *Утрутіани*, сказочный разсказъ, былъ очень распространенъ въ Грузіи. Шавтели, вышеупомянутый поэтъ XIII вѣка, написавшій „Прославленіе царицы Тамары", хорошо знаетъ названное персидское сочиненіе.

8) *Маргалитіани*, съ сказочнымъ содержаніемъ; переводъ какого-то *Орбелишвали*, быть можетъ, не позже XI вѣка: актъ XI столѣтія упоминаетъ „Маргалитіани".

9) *Тангиріани*, разсказъ названный такъ переводчикомъ въ честь автора *Тангири*. По одной припискѣ къ рукописи „Тангиріани", онъ переведенъ въ XIV вѣкѣ.

10) *Небротіани*, книга религіознаго содержанія; извѣстны двѣ рукописи, писанныя церковнымъ алфавитомъ—*хуцури*.

11) *Варшикіани*, поэма. Форма и содержаніе ясно свидѣтельствуютъ, что она написана послѣ героическаго разсказа *Караманіани* [1]). На основаніи древняго каталога[2]), составленнаго Іоанномъ Тбилели по желанію грузинскихъ царевичей, слѣдуетъ думать, что названная поэма переведена *Тусшивили* въ XIII в. при царѣ Давидѣ Наринѣ. Поэма издана въ Тифлисѣ, 1885 г.

12) *Букетъ цвѣтовъ*, сборникъ стихотвореній персидскаго поэта *Магометъ Рай-Хана*; переведенъ на грузинскій языкъ *Георгіемъ* царевичемъ (XIV вѣкъ).

13) *Гуласпіани* имѣетъ своимъ содержаніемъ подвиги героя Гуласпа. Во всей Грузіи извѣстенъ пока одинъ манускриптъ.

---

[1]) *Караманіани* напечатанъ на грузинскомъ языкѣ, кажется, въ 16-и частяхъ. Книга очень распространена въ народѣ.

[2]) Каталогъ этотъ рукописный и принадлежитъ тифлисскому „Обществу распространенія грамотности среди Грузинъ".

14) ***Усупъ-Касиміани***, героическій разсказъ о персидскихъ богатыряхъ Усупѣ и Касимѣ. Переведенъ въ XV вѣкѣ при царѣ Александрѣ (1414—1442).

15) ***Ростоміани***—переводъ поэмы Фердуси „Шахъ-Намэ". Переводчикъ *Хосро Турманидзе* (1580—1640), *) извѣстный книжникъ, воспитывался сначала въ Карталиніи, былъ короткое время въ Имеретіи, жилъ въ Гелатскомъ монастырѣ, оттуда переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ изучилъ персидскій языкъ. Впослѣдствіи онъ отправляется изъ Кахетіи въ Персію съ политической миссіей по порученію царя Александра II. Въ Персіи онъ усовершенствовался въ языкѣ и приступилъ къ переводу поэмы Фердуси, надъ которой работалъ въ теченіе 8 лѣтъ. „Ростоміани" дѣлится на 252 главы и состоитъ изъ 3684 стиховъ. Турманидзе, по свидѣтельству древнихъ грузинскихъ писателей, настолько возгордился своимъ переводомъ, что въ одномъ четверостишіи, написанномъ имъ къ царю Баграту, онъ сравниваетъ свой трудъ съ „Барсовой Шкурой" Шота Руставели, ставя выше свои заслуги въ грузинской литературѣ. „Держу пари,—говоритъ онъ,—если Руставели сдѣлалъ столько, сколько я". Скорѣйшее появленіе „Ростоміани" въ печати весьма желательно, тѣмъ болѣе, что это одинъ изъ самыхъ полныхъ и вѣрныхъ переводовъ „Шахъ-Намэ". Изъ „Ростоміани" передѣлана поэма „Бежаніани".

16) ***Сааміани***, поэма, названная такъ въ честь героя Саама (у Фердуси). Переведена на грузинскій языкъ *Вачнадзе Бардзимомъ* въ XVII в.

17) ***Барамгуруани***, разсказъ о семи персидскихъ царяхъ переведенъ *Нодара Джорджадзе* (XVII в.).

18) ***Вардбулбуліани***, поэма о соловьѣ и розѣ. Переведена царемъ *Теймуразомъ* (1595—1634), извѣстнымъ грузинскимъ писателемъ. По его словамъ, поэма написана на персидскомъ языкѣ муллой *Гаджимомъ*.

Теймуразу же принадлежитъ переводъ разсказа *Шами-Пара*.

*) Писатель царь Арчилъ (XVII в.) свидѣтельствуетъ объ этомъ въ одномъ четверостишіи.

19) *Прекрасный Іосифъ*, также какъ и предъидущій разсказъ, переведенъ царемъ *Теймуразомъ*. Авторъ его, по Шерру, *Мевлане Джамисъ*.

20) *Леймъ Миджнури*, разсказъ; переводъ XVII в. Авторъ разсказа, по Шерру, Абу—Магометъ—Бель—Усупъ—Шейхъ-*Низамедмихъ*.

21) *Чаръ-Давритіани*, разсказъ о царѣ Бахтіарѣ, извѣстный просто подъ именемъ *Давритіани*. Время перевода относятъ къ царствованію царя Вахтанга VI. Изд. въ Тифлисѣ, 1876 г.

22) *Миріанъ*, разсказъ о царѣ Магирики. Нѣкоторые думаютъ, что разсказъ этотъ переведенъ по приказанію царя Вахтанга VI. Авторъ *Хосровъ-Шахъ* и сынъ его *Миръ*. Изд. въ Тифлисѣ, 1886 г.

23) *Килила и Дамана* (Калила и Димна) переведена Вахтангомъ VI въ гор. Кирманѣ. Переводъ, сдѣланный въ царствованіе Тамары (XII в.), а также переводъ *Давида*, отца Теймураза (XVII в.), утрачены. „Калила и Димна" напечатана въ Тифлисѣ, въ 1886 г. *).

24) *Висраміани*. Приписывали писателю эпохи Тамары *Диларгетъ Саргисъ Тмогвели*. Но теперь мнѣніе, по которому „Висраміани" считали оригинальнымъ произведеніемъ, должно быть оставлено, такъ какъ извѣстенъ англійскій переводъ Wis o Romain. A Romane of ancient Persia. Calc. 1865. (См. Katalog № 466, Orientalia, Koelers Antiquarium). Грузинская газ. „Иверія" недавно сообщала, что открытъ коталогъ, гдѣ названъ по имени переводчикъ „Висраміани".

А. Хахановъ.

---

*) См. подробнѣе объ этомъ въ моемъ рефератѣ читанномъ въ Восточной Коммиссіи при Имп. Моск. Археологич. Обществѣ. „Древности Восточныя" стр. 31.

Тушины.

(*Этнографическій очеркъ*).

Характеръ страны; мѣстоположеніе. Племенной составъ. Бытъ. Религія. Положеніе женщины. Обычное право. Поэзія.

Лѣтомъ 1888 года мнѣ удалось побывать и на сѣверномъ, и на южномъ Кавказѣ, и въ Пшаветіи, и въ Тушетіи, труднодоступной странѣ грузинскихъ горцевъ. Я не буду утомлять читателей описаніемъ дикаго Дагестана и Кизлярскаго округа, гдѣ я проѣздомъ посѣтилъ двѣ деревни грузинъ, сохранившихъ въ полной чистотѣ, среди русскаго и чеченскаго населенія, національные нравы, обычаи, языкъ и поэзію. Я обращу вниманіе на Тушетію, какъ на одинъ изъ чудныхъ уголковъ прекраснаго Кавказа. Я никогда не забуду Панкисскаго ущелья—этой маленькой, живописной долины, окаймленной темными дремучими лѣсами и перерѣзанной бурною рѣкою Алазанью, въ которую съ дикимъ ревемъ несутся прохладныя горныя рѣчки и низвергаются пѣнящіеся водопады, а вдали — величественно возвышаются Кавказскія горы, вѣчно покрытыя снѣжной чалмой. Эти вѣковѣчные дубы и столѣтнія орѣховыя деревья многое могли бы сказать изъ минувшей старины и изъ вольной жизни горцевъ, исполненной постоянныхъ тревогъ и непрерывныхъ волненій. Въ тѣни ихъ чувствуется какая-то неизъяснимая нѣга и свобода, а свѣжій оживляющій вѣтерокъ, подъ отдаленный плескъ водопада, заставляетъ человѣка забыть всѣ житейскія невзгоды и помыслы и погрузиться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ могучей, дивной картины. По мнѣ, это поистинѣ—краса природы.

Къ западу отъ скалистой Пшаветіи лежитъ Тушетія,—говоритъ въ своемъ „Географическомъ описаніи“ грузинскій ученый царевичъ Вахушти. На восточной границѣ Тушетіи живутъ дидойцы, на сѣверной чеченцы, а на южной кахетинцы. Тушины, сами себя называвшіе „кавказцами“, не были извѣстны древнимъ классическимъ писателямъ, по крайней мѣрѣ, до V вѣка по Р. Х. Но въ VII в. они упоминаются въ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, рядомъ съ „хебурами“, т. е. хевсурами. Нѣкоторые хотятъ видѣть въ „тускахъ“ намекъ на тушинъ (Берже). Въ грузинской лѣтописи „Картлисъ-Цховреби“ тушины, или туши, какъ называютъ ихъ грузины, были извѣстны какъ мужественные воины, а въ концѣ XVIII в. они составляли вѣрную охранную гвардію царя Ираклія II.

Тушины нынѣ составляютъ четыре общины: *цовцы*, *чаглинцы*, *пирикительцы* и *гомецрельцы*. Послѣднія три общины говорятъ грузинскимъ языкомъ и населены народомъ безспорно картвельскаго племени; населеніе же первой общины представляетъ смѣсь грузинъ и огрузинѣвшихъ кистинцевъ. Изъ смѣшенія языковъ этихъ двухъ народовъ лексически образовался тушинскій языкъ, который включилъ въ себя такъ много грузинскихъ словъ, что онъ сталъ непонятнымъ для современнаго кистинца и чеченца. Тушины цовцы безъ исключенія всѣ знаютъ грузинскій языкъ, усвоили грузинскіе нравы, обычаи и, что всего любопытнѣе, не создавъ на своемъ языкѣ народной поэзіи, распѣваютъ пшаво хевсурскія или собственно тушинскія пѣсни на грузинскомъ языкѣ.

Часть жителей Тушетіи, вѣроятно, переселилась еще во время самостоятельнаго существованія Грузіи изъ Карталиніи и Имеретіи, что подтверждается одинаковымъ распространеніемъ нѣкоторыхъ фамилій въ Грузіи и Тушетіи: таковы Логазидзе, Кадагидзе и др. Выселеніе въ горы мирныхъ обитателей долины объясняется желаніемъ избѣжать суровыхъ наказаній и непосильныхъ государственныхъ повинностей, а также страхомъ предъ постоянно угрожающимъ вторженіемъ окружающихъ свирѣпыхъ мусульманъ и неукроти-

мыхъ кавказскихъ горцевъ. У насъ есть точное свидѣтельство о томъ, что слѣдствіемъ разоренія Грузіи въ XVIII в. Ага-Магомметъ-Ханомъ, шахомъ персидскимъ, была эмиграція жителей равнины въ Кавказскія горы.

Тушины-цовцы ведутъ полукочевой образъ жизни. Земледѣліемъ они не занимаются; единственное ихъ занятіе—скотоводство. Зимой они живутъ въ Алвани, сѣверной части Кахетіи, а лѣтомъ направляются съ женами и дѣтьми въ горы Тбатана, Сакорне и въ верховья рѣки Алазани. Здѣсь они живутъ во временныхъ палаткахъ собственнаго издѣлья, а въ Алвани въ это время нельзя встрѣтить ни единой души, и каменныя строенія, украшающія деревню, представляютъ какъ бы печальные остатки послѣ непріятельскаго вторженія. Въ Алвани имѣется сельская школа—единственный разсадникъ образованія въ цѣлой Тушетіи.

Жители трехъ остальныхъ грузинскихъ общинъ вполнѣ привыкли къ осѣдлой жизни; они занимаются земледѣліемъ, отчасти скотоводствомъ, не совершая далекихъ перекочевокъ, въ противоположность цовцамъ, хотя случается, что и нѣкоторые изъ горныхъ тушинъ, вслѣдствіе недостатка пастбища, спускаются зимой въ Алвани, которая составляетъ общее владѣніе всѣхъ четырехъ тушинскихъ общинъ: каждый тушинъ имѣетъ право въ Алвани построить домъ и пасти скотину, гдѣ ему угодно.

Земля, на которой живутъ тушины и пасутъ стада,—государственная. Поземельное владѣніе до послѣдняго времени не было точно разграничено: нѣкоторые обрабатывали 15 десятинъ, а другіе лишь полъ-десятины. Въ послѣднее время, по распоряженію Тіонетскаго уѣзднаго начальника кн. Джандіери, неравномѣрное владѣніе землей уничтожено: каждый тушинъ получилъ около 4 десятинъ, хотя онъ можетъ вспахать и участокъ односельчанина по добровольному съ нимъ соглашенію и чувству товарищества, но не по праву полнаго владѣнія, какъ это было прежде. По распространенному изстари обычаю, онъ не можетъ продать своего надѣла другому или вспахать поле въ районѣ другой деревни.

Пастбища у тушинъ находятся въ общинномъ владѣніи. Лѣсъ „Отхитвали“ (четыре глаза) на р. Алазани, купленный на общія средства всѣхъ тушинъ, также составляетъ общую собственность. Государственную подать до сихъ поръ платили въ размѣрѣ 3 р. 50 к. съ дыма, теперь же она возвышена. По инйціативѣ тушино-кахетинскаго пристава г. Гугушвили, эта подать распредѣлена по имущественному состоянію каждаго и платится каждымъ дымомъ въ размѣрѣ 4—25 руб. При подобной раскладкѣ подати руководились тѣмъ соображеніемъ, что имѣющіе большее количество скотины и болѣе другихъ пользующіеся лѣсомъ должны платить и подати больше, чѣмъ маломочные ихъ сосѣди.

Тушины любятъ чисто жить; землянки имъ неизвѣстны; комната для гостей почти у всѣхъ имѣется. Домъ убранъ коврами, которые вяжутъ тушинки и красятъ сокомъ разноцвѣтныхъ травъ. Мужчины дѣлаютъ сундуки, корыта и продаютъ ихъ въ Кахетіи; въ работники они не идутъ, а крѣпостное право никогда не было имъ извѣстно. По характеру они отличаются добродушіемъ и гостепріимствомъ.

При обзорѣ нравовъ и обычаевъ тушинъ мы не дѣлаемъ различія между цовцами и грузинскими общинами тушинъ. Цовцы, съ тѣхъ поръ какъ спустились съ горъ, заселили четыре построенныя ими деревни: *Алвани*, *Гуріадчала* (круглая роща), *Пхакалкура* и *Цоцура*, усвоили грузинскій языкъ, нравы, поэзію и религіозныя представленія. Но вообще нужно сказать, что у тушинъ меньше сохранились остатки старины: христіанство и новые административные порядки въ Тушетіи успѣшнѣе, сравнительно съ Пшаветіей и Хевсуретіей, уничтожаютъ слѣды прежняго національнаго быта.

Тѣмъ не менѣе на ряду съ православнымъ духовенствомъ представители прежней языческой религіи—*деканози*, *хевисъбери*, *хуци*, *мнате*, и теперь еще играютъ не маловажную роль на народныхъ праздникахъ, хотя прежній ихъ обширный кругъ дѣйствій крайне суженъ и ограниченъ. *Деканози* въ старину, по всей вѣроятности, былъ языческій жрецъ,

исполнитель религіозныхъ обрядовъ; *хевисъ-бери* (въ переводѣ значитъ: старецъ ущелья) былъ главнымъ административнымъ представителемъ, предводителемъ на войнѣ и судьей въ мирное время. Но такое раздѣленіе властей съ теченіемъ времени утратилось; новые порядки сгладили различіе между хевисъ бери и деканози, и теперь народъ, отожествивъ ихъ, приписываетъ имъ одну и ту же религіозную компетенцію съ древнѣйшихъ временъ. Это можно объяснить тѣмъ, что тушины легче и раньше отказались отъ своихъ юридическихъ порядковъ, чѣмъ отъ религіозныхъ представленій, которыя глубже укореняются въ сознаніи народа.

Хевисъ-бери и деканози можетъ быть лицо, безукоризненно проведшее дни своей жизни, не замѣченное своими собратьями въ дѣлахъ предосудительныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ народнымъ интересамъ. Эта религіозная компетенція наслѣдственно не передается; хевисъ-бери — лицо выборное. Кандидатъ на эту почетную обязанность указывается *кадаги* (оракуломъ), который говоритъ по волѣ божества и одаренъ способностью прорицанія; но случается, что помимо провозглашенія кадаги въ отправленіе высокой должности хевисъ-бери вступаетъ самовольно лицо, считающееся по своей добродѣтельной жизни достойнымъ занимать постъ народнаго представителя и несомнѣнно подающее надежды своей усердной службой святому оказаться на высотѣ своего назначенія. Число хевисъ-бери при одномъ святомъ не превышаетъ 3—4. Права и обязанности ихъ точно не разграничены. Можно сказать, что одинъ изъ нихъ признается старшимъ, а остальные считаюся его подчиненными. Первому принадлежитъ исключительное право рѣзать жертвенныхъ животныхъ, прижигать имъ шерсть восковой свѣчой и дѣлать кровью жертвы изображеніе креста на лбу жертвователя. Второй хевисъ-бери, по приказанію перваго, собираетъ лепешки, хлѣбъ для пива, а третій варитъ пиво. Въ отсутствіе старшаго хевисъ-бери его помощники по очереди исполняютъ его обязанности, при чемъ ихъ священно-

дѣйствіе не считается въ глазахъ народа менѣе угоднымъ и пріятнымъ „всемогущему“ святому.

Если хевисъ-бери (деканози) назовемъ первосвященникомъ, то стоящаго одной ступенью ниже исполнителя религіозныхъ обрядовъ—*хуци*—слѣдуетъ уподобить простому жрецу при капищѣ. Капища строятся въ мѣстахъ, заросшихъ лѣсомъ, большею частью на горѣ. Комната, называемая *хата* (образъ), составляетъ главное отдѣленіе храма, въ которомъ часто нѣтъ ни одного образа; его замѣняетъ единственная святыня народа—*дроша*, знамя съ колокольчикомъ, напоминающее хоругвь. Только при видѣ дроша народъ снимаетъ шапки и дѣлаетъ движеніе рукой вдоль груди, какъ бы творя крестъ. Хуци съ разрѣшенія и благословенія главы священнослужителей исполняетъ всѣ тѣ обязанности, которыя возложены на хевисъ-бери. Онъ совершаетъ таинства вѣнчанія, причащенія, обряды погребенія и освященія дома послѣ разрѣшенія жены отъ бремени, отъ чего, по представленію тушинъ, домъ наполняется скверностью и требуетъ очищенія молитвой и водосвятіемъ. На послѣдней ступени іерархической лѣстницы стоитъ *мнате*, соотвѣтствующій нашему церковному старостѣ. Мнате является исполнителемъ распоряженій хевисъ-бери; онъ рѣжетъ жертвенныхъ животныхъ послѣ того, какъ деканози благословилъ ихъ и поднялся на небольшое, съ этой цѣлью устроенное возвышеніе для произнесенія умилостивляющей молитвы. Мнате наблюдаетъ за пожертвованными садами, баранами и за всѣмъ движимымъ достояніемъ святого, которому онъ служитъ, а въ день его праздника онъ является главнымъ распорядителемъ на обѣдѣ богомольцевъ и щедро угощаетъ ихъ виномъ изъ собственнаго сада святого. Онъ же принимаетъ приносимыя богомольцами жертвованія, которыя опредѣляются усмотрѣніемъ кадаги: барана, вино, курицу, нитяные пояса, колокольчики и др.

Чтобы дать читателю представленіе о празднествахъ тушинъ, опишемъ праздникъ креста св. Георгія Лаша (17—18 іюля), извѣстный подъ именемъ *Лашароба* или *Лашрисъ-*

Джвроба. На этомъ праздникѣ можно видѣть представителей разныхъ народностей Кавказа: тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, кистинцевъ, карталинцевъ, кахетинцевъ и др. Богомольцы, являясь босикомъ и въ бѣлыхъ одѣяніяхъ по данному обѣту, снимаютъ ихъ со вступленіемъ въ ограду св. креста и бросаютъ въ яму, вырытую спеціально съ этой цѣлью. Предъ оградой находится другая яма, въ которую спускаютъ кровь жертвенныхъ животныхъ. Тутъ же, на небольшомъ возвышеніи лежитъ крестъ, стоитъ сосудъ съ освященной водой для окропленія приходящихъ молящихся. Хевисъ-бери работаютъ усердно и съ сознаніемъ своего достоинства: рѣжутъ·барановъ, ихъ кровью окропляютъ робкихъ предъ святыней горцевъ и по очереди отдыхаютъ въ особомъ отдѣленіи, куда они одни пользуются правомъ входа. Здѣсь же стоитъ колокольня съ мѣднымъ куполомъ, увѣнчаннымъ св. крестомъ. Съ боковъ креста спускаются на цѣпяхъ маленькіе колокольчики, пожертвованные религіозными горцами. У колокольни на небольшомъ возвышеніи стоитъ прислоненное къ стѣнѣ знамя Георгія Лаша, царя грузинскаго, сына Тамары, построившаго здѣсь нѣкогда церковь во имя св. Георгія. Народъ имя строителя храма связалъ съ святымъ и обоготворилъ не совсѣмъ безукоризненнаго своего повелителя. Такъ думаетъ историкъ Вахушти; но болѣе справедливымъ представляется толкованіе, по которому слово „Лаша“ объясняется отъ слова „лашроба“ (походъ) и обозначается этимъ богъ войны, какъ римскій Марсъ; слѣдовательно, эпитетъ „Лаша“ сближается отчасти съ нашимъ „побѣдоносецъ“. На противоположной горкѣ возвышается часовня во имя Тамары, которую тушины считаютъ вѣчной дѣвой, какъ бы желая этимъ оправдать ея право на степень святой. Эти священныя горки называются вмѣстѣ „моде-модзме“ (братъ и сестра), хотя изъ исторіи извѣстно, что Георгій Лаша былъ сыномъ Тамары, а не братомъ ея. Тамарѣ приносятъ въ жертву козлятъ, на которыхъ народъ смотритъ, какъ на порожденіе дьявола, но считаетъ ихъ необходимыми для прокормленія гончихъ

царицы. А для лошади св. Георгія хевисъ-бери покупаетъ на собранныя въ складчину деньги ячмень, обсыпаетъ имъ полъ въ храмѣ и площадь вокругъ него, чтобы лошадь святого не проголодалась и на каждомъ шагу могла подкрѣплять ослабѣвшія силы.

Въ оградѣ храма Лашарисъ-Джвари указываютъ мѣсто, гдѣ росъ священный дубъ, срубленный какимъ-то кн. Эристовымъ. За этотъ святотатственный поступокъ онъ до сихъ поръ проклинается народомъ. Разсказываютъ и чудо, которымъ сопровождалось уничтоженіе этого дорогого для всѣхъ горцевъ дерева, соединеннаго съ небомъ золотой цѣпью. Когда крѣпостные князя не могли свалить дуба, то велѣно было имъ найти немедленно человѣка, который указалъ бы орудіе для вырытія его съ корнемъ. Нашелся измѣнникъ народной святыни: одинъ пшавецъ обмазалъ кровью кошки священный дубъ, который немедленно былъ оставленъ ангелами, его хранителями; цѣпь, его обвивавшая, стянулась къ небу, самъ дубъ палъ на землю съ шумомъ, и было паденіе его велико. Съ тѣхъ поръ и началось несчастіе для Грузіи, говоритъ тушинъ и съ чувствомъ горести и злобы распѣваетъ жалобную пѣсню, сложенную въ честь Лашарисъ-Джвари, который горько оплакиваетъ въ ней вѣроломство измѣнника пшавца.

Причина привязанности тушинъ къ Лашарисъ-Джвари объясняется въ народной пѣснѣ. Между тушинами и пшавами была продолжительная вражда. Тушины подъ предводительствомъ своего вождя, героя Талисдзе, спустились разъ въ Пшаветію для ея разграбленія, но все войско ихъ было перебито пшавами, и спасся одинъ лишь глава ихъ храбрый Тилисдзе. Когда мать спрашиваетъ его о результатѣ похода, вождь со скорбью въ сердцѣ говоритъ, что онъ потерялъ товарищей, погибшихъ будто бы отъ жажды въ тѣсномъ ущельѣ, гдѣ произошла схватка между тушинами и пшавами. Но онъ хорошо понималъ, что причина его пораженія заключалась въ гнѣвѣ Лашарисъ Джвари, который проклялъ тушинъ за вторженіе въ его священную обитель,

Пшаветію, и даровалъ покровительствуемому народу полную побѣду надъ враждебными сосѣдями. Сознаніе этого преступленія предъ „всесильнымъ" святымъ побуждаетъ тушина примириться съ нимъ, принести въ жертву не барана, а „бѣлаго рогатаго быка" для полнаго искупленія своего преступленія; онъ отказывается, какъ говоритъ Вахуштъ, подобно пшавамъ и хевсурамъ отъ всѣхъ драгоцѣнныхъ вещей, найденныхъ въ его районѣ, и жертвуетъ ихъ въ храмъ св. Георгія для спасенія души.

Если праздникъ Лашрисъ-Джвроба сохранилъ еще древній характеръ, то другіе религіозные обряды тушинъ въ значительной степени утратили прежнюю свою окраску. Только свадьба и похороны, совершаемыя теперь по обрядамъ православной церкви, къ которой номинально причисляются тушины,—отчасти указываютъ на остатки старины.

Тушины, подобно другимъ горцамъ, имѣли обыкновеніе еще въ недавнія времена похищать невѣстъ. Администрація постепенно вытѣсняетъ этотъ способъ скрѣпленія супружескихъ узъ, но уничтожить его до сихъ поръ не была въ состояніи. Слѣды этой традиціи проявляются даже въ бракахъ, освящаемыхъ христіанскимъ духовенствомъ. Такъ, когда женихъ идетъ къ невѣстѣ, чтобы взять ее въ церковь, молодую укрываютъ въ отдаленной комнатѣ, и для свиданія съ ней необходимо подкупить родственницу невѣсты, чтобы она открыла и вывела плѣнницу изъ потаеннаго мѣста. Второй слѣдъ древняго обычая похищать невѣсту видимъ въ слѣдующемъ: при возвращеніи изъ церкви въ домъ жениха, молодыхъ не вводятъ въ комнату до тѣхъ поръ, пока сопровождающая невѣсту свита не потушитъ оружейными выстрѣлами зажженныхъ во дворѣ факеловъ *). Когда цѣль достигнута, гости приглашаются къ ужину; невѣсту одаряютъ деньгами, а жениху подносятъ шерстяные носки. На второй день съ лица невѣсты снимаютъ покрывало, заслоняющее ее

*) Мирная свита невѣсты—отдаленный намекъ на преслѣдователей хищнаго похитителя молодой тушинки, а обычай стрѣлять въ факелъ указываетъ на прежнюю кровавую перестрѣлку между похитителя миневѣсты и ея родными.

отъ любопытныхъ взоровъ тушинъ, а на третій день она возвращается въ домъ отца, гдѣ иногда остается по цѣлымъ недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ, и лишь по истеченіи извѣстнаго срока мужъ беретъ ее къ себѣ въ домъ.

Похоронные обряды тушинъ представляютъ большой интересъ по остаткамъ старины. При погребеніи мужа жена не показывается, а приходящихъ для засвидѣтельствованія своего сочувствія принимаютъ дочери, сестры, родственницы умершаго. Если покойникъ мужчина и слѣдовательно въ глазахъ тушина былъ страшнымъ воиномъ, который всего болѣе дорожилъ воинскими подвигами и мужество всегда ставилъ выше всякой хитрости, то приходящій, войдя въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ, обращается къ нему съ восклицаніемъ, ударяя себя кулакомъ: „о, несчастный человѣкъ, ты преждевременно выбылъ изъ числа удалыхъ воиновъ!“ Присутствующіе подхватываютъ эту заплачку, и начинается плачъ и вой, раздирающіе душу. Для выраженія своей скорби женщины рвутъ на себѣ распущенные волосы, царапаютъ лицо; мужчины же обнаруживаютъ свое соболѣзнованіе болѣе умѣреннымъ способомъ: они не стригутъ волосъ и не брѣютъ бороды въ теченіе года, откуда и произошло ихъ названіе—„годичные монахи“. На смертномъ одрѣ тушина причащаетъ хевисъ-бери тайнами собственнаго приготовленія—изъ хлѣба и пива, считая ихъ обладающими цѣлебной силой. Но если уже молитва высокочтимаго жреца не спасетъ вѣрующаго горца и судьбѣ благоугодно будетъ взять его душу въ вѣчную жизнь, то бездыханный трупъ его кладутъ на доски, покрываютъ буркой, а на грудь его ставятъ подкову. Все, что было дорого покойнику въ жизни, все собираютъ теперь вокругъ него: рядомъ съ нимъ принято класть кинжалъ, а подальше ставить лошадь съ чернымъ покрываломъ; она провожаетъ трупъ до кладбища, на 7-й, 40-й день снова ведутъ ее на могилу хозяина, а въ концѣ года она отдается одному изъ родственниковъ, по указанію подкупленнаго заранѣе кадаги (оракула), который, по вѣрованію тушинъ, точно передаетъ непреклонное жела-

ніе божества; но тушины еще хорошо помнятъ, что прежде лошадь покойника всегда отдавалась дядѣ его по матери. Въ этомъ обычаѣ можно видѣть переживаніе такъ называемаго матріархата.

Для успокоенія души и для облегченія тягостей, выпавшихъ ей на томъ свѣтѣ, назначается въ концѣ года *доги*, т. е. стрѣльба въ цѣль и скачки. Въ скачкахъ участвуютъ 12—15 лошадей и всѣ получаютъ награды: первая прибывшая на мѣсто получаетъ барана, а затѣмъ градація наградъ идетъ постепенно ниже, и послѣдняя лошадь беретъ лишь 50 коп.

Душа умершаго послѣ погребенія тѣла продолжаетъ жить среди своихъ родственниковъ. Она нуждается въ пищѣ и питьѣ, и потому за обѣдомъ и ужиномъ откладывается извѣстная порція для утоленія ея голода. Ухаживать за душой покойника крайне необходимо въ виду ея способности приносить пользу или вредъ сородичамъ, смотря по степени ихъ уваженія къ ней.

Кромѣ души умершаго родственника, каждымъ шагомъ, каждымъ дыханіемъ тушина управляютъ злые и добрые геніи. Онъ боится зѣвнуть, чтобы дьяволъ не проникъ чрезъ открытый ротъ въ его душу. Его завлекаютъ злыя существа въ непроходимыя дебри на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, а добрые геніи помогаютъ ему лишь тайно, невидимо.

Интереснымъ представляется языческое понятіе тушинъ о загробной жизни, хотя оно значительно ослаблено вліяніемъ христіанской религіи. Загробный міръ въ народныхъ пѣсняхъ тушинъ именуется *сулети*, т. е. мѣстомъ, гдѣ покоятся души умершихъ. При входѣ въ это подземное царство сидятъ „строгіе судьи", которые принимаютъ умершихъ и остригаютъ у нихъ острыми ножницами два—три волоска. Сулети заключаетъ въ себѣ и адъ и рай, между которыми протекаетъ бурная смоляная рѣка, а чрезъ нее перекинутъ мостъ изъ одного волоска. Праведники благополучно переправляются и достигаютъ рая; когда же грѣшники вступаютъ на этотъ злополучный мостъ, онъ тотчасъ проваливает-

ся: они падаютъ въ огонь, и пламя моментально охватываетъ ихъ съ ногъ до головы. Рай наслѣдуютъ всѣ безупречно проведшіе дни земной жизни, а въ адъ попадаютъ всѣ опозорившіе свое имя какимъ-нибудь недостойнымъ дѣяніемъ, при чемъ наказаніе этихъ грѣшниковъ опредѣляется степенью гнусности ихъ поступка: солгавшіе вѣшаются въ аду за кончикъ языка; вступившіе въ противонравственныя связи съ кумой подвергаются оригинальной хирургической операціи: у нихъ вырѣзывается на шашлыкъ мясо съ лядвей, а кончикъ языка просверливается остріемъ ножа; кто разстроитъ могилу, которую охраняетъ особый богъ, подобно римскому Гермесу, карается тѣмъ, что обрекается вѣчно носить на своихъ плечахъ тяжелые камни. Для грѣшниковъ другихъ категорій тушины не назначаютъ спеціальныхъ наказаній: всѣхъ ихъ опускаютъ головой въ котлы, которые наполнены горячей смолой, а вокругъ бушуетъ адское пламя бѣшеной геенны.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ Тушетіи. Степень уваженія къ женщинѣ зависитъ отъ личныхъ ея нравственныхъ качествъ. Послѣ оружія тушинъ всего болѣе дорожитъ неприкосновенной честью женщины. Защита ея цѣломудрія не разъ служила причиной поднимать знамя войны противъ враждебныхъ сосѣдей. Деревня закладывала все свое достояніе, чтобы искупить похищенную лезгинами тушинку изъ унизительнаго для нея плѣна. Сама женщина умѣетъ постоять за себя и удачнымъ выстрѣломъ ловко укладываетъ дерзкаго ухаживателя. Вѣрность жены мужу считается ея священной обязанностью, а измѣна съ ея стороны представляется тушину величайшимъ позоромъ, оскорбляющимъ его честь и задѣвающимъ его за самые чувствительные нервы. Послѣдовательность въ примѣненіи чувства вѣрности и преданности жены мужу создала и развила въ древности обычай закалывать и хоронить жену съ умершимъ мужемъ. Слѣды этого обычая видимъ и теперь въ отсутствіи у вдовы косы, которая у нея отрѣзывается по смерти мужа. У замужней женщины локоны распущены, а волоса

завиты, а у дѣвицы заплетены и волоса и локоны. По этимъ внѣшнимъ признакамъ можно отличить вдову отъ замужней женщины и отъ дѣвицы. Всѣ онѣ носятъ большой платокъ или шаль на головѣ подъ названіемъ *мандили*. Мандили имѣетъ важное значеніе въ глазахъ горцевъ: онъ представляетъ неприкосновенную святыню для вражескихъ рукъ и защиту противъ нечестивыхъ поползновеній. Мандили не разъ прекращалъ споры и кровавыя столкновенія между враждебными фамиліями. Разъ женщина сняла мандили и положила его у ногъ разъяреннаго горца, послѣдній долженъ вложить вынутый кинжалъ въ ножны и отступить немедлено назадъ: переступить чрезъ мандили считается равносильнымъ оскорбленію женской чести.

Женщина у тушинъ отличается застѣнчивымъ, стыдливымъ характеромъ; она прячется отъ глазъ неожиданнаго гостя, говоритъ только съ родственниками и близко знакомыми, и вообще чѣмъ она меньше развязна, тѣмъ выше цѣнятся ея личныя качества. Она бойкая, трудолюбивая хозяйка, вѣрная и незамѣнимая помощница мужу въ полевыхъ работахъ, любящая и нѣжная мать своихъ дѣтей. Тушинка поставила себя въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ женщины другихъ окружающихъ горцевъ и ближайшихъ сосѣдей хевсуровъ. У тушинъ не встрѣчаемъ сильно распространеннаго у хевсуровъ обычая, въ силу котораго женщина, отправляясь въ путь съ мужчиной, слѣдуетъ за нимъ пѣшкомъ, держась за хвостъ лошади своего неблаговоспитаннаго кавалера, ѣдущаго верхомъ. Тушинъ никогда не унижаетъ жену до положенія прислуги, но онъ не забываетъ и своего личнаго достоинства: онъ не согласится отправить жену верхомъ, а самому пуститься въ догонку; онъ предпочтетъ идти съ женой пѣшкомъ, а лошадь съ легкимъ багажемъ вести подъ уздцы. Дѣлаетъ онъ это изъ деликатности, хотя считаетъ себя полнымъ господиномъ жены. Обычай предоставлялъ ему еще недавно право отрѣзать ей носъ, если она нарушила святость супружеской жизни, а также прогнать ее въ случаѣ ея бездѣтности, заплативъ ей *самцунебро*, т. е. нѣсколько барановъ.

Вообще она считается не полнымъ человѣкомъ: извѣстно изъ обычнаго права тушинъ, что убійство женщины оплачивается штрафомъ въ 30 коровъ, что̀ составляетъ какъ разъ половину пени, какой подвергались виновные въ убійствѣ мужчины.

Вотъ еще нѣсколько фактовъ изъ практикуемыхъ у нихъ способовъ наказанія за уголовныя преступленія: за ударъ кинжаломъ платится 5 коровъ; *) если же остріемъ кинжала нанесена рана, тогда кровь стоитъ 15 коровъ. Рана на лицѣ измѣряется зернами ячменя: изъ того количества зеренъ, какое уложится на ранѣ, отбрасывается два зерна, а за каждое изъ оставшихся уплачивается корова. За украденную вещь воръ платитъ всемеро тѣмъ-же: если онъ укралъ одного барана, то долженъ отдать потерпѣвшему семь барановъ. Для сравненія приведу нѣсколько постановленій обычнаго уголовнаго права у пшавовъ. Изъ моихъ разспросовъ выяснилось, что кровь мужчины у пшавовъ стоила прежде 80 коровъ (по законамъ царя Вахтанга за кровь крестьянина полагалось 120 руб. или 60 коровъ); за отсѣченіе руки полагалось 24 коровы (по законамъ Важтанга 20 коровъ), за пораненіе ноги 16 коровъ, за поврежденіе глаза 16 коровъ (по законамъ Важтанга 20 коровъ), за отсѣченіе мизинца 1 корова, за безъимянный палецъ 2 коровы, за средній палецъ 3 коровы, за указательный палецъ 4 коровы, за большой палецъ 5 коровъ, за вышибъ зуба 1 корова; угонъ стада считался у нихъ преступленіемъ равнымъ убійству человѣка. У кистинцевъ я записалъ слѣдующія данныя по этому же вопросу: за отсѣченіе руки полагается $1/2$ крови, т. е. половина 120 коровъ; глазъ стоитъ тоже полъ-крови; за пальцы наказаніе совершенно подобное тому, какое извѣстно

---

*) За неимѣніемъ коровъ виновный можетъ уплатить другими животными или вещами, для чего установлена сравнительная оцѣнка между скотомъ и вещами. Такъ, напр., жеребецъ стоитъ 7 коровъ, кашаръ 8 коровъ или 40 р., корова 4 барана, быкъ 7 барановъ, козелъ 80 коп., баранъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р., масла литра (9 фун.) 1 р.; кода пшеницы (2 п. и 9 ф.) стоитъ 5 коровъ; ружье стоитъ 20 коровъ или 100 руб.

у пшавовъ; за зубъ 3 коровы; за похищеніе женщины силой можно убить похитителя безъ наказанія; за воровство уплачивается 15 разъ больше украденной вещи. Кровная месть—законъ чести.

У тушинъ, какъ и у всѣхъ горцевъ, уголовный преступникъ судился прежде представителями всѣхъ общинъ. Высшимъ наказаніемъ считается отлученіе отъ народныхъ праздниковъ, изгнаніе изъ общины. Не менѣе тяжкимъ представляется побіеніе камнями, только не въ буквальномъ смыслѣ. Во время своего путешествія не далеко отъ селенія Дуиси я обратилъ вниманіе на большую кучу камней, собранныхъ очень старательно въ горку. Мнѣ объяснили ея происхожденіе. Одинъ кистинецъ вошелъ въ противозаконную связь съ сестрой своей жены. За это преступленіе деревня рѣшила наказать его самымъ неумолимымъ образомъ, какой только ей былъ извѣстенъ: присудили уплатить въ пользу отца жены 160 руб., развести виновнаго съ женой, а его самого побить камнями. Побивается не онъ лично, а его имя на перекресткахъ дорогъ, гдѣ каждый съ бранью оставляетъ камень, какъ бы бросая въ него самого. При уплатѣ пени помогаютъ родственники, которые являются и соприсяжниками, когда дѣло рѣшается присягой. У тушинъ присяга и клятва бываетъ двухъ родовъ: присягающій произноситъ ее, или обойдя три раза вокругъ жертвенника со знаменемъ, или же ставятъ его на колѣни близъ могилъ своихъ предковъ, кладутъ предъ нимъ ослиное сѣдло и сосудъ, изъ котораго ѣли собаки, и, указывая на присягающаго, присутствующіе обращаются къ душамъ покойниковъ: „Усопшіе наши!—говорятъ они: приводимъ мы этого человѣка на судъ; отдайте его, кому хотите, въ жертву и услуженіе и дѣлайте съ нимъ, что хотите, если онъ не скажетъ истину“. Присягающій произноситъ клятву. Кромѣ присяги, судъ практикуетъ ордаліи, какъ средство для возстановленія истины и очищенія заподозрѣннаго въ извѣстномъ преступленіи. Изъ такихъ средствъ извѣстны между прочимъ кипятокъ и раска-

ленное желѣзо. Старикъ Учкуо Ахадели *) разсказалъ мнѣ одинъ случай примѣненія кипятка. На одной мельницѣ на женщинъ пало подозрѣніе въ кражѣ одного мѣшка муки. Для того чтобы открыть воровку, рѣшили вскипятить воду и опустить туда подкову; вынувшая ее съ обжогомъ должна была быть признана виновной въ кражѣ. Только одна изъ фамиліи Джабіани оказалась невредимой послѣ испытанія; она была оправдана, а остальныя признаны участницами въ воровствѣ. Ахадели разсказалъ мнѣ это съ полной вѣрой и безъ всякаго сомнѣнія въ дѣйствительности принятой мѣры. Виновницы кражи на этотъ разъ были наказаны. Но если кадаги (оракулъ) отъ имени креста св. Георгія объявляетъ, чтобы преступники были отпущены безъ возмездія, тогда въ благодарность святому приносится котелъ пива, жертвуется баранъ или корова, и тѣмъ происходитъ очищеніе преступника въ глазахъ земляковъ.

Остается упомянуть о поэзіи тушинъ. Поэзія тушинъ вообще мало извѣстна. Мнѣ удалось собрать нѣсколько десятковъ пѣсенъ, которыя даютъ возможность составить нѣкоторое понятіе объ ихъ поэтическомъ творчествѣ.

Но прежде, чѣмъ говорить о пѣсняхъ, я приведу для образца одну *легенду объ I. Христѣ и Іоаннѣ Крестителѣ.*

Жилъ бѣднякъ съ женой. Онъ былъ такъ бѣденъ, что даже изорванная чоха представлялась ему пріятной мечтой. Подбирая лоскутки, онъ изъ нихъ готовилъ себѣ одѣянье. Прошло семь лѣтъ, у бѣдняка родился сынъ. Ни бѣдный, ни тѣмъ болѣе богачъ, не желалъ быть крестнымъ отцомъ его сына. Іоаннъ Креститель, обращаясь къ I. Христу, говоритъ:

„Мальчикъ, котораго мы дали бѣдняку, остается безъ миропомазанія: крестимъ-те его“.—„Любезные кумъ и кума (обращаются они къ родителямъ мальчика), если вамъ угодно, мы крестимъ вашего сына“.

---

*) *Учкуо*—собственно значитъ „безъ ума“; въ Пшаветіи я встрѣтилъ трехъ лицъ съ такимъ прозвищемъ.

— Какъ вы можете у насъ крестить, когда у насъ нѣтъ ни вола, ни коровы?

— „Мы можемъ дать вамъ много добра, если только вы окажетесь достойными нашего благодѣянія“.

Кума за неимѣніемъ платья прячется за корзину, кумъ же корчится отъ продолжительнаго голоданія.

— „Если вы заслужите нашего вниманія, мы васъ обогатимъ: наполнимъ окрестныя поля и ущелья овцами и коровами“.—Сказали и ушли.

Проходятъ семь лѣтъ, а крестникъ ни разу не видѣлъ еще своего крестнаго отца. Разъ Іоаннъ Креститель говоритъ І. Христу: „отправляйся къ своей кумѣ, посмотри, какъ она тебя приметъ“. І. Христосъ пошелъ.

— „Къ намъ пожаловалъ дорогой кумъ“,—докладываетъ служанка своей хозяйкѣ.

— Пусть убирается отсюда! Что онъ такъ повадился къ намъ? Ничего хорошаго я отъ него не видала, хотя бы разъ онъ мнѣ принесъ на платье.

— Нѣтъ, уважаемая хозяйка, не говорите этого о немъ. Лучше зарѣжемъ откормленную курицу, разстелемъ дорогіе ковры и примемъ его радушно.

— Молчи, служанка, не позволяй себѣ много! Лучше отнеси ему кусокъ кукурузнаго хлѣба и немного кислаго молока. Если онъ голоденъ, то и это съѣстъ, а если не хочетъ, то пусть убирается, куда ему угодно.

— „Тебѣ бы лучше повидаться съ кумомъ“,—говоритъ І. Креститель Христу.—„Отъ женщины толку не добьешься“.

Вотъ Христосъ идетъ навѣстить своего кума.

— Дорогой кумъ, дайте намъ шерсти: немного недостало для носковъ.

Взялъ кумъ и бросилъ горсть шерсти.

— Кумъ, зарѣжь намъ жирную овцу; за одну получишь тысячу.

— Если хорошую вамъ зарѣзать, то хромую для кого прикажете оставить?

Кумъ и кума возсѣли на золотой „тахтѣ“ (турецкій или,

лучше сказать, восточный диванъ).—„Разступись земля и скрой ихъ въ своей глубинѣ, этихъ неблагодарныхъ людей! Да обратится, кумъ, твоя борода въ траву, пусть вѣчно коситъ тебя косарь и пусть трава не истощается! А твоя кровь, кума, обратится въ корень марены, пусть грекъ тебя копаетъ безпрестанно и пускай ты будешь неистощима! А крестнаго сына возьмемъ съ собою, ибо миро священно"...

Поэзія тушинъ распадается на два періода: древнѣйшую—героическую и новую—лирическую. Между этими періодами слѣдуетъ поставить пѣсни историческаго содержанія. Въ героическихъ пѣсняхъ тушины сохранили воспоминаніе объ Амиранѣ, который предпринимаетъ грозный походъ противъ персовъ, вслѣдствіе отказа испаганскаго владѣтеля выдать за тушинскаго героя дочь свою за-мужъ. Амиранъ пригласилъ двухъ своихъ братьевъ Бадри и Усупи въ Джавахетію; они разбили тамъ втроемъ трехтысячное испаганское войско, похитили дочь шаха и умчали ее на быстромъ конѣ.

Далѣе извѣстны еще героическія пѣсни сложенныя въ честь Торгва. Тилисдже, Ватадже, Гига, Зезва и другихъ героевъ, которые отличились въ борьбѣ съ лезгинали, кистинцами, чеченцами. Гига воспѣвается какъ охранитель и защитникъ кровной мести. За убійство въ войнѣ своего брата Георгія, Гига уничтожаетъ цѣлый отрядъ лезгинъ и этимъ чувствительнымъ урокомъ ограждаетъ Тушетію отъ повторенія подобныхъ случаевъ вторженія со стороны кистинцевъ и лезгинъ.

Герой Зезва фигурируетъ между прочимъ въ нижеслѣдующемъ *сказаніи о взятіи Бахтріонской крѣпости*, которое привожу въ изложеніи. Объ этой крѣпости такъ отзывается географъ XVIII в. Вахушти: „Къ востоку отъ рѣки Алазани лежитъ крѣпость Бахтріони. Нѣкогда она представляла собою сильную твердыню, но теперь брошена". Печальныя развалины этой крѣпости дѣйствительно слабо напоминаютъ о ея минувшей славѣ. А вотъ что разсказываетъ о ней народное преданіе.

Два тушина изъ пирикительцевъ, охотясь за дикими ко-

зами, взошли на небольшую гору, откуда открылась имъ неизвѣстная до того времени роскошная Кахетія съ ея Алазанскою долиною. Видъ восхитительной картины очаровалъ охотниковъ такъ сильно, что они рѣшили немедленно спуститься внизъ, въ Панкисское ущелье. Здѣсь они встрѣчаютъ татарскую стражу на рѣчкѣ Бацарисъ-Цкали. Татары нападаютъ на нихъ, захватываютъ въ плѣнъ и, мало того, надругаются надъ ними самымъ позорнымъ образомъ. Народъ, взволнованный этимъ гнуснымъ поступкомъ своихъ враговъ, разсылаетъ гонцовъ къ пшавамъ и хевсурамъ, призывая ихъ къ мести за позоръ, который весь народъ терпитъ въ лицѣ своихъ собратовъ. Горцы откликнулись, собрались въ Тушенію пшавы, хевсуры, тушины близъ рѣчки, гдѣ обыкновенно рѣшались дѣла, касающіяся всѣхъ общинъ. Ополченіе раздѣлилось на два отряда: одинъ направился въ Панкисское ущелье, гдѣ и скрылся, другой — къ Бахтріонской крѣпости. Послѣднему отряду пришлось переправляться чрезъ рѣку по мосту. усыпанному золой съ тою цѣлью, чтобы по оставшимся на ней слѣдамъ знать направленіе враговъ. Тушины прибѣгли къ хитрости Виттекинда, подковали лошадей обратно и такимъ образомъ ввели въ заблужденіе татаръ относительно принятаго маршрута. Войско „султана" погналось за ними, но какъ разъ въ другую сторону. Между тѣмъ отрядъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ приблизился къ Бахтріонской крѣпости, занятой татарами. Ворота крѣпости были заперты и взять ее не было надежды. Но герой Зезва заранѣе предвидѣлъ это; онъ заготовилъ колья, которые вбилъ въ стѣну, и, взобравшись по нимъ, спустился во внутрь крѣпости [1]). Отворивъ ворота, онъ впустилъ поджидавшихъ соумышленниковъ, а татары, видя ихъ, выбѣжали въ поле. Погнался побѣдоносный отрядъ за татарами, на встрѣчу которымъ шелъ другой отрядъ горцевъ изъ Панкисскаго ущелья. Застигнутые въ серединѣ татары всѣ были перебиты, почему Алванское поле и получило названіе

1) Отсюда онъ получилъ прозваніе *Гаприндаули* (отъ *нрена*—летать).

„ганцхветила" (*ицхета*— истреблять). Хевсуры и пшавы взяли добычу, а тушины получили Алвани. Этимъ объясняетъ народъ происхожденіе Алвани, какъ общей собственности всѣхъ тушинъ. Самое названіе Алвани ставится въ связь съ грузинскимъ словомъ „али"—пламя, такъ какъ дымились потоки крови татаръ, павшихъ на полѣ брани. По другому народному объясненію имя Алвани происходитъ отъ *ал*—господинъ или госпожа по кистински и *ва*—здѣсь; *алвани* значитъ—„здѣсь есть", т. е. здѣсь мѣстопребываніе царицы, именно Тамары, о чемъ свидѣтельствуютъ развалины крѣпости.

Сохранился разсказъ о подвигѣ героя Зезва и въ пѣснѣ, которой я не считаю уже нужнымъ приводить. Сообщу взамѣнъ этого отрывокъ изъ весьма распространенной на Кавказѣ поэмы „Ростомъ", содержаніе которой я передавалъ въ очеркѣ о пшавахъ и указалъ слѣды ея существованія у мохевцевъ. [1]) Уцѣлѣвшій эпизодъ у тушинъ передаетъ тотъ моментъ борьбы Ростома съ сыномъ своимъ Зурабомъ, когда послѣдній, пораженный отцомъ, испускаетъ духъ.

— Ты, старецъ, убѣленный сѣдинами,
Зачѣмъ вонзилъ ты въ меня свой мечъ до рукоятки!
Куда ты уйдешь отъ мести отца моего Ростома?
— Если ты сынъ Ростома, у тебя будетъ знакъ на тѣлѣ.
О, горе! Сынъ мой, Зурабъ, ты убитъ рукой отца!
Не моя вина, виновата твоя мать.
Кто повѣритъ женщинѣ, да лишится могилы!

Въ историческихъ пѣсняхъ воспѣвается царица Тамара и царь Иракій II. Въ уста Тамары влагается грустное размышленіе о томъ, что она, при всей своей земной славѣ, не смотря на то, что побѣдоносно пронеслась отъ Испагани до Константинополя, наложила дань на Турцію и Персію и была грозною повелительницею полъ-міра,—все таки унесла

[1]) См. „Сборн. матеріаловъ по этнографіи", изд. подъ ред. В. Ѳ. Миллера (Москва 1888), кн. III, стр. 94.

съ собою въ вѣчную жизнь лишь семь аршинъ грубаго холста. При этомъ вспоминается изреченіе мудраго Соломона, который, изобразивъ тщетную борьбу человѣка на землѣ, восклицаетъ съ чувствомъ безграничнаго отвращенія отъ свѣта: „все суета!“ Въ другой пѣснѣ воспѣвается царь Ираклій II, который навелъ такой ужасъ на лезгинъ и кистинцевъ, что они вынуждены были скрыться въ горы и надолго отказаться отъ разграбленія тушинскихъ стадъ.

Съ неменьшимъ успѣхомъ онъ управлялся и съ турками:

Ираклій, Карталинскій повелитель,
Божьей волею взялся за мечъ.
Загремѣлъ въ барабаны, заигралъ въ свирѣли
И собралъ сильный отрядъ.
Соорудивъ желѣзныя телѣги,
Онъ наполнилъ ихъ оружіемъ;
На рѣкахъ мосты построилъ.
Разрушивъ турецкій городъ до основанія,
Ираклій взялъ много добычи.

Въ трудныя минуты, подъ натискомъ врага, всегда вспоминали тушины этого героя-царя, сожалѣя, что онъ не придетъ заступиться за нихъ, и придавая себѣ храбрости однимъ воспоминаніемъ о немъ:

Возстань, проснись, герой героевъ!
Вѣдь ужъ слышится крикъ враговъ:
Пусть не застанутъ они насъ безпомощными:
Начнемъ-те ихъ разить, какъ прежде разили!..
Но мы видимъ, что ты медлишь,
И намъ не вернуться домой!..
Поле и площадь усыпаны жемчугомъ,
И онъ собирается тѣмъ, кто совершилъ подвигъ;
Но горе измѣннику отечества на томъ свѣтѣ:
Будетъ онъ брошенъ въ огонь неугасаемый!

Послѣ смерти Ираклія не только Тушетія, но и вся Грузія сдѣлалась ареной кровавыхъ сценъ. „Пали желѣзныя врата, погибъ тушинъ, умеръ царь Ираклій—неуязвимая твердыня

безопасности Грузіи!“ Царица убивается надъ безжизненнымъ трупомъ супруга; она призываетъ тушинъ, вѣрныхъ воиновъ Ираклія, противъ враговъ, уже разсуждающихъ надъ свѣжей могилой царя, кому овладѣть престоломъ. Видно, что пѣсня эта сложена женщиной, потому что она оканчивается такимъ восклицаніемъ: „О, если бы я была мужчиной, то одѣлась бы въ кольчугу и первая вонзила бы кинжалъ въ сердце ненавистнаго врага!“

Такимъ энтузіазмомъ проникается слабая натура женщины въ предчувствіи позора, ожидающаго Грузію. Не даромъ женщина служитъ предметомъ поэтическаго воодушевленія тушинъ и воспѣвается какъ хранительница завѣта предковъ, съ презрительнымъ укоромъ обращающаяся къ самимъ же тушинамъ, потерявшимъ прежній отважный геройскій духъ, Если теперешній мужчина уже не тотъ безстрашный воинъ, о которомъ прежде мечтала тушинка, за то она та-же скромная и вѣрная супруга со всѣми качествами, которыми тушинъ чрезвычайно дорожитъ. Онъ воспѣваетъ ея черные глаза, черныя кудри, и, по своей любви къ фигуральнымъ выраженіямъ, сравниваетъ ея носъ съ тонкой свирѣлью, нѣжныя губки—съ кожицей лука, зубы—съ правильно расположеннымъ бисеромъ, а слезы на розовыхъ ланитахъ уподобляетъ паденію звѣздъ съ небесной высоты.

Или вотъ еще подобнаго же рода образныя восхваленія:

Скажи мнѣ, дѣвушка, чья ты?
Твои глаза напоминаютъ ежевику;
Лобъ походитъ на луну,
Появившуюся среди темной ночи;
Лицо же твое подобно утреннему солнцу,
А ростъ тростнику, растущему при морѣ.

Любовью этой красавицы тушинъ очень дорожитъ и всякая случайная помѣха или интриги злого разлучника повергаютъ его въ уныніе или въ озлобленіе.

Полюбилъ я дѣвицу-красавицу,
Но меня постигло несчастье:

Просилъ ея руки, и мнѣ отказали,
Злой разлучникъ сталъ между нами.
Уймись, недругъ, перестань враждовать,
Укроти свой змѣиный языкъ!
Вѣдь ты виновникъ нашего разлада.
Тяжкій же грѣхъ ты взялъ на себя!

Желалъ бы я быть ястребомъ
И подняться на высокій утесъ.
Кабы догнать мнѣ твоего похитителя
И увидѣть, на чьей рукѣ ты ляжешь!..
Я повѣдаю тебѣ свои мысли,
Если ты отзовешься на стонъ моего сердца:
Я уже покидаю этотъ край,
Иду въ тріалеты (горы) за овцами.
Хоть тогда поплачь обо мнѣ,
Когда насыплютъ надо мною могилу.

Съ своей стороны за измѣну разъ избранной подругѣ тушинъ самъ надъ собою произноситъ неумолимое проклятіе „Твоего измѣнника,—говоритъ онъ красавицѣ въ пѣснѣ,—пусть караетъ всевышній Богъ, пусть буря-ураганъ застигнетъ на безлюдномъ „салбухскомъ“ полѣ и раздробится на куски поднятый на врага сверкающій кинжалъ!“ Тушинъ не знаетъ болѣе страшнаго проклятія. Требуя отъ женщины постоянства, онъ и самъ себя обязываетъ остаться неизмѣннымъ другомъ своей возлюбленной.

Этотъ лирическій мотивъ остается господствующимъ въ современной тушинской поэзіи. Могучій родникъ поэтическаго творчества тушинъ, дающаго свѣжія, яркія картины жизни и природы, разливается въ современной поэзіи лишь тремя струями: унылой струею недовольства, упоительнымъ потокомъ любви и освѣжающимъ ручьемъ добродушнаго гостепріимства.

А. Хахановъ.

Очеркъ вѣрованій крестьянъ Елатомскаго уѣзда,

ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Зарѣчная часть Елатомскаго уѣзда—самый захолустный уголокъ Тамбовской губерніи. Вдали отъ водныхъ и сухопутныхъ дорогъ, раскинувшись по низовью межъ Окой и Мокшей, онъ живетъ какимъ-то обособленнымъ, замкнутымъ міромъ. Городская культура его не коснулась, даже торговые пункты базары и ярмарки,—эти обычные проводники цивилизаціи, не оказали здѣсь сильнаго вліянія. Вѣрные традиціямъ, крестьяне твердо держатся завѣтовъ старины, ревниво оберегаютъ вѣковые устои отъ волнъ „новшества".

Смѣются надъ ними заѣзжіе торговцы, ругаютъ „пеньками", да горя мало зарѣчникамъ: „Мы не купцы,—говорятъ они,—и не баре, а православные христіане: живемъ по маленьку, по черному, какъ отцы наши жили и намъ приказали"...

Зарѣчники всѣ коренные великороссы—земледѣльцы по происхожденію, почти всѣ православные. Рѣдко-рѣдко попадется гдѣ село татарское или деревушка раскольничья, и тѣ стоятъ какъ-то особо, ни малѣйшихъ признаковъ общенія: „не ладно знаться люду православному съ поганымъ татариномъ, не слѣдъ водить хлѣба-соли и съ еретикомъ старовѣромъ"...

Православными зовутъ себя зарѣчники, въ церковь ходятъ и молебны усердно служатъ, а много еще удержали языческаго и въ обрядахъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ самыхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Это ихъ самое дорогое, самое завѣтное наслѣдіе, которое они хранятъ въ оболочкѣ христіанства. Зарѣчникъ гордится своимъ „православіемъ", носитъ крестъ съ распятіемъ, а порой не скажемъ вамъ, кто рас-

пятъ на этомъ крестѣ, и привѣшиваетъ къ нему десятки „ладонокъ“ съ наговорами и заклятіями; онъ исполняетъ христіанскіе обряды, но дорожитъ ими только какъ высшей необходимостью, которой не сознаетъ и не понимаетъ, но которую боится нарушить изъ страха предъ судомъ Божьимъ.

Заболѣла у мужика жена или дѣти—онъ перепробуетъ сначала тьму суевѣрныхъ средствъ, понабѣгается къ разнымъ колдунамъ и знахаркамъ, а потомъ ужъ поплетется къ „попу“ причастить больныхъ во здравіе. Случилась крупная бѣда на селѣ—повальная болѣзнь или падежъ скота,—цѣлое общество встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, и въ виду причта совершаетъ длинную процедуру опахиваній, заклинаній и другихъ языческихъ обрядовъ.

Духовно-созерцательная жизнь крестьянъ осталась почти прежняя—языческая; съ нею вмѣстѣ удержалась и старая религія, обновленная больше формами, чѣмъ содержаніемъ. Если и проникли новыя идеи христіанства, то онѣ неправильно поняты, и церковныя преданія только перемѣшались съ языческими формами, сообщивъ имъ большую силу переживанія.

Начнемъ съ представленія крестьянъ о сотвореніи міра, о судьбѣ, о добромъ и зломъ духѣ.

Было два царства: царство тьмы и царство свѣта. Первое было на землѣ; сидѣлъ въ немъ сильный и богатый царь Сатанаилъ. Второе было на небѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ тронъ Бога. Богъ былъ добрый, искренне и отъ души любилъ Сатанаила. Сатанаилъ былъ золъ, коваренъ, завидовалъ Богу и ненавидѣлъ его.

Разъ заспорили они между собою, кто изъ нихъ *сильнѣе*, кто поборетъ другого.

Сѣлъ Богъ на свѣтлый тронъ свой и велѣлъ сдвинуть себя съ мѣста. Какъ ни старался Сатанаилъ—ничего не подѣлалъ: съ какого боку ни подойдетъ, мѣшаетъ ему тронъ схватить Бога: глаза ослѣпляетъ, руки жжетъ.

— „Гдѣ-жъ тебѣ побороть меня!“—сказалъ Богъ, схватилъ его и бросилъ на сырую землю.

По колѣна ушелъ Сатанаилъ, но еще сильнѣе сталъ отъ

этого. Пуще прежняго озлобился на Бога и сталъ придумывать, чѣмъ бы побѣдить и превзойти его.

— „Давай теперь поспоримъ, кто кого *хитрѣй*“,—сказалъ онъ, прилетѣвъ опять къ Богу. Господь опять согласился.

— Двое насъ съ тобой во всемъ бѣломъ свѣтѣ,—обратился онъ къ Сатанаилу: сотвори третьяго!..

Сатанаилъ спустился на землю, досталъ кусокъ глины и давай лѣпить фигуру по образу Бога. Слѣпилъ—и не разгадать! только не двигается...

— Что-жъ ты сдѣлалъ?—сказалъ Богъ, дунулъ—и фигура разсыпалась.

Какъ Сатанаилъ ни ухитрялся, никакъ не могъ изобрѣсти душу и оживить ею человѣка. А Богъ только коснулся фигуры, и она стала живымъ человѣкомъ.

— „Ну-ка еще!“—продолжалъ Сатанаилъ.

Богъ взялъ оставшійся кусочекъ глины, дунулъ на него—и рядомъ стало другое существо, во всемъ подобное первому, только еще бѣлѣй, еще краше. Взялъ ихъ Богъ за руки, и пошли они съ нимъ въ сады райскіе и запѣли хвалу Богу. А Сатанаилъ скрежеталъ зубами отъ злобы и придумывалъ новыя хитрости.

Лишь только стемнѣло и опочилъ Господь въ своемъ небесномъ ложѣ, пробрался Сатанаилъ къ садамъ райскимъ и рѣшилъ похитить оттуда новосозданныхъ людей. Только не пускаетъ его ограда райская: какъ тронъ небесный, жжетъ тѣло, глаза ослѣпляетъ. Видитъ Сатанаилъ, что не перелѣзть ему чрезъ ограду райскую, и сталъ манить къ себѣ первыхъ людей. Не выдержали они, перелѣзли черезъ ограду и очутились во власти Сатанаила. Посадилъ онъ ихъ на могучія крылья и унесъ въ свое царство на землю.

Утромъ проснулся Господь и узналъ продѣлку Сатанаила. Взялъ чудесный жезлъ свой, махнулъ имъ—и его окружили многіе милліоны небеснаго воинства—больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ. Далъ имъ Богъ мечи огненные и повелъ на землю. Видитъ Сатанаилъ, дѣло плохо; свиснулъ — и сотворилъ демоновъ больше, чѣмъ песку въ морѣ. Зашумѣла сила

черная и понеслась на Господа. 77 дней сражались въ воздухѣ, земля стонала, небо колебалось. Наконецъ Богъ побѣдилъ Сатанаила: упалъ онъ и провалился въ тартары со всей своей силой демонскою.

Пошелъ Богъ искать своихъ людей и нашелъ ихъ средь бурнаго океана на высокомъ островѣ, между мрачными развалинами дворца Сатанаилова. Плакали первые люди, просили прощенія у Бога и умоляли о возвратѣ на небо. Простилъ ихъ Господь, но къ себѣ не взялъ, а покинулъ на землѣ. Предварительно онъ научилъ ихъ труду, внушилъ понятіе добра и зла и затѣмъ, собравъ всю силу небесную, поднялся на небо.

Съ той поры и пошла борьба добра со зломъ.

Въ знаменіе побѣды надъ Сатанаиломъ Богъ повѣсилъ надъ землею свой огненный мечъ, который бы разсѣвалъ съ земли силу бѣсовскую. Свѣтитъ этотъ мечъ-солнце, и молчитъ рать Сатанаилова, сидитъ во тьмѣ кромѣшной; настанетъ ночь надъ землею—и сила бѣсовская опять повылѣзетъ и начнетъ соблазнять человѣка. Такъ и пошло отъ него злое грѣховное сѣмя. Богъ благословляетъ его—шлетъ чистыя души на землю, а чортъ оскверняетъ ихъ въ грѣховномъ тѣлѣ, подчиняетъ земнымъ страстямъ духъ небесный.

Долго терпѣлъ Господь, наконецъ потопомъ рѣшилъ уничтожить нечестивое племя. Разверзлись облака небесныя, полилъ дождь на землю и затопилъ всѣхъ, кромѣ праведниковъ.

Пошло новое племя; Богъ сотворилъ для него добрыхъ, услужливыхъ животныхъ, насадилъ цѣлебныхъ травъ и растеній. Только и тутъ Сатанаилъ сталъ учинять пакости Богу. Разсѣваетъ Богъ днемъ доброе сѣмя, а Сатанаилъ разбросаетъ ночью плевелы: среди растеній—всевозможные яды, среди животныхъ—хищныхъ, плотоядныхъ звѣрей. Землю послѣ потопа Богъ обратилъ было въ плодородную равнину,—Сатанаилъ изрылъ ее пропастями и оврагами, понадѣлалъ горъ, разбросалъ камни по землѣ. Скоро дошла очередь и до человѣка.

Явился Сатанаилъ прямо къ Богу и сталъ просить у него человѣка на испытаніе, заспорилъ, что опять совратитъ его праведниковъ. Богъ согласился, приставилъ каждому человѣку по ангелу-хранителю, заповѣдалъ ему любовь къ себѣ и на всегда отлетѣлъ отъ земли. Сатанаилъ приставилъ къ человѣку своего демона-соблазнителя, а самъ ушелъ въ свое царство—тартары.

И снова возгорѣлась борьба двухъ силъ надъ человѣкомъ, только ни Богъ, ни Сатанаилъ на землю сами не сходятъ. Послѣдній разъ сойдутъ они во время свѣтопреставленія, раздѣлятъ межъ собой праведниковъ и грѣшниковъ: кого будетъ больше, того и верхъ будетъ.

А человѣкъ все больше и больше поддается дьяволу. Ангелы отлетаютъ на небо, а какъ отлетятъ всѣ—тутъ и конецъ міру. Выйдетъ Сатанаилъ изъ кромѣшнаго царства и возсядетъ на землѣ, на прежнемъ своемъ сѣдалищѣ. Только не долго, всего три дня попуститъ Богъ господствовать ему на землѣ. Сниметъ опять огненный мечъ свой и поразитъ всю силу бѣсовскую...

Таковы разсказы о началѣ міра, записанные мною въ болѣе или менѣе захолустныхъ уголкахъ Елатомскаго уѣзда.

Есть и другія варіаціи, позднѣйшаго происхожденія, съ преобладаніемъ христіанскаго элемента. Такія встрѣчаются больше по селамъ, гдѣ народъ чаще сталкивается съ причтомъ, больше имѣетъ возможности ознакомиться съ подлинными преданіями церкви. Въ этихъ разсказахъ старые миѳы приноравливаются къ позднѣйшимъ христіанскимъ воззрѣніямъ, соединяются съ ними грубо, неосмысленно, и происходитъ рѣзкое смѣшеніе чуждыхъ другъ другу формъ, чуждыхъ понятій. Не вдаваясь въ подробности самыхъ разсказовъ, отмѣчу только нѣкоторыя данныя, какъ примѣръ робкаго опыта постепенно согласить новыя христіанскія представленія съ живучими остатками язычества. Сначала въ борьбу двухъ силъ вводится личность Христа, затѣмъ Святъ-Духъ. Это таинственное „умоленное“ существо вмѣстѣ съ Христомъ требуетъ отъ земнаго царя своей законной дани; но тотъ обманываетъ его:

удѣляетъ ему живыхъ людей, а за собой удерживаетъ власть надъ душами мертвыхъ. И Христа и Святъ-Духа, какъ идеалъ добра, народъ и отличаетъ пока только одной этой идеей добра; чортъ по прежнему силенъ, остался прежнимъ половинщикомъ Бога. Затѣмъ постепенно въ варіанты вводится борьба трехъ силъ: Христа, Святъ-Духа и Бога противъ одного дьявола. Въ результатѣ дьяволъ побѣжденъ и прикованъ къ цѣпи чрезъ посредство Христа и неизвѣстнаго таинственнаго человѣка.

Едва ли доказываютъ всѣ эти варіанты, чтобы содержаніе религіозныхъ представленій народа существенно измѣнилось, и чтобы произошелъ крупный поворотъ отъ язычества къ христіанству. Категорическій отвѣтъ въ данномъ случаѣ, по моему невозможенъ. Здѣсь обозначилось только одно переходное состояніе. Новая религія обаятельна опредѣленнымъ выраженіемъ идеи высшаго добра. смѣлымъ проклятіемъ злой силѣ,—обаятельна, но далеко не такъ понятна, и страшно сдѣлать прямо къ ней рѣзкій шагъ отъ язычества. Крестьянинъ не найдетъ пока опредѣленныхъ границъ между старымъ и новымъ представленіемъ, мѣшаетъ ихъ содержаніе, мѣшаетъ формы. Идея высшаго добра была и раньше; и прежде онъ стремился къ ней, ненавидя и проклиная въ душѣ идеалъ отрицательный. Самая суть—распредѣленіе ихъ власти на землѣ, взаимныя отношенія другъ къ другу и подчиненіе Богу всего видимаго—только въ робкомъ зародышѣ... еще на устахъ народа, но не вы говорены. Сатана остался прежнимъ царемъ тьмы, правда, не такимъ сильнымъ соперникомъ Бога, но царемъ все же самостоятельнымъ и въ мірѣ зла по прежнему обособленнымъ.

— „Бога люби, а чорта не дразни", т. е. уважай въ немъ силу, всегда враждебную и гибельную для человѣка. Былъ же пустынникъ, старецъ твердой воли и крѣпкой любви къ Богу, но совращенъ Сатаной оттого, что трижды плевалъ на него каждый разъ послѣ молитвы. Жилъ онъ нѣсколько лѣтъ въ тиши и уединеніи лѣсовъ. За подвижническую жизнь Богъ уготовалъ ему лоно рая, ниспосылалъ

ангеловъ къ нему въ пещеру—и вдругъ дьяволъ жестоко насмѣялся надъ подвижникомъ: авился въ образѣ дѣвы, соблазнилъ и вмѣсто уготованнаго рая бросилъ на муки ада...

Итакъ, люби и бойся Бога, но трепещи и чорта, коли страшны тебѣ муки ада!.. Таково пока религіозное убѣжденіе крестьянъ, такимъ выглядываетъ оно и въ ихъ представленіяхъ. Имя чорта унижается церковью, онъ громогласно проклинается ею, но то церковь!.. Зарѣчникъ слушаетъ все это въ ея стѣнахъ, но вышелъ—и самъ всѣми силами постарается забыть слышанное. Страшно повторить въ душѣ униженіе чорта: подслушаетъ „недобрый“ и жестоко отплатитъ дерзкому. Коли святыхъ отнимаетъ у Бога, гдѣжъ тутъ устоять противъ него грѣшнымъ! Попу хорошо учить: „не бойся“; онъ крестомъ божьимъ покрытъ, а мы что! Сказалъ лишнее слово и угодилъ въ преисподнюю.

Отсюда невольно развился, окрѣпъ и робко удерживается до сихъ поръ культъ злой силы на ряду съ почитаніемъ единаго христіанскаго Бога. Прямого культа, т. е. почитанія и боготворенія злой силы, собственно говоря, нѣтъ. Идеалъ отношеній къ „нечистому“ носитъ скорѣе всего безразличный характеръ: не раздражать его, поминая его имя, не плевать въ его сторону (лѣвую)—и только.

Но межъ идеальными силами добра и зла есть еще, такъ сказать, силы промежуточныя: близкія къ Богу—ангелы съ небесными обитателями, и близкія къ чорту—разсѣянная по землѣ нечистая сила, его земные пособники. Ангелы—заботятся о человѣкѣ, но надо быть осторожнымъ, уважать, сколько можно, нечисть — земныхъ агентовъ преисподней, которые только и ищутъ случая перетянуть на свою сторону человѣка. Таковъ имъ завѣтъ отъ царя преисподней; таковы и ихъ собственные интересы, во имя которыхъ они трудятся. Видитъ злая сила пламенный мечъ на небѣ и помнитъ, что въ концѣ міра онъ сразитъ ихъ, если ихъ вождь Антихристъ окажется слабѣе грѣшниками, чѣмъ Богъ праведниками.

Нечисть разсѣяна повсюду. Земля грѣшна и грѣшнаго на ней больше, чѣмъ святого, божескаго. Всюду злое сѣмя дьявола: и въ царствѣ растительномъ и въ царствѣ животномъ; стихіи есть и злыя и добрыя,—все въ природѣ пополамъ межъ царями-половинщиками. И все это почитай, не погрѣшая противъ Бога, не раздражая и чорта. Такой дуализмъ въ задачѣ и сталъ прямымъ виновникомъ дуализма въ представленіяхъ христіанина. Его религія велитъ ему смѣло проклинать чорта во имя любви къ Богу, но онъ рѣшится скорѣе отступить шагъ назадъ къ старымъ представленіямъ, чѣмъ повторить за церковью слово презрѣнія тому, кого онъ привыкъ страшиться, какъ силы почти равносильной съ Богомъ. Отсюда становится понятнымъ, что между тѣмъ, какъ культъ доброй силы ослабъ отъ сліянія съ положительными идеалами христіанства, культъ злой силы удержался, не смотря на разрушительныя для него идеи новой религіи.

Разсмотримъ признаки и проявленія того и другого культа. Чистыхъ стихій двѣ: огонь и вода. Культъ ихъ, пожалуй, живъ, даже распространенъ, но поблѣднѣлъ и видоизмѣнился до неузнаваемости.

Огонь—стихія всесильная, всеочищающая. Отъ нея и злой духъ бѣжитъ и все нечистое очищается. Пастухи въ табунѣ разводятъ ночью костеръ и вполнѣ покойны среди самаго нечистаго мѣста: не посмѣетъ подойти къ огню злая сила, не посмѣетъ тронуть человѣка. Нечистое животное свинья: и людей ѣстъ, и оборотнемъ бываетъ; но опалить ее на огнѣ — и она станетъ самымъ чистымъ. Заболѣетъ кто-нибудь — первое средство—„вспрыснуть съ уголька“, растереть на заслонѣ, покатать въ золѣ и т. п. Родилось дитя „неправое“ — мать спѣшитъ въ лѣсъ, разыскиваетъ тамъ обожженное молніей дупло и сажаетъ туда дитя въ полной надеждѣ на его спасеніе.

Культъ языческаго бога-громовника повсюду почти перешедшій въ христіанское почитаніе Ильи великаго, до сихъ поръ еще носитъ здѣсь нѣкоторые слѣды язычества. Въ с.

Мамышевѣ, Пенькахъ и другихъ глухихъ селахъ считаютъ рискованнымъ хорониться отъ грозы близъ церкви, а спѣшать въ избу, поближе къ очагу. Стрѣльба изъ ружья считается у нѣкоторыхъ чѣмъ-то ужаснымъ, могущимъ вызвать отвѣтный громъ на небѣ. Кузнецъ, ближе всего стоящій къ стихіи огня, фигурируетъ въ сказаніяхъ, какъ ненавистный и неуязвимый для злой силы человѣкъ. По однимъ разсказамъ, онъ отказался ковать чорту оружіе для борьбы съ Богомъ. Силу тотъ создалъ несмѣтную, а ковать не можетъ,—вотъ и обратился къ кузнецу; тотъ отказался, и Богъ далъ зарокъ чертямъ не губить души кузнеца. По другимъ варіантамъ, кузнецъ надѣлалъ громовыхъ стрѣлъ Ильѣ, и угодникъ наградилъ его той же силой. Есть примѣта, что молнія и ласточка никогда не зажигаютъ кузницы. Сова, какъ „чертова птица", не смѣетъ садиться даже на дома кузнецовъ.

Культъ огня переносится иногда на золу, камни и уголь. Кремень и кресало всюду, во всѣхъ похожденіяхъ охраняютъ отъ злого духа. Спичками прогонишь ночью только звѣря лѣсного, но не всегда спасешься отъ недобраго: гораздо дѣйствительнѣе и надежнѣе здѣсь огонь отъ кремня съ кресаломъ. Строитъ хозяинъ новую хату—два-три кирпича вставляетъ въ новую печь изъ старой; отдѣляется членъ семейства—хозяйка спѣшитъ вынести горшечекъ-другой золы изъ старой печи, и чѣмъ больше выгребетъ, тѣмъ больше вынесетъ счастья для новой семьи.

Какъ карательная стихія, огонь самая страшная, самая дѣйствительная и вѣрная сила. Кто плюетъ въ печь — вѣрная сухотка впослѣдствіи. Загорѣлъ хлѣбъ у крестьянина — великій, стало быть, и непростительный грѣхъ на душѣ у хозяина. Задохнулась баба, парившаяся въ печкѣ, — была, значитъ, колдунья или вѣдьма: пришелъ конецъ ея волѣ-долѣ на землѣ. Загорѣлись случайно волосы у священника—нечистъ былъ батька: не ходи впередъ служить такимъ у алтаря.

Какъ стихія цѣлебная, огонь является больше въ соединеніи съ *водой*. Дождевая и ключевая вода тоже цѣлебна.

Сверхъ того вода обладаетъ вѣщей силой предсказанія. Съ нею неразрывно связаны святочныя и весеннія гаданія и другія повседневныя примѣты. Подойдетъ пѣтухъ къ чашкѣ съ водой, закудахчетъ, глядя въ нее,—выйти дѣвушкѣ замужъ; отойдетъ спокойно—вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть. Потонулъ въ водѣ вѣнокъ, воскъ съ волосами новорожденнаго — не жить человѣку на бѣломъ свѣтѣ. Увидалъ свое изображеніе въ водѣ—тоже добру небывать.

Безусловно чистою вода не считается; въ этомъ ея отличіе отъ огня. „Огня чортъ боится, а въ водѣ селится", говоритъ пословица. Дождевая вода съ ключевой чисты безусловно, а рѣчная, луговая и особенно озерная могутъ быть оскверняемы присутствіемъ нечистаго. Въ „лужанкахъ" съ полой водой народная фантазія поселила полувоздушныхъ, полуводяныхъ духовъ въ видѣ красивыхъ мальчиковъ съ розовымъ лицомъ и золотистыми волосами. На зарѣ, когда еще не пробиваются лучи солнца, они купаются и громко плещутся, съ восходомъ солнца постепенно таютъ и уносятся въ высь небесную.

Рѣки тоже нечисты отъ присутствія въ нихъ водяныхъ и русалокъ. Культъ *водяныхъ* довольно распространенъ, особенно въ сосѣднемъ селѣ нашемъ Саврѣ-Мамышевѣ, гдѣ всѣ почти занимаются рыбнымъ промысломъ. Нерѣдко случалось ѣздить съ ними и бесѣдовать объ этомъ предметѣ. Въ водяныхъ вѣрятъ такъ-же, какъ въ свое собственное существованіе. Передаютъ при этомъ цѣлую массу „бывальщинъ", „оказій" и „страховъ", если выразить свое недовѣріе.

Живутъ водяные въ рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, всегда на значительной глубинѣ подъ колодникомъ. По водѣ плаваютъ въ видѣ сома, а отдыхать вылѣзаютъ въ полночь старикомъ съ длинной, зеленовато-сѣдой бородой и сосновой плесой. Днемъ вылѣзаютъ рѣдко—Ильи боятся: увидитъ — и поразитъ на смерть. Съ самаго чертова побоища гоняется угодникъ за нечистью и усердно избиваетъ, какъ увидитъ днемъ на поверхности земли. Щадитъ только тѣхъ, кто успѣетъ обратиться въ ужа съ короной или въ божью пчелу.

Водяной рѣдко вредитъ людямъ. На ряду со всякой нечистью, удержавшись на землѣ, онъ далъ зарокъ Богу не видѣть свѣта божія, страшиться божьяго имени и не касаться человѣка съ православнымъ крестомъ на шеѣ.

Рѣдко вредитъ водяной, но любитъ почетъ отъ людей и мститъ за злыя шутки съ нимъ. Прибыльная и удобная по нашей рѣкѣ (Мокшѣ) ловля съ подсвѣтомъ совершенно не практикуется рыбаками изъ суевѣрнаго страха, чтобы не раздразнить водяного. „Вонъ былъ,—разсказывали мнѣ,—Ѳомка у насъ. На что бы, кажись, удалѣе! И съ водянымъ ладилъ: нырнетъ, бывало, въ самую глубь за полуштофъ. А поѣхалъ разъ съ подсвѣтомъ—лодку одну только и прибило съ шапкой". Глубоко неводъ пускать тоже не хорошо: опять обезпокоишь, раздразнишь водяного; попадетъ нарочно въ матню, прорветъ и уведетъ за собой всю рыбу.

Водяной—существо благодушное, но такъ расшалится порой, что испугаетъ на смерть. Ѣдешь въ лодкѣ—все ничего: и тихо, и волны нѣтъ. Вдругъ поднимается корма на цѣлый аршинъ отъ воды; раздается хохотъ, плескъ волны—и снова все тихо. Лодка опала, опять ничего нѣтъ. Крестится изумленный рыбакъ, а водяной вынырнетъ гдѣ-нибудь вдали, махнетъ разъ-другой плесой и скроется въ пучинѣ съ тѣмъ же глухимъ хохотомъ. Шутки водяного бываютъ больше съ началомъ весны: радъ бываетъ онъ своему новоселью и особенно часто шутитъ въ это время. Ѣдутъ рыбаки по рѣкѣ, вздремнутъ по теченію — водяной влѣзетъ незамѣтно въ лодку, оборотится мертвецомъ и лежитъ среди нихъ. Замѣтятъ его, сотворятъ крестное знаменіе — онъ прямо въ воду, только его и видѣли.

Передъ началомъ лова всегда бросаютъ водяному двѣ-три рыбы, крошки хлѣба, посуду съ остатками вина и т. п. Зарябитъ по водѣ—сердитъ водяной, брови хмуритъ, не жди лову хорошаго. Дозоромъ обходитъ онъ свое водное царство, набредетъ на неводъ и выпуститъ изъ него всю рыбу. Водяной одинъ на всю рѣку. Рыбу перегоняетъ то туда, то

сюда, по собственному усмотрѣнію. Зимой уходитъ изъ воды въ подземное жилище.

Два слова объ этихъ жилищахъ. Находятся они глубоко подъ землей. Ходъ въ нихъ открытъ всегда и для всякой нечисти. Водяной уходитъ туда чрезъ отверстіе въ руслѣ; таинственныя отверстія эти бываютъ во всякомъ озерѣ. Ведутъ они прямо въ подземное царство, куда вмѣстѣ съ водянымъ собираются зимой и русалки. Въ царство это попадаютъ иногда и люди: утопленники, затащенные въ полдень русалками. Возврата нѣтъ, если не отслужишь 40 обѣденъ Зосимѣ и Савватію; тогда только можетъ всплыть покойникъ и можетъ быть похороненъ по христіанскому обряду.

Самъ властитель подземнаго царства рисуется крайне тусклыми неопредѣленными красками. Извѣстно только, что есть у него 111 дочерей всѣ красавцы, но злыя, нечистыя; мучатъ и всячески тиранятъ попавшаго къ нимъ человѣка; только одна младшая добрая да привѣтливая.

Ходъ въ подземное царство открытъ съ суши черезъ пропасти, трущобы и разсѣлины; открытъ чрезъ всѣ „неудобныя“ мѣста на землѣ. Неудобныхъ мѣстъ этихъ становится все больше и больше—съ провалами, кладами и оскверненными болотами. Большинство изъ нихъ окружено массою легендарныхъ сказаній о страшныхъ волшебникахъ и разбойникахъ.

На лѣвомъ берегу Мокши, недалеко отъ Пятницкаго Яра находится одно изъ такихъ неудобныхъ мѣстъ—глубокій провалъ, полный мутной воды, съ чащей кустарника по берегамъ. Заѣзжалъ сюда съ своей вольницей славный атаманъ Стенька, жилъ здѣсь долгое время и закопалъ несмѣтныя сокровища; зарыты они были безъ всякаго зарока, и какъ только прокляли Стеньку по смерти—тутъ провалился и кладъ въ преисподнюю. Мѣсто стало нечистымъ: ни рыба тамъ не живетъ, ни птица не садится, а по ночамъ только бѣсенята купаются. Мѣсто это не разъ приходилось мнѣ видѣть. Рыба тамъ, дѣйствительно, не живетъ, потому что вода содержитъ

какія-то примѣси, а птицѣ и садиться негдѣ: всего болота 2 сажени въ діаметрѣ, и то на половину закрыто кустарникомъ. Другое нечистое мѣсто извѣстно близъ Просяныхъ Полянъ —тоже въ видѣ провала, въ кустарникахъ, среди пахатнаго поля. Третье мѣсто между с. Темиревымъ и Саврой Мамышевой—островъ среди озера Иршади. Дна, по разсказамъ, любопытные недоставали, а вмѣсто рыбы хмѣльной рыбакъ вытянулъ разъ маленькаго, какъ головешку, бѣса. Интереснѣе другихъ провалъ близъ с. Потапьева, на высокомъ берегу рѣки Пета. Съ отверстіемъ вверху онъ представляетъ обширную, темную пустоту съ отдаленнымъ, едва слышнымъ журчаньемъ водяныхъ жилъ. Сверху былъ, говорятъ, прежде тяжелый желѣзный затворъ съ безконечными внизъ ступеньками; былъ и другой ходъ съ подошвы горы, но со временемъ прососалась вода. Кладъ, схороненный здѣсь, провалился, вода ворвалась съ нижняго входа, размыла стѣнки и сама ушла внизъ, оставивъ за собой безформенную зіяющую пропасть. Все это мѣста нечистыя, недобрыя, изъ коихъ будетъ вылетать передъ концомъ свѣта рать Сатанаилова.

Но не одни поганыя, нечистыя мѣста въ окружности: есть и озеро святое, и болото священное. Святое озеро расположено на лѣвомъ берегу рѣки Мокши, близъ рыбной пристани Шуруйватаги. Святымъ названо потому, что здѣсь ушелъ въ землю какой-то чудный храмъ. Праведники видятъ на Святую его отображеніе, другіе болѣе тонкіе наблюдатели могутъ разглядѣть молящихся, слышатъ неземное, сладкое пѣніе. Священное болото, скорѣе родникъ, находится въ полуверстѣ отъ Темирева. Ключъ освященъ явленной иконой чудотворца Николая, а около находится священное дерево—орѣшникъ, куда стекаются всѣ болящіе, недужные, одержимыя злымъ духомъ женщины; вѣшаютъ тряпки, пояса, платье, бусы, кладутъ мелкую монету, произносятъ непонятныя слова и быстро убѣгаютъ въ полной увѣренности, что болѣзнь осталась на деревѣ.

Культъ третьей природной стихіи—воздуха, въ видѣ *вѣтра*, сравнительно блѣденъ. Вѣтры—существа демоническія, полу-

злыя, полудобрыя. Ихъ нѣсколько сестеръ: Буря, Мятель и Вьюга; нáбольшимъ между ними злой и неугомонный братъ ихъ Вихрь. Всѣ они сохранили значительную связь съ чортомъ и больше всего вредятъ людямъ. На нихъ катаются злые духи во время свадьбы; они носятъ вѣдьмъ въ Кіевъ, заметаютъ отъ Ильи слѣды нечистыхъ. Живутъ среди скалъ на о. Буянѣ; выпускаются поочередно.

Значительно рельефнѣе другихъ культъ предковъ и умершихъ, олицетворяемыхъ въ русалкахъ и огненныхъ змѣяхъ и особенно домового.

Домовой относится къ разряду самыхъ любимыхъ демоническихъ существъ. По однимъ повѣріямъ, домовые - это предки рода, проклятые Богомъ на извѣстный срокъ, не принятые землей. На нѣсколько лѣтъ обреченъ домовой въ батраки потомкамъ рода и каждый разъ со смертію главы семейства принимаетъ образъ покойнаго. Живетъ домовой на чердакѣ; кого полюбитъ, тому можетъ подарить шапку-невидимку, сапоги скороходы, рубль неразмѣнный. Въ хозяйствѣ слѣдитъ главнымъ образомъ за лошадьми: любимой масти кормитъ воровскимъ овсомъ, нелюбимыхъ мучитъ: по ночамъ ѣздитъ, кормъ выгребаетъ, въ колоду „заваливаетъ". Ведетъ отчаянную войну съ полевыми русалками, если онѣ подходятъ близко къ дому, портятъ овощи, обтачиваютъ зерна на загонѣ.

Домовой существо нечистое, невидимое, только осязаемое. Зарокъ ему отъ Бога—не видѣть ни людей, ни свѣта божьяго. Видѣть его поэтому никто не можетъ, а кто увидитъ—умретъ или онѣмѣетъ. Описываютъ его въ видѣ медвѣдя, только съ человѣческой ступней и головой. Какъ родовое демоническое существо, домовой держится далеко не во всѣхъ дворахъ. У насъ, въ Темиревѣ, ихъ насчитываютъ до 10—15—не болѣе.

Домового любятъ: кладутъ печеный хлѣбъ и блины подъ застрѣхи. Только немногіе осмѣливаются раздражать его за непорядки по хозяйству: возьмутъ, напримѣръ, и зажгутъ фонарь у яслей, раскроютъ лапасъ для свѣта, голову мед-

вѣжью повѣсятъ. Порой, какъ зачахнетъ скотина, кормятъ сѣномъ съ запахомъ ладана: домовой тогда въ конецъ разсердится и бѣжитъ со двора, разоривъ, что можно, въ хозяйствѣ.

Много разсказываютъ про связи домового съ молодыми солдатками и вдовами. Дѣти умираютъ прежде, чѣмъ успѣютъ окрестить ихъ, и живутъ въ подпольѣ, за печкой и печуркой. Часто происходятъ тутъ у домового столкновенія съ змѣемъ: только что онъ разсыплется надъ домомъ, полѣзетъ черезъ трубу въ хату—домовой бросается на него и происходитъ ожесточенная драка. И не совладать бы никогда змѣю, если-бъ тотъ не зналъ страшнаго зарока домовому: начнетъ палить огнемъ изо рта, тотъ мигомъ и исчезнетъ.

Держится домовой на чердакѣ только за послѣднее время: не нравятся ему теперь хозяева безхозяйные. Прежде онъ жилъ въ избѣ, лежалъ рядомъ съ хозяиномъ. Для этого пристраивалась всегда (и теперь существуетъ) казенка вдоль печи—мѣсто нечистое: ни хлѣба, ни креста класть нельзя.

Есть основаніе думать, что домовой былъ прежде только чистымъ, добрымъ духомъ любимаго предка; въ разрядъ нечисти попалъ онъ только съ христіанствомъ, съ которымъ создалось, вѣроятно, и сказаніе о предкахъ-грѣшникахъ, проклятыхъ Богомъ.

Говоря о культѣ умершихъ, не могу не упомянуть о такъ называемыхъ „колокольныхъ мертвецахъ" и „злыхъ еретицахъ". Тѣ и другіе грѣховные, нечистые люди, коихъ мать сыра земля не принимаетъ. Колокольный мертвецъ обыкновенно изъ колдуновъ, живетъ на колокольняхъ. Найдется смѣльчакъ, пойдетъ „на споръ" въ полночь, а онъ сидитъ въ углу въ бѣломъ колпакѣ. Сорветъ съ него колпакъ—и намается всю жизнь: до тѣхъ поръ будетъ ходить подъ окно, пока тотъ въ полночь же не надѣнетъ на него колпака; а станетъ надѣвать — тутъ и придушитъ его злой колдунъ.

Что такое „еретицы"—опредѣленно сказать трудно. По разсказамъ большинства, это женщины, заживо продавшія

свою душу чорту, и вотъ скитаются теперь по землѣ, совращая людей съ истинной вѣры. Днемъ ходятъ въ видѣ безобразныхъ, рваныхъ старухъ, къ вечеру собираются въ поганыхъ оврагахъ, а ночью уходятъ въ провалившіяся могилы и спятъ тамъ въ гробахъ нечестивыхъ. Могильные провалы на нашихъ погостахъ встрѣчаются часто, и каждый изъ нихъ считается за вѣрное пребываніе еретицы. Упадешь туда по поясъ—изсохнешь; а увидишь въ ней случайно еретицу—не жить на бѣломъ свѣтѣ.

Умерла—передавали мнѣ въ Темиревѣ—у мужика дочь; позвалъ онъ свата, угостилъ его и попросилъ вырыть могилу. Во хмѣлю сватъ побрелъ прямо съ лопатой на кладбище. Нашелъ могильный провалъ, опустился въ него и давай рыть могилу. Лопата стукнула о гробъ, и черезъ гнилой сучокъ онъ увидѣлъ вдругъ глазъ еретицы. Поспѣшно выпрыгнулъ мужикъ и безъ оглядки побѣжалъ домой. Прибѣжалъ, лѣзетъ на печь, а тамъ лежитъ еретица и смотритъ на него тѣмъ-же злымъ глазомъ; тотъ опрометью на дворъ, къ яслямъ, но проклятая еретица и тутъ предупредила его: лежитъ въ ясляхъ и заливается демонскимъ хохотомъ. Съ той поры и сталъ сватъ сохнуть-сохнуть. Что ни дѣлали— и молебны Зосимѣ съ Савватіемъ служили, и водой святой кропили—ничто не помогло, умеръ сватъ.

Бродятъ еретицы только весной да поздней осенью. Когда не попадаютъ въ могилу, влѣзаютъ черезъ трубу въ баню, громко плещутся тамъ, скачутъ и пляшутъ подъ свистъ нечисти. Отъ одной изъ такихъ еретицъ родится впослѣдствіи антихристъ.

Таковы въ общемъ вѣрованія елатомскаго зарѣчника. Кругомъ него все живетъ чудесной сверхъестественною жизнью, все живетъ и одухотворяется въ самыхъ причудливыхъ поэтическихъ образахъ.

Какъ на главный опредѣляющій центръ укажу въ заключеніе на представленіе о Буяновомъ царствѣ. Островъ Буянъ— центръ сказочнаго эпоса и языческихъ представленій. Къ нему пріурочивается все болѣе или менѣе крупное изъ области чу-

десныхъ явленій и сказаній о демоническихъ существахъ. Тамъ царь-дѣвица, тамъ царь морской, хрустальныя и золотыя чертоги великановъ, тамъ дивныя растенія, рѣдкія птицы и животныя—все это тамъ, въ странѣ чудесъ, и живетъ въ одной стройной гармоніи подъ общимъ названіемъ „нечисти". Все тамъ хорошо и красиво съ виду, но въ то-же время нечисто и поддѣльно; это только яркій блескъ мишурнаго царства зла. Красивыя птицы—либо вѣдьмы, либо заклятыя дѣвы; звѣри—тоже всѣ оборотни, и сама царь-дѣвица, плавающая тамъ невинной бѣлой лебедкой,—ничто иное, какъ злая-презлая колдунья. Все это нечисть и нечисть, которая первая понесется съ Сатанаиломъ на Господа при концѣ міра, а за ней ужъ и вся та мелочь, что разбросана по землѣ православной [1]).

А. Звонковъ.

---

[1]) Любопытное сказаніе о происхожденіи міра и о вѣчной борьбѣ двухъ началъ сообщаемое г. А. Звонковымъ, принадлежитъ къ очень распространенному въ Европѣ и Азіи циклу космогоническихъ легендъ дуалистическаго типа. См. Этногр. Сборн., 1858, IV, 210—211; Сумцовъ. Апокрифы, Кіев. Срар. 1887, VI—VII, стр. 235—246; Reville, Les religions des peuples non civilisés, I, 282; Правосл. Собес., 1861, I. 257—8; Порфирьевъ, Апокриф. сказ. по рукоп. Солов. библ., 87; Чубинскій, „Труды", I, 39—40, 141—144; II, 359; III, 307; Драгомановъ, Мал. пред. 15, 89—91, 429—434; Kolberg, Pokucie, I, 348; III, 81—86; Головацкій, Пѣсни Угор. Руси, II, 5; Основа, 1862, VI, 59—60; Потебня, Объясн. малор. и срод. нар. пѣс., II, 738—740; Шейнъ, Бѣл. нар. пѣсни, СПБ., 1874 428—9: Буслаевъ, Очерки, I, 487 и слѣд.; Афанасьевъ, Поэт. воззр., II, 459 слѣд. и Легенды 51, 52, 152; Караджичъ, Српске народне припов. 114; Српске народ. пjесме, II, 81—85; Общтъ трудъ, 1868, II, 73—78; Тихонравовъ, Лѣтописи, II, 100; Рус. Бес., 1857, IV; Терещенко, Бытъ рус. нар., V, 44—45; Рачкій, Bogomili, a Patareni, Rad jugoslovenske akad.; X, 252—4; Кіев. Ст. 1887, май, 196—7; Эрбенъ, 100 слав. нар. сказ и повѣрій, Прага, 1865, 143, 144, 287; Nowosielski, Lud. II, 2—7, 103—4; Изв. И. Общ. Люб. Е., А. и Э., т. III, вып. I, 9, 87, ср. 105; т. XLVIII, вып. 2, стр. 51, 67 и слѣд.; т. LXI, 118—121; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, 169—170; Даниleвскій, Стоіря о Господѣ и землѣ, Ист. Вѣст., 1888, XII; 1889, 1 и т. д.

Палій и Мазепа

ВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

Среди тревоги и волненья
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ.

. . . .

Но близъ Московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньи сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но чтожъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?...

Пушкинъ, „Полтава".

Легенды о Паліѣ и Мазепѣ записывались и издавались не разъ [1], но всетаки напечатанное до сихъ поръ далеко не исчерпываетъ всего богатства преданій, ходящихъ въ народѣ, объ этихъ историческихъ лицахъ.

---

[1]) Кулишъ, Зап. о Юж. Руси, I, 115—128; Grabowski. O gminnych ukraińskich podaniach—„Rubon", Вильно, 1845, VI, 169—174; Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, 206—207; Чубинскій, Нѣсколько народ. истор. пред., Кіевъ, 1873,8—9 (Зап. Юг. Зап. Отд. Геогр. Общ., I, 296); Драгомановъ, Мал. нар. пред. и разск., 201—208; Политичні пісні укр. нар., т. I, вып. 2, 37—46; Комаръ Химиничъ, Коростышевъ, Кіевлянинъ, 1868, № 111; Свидницкій, Легенда о Семенѣ Паліѣ, ib. 1870, № 57; Ревякинъ, Семенъ

Народная фантазія, затронутая грандіозными событіями первой четверти XVIII в., для поэтическаго изображенія этихъ событій взяла многое изъ готоваго запаса раньше созданныхъ сказаній, отлила новое содержаніе въ традиціонныя, установившіяся формы; новыхъ красокъ она почти не создала. Къ основному, исторически вѣрному скелету прирастали все новыя и новыя подробности, легендарныя біографіи заинтересовавшихъ народный умъ героевъ все болѣе и болѣе разростались и обращались въ пеструю мозаику, въ которой переплелось старое и новое, фантастическое и реальное... Этотъ интересный процессъ [2]) сложенія позднѣйшихъ народныхъ сказаній создалъ цѣлый рядъ варіантовъ, часто противорѣчащихъ другъ другу. Далеко не всѣ изъ нихъ записаны, такъ что этнографамъ-собирателямъ предстоитъ еще много работы въ этомъ направленіи, и при самыхъ поверхностныхъ поискахъ ихъ ждетъ богатый уловъ... Въ настоящей статьѣ я помѣщаю 4 легенды изъ своего небольшого рукописнаго сборника малорусскихъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ мною или для меня, а для полноты очерка, чтобы избавить интересующихся лицъ отъ непріятнаго труда разыскиванія подобныхъ разсказовъ по старымъ, иногда очень рѣдкимъ изданіямъ, я позволяю себѣ перепечатать также нѣкоторые тексты изъ другихъ изданій. При этомъ предварительно, пользуясь удобнымъ случаемъ, выска-

---

Палій, Основа, 1861, XI--XII, 29—32; Кіев. Стар., 1882, III, 611—2; IX, 579—581; 1888, V, 47—49; Антоновичъ, Послѣд. врем. казач. на правой стор. Днѣпра, Кіевъ, 1868, 61—73 (Архивъ Юг. Зап. Россіи, т. II, ч. III, предислов. 61--73); Чернига. Епарх. Изв., 1868, № 7, ч. неоф. ,256—7; Новицкій, Екатериносл. Губ. Вѣд., 1888, № 10; Ж—ій, Черниг. губ. в. 1888, № 11; Мордовцевъ, Новости, 1889, № 66; А. Н. Веселовскій, Мелкія зам. къ был., XII, Журн. М. Н. Пр. 1889, 5; Кулѣшъ, Укр. нар. пред., М., 1847, отд. I; Кіевлянинъ, 1888. № 34; отчасти Ковчинецъ, Лег. о Петрѣ Великомъ, Черн. Губ. Вѣд., 1888, № 5 (переп. въ Кіевл. и Кіев. Ст. 1889). Великорусская легенда о Мазепѣ и Петрѣ— Якушкинъ, Сочиненія, СПБ., 1884, письма изъ орлов. губ., 312.

[2]) О подобномъ процессѣ въ новѣйшихъ пѣсняхъ см. въ моей замѣткѣ: „варіантъ пѣсни о Томиленкахъ" Кіев. Стар., 1887, VI—VII, 585—6.

жу нѣсколько соображеній и укажу нѣкоторыя сближенія по поводу малорусской литературы о Паліѣ, Мазепѣ и Кочубеѣ, этихъ трехъ тѣсно связанныхъ между собою герояхъ старой отшедшей „въ тьму вѣковъ" Малороссіи...

Для малорусскаго общества конецъ XVII-го и XVIII-ый в. были эпохою сильной ломки. Рушились старые устои жизни, новые еще не были найдены. Это была смутная и тяжелая эпоха почти повальнаго грабежа, насилій, быстро развивающейся розни между образованными и „неписьменными", между привиллегированными и „хлопами",—эпоха общественной безурядицы, которую трудно и представить себѣ теперь. Литература и школа, которыя въ XVI и первой половинѣ XVII вв. находили для себя живительный стимулъ въ борьбѣ съ католичествомъ и уніей, быстро вырождались; все болѣе и болѣе развивалось схоластическое и мертвенное стихоплетство, которое перешло потомъ въ болѣзнь, охватившую всѣ классы общества, мало-мальски грамотные. Когда то, по другому случаю, эту болѣзненную страсть я характеризировалъ такими словами: „южно-русская литература XVIII в. необычайно богата всякого рода піитическими произведеніями, въ громадномъ большинствѣ неизданными и обреченными на безслѣдную гибель. Еслибы собрать все то, что по этой части хранится въ общественныхъ и особливо частныхъ библіотехахъ и архивахъ, то составились бы, кажется, не только десятки, но и сотни томовъ. Виршеписаніе—болѣзнь нашихъ предковъ XVIII в. На него убивалась масса времени въ школахъ, оно примѣнялось ко всякому пустѣйшему случаю въ жизни, и не было, можетъ быть, грамотнаго и мало-мальски досужаго человѣка, который не предавался бы этому занятію. Поэзіи во всѣхъ такихъ произведеніяхъ не найдете никакой: пустота содержанія, искусственность построенія, тяжелая форма, убійственный силлабъ— таковы отличительныя ихъ черты. Съ непріятнымъ чувствомъ берешься за подобную рукопись и съ досадой бросаешь ее

послѣ нѣсколькихъ минутъ чтенія" [1]). Только въ народной поэзіи, въ обличительныхъ стихотвореніяхъ, праздничныхъ виршахъ и интерлюдіяхъ била свѣжая и здоровая струя, часто подпольная и незамѣтная: бодро и сильно забила она въ новѣйшей литературѣ, съ Котляревскаго.

Для такой литературы измѣна Мазепы и сопряженныя съ нею обстоятельства были сущимъ кладомъ—и широкимъ потокомъ полились безконечныя и тоскливыя варіаціи на тему:

Изми мя, Боже, вопіетъ Россія,
Отъ ядовита и лукава змія,
Его же ждаша адскія заклепы,
Бывшаго вождя, Ивашки Мазепы.

Тѣ же піиты, которые еще недавно писали „Ивашкѣ Мазепѣ" подобострастные гимны и панегирики, обрушились на него всею убійственною силой своихъ стихосложеній.

Что въ этомъ случаѣ поэтическое вдохновеніе вызывалъ не одинъ только піитическій зудъ, но и другіе интересы, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Вскорѣ послѣ измѣны Мазепы одинъ поэтъ, не написавшій просто своей фамиліи, а предложившій:

Имя мое, прозванне кто хощетъ узнати,
Въ дикціяхъ початковыхъ изволь поискати,

послалъ на Высочайшее имя стихотвореніе, пріобщенное потомъ къ дѣлу, подъ названіемъ: „псалма новозданна, трубою названна", съ слѣдующей припиской: „измѣнниковъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества, аще будетъ въ томъ державная воля Ваша, могу всѣхъ ихъ овѣршописати по имени, на вѣчную ихъ отъ всего народа злую память и пагубу" [2]). Въ то время шли дѣятельные розыски о сообщникахъ Мазепы.

---

1) Кіев. Ст. 1887, VI—VII, 495. Панегирикъ Кочубеямъ (I-ой половины XVIII в.)

2) Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. рос., 1859, I. Источн. мал. ист. Бантыша—Каменскаго, ч. II, 1709 г., стр. 238—241.

Другой столь же предпріимчивый піитъ, поднося своему начальнику, полковнику Вас. Вас. Кочубею, сыну казненнаго Мазепой, свой панегирикъ, говоритъ, что „славя и величая“ Василія Леонтьевича и „свѣтлую и знаменитую фамилію“ Кочубеевъ, прославляетъ „собственнѣе честное и доброе имя его Высокородія“, Василія Васильевича, и прибавляетъ: „мнѣ, въ полку вашего высокородія жизнь свою влекущу, не надлежало спокриватися, безвѣстну и *бездaнну* быти, но, яко худому рабу, годствовало господина своего себе повреши стопамъ и достодолжное отдать поклоненіе“ [1]).

Такіе поэты сначала возносили до небесъ Мазепу, крупную, но безнравственную и надѣлавшую много зла Малороссіи фигуру, потомъ поносили его на разные лады отъ имени Россіи, отъ имени олицетворенныхъ истины, правды, мира, отъ своего собственнаго наконецъ—и поносили за измѣну, когда его слѣдовало еще болѣе поносить за тотъ тлетворный духъ, который внесъ онъ въ малорусское общество, дошедшее къ концу XVIII в. почти до полнаго разложенія... Они восхваляли ничтожную и безцвѣтную личность врага Мазепы, Кочубея—и совсѣмъ выпустили изъ виду такую крупную и благородную фигуру, какъ Палій [2]).

---

1) Панег. Кочуб. l. c., 496, 509

2) Изъ виршей, такъ или иначе говорящихъ или касающихся Мазепы и его измѣны, до сихъ поръ извѣстны слѣдующія: 1) извѣстная пѣсня, приписанная Кочубеемъ Мазепѣ, въ которой „знатное противъ державы и Великаго Государя оказуется противленіе“: „Всѣ покою щиро прагнуть“ и т. д. Она помѣщена: у Бантыша—Каменскаго, op. cit. 109—110; Костомарова, Мазепа, 1882, 290—2; Соловьева, Исторія Россіи, т. XV, 317—319; Закревскаго, Старосвѣтскій бандуриста, 49—51; Бантыша—Каменскаго, Истор. Мал., изд. I, т. 3, 196—8; 2) не менѣе извѣстная эпитафія Кочубею и Искрѣ: „Кто еси мимо идый“ и т. д. Помѣщ.: у Маркевича, Ист. Мал., IV, 1842, 208—9; Максимовича, Соч., т. II, 1877, 218, 241; Костомарова, l. c., 306; Аскоченскаго, Кіевъ съ его древн. учил. акад., 1856, 496; Закревскаго, Опис. Кіева, 1868, т. II, 693; Пушкина, Соч., прим. къ „Полтавѣ“; 3) стихотвореніе на иконѣ въ селѣ Жукахъ —„Въ пеплѣ забвенія все насъ погребаетъ“ и т. д.—Рус. Архивъ, 1875, V, 27—28; Кіев. Стар., 1884, сент., 175—7 и 1888, мартъ, 688—90; 4) „псалма новозданна„ 5) стих.-

Въ этомъ сказалась рознь и громадная разница во взглядахъ между привиллегированными классами и простонародіемъ.

Въ народныхъ легендахъ и пѣсняхъ почти совсѣмъ не упоминается имя Кочубея. Народъ, какъ будто понявшій въ Мазепѣ опаснаго и принципіальнаго противника своимъ интересамъ, проклинаетъ его въ пѣсняхъ за измѣнническое заключеніе и фальшивое обвиненіе Палія, въ легендѣ же придаетъ ему сказочныя черты демоническаго, злобнаго, сверхъестественнаго существа.

Палій—любимый народный герой: для идеализированія его народъ не жалѣетъ красокъ. Онъ представляется убѣжденнымъ и самоотверженнымъ борцомъ за народное дѣло. По словамъ одной изъ пѣсенъ этого цикла, когда Петръ Великій предложилъ Палію „велыку плату" за помощь противъ Мазепы, онъ отвѣчалъ:

Ой не хочу я, велыкъ свитъ Государъ,
Велыкои платы браты,
Тилькы не подозволяйте изъ Украины
До вику некрутивъ браты—
Ани некрутивъ, ани подушного,
Аніякои платы. [1])

Въ одной изъ сказокъ, изданныхъ Кулишомъ, [2]) Петръ, послѣ побѣды надъ Мазепой, говоритъ Палію: „ну, теперъ,

---

Ст. Яворскаго in vituperium Mazepae: „Изми мя, Боже," и т. д.—К. Ст. 1885, сент., 173—175; 1883, іюль, 596—8; Ригельманъ, Лѣтоп. повѣст., 1847, 54—55; 6) панегирикъ Ѳ. Прокоповича по поводу полт. поб.—Пекарскій, Наука и лит. при Петрѣ В., т. II, 196—200; Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, 252—3; 7) стих. „Орле палящи", „Орле россійскій", „Изми мя, Боже" и „Мазепѣ, измѣннику Заднѣпрянскому и Украинскому"—Кирѣевскій l. с. 243—251 (послѣд. у Головацкаго, Пѣсни Уг. Руси ч. l, 35—36); 8) изд. мною „Панегирикъ" l. с., 495—509 См. еще Петровъ, Оч. изъ ист. укр. лит. XVIII в., 8, 18; „Основа" 1861, V, 45—48; Кіев. Епарх. Вѣд. 1865, 18; Труды Кіевск. Дух. Акад., 1872. 6; „Вопль Мазепы", К. Ст. 1884, XII и слѣд.; Петровъ, Разговоръ Велик. и Малор., Кіев. Ст., 1882, II, 313 слѣд. (дополн. VII, 137 слѣд.) и т. д.

[1]) Полит. пісні, ч. I, вып. I, стр. XII; вып. II, 12, 14.

[2]) Зап. о Юж. Руси, I, 128.

Палію Семене, чого ты одъ мене хочешъ? чы велыкого панства, чы злата, чы що?“ А винъ каже: „що жъ, царю? я буду просыть тебе объ одну ричъ: подаруй мини!“—„Що таке? кажы!“—„Не плюндруй“, каже, „Гетьманщыны“—„Ну“, каже, „добре: для тебе дарую“.

Въ другой сказкѣ [1]) Петръ, вызвавъ Палія изъ Сибири, говоритъ ему: „колы ты звоюешъ Мазепу, просы у мене, що завгодно, хочъ повцарства!“ Палій отвѣтилъ: „ничого мени, ваше царское велычество, не треба, а отъ звелить тилькы, щобъ дитей бильше лавамы не выбывалы“ (подобныя звѣрства были при разграбленіи Меньшиковымъ Батурина).

Причину ненависти Мазепы къ Палію народъ себѣ объясняетъ такъ: „Мазепа за те хотивъ стратыты Палія, що народъ звавъ ёго козацькимъ батькомъ, а народъ звавъ Палія козацькимъ батькомъ и дуже любывъ за те, що винъ оборонявъ народъ одъ панивъ и одъ усихъ, хто хотивъ ёго зобидыты“. [2])

Вслѣдствіе этого понятно, что къ Палію была примѣнена [3]) начальная строфа извѣстной задушевной малорусской пѣсни о Морозенкѣ:

Ой ты, Семене, Семене Палію,
Ты преславный козаче,
За тобою, Семене Палію,
Та вся Украина плаче...

Какъ я уже сказалъ выше, искусственная поэзія не воспѣвала Палія. Только въ одномъ убійственномъ по формѣ, но недурномъ по мысли и содержанію произведеніи—„Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ (II-ой полов XVIII в.[4]) я встрѣтилъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ о Паліѣ

1) Х. Ц. Задунайскія народныя преданія. I. Про Палія и Мазепу. Кіев. Ст. 1882, сент., 580.

2) Антоновичъ, Розкинъ, l. c.; Полит. пісні, II, 44.

3) Полит. пісні, ib., 34; Кіев. Ст. 1882, мартъ, 615.

4) Петровъ, Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею, Кіев. Ст. 1882, II, стр. 352—354.

и въ томъ числѣ легенду народнаго, по всей вѣроятности, происхожденія, хотя до сихъ поръ ничего подобнаго не удалось записать. Я считаю нелишнимъ привести ее здѣсь, такъ какъ она—характерный и *единственный* образчикъ искусственнаго поэтизированья Палія:

Здѣсь и о Палѣю вспомянуть не премину,
Кой гналъ непріятелску партію не одну.

. . . .

Очаковъ дважды доставалъ с удачей,
Бралъ иногда от жилцовъ тѣхъ искупъ с наддачей.

. . . .

Причемъ однажды такую смѣлость возимѣлъ,
Что на янычарахъ какъ бы на лошадяхъ сѣлъ
И такимъ образомъ въ саму крѣпость ввалился,
Гдѣ сѣдя на самихъ ихъ плечахъ с ними бился
И янычаръ многое число вырубилъ, збилъ,
И самого салтана чуть было не плѣнилъ.
Зачимъ турки, войну ту проклиная страшну,
Засыпали оную городскую башню,
Которой янычарми Палѣй в Очаковъ вдрался
И сидя тогда на ихъ плечахъ с ними жъ сражался,
И понынѣ под самою крѣпостю башня та
Палѣева зовется, гдѣ туркамъ страсть была.

Пѣсни о Паліѣ и Мазепѣ, [1]) въ большинствѣ случаевъ, отличаются строго историческимъ характеромъ, такъ какъ онѣ слагались почти исключительно въ казацкой средѣ, близкой къ событіямъ. Большая часть ихъ воспѣваетъ арестъ

[1]) Полит. пісні, т. I, стр. XII—XIII т. II, 1—36; Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy, Zbiór wiadomości, III, 139—140; Основа, 1862, VIII, 26—27; Лисенко, Збірн. укр. пісень, II, стр. 5; Русская Мысль, 1880, VI, 46—47; Кіев. Ст., 1882, мартъ, 612—615 Есть нѣсколько фальсифицированныхъ пѣсенъ о Паліѣ и Мазепѣ—у Срезневскаго, Максимовича, Цертелева, Карпенка („Васильковскій соловей Кіевской Украйны“, стр. 20—21, 52—53); о нихъ см. въ Полит. пісн. 55—69

Палія,—какъ Мазепа зазвалъ его къ себѣ въ гости, напоилъ пьянымъ и тогда заковалъ его въ кандалы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится о томъ, какъ Мазепа клеветалъ на Палія, какъ Палія сослали въ Сибирь, возвратили оттуда и какъ онъ участвовалъ въ Полтавской битвѣ:

Ой исъ-пидъ рички та исъ-пидъ Лыману та витеръ повивайе
Тамъ Мазепа Палія Семена на охоту вызывайе:
— „Ой прыбудь, прыбудь, Палію Семене, на охоту до мене, —
Ой не буде, Палію Семене, тоби крывды одъ мене“.
Ой скоро, скоро Семенъ Палійенко на подвирья зъйизжайе,
Ой такъ заразъ проклятый [2]) Мазепа медомъ-выномъ наповайе.
Ой скоро, скоро Семенъ Палійенко меду-вына напывся,
Ой такъ заразъ вороному коню та на грыву склонывся.[3])
Ой якъ крыкнувъ проклятый Мазепа та на свойи уланы:
„Возьмить, возьмить Палія Семена та забыйте въ кайданы!“
Ой забылы Палія Семена, та вкынулы въ темныцю,
Самъ пойихавъ проклятый Мазепа ажъ до цара на столыцю.
—„Ой чоломъ, чоломъ, найяснійшій цыру, превелыкая сыло,

[2]) Въ другихъ пѣсняхъ. проклятый песъ Мазепа, проклята Мазепа (довольно часто попадается такое измѣненіе рода прилагательнаго подъ давленіемъ окончанія существительнаго: напр. Свята Мыкола и т. п.), превражый Мазепа, вельможный Мазепа, песъ Мазепа и т. д. Въ пословицахъ народъ, иронизируя довольно ѣдко надъ Мазепой („служывъ Москви, Иване, а вона жъ ёго гане“ и „Мазепа въ Полтави подавывсь галушкою“), признаетъ его однако единственнымъ гетманомъ par excellence послѣ Хмельницкаго: „одъ Богдана до Ивана не було гетьмана“. См. Номисъ, Укр. прик., присл. и таке инше, СПБ., 1864, стр. 14, 15.

[3]) Нѣчто подобное разсказывается о другомъ малорусскомъ народномъ героѣ Харькѣ, но съ болѣе трагическимъ концомъ. „Бувъ панъ Паволоцькій и зазвавъ до себе у гости Харька и напоивъ ёго выномъ. Винъ якъ напывся, на паньске лижко похылывся, его и забыто“ Чубинскій, op. cit, стр. 8. Разсказъ о Харькѣ могъ повліять отчасти на данный эпизодъ пѣсенъ о Паліѣ, хотя верно этого эпизода и подтверждается историческими свидѣтельствами. Срв. Кулишъ, Зап. о Юж. Р. I, 95 (Харько), 278 (Гайдамака нежывый).

Хоче Палій на (тебе?) шведа пидняты, а Москву въ пень
зрубаты".
Ой обизвався Семенъ Палійенко та сыдячы въ темныци:
— „Брешешъ, брешешъ, проклятый Мазепо, та у цара
на столыци!"
— „Дозволяюсь, найяснійшій цару,—ёму зъ плечей голову зняты?"
— „Не велю жъ я ёму зъ плечей голову зняты, велю въ
Сибиръ изослаты".
Ой ты хмелю, ой ты зелененькій та на тычкы не вьесся,
А вже Семенъ, Семенъ Палійенко та зъ Мазепою бьется.
Ой якъ крыкнувъ проклятый Мазепа: „та у купу, у купу,
Бо наробыть Семенъ Палійенко превелыкого трупу!"
— „Ой не въ купу, проклятый Мазепо, та не въ купу!
Ой терпивъ же я на Сибири превелыкую муку!" [1]).

Или:

Ой уже жъ хмиль, тонкая хмелына
Коло дерева вьеться:
Уже жъ шведзькій король съ Паліемъ Семеномъ
Пидъ Полтавою бьеться.
Ой уже жъ хмиль, тонкая хмелына
Зъ тычыны похылывся:
Уже жъ шведзькій король Палію Семену
У ниженькы поклонывся [2]).

Подобныя пѣсни съ яркими и свѣжими историческими красками, вполнѣ отвѣчающія той картинѣ, которую мы можемъ нарисовать на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, создавались несомнѣнно во время самыхъ событій или сейчасъ же послѣ нихъ: если внимательно всмотрѣться въ ихъ составъ, то нѣкоторыя изъ нихъ можно пріурочить къ опредѣленнымъ годамъ. Затѣмъ, когда новыя событія и время уменьшили яркость и силу впечатлѣній, въ пѣсни начала вкрадываться порча: новыя, иногда противорѣчащія другъ

1) Полит. пісні, II, 4—5.
2) ib., 13.

другу подробности, замѣна Петра—„царицей“ (Екатериной II?), Мазепы—какими-то безыменными „казаченькамы“, Мазепа могъ явиться съ страннымъ эпитетомъ „проклята“, имя Палія ворвалось въ „опришницкія“ пѣсни о Янкѣ [1]). Но всетаки пѣсни устойчивѣе прозаическихъ разсказовъ: въ нихъ являлись небольшіе анахронизмы и неточности при вѣрномъ всетаки общемъ историческомъ фонѣ.

Конечно, въ разгаръ самыхъ событій ходили по Малороссіи устные прозаическіе разсказы, которые все болѣе и болѣе преувеличивались по мѣрѣ того, какъ отдалялись отъ центра событій. Время вносило въ нихъ все болѣе и болѣе измѣненій и наслоеній. Съ другой стороны, сами пѣсни иногда разлагались въ прозу со вставными нѣсколькими стихами, указывающими на происхожденіе этихъ смѣшанныхъ сказаній, подвергались всѣмъ случайностямъ и искаженіямъ устнаго пересказа и могли входить въ разныя отношенія съ указанными выше разсказами. Такъ создался цѣлый рядъ легендъ, одна фантастичнѣе другой. По тѣмъ стихотворнымъ отрывкамъ, которые попадаются въ прозаическихъ разсказахъ, можно думать, что прежде существовали пѣсни этого цикла не объ одномъ только арестѣ Палія и участіи его въ Полтавской битвѣ и что были пѣсни (вѣроятно позднѣйшаго происхожденія), созданныя подъ вліяніемъ легендъ, съ фантастическимъ отчасти характеромъ.

Мы имѣемъ два смѣшанныхъ разсказа, которые прекрасно обрисовываютъ процессъ разложенія пѣсни и вторженія въ нее фантастическихъ элементовъ. Въ виду ихъ большого интереса считаю не лишнимъ привести ихъ цѣликомъ. „Бувъ колысь у цара Петра дуже храбрый вояка Палій, и бувъ у цёго цара повиренный спершу Мазепа. Мазепа ставъ завыдувать Семену, що царъ ставъ щиро любыть ёго. А Мазепа бувъ чоловикъ зъ неправдою для цара, тилько державъ те до поры въ соби. Винъ бачывъ, що Семенъ Палій дуже щаслыво бьетця зъ ворогамы царськымы, и якъ хотила за-

[1]) ib., 69—75.

чинатьця війна зъ Шведомъ, то нависный Мазепа задумавъ вбыть Семена:

— „Прыбудь, прыбудь, Семене Палію, на охоту до мене,
То не буде, Семене Палію, тоби крывды одъ мене“.
Скоро Семенъ, скоро Палій на паригъ ступайе,
Проклятый Мазепа Семена Палія, зъ карабына забывайе;
А забывшы Семена Палія, та кынувъ й у темныцю,
Самъ пойихавъ проклятый Мазепа ажъ до цара на столыцю.
Не слышыть восточный царъ Мазепы на столыци,
Тилькы слышыть Семена Палія, сыдячого въ темныци.

А Мазепа думавъ, що Семенъ Палій уже не жыве, та й ставъ кепковать надъ нымъ:

— „Чомъ, зеленый хмелю, по тычыни не вьесся? [1])
Чомъ, Семене Палію, изъ шведомъ не бьесся?“

Еге! Кажы здоровъ!

— „Хмиль зелененькій уже выкыдайе [1]),
Уже Семенъ, уже Палій въ чужій сторони гуляйе!“ [2]).

Другой разсказъ таковъ: „Мазепа, якъ хотивъ ще воювать, да й пытаеться Палія Семена:

„Ой ты, Палію, Палію Семене,
Що я думаю, гадаю?
Хочу я цара звоюваты,
А самъ царемъ статы“.
А Палій Семенъ на Мазепу каже:
— „Охъ Мазепо, проклятый Мазепо,
Що ты думаешъ, гадаешъ?
Будешъ прыкованый
Въ Царя Государя
Кризъ зализного стовпа.
Кочубей да Искра
Пыше лысты знышка

[1]) Взято изъ пѣсенъ о Хмельницкомъ или Нечаѣ.

[2]) Комаръ Хмыничъ, l. c.; Политт. піс. 31. (Запис. въ Коростышевѣ, Кіев. губ.).

До Цара Государа,
Що тошно хоче Мазепа
Цара звоюваты
Да й самъ царемъ статы [1]).
Тоди Мазепа закынувъ
Палія Семена въ темныцю,
А самъ скочывъ до Цара въ столыцю.
— „Отъ же тоби, Цару Государу,
Палій Семенъ зрада:
Хоче тебе звоюваты,
А самъ царемъ статы“.
Ой озветься Палій Семенъ
Да сыдячи у темныци:
„Брешышъ, брешышъ, проклятый Мазепо,
Передъ царемъ въ столыци!“

Палія царъ вызволывъ съ темныци, да й вызвавъ до себе й просыть ёго: „Чы не можно мойе військo ослобоныты, бо не знаю, що се бье?“ Палій Семенъ просывъ, щобъ ёму далы выгоду на суткы, бо перетрусывся за дорогу. Вышовъ Палій туды, де бьються, да й встромывъ ротыще (копье свойе) у землю,—и військо Мазепыно стало само себе быты. Прыйшовъ хлопъ до Мазепы дай каже ёму:

„Туманъ по земли котыться,
Палій Семенъ на свитъ народывся“.

Почувшы сейе, Мазепа проклятый злякався да й побигъ до дому, да такъ бигъ, що въ Батурыни въ церкву зъ конемъ забигъ“ [2]).

---

1) Этотъ разсказъ найденъ въ бумагахъ малорусскаго поэта Виктора Забѣлы съ его собственноручными поправками. Не вяжущаяся съ остальными строфами и странная по языку строфа о Кочубеѣ и Искрѣ, можетъ быть, принадлежитъ перу самого Забѣлы, который относится къ тому поколѣнію малорусскихъ этнографовъ, которое не останавливалось передъ фальсификаціей и, между прочимъ, дало цѣлый рядъ *несомнѣнно* фальсифицированныхъ пѣсенъ о Мазепѣ съ именами Кочубея и Искры.

2) Полит. піс., ib. 4—5. (Зап. въ с. Петровкѣ Полт. г.). О Батуринѣ см. Кулиша, Зап., I, 124.

Такъ искажались и разлагались пѣсни...

Въ разсказѣ, записанномъ Чубинскимъ [1]), есть три стиха, показывающіе, что была раньше пѣсня съ распространеннымъ эпическимъ пріемомъ выбора коня, которымъ немного ниже намъ еще придется заняться:

А винъ (Палій) не спочывайе,
Тилькы ходыть по табору,
Коня выберайе.

Въ „третьей легендѣ о Мазепѣ и Паліѣ", напечатанной г. Кулишомъ [2]) есть тоже указаніе подобнаго рода: „Бувъ то такий Мазепа, такий то гетьманъ, що й царъ ёго батюшкою звавъ. А Кочубей да Искра довидалысь, що винъ хоче зъ Шведомъ быть на восточного Цара, та й пишлы до Цара до восточного: „ей", кажуть, „Цару восточный! хоче Мазепа на тебе быть". А царъ не понявъ виры: „чы можна", каже, „щобъ винъ на мене бывъ?" Отъ же и въ писни спивають:

„А Царъ", каже, „виры не понявъ
Та назадъ ихъ одиславъ".

Жаль только, что это—слова *несомнѣнно* фальсифицированной пѣсни изъ сборника Максимовича, на который обязательно и предупредительно ссылается самъ г. Кулишъ: это набрасываетъ большую тѣнь на достовѣрность самаго эпизода „третьей легенды о Мазепѣ и Паліѣ"...

Для того, чтобы познакомиться съ составомъ легендъ о Паліѣ и Мазепѣ, сгруппируемъ и анализируемъ ихъ отдѣльныя черты.

Палію приписывается сверхъестественное рожденіе: мать его забеременѣла отъ пепла сожженной богатырской головы [3]). Чудесное, сверхъестественное рожденіе—мотивъ очень рас-

[1]) Чубинскій, l. c., стр. 9.

[2]) Кулишъ, Зап. о Юж. Руси, I. 123.

[3]) См. ниже версіи Горшкова, Ревякина, Антоновича—Лоначевскаго и Мордовцева (прилож. I, II, III, IV).

пространенный [1]); есть цѣлый рядъ легендъ, сходныхъ съ легендами о Паліѣ не только по общей мысли (чудесная беременность), но и въ мелкихъ подробностяхъ (черепъ, его сожженіе и т. д.) [2]). Сжигаютъ голову за то, что она начинаетъ говорить: мотивъ очень любопытный [3]), основанный на своеобразной народной локализаціи души и жизненной силы въ головѣ [4]).

1) Потебня, Къ ист. звук. рус. яз., Ш, Варшава, 1881, 75—83; Чубинскій, Труды. II, 40, 229, 231, 236, 252 слѣд., 256; Nowosielski, Lud, I, 254; Безсоновъ, Кал. перех., I, 120, 135; Караджичъ, Српске приповиjетке, 63, 68; В. Ѳ. Миллеръ, Отчетъ о зан. заграя., Москва, 1874, 31, 32, 34—36; Осет. этюды I, 17, 29, 31; Сборн. мат. по этногр., изд. при Дашк. Муз. II, 151, 172, 193, 205; Müllenhof, Die alte Dichtun on den Nibelungen, Zeitschr. f. deutsches Alterthum, XXIII, 119; Sichlerg, Histoire de la littérature russe, Paris, 1886, стр. 5; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 483; Сол. и Китоврасъ, 14, 16, 28, 36, 37; Разыск. въ обл. р. дух. ст. II, 121, 117, 118; VI—X, 418—423; Юж.-р. былины,|т. П. 28—9, 289—299; Худяковъ, Мат. для изуч. нар. слов., СПБ.,1861, 20 и Сказки, II, 43; Moszyn'ska, Bajki i zagadki ludu ukraińskiego, Kraków, 1885, стр. 33; Романовъ, Бѣл. сборн. т. I, вып. III, миѳ. ск., №№ 8, 13, 15; Аѳанасьевъ (1873), I, стр. 294—316; IV, 97—98, 129; Эрбенъ, 100 слав. нар. сказ. и пов., Прага, 1868, 129 стр.; О. Миллеръ, Илья Муромцевъ, 117, 139, 190, 199; Драгомановъ, Пред., 432; Кирпичниковъ, Очерки изъ ист. средневѣк. лит., Москва, 1869, 62; Поэмы ломб. цик., М. 1873, 172—3.

2) А. Н. Веселовскій, Мелк. зам. къ был., Жур. М. Н. Пр., 1889, V, 41—46 (XII, къ серб. лег. о Конст. Вел.); „le dit de l'empereur Coustant", Romania, 1887; Юж. был., т. II, 295—6; Караджичъ, Српски рjечник, 1852, 808, Цариград.; Сборн. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавк., вып. VII, отд. 2, 77 и слѣд.; Tuti—Nameh, eine Sammlung orientalischer Erzählungen, übers. v. Rosen, 1858, II, 85—92; Пол. пiснi, II, 40; Аѳанасьевъ, Сказки, I, 1873, стр. 383—388; Этногр- Сборн., I, 247—250.

3) Веселовскій. Разыск. въ обл. рус. дух. ст.,III—V, стр. 3; Сол. и Кит. 174; Рыбниковъ. III, №40; Гильфердингъ, № 44, №141; Кирша Даниловъ, № 18; Ягичъ, Archiv für slav. Phil., I, 102; Дестунисъ, Разыск. о греч. богат. был. средневѣк. пер., СПБ., 1883, 41; Аѳанасьевъ, Легенды, 126; Тихонравовъ, Лѣтописи, II, 114—115; Худяковъ, Пѣсни, 73—5, 79; Passow, Popul.. carmina Graeciae recentioris, Lips. 1860, CXXXI; См. ниже прилож. II, III, IV.

4) Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 135—138; Дестунисъ, op. cit. 36, 41, 42; Galeni de placitis Hippocratis et Platonis libri novem, ed. Mueller, т. I 140—141 (Lipsiae, 1874) и т. д.

Развившись очень рано, какъ всѣ богатыри, онъ отправляется въ Запорожскую Сѣчь. До сихъ поръ онъ не имѣлъ фамиліи, какъ „безбатченко" (на самомъ дѣлѣ его фамилія была—Гурко; родомъ онъ былъ изъ Борзны, Черн. губ., и получилъ впослѣдствіи прозваніе—Палій). Легенды различно говорятъ о томъ, за что онъ былъ прозванъ Паліемъ: по однимъ [1]) за то, что *„выпалывъ"*, т. е. выстрѣлилъ въ Мазепу; по другимъ [2]) потому, что *„спалывъ"* (сжегъ) курень кошевого; наконецъ, по третьимъ [3]) потому, что „выпалывъ" въ чорта или полоза [4]), издѣвавшихся надъ Ильей, который никакъ не могъ убить ихъ молніей [5]). Всѣ эти легенды принадлежатъ къ очень распространенному въ Малороссіи типу légendes des origines, основанныхъ на звуковомъ сходствѣ, по большей части искусственнаго происхожденія. [6]).

Въ Сѣчи Палій получаетъ окончательную окраску богатыря-„характерныка", т. е. колдуна, какими, по мнѣнію народа, были большинство запорожцевъ [7]). Ангелъ даетъ ему

---

1) Прил. I.—2) Прил. II. III, VII.—3) Прил. II, III, IV, VII.

4) Полозы—огромные степные ужи. См. Nowosielski, Lud, I, 354.

5) Срв. Чубинскій, Труды, II, 180; I, 19; Grabowski, op. cit., 189—190; отчасти Рудченко, Сказки, I, 71—73; Драгомановъ, Преданія, 42; Садовниковъ, Сказки и пред. Сам. края, № 83; Халатіанцъ, Общій очеркъ арм. сказокъ, въ Сборн. мат. по этн., изд. при Дашк. Музеѣ, I, 153; Màtyàs, Swiat i przyroda w wyobraźni chłopa, Kraków, 1888, стр. 12—16.

6) См. напр Голубевъ, Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники, Кіевъ, 1883, стр. 2, 3; Палаузовъ, Рум. господ. Молдавія и Валахія въ ист.—полит. отнош., СПБ. 1859, стр. 79 и т. д. На подобныя легенды о Паліѣ и вообще на фантастичность преданій о немъ могло повліять совпаденіе его прозванія съ именемъ Пантелеймона—Палія—Палыкопы (праздн. 27 іюля), котораго народъ представляетъ себѣ въ видѣ воина съ огненными стрѣлами, назначенными для пораженія злой силы; часто молніей онъ убиваетъ чертей. См. „Кіевлянинъ", 1887, № 160; Чубинскій, Труды, III, 224—225; „Южный край", 1888. № 2580; Кіев. Ст. 1888, сент., стр. 34; Kopernicki, Przyczynek do etnografii ludu Ruskiego na Wołyniu, Kraków, 1887, стр. 58; Nowosielski, Lud, I, 132; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego Warszawa, 1853, 161.

7) Драгомановъ, Пред., 200—201; Кулишъ, Зап., I, 77, 95.

чудесный мечъ [1]), таинственный старикъ (Апостолъ) даетъ такое же ружье, принимаетъ живое участіе въ его судьбѣ [2]) и даже даетъ ему имя [3]); у него сабля въ 5 пудовъ, пьетъ онъ изъ кружки въ полъ-ведра [4]); любимая пушка его, по имени „Стеха", [5]); кладетъ шведовъ цѣлыми рядами онъ сражается „ангельскымъ чыномъ" [6]) и его „лыцеріи" пугается самъ Петръ [7]); одинъ только конь и можетъ выдержать его на себѣ [8]). Онъ ставитъ копье—и отуманенные волшебной силой враги перебиваютъ другъ друга [9]). „Палій такій лыцарь бувъ, що не волшебствомъ, а ангельскымъ чыномъ воёвавъ,—такій, що йиздыть по чужому війску—нихто ёго й не бачыть; а якъ гляне кому въ вичи, то зъ роду не выдержыть" [10]); онъ „знатныкъ бувъ, тилкы по божому" [11]). Во время полтавской битвы Палій „сивъ на коня да объйихавъ кругомъ Мазепыне військо, да якъ поставывъ оттакъ

---

1) Прил. VI. Срв. Кирпичниковъ, Поэмы, 173.—2) Прил. I, VII.—3) Прил. I.—4) Прил. V.

5) Версія въ Полит. піс.—Забѣлы. Именное оружіе въ русскомъ эпосѣ—большая рѣдкость: это одна изъ обычныхъ особенностей романскаго и германскаго эпосовъ (у Роланда мечъ—Durendal, у Дитриха—Eckesahs, у Ожье—Courtain, Оливье—Hauteclarie, Карла Великаго—Ioyeuse, Доона Майнцкаго—Merveilleuse, Балигана—Presieuse, Тидрека—Naglring, Вольфдитриха—Rose, Александра Великаго—Requite, Сигфрида—Balmung, Грейдмара—Hrotti; у Георгія Св. сабля—Balmut, у Сигурда мечъ Gramm, у Тора молотъ—Міѣльнеръ и т. д.).

6) Кулишъ, I, 126.—7) Версія Чубинскаго, см. прил. X.

8) См. ниже прил. X, VII; ср. Кулишъ, I, 125, 126; К. Ст. 1882, сент., 580—1; Драгомановъ, Пред., 203. Этотъ конь—типъ эпическаго запущеннаго коня, чередующагося съ „паршивымъ" жеребеночкомъ. См. Веселовскій, Ю. р. б., т. II, 3, 16, 21—26, 40—41, 43—45, 53, 62—3, 65, 129 и въ Arch. f. slav. Phil. III, 560; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 83, 182—3, 260; Драгомановъ, Преданія, 203—4; Дестунисъ, 22; Мордовцевъ, Малор. литер. сборн., Саратовъ, 1859, 370—6; Кiев. Ст., 1888, май., 49; Кирпичниковъ, Очерки изъ ист. сред. лит., 115—6; Чубинскій, Труды, II, 252; Кирѣевскій, I, прил., стр. II, XXXII; Grabowski, op. cit., 161—2; Тихонравовъ, Лѣтописи. II, 103—104; Сбор. мат. по этн., II, 145; Аѳанасьевъ, Легенды, 98—99, Schiefner, Heldensagen der Minus. Tataren, 83—84.

9) Версіи Новицкаго (ниже, прил. VII) и Полит. піс. (см. выше стр. 92).

10) Кулишъ, I, 126.—11) Драгомановъ, Пред., 206.

ратыще (копье), то йимъ здалось, що то лисъ стойить; отъ воны (шведы и Мазепинцы) и почалы йихаты черезъ той лисъ, схыляючысь; а Палієвы козакы давай рубать йимъ головы" [1]); или: „бере зъ собою одынадцять козакивъ, а самъ дванадцятый, та й гайда въ степъ; скоро зобачывъ Мазепенкову ватагу, заразъ узявъ та й объйихавъ кругомъ. Якъ объйихавъ, то Мазепенковы мовъ подурилы и сталы одынъ одного колоть та рубать" [2]). Невидимый ни для кого, подслушиваетъ онъ разговоры во вражескомъ лагерѣ [3]) и даже для этой цѣли обращается въ собаку [4]); онъ „знавъ усе, що буде напередъ за сто литъ", и предсказалъ Петру, что его крестный сынъ Мазепа измѣнитъ ему, но тотъ не повѣрилъ [5]). Колдовству онъ учитъ Мазепу и своего „джуру", но только не говоритъ имъ „одного слова", не говоритъ „усійейи правды", благодаря чему и спасается отъ большой опасности [6]). Пушки заряжаетъ онъ „навхрестъ: та туды, а та туды, та туды, а та туды"; зарядивъ такъ, онъ говоритъ: „теперъ стреляйте, то не багато зостанетця". И дѣйствительно: „якъ ударылы жъ, то такъ, якъ былына на пожарыщи зостанетця, то такъ съ того війська зосталось" [7]). Такіе необыкновенно фантастическіе размѣры приняла въ глазахъ народа личность Палія...

---

1) Кулишъ, I, 116.

2) Ib., 119—120; срв. Драгомановъ, Пред. 136—7, 249—251; Сборникъ мат. по этн. II, 34, 35; Кузьмичевскій, Шолудивый Буняка въ укр. нар. сказ., Кіев. Ст., 1887, авг., 690—1; Драгомановъ, Преданія, 201: „Палій и татарскій рыцарь" (мотивъ единоборства; Палій „напуставъ туману" на татарскаго рыцаря, такъ что тому показалось, будто бы у Палія не 50 человѣкъ казаковъ, какъ на самомъ дѣлѣ было, а что войску Палія „кинця свитови нема"—и онъ даетъ себя связать; „такій то планетный чоловикъ бувъ Палій!"); А. Н. Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 108, 121, 124, 125, 127; Ю.-р. был. I, 8; Нов. иссл. о фр. эп., въ Жур. М. Н. Пр. 1885, апр., 276, 282.

3) Кулишъ, I, 126. Срв. Тихонравовъ, Лѣтописи II, 74.

4) К. Ст. 1882, мартъ, стр. 612.

5) Кулишъ, I, 117 (Палій здѣсь называется Степаномъ Плахой; у Драгоманова, Преданія, 205,—Мазепа называется королькомъ, а Палій его генераломъ); К. Ст., 1882, мартъ, 611.

6) Кіев. Ст., 1882, мартъ, 612; Кулишъ, I, 126—127.—7) Кулишъ, I, 127.

Но, не смотря на все „характерничество“, Палію не удалось избѣжать рукъ своего врага Мазепы. Мы ужъ видѣли, какъ пѣсни воспѣваютъ арестъ Палія; изъ легендъ только одна (см. ниже, прил. VII) описываетъ заточеніе Палія близко къ пѣснямъ: остальныя далеко уходятъ отъ болѣе реальныхъ пѣсенъ въ фантастическую, туманную даль.

Заточеніе и ссылку Палія народъ приписывалъ или собственно иниціативѣ Мазепы, или Петру, главнымъ образомъ по навѣтамъ Мазепы. По словамъ одной легенды [1]), Мазепа былъ крестнымъ сыномъ Петра; на крестинахъ Палій сказалъ Петру: „гляды, цару, бо сей Мазепа тебе зъ царства ссадыть!“ Петръ разсердился и крикнулъ: „що ты кажешъ!.. озьмить ёго та завезить за Піскове море!“—А те Піскове море“, прибавляетъ преданіе, „Богъ ёго святый знайе, де воно вже, а перейихаты, кажуть, можно тилькы меделянамы (собаками)“ [2]). По словамъ другой легенды, сходной съ предыдущей во многихъ подробностяхъ [3]), Петръ „звеливъ забыть Плаху (Палія) въ кайданы и посадыть у темныцю—не давать ёму ни пыты, ни йисты, тилько рижокъ зъ тобакою положыты биля ёго: „отъ же“, каже, „тоби, Степане (Семене), рижокъ тобакы. Колы твоя правда, то ты въ темныци будешъ жыть трыдцять литъ одною тобакою; а колы брехня, то згынешъ“. Нѣчто подобное дѣлаетъ съ Паліемъ и Мазепа, который „боявся Палія, щобъ винъ ёго не звоевавъ, та взявъ ёго да й замуровавъ у стовбъ у такій, що тилько маленьке виконце, а то увесь замурованый; и якъ хто подасть у те виконьце шматокъ хлиба, то тилько винъ и жывъ“ [4]). Народъ разсказываетъ даже, что и ключъ отъ

---

1) Кіев. Ст., 1882, мартъ, 611.

2) Отраженіе слуховъ о сѣверномъ способѣ ѣзды. О песчаномъ морѣ или рѣкѣ см. Баталинъ, Сказаніе объ Инд. Царст., Воронежъ, 1870, 73, 121, 128—9; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов I, 219, 283, 286, 287, 292; Graetz, Geschichte der Juden, V, 288 — 294; Гаркави, Сказ. еврейскихъ писателей о Хазарахъ, 11.

3) Кулишъ, I, 117—8.

4) Кулишъ, I, 115; Драгомановъ, Пред., стр. 205 (Мазепа и прыказовъ замуровать въ стинку Палія); см. ниже приложенія VII и X. Срв. Аѳа-

столба или темницы былъ заброшенъ въ море и потомъ чудеснымъ образомъ его достали оттуда [1]). Въ версіи Чубинскаго, напечатанной у насъ въ приложеніи, замѣтна разница въ отношеніяхъ къ Палію Мазепы и Петра: Мазепа приказываетъ солдатамъ убить Палія и принести его сердце въ знакъ убійства [2]), но Петръ отдаетъ тайный приказъ не дѣлать этого и только „замуровать“ Палія.

По легендамъ, когда Мазепа измѣнилъ и шведы тѣснили Петра, онъ не зналъ, что дѣлать; нѣсколько разъ просилъ онъ перемирія [3]), по одному преданію даже совсѣмъ ушелъ, переодѣвшись, „свитъ за очи“ [4]). Тогда ему напомнили о Паліѣ, который одинъ только [5]) и могъ справиться съ Ма-

---

насьевъ, Легенды, 192; Сборникъ мат. по этн. II, 165; Кулишъ, I, 3—5; Grabowski, op. cit, 162; Рыбниковъ, I, № 6; Будде, Мѣсто и значеніе духовн. стих. въ ист. рус. народн слов., Воронежъ, 1883, стр. 7; Халанскій, Великор. был., 95—97; Романовъ, Сказки, №№ 7, 8, 61, 85 (мне.); Веселовскій, Разыск. II, 135—136, 143 и VI—X, 42, 44, 379—381; Ю.—р. был. I, 5, 12, 26, 31.

1) См. ниже, приложеніе V. Срв. Костомаровъ, Ист. моногр. и изслѣд., т. I, СПБ, 1872, легенда о кровосмѣсителѣ и „Памятники“, II, 415—422; Веселовскій, Ю.—р. был. II, 33, 151 и Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ и сказаніе объ апостолѣ Андреѣ, Ж. М. Н. Пр, 1885, іюнь; Чубинскій, Труды, I, 182—183; Драгомановъ, Преданія, 131; Карловичъ; „Podanie o Madeju“, Висла, 1888—1889 г.г.; Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne, I, 83; Vie la pape Gregoire le Grand, ed. Luzarche, 1857.

2) Срв. А. Н. Веселовскій, Разыск., III—V, 126—130; Сол. и Китовр. 15, 53, 54; Драгомановъ, Пред., 100; Чубинскій, Труды, II, 263, 304; Сумцовъ, Апокрифы, К. Ст., 1887, іюнь—іюль, 266; Пыпинъ, Памятники, III, 64; Nowosielski, Lud, I, 245; Grimm, Märchen, № 53; Тихонравовъ, Лѣтописи, IV, 112; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 133; Benfey, Pantschatantra, I, 175; Афанасьевъ, Сказки, № 121; IV, 269 (прим.); Gubernatis, Florilegio delle novelline popolare, 30; Кирпичниковъ, Очерки средневѣк. лит., 60, 66, срв. 200.

3) Кіев. Ст., 1882, сент., 579; см. ниже прил. VII; Кулишъ, I, 116; Драгомановъ, Пред., 202, 203; срв. Кирѣевскій, I, 58 и т. д.

4) К. Ст. 1882, сент., 579—580. Срв. мою замѣтку: „Южно-рус. списокъ Александріи конца XVIII ст.“, Кіев Стар., 1887, окт., стр. 379; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов. I, 142, 356.

5) Когда Петръ разспрашивалъ всѣхъ, не можетъ ли кто ему помочь, „вызвався хлопець 16-ты литъ и каже: я бъ помигъ, та ще лита не вийшлы,

зепой и Шведами [1]). По его приказанію немедленно доставляютъ Палія и даютъ ему нѣкоторое время отдохнуть. Палій сейчасъ же принимается за работу.

Съ нѣкоторыми разсказами объ участіи Палія въ Полтавской битвѣ мы ужъ познакомились выше, но всѣхъ любопытныхъ чертъ этихъ разсказовъ я еще не исчерпалъ. Чтобы дать знать Мазепѣ о своемъ присутствіи, „Палій зарядывъ срибною кулею' [2]) ружжо, якъ стрельне, а Мазепа зъ Карломъ саме обидалы, а та куля прямо йимъ въ полумисокъ и впала та и закыпила кровъю“ [3]); или „Мазепа проклятый сыдыть у камяному мури на трейтему етажи и чай пъйе: оце поснидаты и на баталію йты. Палій подывывсь, и якъ пустывъ стрилу, та стрила Мазепи въ шклянку попала“ [4]). Благодаря успѣшному содѣйствію Палія, война

есть замурованый въ темныци Семенъ Палій, той побидыть Шведа“ (см. ниже, прилож. VII).

1) У Кулиша за Паліемъ посылаютъ „пошту таку огненну, що й птыця не злетыть“ (I, 125). Интересно, что, по преданіямъ уральскихъ казаковъ, ихъ любимый герой Рыжечка сыгралъ такую же роль во время Полтавской битвы, какую малорусскій народъ приписываетъ Палію (см. Желѣзновъ, Пред. и пѣсни уральскихъ казаковъ, Рус. Вѣст., 1859, IV, 411—433).

2) Nowosielski, Lud, II. 163—4; Сборн. мат. по этн., II, 34.

3) Драгомановъ, Преданія, 205.

4) ib., 204; К. Ст., 1882, сент., 581; мартъ, 612; см. прилож. X. Срв. А. Н. Веселовскій, Разыск., I, 4; Юж. р. был., I, 3—12, 14, 48, 49, 52; Изъ ист. ром. и пов., I, 463—4; Мелкія зам. къ был., Жур. М. Н. Пр., 1888, май, 74—76; Халанскій, Велик. был., 106—110, 120, 125; Grabowski, op. cit., 161; Майковъ, О был. Влад. цикла, 32; Сумцовъ, Апокрифы, К. Ст., 1887, іюнь—юль, 261—2; Буслаевъ, Очерки, I, 422—3; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 59; 673, 694, 963, 964, Кулишъ, Зап. о Юж. Руси, I, 3—5; Драгомановъ, Пред., 249—251; Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни, I, 50—51, 145—159; Трусѣвичъ, Нар. лег. про Кіевъ и его окрестности, Кіевлянинъ, 1866, № 4; Trusiewicz, Kwiaty i owoce, Кіевъ, 1870, 236—9; Кулѣшъ, Укр. нар. пред., ч. I, отд. I; Галсанъ Гамбоевъ, Шидди-куръ, 26 (Этногр. сборн., VI); Бессоновъ, Калѣки перех., I, №№ 122, 125; Pauli, Pieśni ludu rus. w Galic. I, 130—133; Лукашевичъ, Думы, 11—12; Худяковъ, Сборн. велик. нар. ист. пѣсенъ, М. 1860, 94; Лисенко, Збір., II, стр. 7; Rulikowski, op. cit., 184; Максимовичъ, Пѣсни (1834), 106—107; Головацкій

кончается. Петръ за измѣну Мазепы разсердился на Малороссію и даетъ приказъ, „щобъ рубалы въ пень увесь народъ“ [1]), но заступничество Палія спасаетъ родину, за которую, какъ онъ самъ говорилъ, ему такъ много пришлось пострадать [2]). Послѣ окончанія войны Палій „Богъ зна, де дився: винъ, кажуть, и теперъ десь жывый и якъ Господь ему веливъ, миняйетьця, якъ мисяць: старійе и молодійе“ [3]).

Не поскупившись на яркія, свѣтлыя краски для Палія, народъ не скупится и на темныя для Мазепы. Мазепа—„таломусъ (громадина), що поставывъ пушку на долони, та якъ стреливъ изъ Быкова, то досягъ ажъ у Остеръ и розбывъ у Остри церкву. И доси стойить та церква розбыта“ [4]).

Пѣсни Угор. Р., I, 1—2 (Чтенія въ Имп. Моск. Общ. И. и Древ., 1863, III, III, 1—2); Рыбниковъ, II, 10, 37, 65, 111 № 11; III, № 37; Кирѣевскій, I, 70—76; II, 88—96; III, 39—51; Гильфердингъ, № 41, № 258, стр. 118, 206, 358, 638, 1117, 1179.

1) Кулишъ, Зап. о Юж. Руси I, 120—121, 128; срв. въ Кіев. Ст. 1888, іюль, 543—5, замѣтку г. Катрухина о грайворонцахъ, которыхъ Петръ хотѣлъ уничтожить за измѣну (преданіе).—2) Прилож. VII.

3) Ib.; срв. К. Ст., 1882, сент. 581: „Мазепа... подывывсь у гору, тай каже Шведу: „... Палій уже на вали“, та й показавъ ёму у гору на Палія. „Та то може мисяць?“ Каже шведъ.—„Та якій тамъ мисяць середъ дня!“; Свидницкій, Великдень у Подолянъ, Основа, 1861, окт. 52: „Народъ вѣритъ, что стража, приставленная ко гробу Господню, и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ Оңа состоитъ изъ двухъ евреевъ и оба они живы,“ и якъ мисяць старый, то воны стари-старезни, ажъ трусятця, а якъ мисяць молодый, то й воны молоди, наче йимъ по двадцятому годочку“. На вопросъ: „коли вы прыйшлы?“ они отвѣчаютъ: „вчора“.—„А колы пидете?“—„Взавтра“. „Такъ уже йимъ Богъ давъ, щобъ жылы до самого страшного суду“. На основаніи многихъ аналогій можно думать, что здѣсь случайно опущенъ мотивъ надежды на возвращеніе Палія. См. А. Н. Веселовскій, Юж. р. был., I, 8—10; II, 264—5; Легенда о возвращающемся императорѣ, Ж. М. Н. Пр., 1875, май (между прочимъ и малорусскій Михайликъ); Разыск., V, 120; VI—X, 305—306; Кузьмичевскій, Шолудивый Буняка, К. Ст., 1887, авг., 703—713; В. Ѳ. Миллеръ, Осет. этюды, I, 69, 71; Миладиновци. Булгарски народни пѣсни, Загребъ, 1861, стр. 528; Кулишъ, I, 277.

4) Кулишъ, I, 118 (срв. 277; Grabowski, op. cit., 168—169); стр. 124: „Мазепа... ажъ на роздилъ на церкву постягувавъ у Батурыни пушки да бывъ“.

Когда Мазепа во время Полтавской битвы побѣжалъ, Палій погнался за нимъ, догналъ—„заразъ ёго и проколовъ списомъ (копьемъ). Тилько то бисова тварь! Изожравъ одынъ списъ, изожравъ другій, изожравъ трейтій, и такъ уси одынадцять спысивъ пойивъ; та вже якъ ударывъ ёго Плаха (Палій) свойимъ дванадцятымъ, тогди вже ёму й капутъ". Палій сжегъ Мазепу и пепелъ „по степу розвіявъ" [1]). Мазепа отличается звѣрствомъ и чудовищной прожорливостью: цѣлая гора покрыта костями загубленныхъ имъ людей [2]); онъ съѣдаетъ 6 „галушекъ" по 7 пудовъ въ каждой и только седьмой не могъ съѣсть, за что его Петръ и велѣлъ проклинать [3]). По словамъ другой легенды [4]), онъ былъ проклятъ за то, что позволилъ себѣ кощунство надъ Евангеліемъ. Въ войскѣ Мазепы находится „баба хымородныця", которая совѣтуетъ Мазепѣ и Карлу при бѣгствѣ перековать лошадей назадъ [5]). Это, по всей вѣроятности, глухой отзвукъ сказки о рижской кол-

---

[1]) Кулишъ, I, 120. Срв. Веселовскій, Разыск; II, 23, 24; Кирпичниковъ, св. Георгій и Егорій Храбрый, СПБ., 1879, 14, 15, 16; Кулишъ, II, 30.

[2]) Приложеніе I; срв. В. Ѳ. Миллеръ, Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, Москва, 1877, 19; Пыпинъ, Оч. лит. ист. старин. пов. и сказокъ рус., 83, 84 слѣд.; Левестамъ, Истор. очеркъ древне-сканд. поэзіи скальдовъ, Варшава, 1872, стр. 52.

[3]) Приложеніе, XIII: „за что проклинаютъ Мазепу?" (тамъ и о вѣроятномъ происхожденіи этой легенды). Срв. Сборн. мат. по этн., II, 66, 281; Веселовскій, Юж. р. был., I, 19; т. II, 14, 15, 137. 348, 353; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 180; Драгомановъ, Преданія, 224—5; Кирпичниковъ, Очерки сред. лит., 27; Дестунисъ, op. cit., 79, 81; Moszyn'ska, op. cit., 10—12; Халанскій, op. cit., 42; Остряковъ, Народ. лит. Кабард. и ея образцы, Вѣст. Евр., 1879, авг., 708; Кирѣевскій, I, стр. XV, XXI—XXII, XXIV; Рыбниковъ, I, стр. 87; Кирша Даниловъ, стр. 183 и слѣд

[4]) Кіев. Ст., 1882, мартъ, 612: „отъ якъ ставъ шведській король пидмовляти Мазепу, щобъ той йшовъ Петра Первого воювать, Мазепа й каже: „якъ же я пиднимусь на ёго, то винъ мени хрещеный батько? (то бачъ, зна — що грихъ). — „А ты", каже, шведській король, „пиды у церкву, та на царськыхъ вратахъ потопчы Евангелію,— будешъ ты тоди проклятый: тоди тоби не грихъ. Мазепа послухавъ та й потоптавъ Евангелію; за те жъ теперъ ёго и зпуть проклятымъ."— [5]) Прилож. VII.

дуньѣ, извѣстной латышамъ, великороссамъ и малороссамъ: вторая часть этой сказки вполнѣ отвѣчаетъ черниговской легендѣ о домѣ Мазепы, въ которомъ является по ночамъ женщина, просящая креста, и въ которомъ зарытъ кладъ [3]). Такъ же фантастична и великорусская легенда о той эпохѣ: Мазепа идетъ на Петра съ Литвой; за Петра, страшнаго воителя, знавшаго „планиду", стоитъ „дѣдушка Суворовъ" и сила небесная [4])...

Подведемъ итоги своимъ нѣсколько затянувшимся и разбросаннымъ замѣткамъ. Событія первой четверти XVIII в. придали особенное оживленіе южно-русской литературѣ и

[3]) Прилож. XI, XII; срв. Сборн. мат. по этн. II, 33—35 (латышскія сказки); Ковчинецъ, l. c.; Якушкинъ, Соч. СПБ., 1884, стр. 252 (письма изъ Псков. губ.); Драгомановъ, Преданія, 83; Moszyn'ska, op. cit., 5—8. Легенда, записанная г. Ковчинцемъ, такова (Черниг. губ. вѣд., 1889, № 5): „Бувъ царъ Петро; булы такы волшебныци Лютра и Утерянка. Петро выпросывъ земли на шкуру у Утерянкы, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременцѣ, посшывавъ йихъ, одъ Двыны до Двыны обовьевъ землю и постройивъ крепость. Воёвавъ вонъ изъ Утерянкою и изъ Лютрою. Лютру убивъ одывъ казакъ, а зъ Утерянкою царъ Петро воёвавъ ще много лѣтъ. Дачка йийи волюбыла Петра, ходыла на саду зъ йимъ и вонъ спрашуйе йийи: "чы возьму я твою матку, чи нѣ".—„Хоть сіемъ годъ стой, дакъ не возьмешъ. Йесть у тебе солдатъ Иванъ, дакъ ёго смерть у моей маткы, а матчына у ёго",—„Ну, якъ же ёго узнаты", пытайе Петро.—„Ты зрабы пыръ, на пыру якъ упъюцця, поляжуть спать; вонъ засне пудъ деревомъ, дерево усхне, бо въ ёго сыла изъ рота иде, якъ дымъ". Тогда Петро зробывъ пыръ, узнавъ ёго. Посли пыру Петро найшовъ ёго на ученіи и давай спрашувать: „Что жъ ты можешъ узять йийи?" — Прыставъ до ёго. Вонъ тадѣ й каже: „позвольте пугвыцю зорваты". Той каже: „хочъ уси зрывай". Москаль зорвавъ пугвыцю, выстрелывъ пугвыцею и убывъ Утерянку. Якъ ёго въ карету укинули, сычасъ и умеръ. Царъ сѣвъ на лошади, перескочывъ черезъ Двыну, тольки задни капыты конь умочывъ; городомъ якъ побѣгъ, дакъ пудкова одорвалась, ударылась въ стену и теперъ высыть. Царъ Петро ходывъ у зароботкы, въ чужой земли зробывъ корабель, одъ ёго и сталы у насъ корабли". (О мотивѣ разрѣзыванія кожи см. въ библ. отд. II-й кн. Этн. Обозр.; смерть Ивана—срв. Романовъ, op. cit., 217 — 218; Кіев. Ст., 1889, мартъ стр. 738).

[4]) Якушкинъ, op. cit., стр. 312 (письма изъ Орлов. губ.).

народной, и искусственной. Болѣе всего матеріала народнымъ легендамъ и пѣснямъ и схоластическимъ виршамъ дала измѣна Мазепы и сопряженныя съ ней обстоятельства, но не одинаковымъ образомъ обработали онѣ данный исторіей матеріалъ: въ обработкѣ сказалась значительная разница во взглядахъ между „письменными" и „неписьменными". Правда, и тѣ, и другіе относятся враждебно къ Мазепѣ, но причины ненависти, отношеніе къ самому факту измѣны очень различны. Схоластическія „вирши", проклиная Мазепу, котораго они передъ тѣмъ возносили до небесъ по всѣмъ правиламъ панегирическаго искусства [1]),— напираютъ, главнымъ образомъ, на несправедливую казнь Кочубея и Искры, которыхъ онѣ и прославляютъ при сей удобной оккaзіи; народныя пѣсни—на ссылку Палія, котораго народъ считалъ своимъ приверженцемъ и который былъ среди малорусскаго народа настолько популяренъ, насколько непопуляренъ Мазепа. Ни въ одной изъ *вполнѣ достовѣрныхъ* пѣсенъ не встрѣчается имя Кочубея и Искры; имя Палія встрѣчается только въ одной изъ этихъ виршей, очень поздней. Такимъ образомъ самый выборъ воспѣваемыхъ героевъ показываетъ, насколько точка зрѣнія „виршемазовъ" отличалась отъ точки зрѣнія народа.

Основное содержаніе пѣсенъ—арестъ Палія, легендъ—жизнь Палія и Полтавская битва. Большинство пѣсенъ отличается реальнымъ, историческимъ характеромъ; фантастическіе элементы вносятся въ нихъ тогда, когда онѣ разлагаются; въ цѣлыхъ пѣсняхъ попадаются только мелкія погрѣшности противъ истины. Сохранившіеся въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ разсказахъ стихотворные отрывки намекаютъ на то, что были пѣсни, аналогичныя съ фантастическими легендами, подъ вліяніемъ которыхъ, можетъ быть, онѣ и были составлены въ болѣе позднее время, когда ужъ сложились легенды. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ попадаются косвен-

[1]) М. Тихонравовъ, Трагедоком. Өеоф. Прокоповича: „Владиміръ", Ж. М. Н. Пр., 1879, май, стр. 85—89, 95—96; Труды Кіев. Дух. Акад., 1867, I, 92 и т. д.

ныя указанія, которыя позволяютъ пріурочить ихъ къ различному времени: до и послѣ Полтавской битвы. Такимъ образомъ можно констатировать съ нѣкоторой достовѣрностью разновременное сложеніе пѣсенъ о Паліѣ и Мазепѣ 1).

Въ легендахъ, для характеристики своихъ героевъ, народъ полною горстью черпалъ матеріалъ изъ странствующихъ мотивовъ и общихъ эпическихъ мѣстъ. Вся народная работа надъ различными, часто противорѣчивыми версіями состояла въ пріурочиваніи, не всегда удачномъ. Какъ плющъ обвиваетъ и скрашиваетъ руины, такъ пріукрасила народная фантазія отзвуки своего далекаго прошлаго, сгладила ихъ рѣзкія, реальныя черты—и отодвинула ихъ въ туманную и фантастическую даль, гдѣ нѣтъ простыхъ, обыкновенныхъ людей съ ихъ пороками и добродѣтелями, гдѣ рѣютъ тѣни героевъ, богатырей, „характерныковъ" или злобныхъ, сверхъестественныхъ чудовищъ...

Вл. Каллашъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Происхожденіе Палія и его отношенія къ Мазепѣ.

Жывъ колысь на Вкраини старый хлиборобъ зъ дочкою. Оце разъ винъ пойихавъ у степъ орать землю. Колы винъ оравъ, то знайшовъ на степу велыкій чоловичый чéрыпъ—такій, якъ добрый кавунъ. Той хлиборобъ хотивъ ёго пидняты, але черыпъ розсыпався и зробывся мовъ попилъ. Тоди винъ зибравъ оттой попилъ въ макитру, и колы йихавъ до дому, то узявъ ёго зъ собою, поставывъ въ хати пидъ лавою. Хлиборобова дочка, побачывшы цю макитру, думала, що то батько прывизъ силь, узяла шматокъ хлиба, вмокнула въ макитру тай зъйила. Писля цёго вона заваготнила и прывела сына, котрого й назвала Семеномъ. Семенъ рисъ дуже швыдко. Якъ тилько винъ вырисъ, такъ що вже умивъ козакуваты, заразъ доставъ соби гарного коня, руш-

1) Пол. пісні, II, 36 и т. д.

ныцю, шаблюку и инши козацьки прыцындалы. Тоди на Вкраини гетьманомъ бувъ Мазепа, лютый ворогъ козакивъ и простого люду, пріятель Ляхивъ. Семенъ пообищався соби спасты ридну Вкраину одъ цёго зминныка и хрыстопродавця. Попрощавшысь зъ матерью и зъ дидомъ, винъ сивъ на коня и пойихавъ у степъ. Йихавъ винъ цилый тыждень и никого не бачывъ. Колы це бачыть: йиде верхы на краю степа якійсь чоловикъ. Семенъ пидъйихавъ блызче и узнавъ, що то Мазепа. Семенъ за нымъ, а Мазепа одъ ёго; Семенъ дужче прыпустыть коня, а Мазепа ще швыдче утика. У степу стояла высока, высока гора. Мазепа до неи та на гору, а Семенъ соби; а дали взявъ рушныцю, выстреливъ—Мазепа й пропавъ, якъ той нечыстый. Семенъ зъ конемъ выскокуе на гору и бачыть тамъ багацько чоловичихъ кистокъ, нибы то тутъ колысь козакы былы Татаривъ та Ляхивъ. Семенъ ставъ роздывлятьця кругъ себе, бачыть: проты ёго иде сывый старый дидъ зъ довгою билою бородою. Семенъ пытае ёго: „що це за кисткы? чого воны тутъ лежать?“ Дидъ и каже Семену: „а це все кисткы тыхъ людей, що Мазепа згубывъ; це все Мазепыны ворогы. За те, що ты выпалывъ у Мазепу, нехай теперъ уси называють тебе Семеномъ Паліемъ; дывысь, завсигда будь ворогомъ Мазепы!“ Писля цёго дидъ, хто ёго зна, де дився; а Палій пойихавъ до Запорожцивъ.

Златополь, Кіев. губ. Запис. г. Як. Горшковымъ.

II. Происхожденіе Палія.

Въ Мотовыливци колысь жывъ соби зъ жинкою, зъ диточками чоловичокъ. Разъ выйихавъ винъ ораты. Оре винъ да просыть Бога, щобъ хороше вродыло. Жинка обидать ёму прынесла; чоловикъ и пообидавъ, да все працюйе. Отъ, надъ-вечиръ, чуйе винъ, що плугъ ёго за щось задержався. Дывытця—якась здоровенна трупъя голова. „Господы, Боже мій! се, выдно, яка-небудь лыцарська голова“, подумавъ чоловикъ. „Не добре, якъ вона буде валятысь по полю; треба йийи закопать на цвынтари и одслужыть па-

нахыду за душу умершого". Подумавъ, погадавъ, а тымъ часомъ сонечко зайшло. Чоловикъ обережно положывъ голову въ хустку и пишовъ до дому, а дома положывъ голову на лавку и сивъ вечеряты. Силы коло ёго и диты, и жинка; попойилы воны галушокъ, чы чого Богъ пославъ, може й нічого, опричъ хлиба святого, не лучылось; повечерялы, встають, а жинка подывылась на голову, да й сказала: „оця голова, мабуть, на свойему вику багацько хлиба перейила".—„Буде вона ще йисты", одказала голова.—„Эге, такъ ты такивська!" говорить чоловикъ: „не треба жъ тебе несты на цвынтаръ да служыты панахыду. Знаю я, що зъ тобою робыть". Узявъ йийи, вынисъ за свій вышневый садокъ, у чысте поле, розиклавъ багаття, и давай палыть. А голова горила-горила, покы стала порохнею, такъ якъ отъ сахаръ. Подывывсь чоловикъ и, Богъ знае зъ чого, взявъ ту билу порохню въ хустыну (наче насміявся надъ нею), прынисъ до дому и мовчкы положывъ на полыцю. Незабаромъ, може черезъ день, пишовъ винъ зъ жинкою до церквы, а въ господи осталысь тилько дочка да малый хлопець. Дочка вже и борщъ заставыла въ пичъ, уже и локшыну зварыла: сказано, день воскресный; оставалось тилько посолыть страву,—такъ нема жъ соли.—„Оттамъ, Галю, на полыци лежыть у хустыни щось биле, мабуть силь", говорыть братъ. Сестра стала на лавку, взяла хустыну, подывалась и говорыть братови: „не знаю, чы се силь".—„Лызны, то й взнаешъ", каже братъ. Вона покоштувала разъ—нічого, вдруге, втрейте, и говорыть: „оце яке нудне!" и положыла знову на полыци. Отъ мынае недиль десять, а може и бильше,—упала дочка въ ногы батьку и матери и говорыть: „я въ тяжу; оттакъ було и такъ". Почухавъ батько гижку, поморщывся: треба йты до пана да росказать усе, якъ було. Тоди за такій соромъ дуже каралы. Росказавъ усе, якъ було. Панъ одибравъ одъ ёго хустку, а черезъ пивъ-року дочка прывела уже сына. Охрестылы ёго и назвалы Семеномъ Безбатченкомъ. Хлопець рисъ, уже и за воламы ходывъ; якъ ось йихалы въ Мотовыливку Запорозци,

що прыйижджалы говить въ Осокыркы, и зманылы хлопця въ Велыкый Лугъ. А въ Сичи кошовый, замитывшы хлопця, взявъ ёго до себе въ молодыкы. Служыть Семенъ, служыть, а гонору ёму все таки нема. „Постойте, буде й мини гоноръ!“ подумавъ соби Семенъ. Узявъ, спалывъ отаманській куринь и втикъ до дому.—„Эге! такъ ты такій!“ говорыть кошовый: „захотилось тоби гонору! Буде зъ хлопця лыцарь, буде!... А ну, панове-молодци“ говорыть винъ тымъ, що вывезлы Семена,—„рушайте за Семеномъ туды, звидкиля ёго взялы, и прывозьте назадъ“. А Семенъ тымъ часомъ сыдыть дома на печи.—„Мамо!“ говорыть: „снылось мини, що прыйидуть до мене изъ Сичы козакы, прывезуть мини гоноръ и визьмуть изъ собою“. Маты зиркъ у кватырку—ажъ уже Запорозци и коней на двори пидъ повиткою прывъязують. „Добрый тоби“, говорыть, „сынку, сонъ снывся!“ Семенъ тилько засміявся. Отъ, якъ прыйихалы воны въ Сичъ, то кошовый и сказавъ ёму: „ты, Семене, есы козакъ добрый: теперь майешъ ты гоноръ, будешъ прозыватысь Паліемъ“. Разъ выйихавъ кошовый на охоту зъ Семеномъ; йиздылы воны довго и зайихалы въ таке мисто, що тилько одни скели та пуща. Ставъ пры сонци и чыстому неби грымати гримъ,—а се Архангелъ Гаврыилъ хотивъ убыты полоза. Гримъ ударыть, а полозъ вылизе зъ скели та й засміетця.—„Эге! оттака ловысь!“ сказавъ Палій, ухопывъ зъ плеча янчарку, прыложывся, выпалывъ—и на тимъ мисти, де показувався полозъ, потекла смола.—„Иды жъ ты теперъ, куды знайешъ“, сказавъ ёму кошовый: „иды у свою краину и рижъ усяку нехристь, бо ты есы чоловикъ, угодный Богу!“—„Ни, батьку!“ каже Палій: „не одпускай мене одного, а пусты зо мною Искру, Кочубея и Шмалька (?)“.—„Добре“, сказавъ кошовый и одпустывъ йихъ трохъ изъ Сичы. А навпосли вже Семенъ Палій зробывся паномъ полковныкомъ Хвастовськымъ, добре ризавъ орду и ляхивъ, да Мазепа ёго стратывъ изъ заздристи, що Палія велычалы козацькымъ батькомъ.

Ревякинъ, Основа, 1861, XI—XII, 29—31 (Зап. въ с. Красной, Кіев. губ.).

III. Происхожденіе Палія.

Отправился поселянинъ пахать поле, плугъ его задѣлъ въ почвѣ какой-то предметъ; присмотрѣвшись, поселянинъ увидѣлъ въ бороздѣ огромную мертвую голову: „Это, должно быть, голова какого-нибудь славнаго рыцаря", подумалъ крестьянинъ и унесъ ее домой, съ намѣреніемъ отслужить по неизвѣстному богатырю панихиду и предать голову погребенію. Возвратившись домой, онъ положилъ голову на скамью и усѣлся ужинать съ семьей. Послѣ ужина жена, посмотрѣвъ на голову, сказала: „должно быть на своемъ вѣку голова эта переѣла много хлѣба".—„Будетъ она еще ѣсть",—отвѣтила сама голова. Испуганный крестьянинъ сжегъ голову, но дочь его отвѣдала по ошибкѣ вмѣсто соли оставшуюся отъ нея известь и сдѣлалась беременною. Узнавъ о случившемся, панъ отнялъ и уничтожилъ перегорѣлыя кости, но онъ не могъ предотвратить рожденія богатыря, чудесно зачатаго, вслѣдствіе случайнаго столкновенія чернаго народа съ умершимъ, но не лишеннымъ надежды на продолженіе своей жизни козацкимъ преданіемъ(?). Богатырь этотъ и былъ „добрый козакъ" — Семенъ Палій. Далѣе, въ разсказѣ о первоначальной жизни Палія, народныя сказанія представляютъ его человѣкомъ, предназначеннымъ свыше для борьбы со всевозможными проявленіями нечистой силы; вотъ нѣсколько варіантовъ народнаго разсказа, въ которомъ преданіе старается объяснить, какимъ образомъ его герой получилъ свое названіе. Отправившись въ Запорожье, Семенъ не могъ добиться надлежащей чести у козаковъ, потому что, не будучи въ состояніи указать на свой родъ, онъ не имѣлъ фамиліи. Эта аристократическая разборчивость запорожцевъ раздражила его; онъ „зпалывъ атаманьскый куринь" и получилъ фамилію Палія. По словамъ другого преданія, Семенъ встрѣтилъ на берегу рѣки, на скалѣ, сидящаго и кривляющагося чорта; онъ выстрѣлилъ—и „нечыстый" разлился пламенемъ и горящею смолою. Съ того времени и стали звать Семена „Паліемъ", „бо вінъ

чорта эпалывъ". Бывшій при этомъ кошевой сказалъ ему: „иди въ Украину и истребляй „всяку нехристь": я вижу, что ты человѣкъ угодный Богу". „И дѣйствительно, прибавляетъ преданіе, Палій сдѣлался грозенъ Ляхамъ и Ордѣ, и одинъ онъ могъ смирить измѣнника Мазепу". (стр. 52—53).

Антоновичъ, Послѣднія врем. казачества на прав. стор. Днѣпра (предисл. ко II т. 3-й ч. Арх. Юго-Зап. Рос.), Кіевъ, 1868.
Зап. Лоначевскимъ въ окрест. Бѣлой Церкви, въ с. Гребинкахъ.

IV. Происхожденіе Палія.

Одинъ „чоловикъ" пахалъ въ полѣ. Вдругъ подъ плугомъ что-то хрустнуло. Смотритъ „чоловикъ"—мертвая голова (черепъ), да такая огромная, какъ „казанъ" (котелъ). Человѣкъ и думаетъ: „видно, это была голова великаго богатыря—лыцаря: возьму ее, попрошу батюшку окропить ее святою водой, прочитать надъ нею молитву, и тогда похороню по-христіански". Вотъ онъ привезъ голову домой, положилъ на лавку, а самъ сѣлъ ужинать. Жена его, глядя на мертвую голову, и говоритъ: „а много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба поѣла". А голова вдругъ и говоритъ: „и еще много поѣмъ". „Жинка", конечно, „злякалась", и бросила голову въ горящую печь. Осталась отъ богатырской головы одна зола. „Жинка" выгребла изъ печки золу и всыпала въ горшокъ: „продамъ москалямъ на поташъ", думаетъ. А дочь ея (взрослая), не зная ничего этого (до поздней ночи съ парубками на улицѣ гуляла и пѣсни „веснянки" пѣла), увидавъ утромъ золу и думая, что это соль, посолила себѣ „шматокъ" хлѣба и съѣла. Отъ этого она и забеременѣла, и родила сына, котораго и назвала Семеномъ. Изъ этого Семена и вышелъ богатырь и даже „характерныкъ". Отправляясь на Запорожье, Семенъ-богатырь встрѣтилъ черта и „спалывъ" его: отъ того запорожцы и прозвали его „Паліемъ"—самаго черта спалилъ. А настоящая фамилія его была—Гурко, и отъ этого Гурко—Палія, говорятъ, происходитъ, по прямой линіи, балканскій герой и нынѣшній варшавскій генералъ губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко.

Мордовцевъ, „Нѣчто для гг. ученыхъ", Новости, 1889, № 66 (перепеч. въ „Елисаветградскомъ Вѣстникѣ" 1889, № 58).

V. Палій—богатырь и „характерныкъ".

Въ народныхъ преданіяхъ Палій является одареннымъ сверхъестественною физическою силою и знаніемъ таинственныхъ, непреодолимыхъ средствъ веденія войны; онъ стрѣляетъ изъ пушекъ, заряжая ихъ „навхрестъ", проѣзжаетъ незримый по непріятельскому стану и т. п. Сила его столь велика, что кромѣ его собственнаго, испробованнаго коня, ни одна лошадь не только не можетъ вынести на себѣ богатыря, но валится на землю отъ одного прикосновенія его руки. „Палій бувъ лыцарь-богатыръ", говоритъ народное преданіе, „и вмивъ винъ видъ всячыны замовляты": потому никто не могъ его ни побѣдить, ни взять въ плѣнъ, пуля его не брала; сабля его была вѣсомъ въ 5 пудовъ, кружка, которою онъ пилъ, въ полведра величиною. Если козакъ провинится, то Палій въ наказаніе заставитъ его нести свою саблю: „стонетъ подъ тяжестью бѣднякъ, а козаки надъ нимъ смѣются". Впрочемъ, народнее преданіе прибавляетъ, что сверхъестественная сила и знаніе Палія были даны ему свыше: „винъ не волшебствомъ, а ангельскымъ чыномъ войевавъ". Благочестіе его было примѣрное: Палій строилъ церкви и богато украшалъ ихъ, говоритъ преданіе; при томъ онъ имѣлъ обыкновеніе, выстроивши церковь, закапывать подъ нее большія деньги, чтобы было за что починить, когда она обветшаетъ (стр. 61—62). Мазепа за то погубилъ Палія, что его называли козацькимъ батькомъ и что всѣ его сильно любили. Палій былъ искренно преданъ народу: онъ защищалъ его отъ пановъ и отъ всѣхъ, кто желалъ его обидѣть" (стр. 73). Отдаленность и безвыходность заточенія (Палія въ Енисейскъ) до того поразила народъ, что въ легендахъ онъ ее изображаетъ или подъ видомъ огромной башни, въ которую Мазепа приказалъ живьемъ „замуровать" любимаго народнаго предводителя, или въ образѣ глубокой темницы, ключи отъ которой были брошены въ море и потомъ только чудомъ можно было освободить изъ нея плѣнника (стр. 175).

Антоновичъ, op. cit.
Легенда, запис. Ильницкимъ въ с. В. Снятынкѣ.

VI. Легенда про Семена Палія (взятіе Вершади).

„Ото бувъ слободецькый годъ, якъ бувъ панъ Хмильныцкій“—такъ началъ свой разсказъ глубокій старикъ. „Потомъ была руина; край опустѣлъ... Страшно и разсказывать!.. Въ Каменцѣ засѣли турасы (турки), снизу набѣгала татарва. Не было житья и тѣмъ немногимъ, кто остался въ краѣ. Но край хорошій, и люди Богъ его знаетъ откуда брались. Отецъ разсказывалъ, что ѣдешь или идешь сегодня—пустыня, одичавшія кошки ворчатъ по деревьямъ, одичавшія собаки хватаютъ за ноги, пропоетъ одичавшій пѣтухъ или закудахчетъ такая же курица; отъ людей бѣлыя кости валяются да кусты крапивы-жгучки растутъ „на пожежи“,—а черезъ недѣлю, черезъ двѣ, смотришь: село какъ изъ земли выросло. А вмѣстѣ съ тѣмъ является ляхъ „пануваты“, за ляхомъ жидъ орендарь, а тамъ и ксендзы, и уніяты; панщына, горе, муки! Тогда-то явился Семенъ Палій—онъ еще не былъ Паліемъ, а только Семеномъ. Семенъ былъ панскій казакъ, и на его глазахъ мучили, истязали нашего брата. Не стерпѣла добрая душа такой наруги... Семенъ ушелъ — не скажу куда: на низъ ли, за пороги, или куда, только ушелъ онъ съ твердымъ намѣреніемъ отомстить мучителямъ и выгнать ихъ изъ края. Идетъ и все думаетъ одну думу: какъ бы Господь Богъ помогъ ему исполнить великій замыселъ. Такъ идучи, утомился онъ и сѣлъ подъ дубомъ—видишь „подъ дубомъ“, значитъ не въ степь ушелъ, а можетъ быть, впрочемъ, еще не добрался до степи... Такъ сѣлъ Семенъ отдохнуть, да такъ и уснулъ. И снится ему ангелъ, будто спрашиваетъ: „чего ты, Семене, хочешь отъ Господа Бога?“—„Чтобы онъ далъ мнѣ мечъ“, отвѣтилъ Семенъ: я очистилъ бы этотъ край отъ всякой погани“. „Будетъ тебѣ по желанію твоему; Богъ дастъ тебѣ мечъ и огонь, а люди прозвутъ тебя Паліемъ“, — сказалъ ангелъ и отошелъ. Вздрогнулъ Семенъ, почувствовавши въ рукѣ что-то холодное. „Чы не гадюка?“ и схватился на ноги. А мечъ такъ и отскочилъ, „полыскуетця“. Перекрестился казакъ, поблаго-

дарилъ Бога за даръ и началъ воевать—очищать край отъ всякой „погани". Не стало слышно „лядського, жыдивського духу", только у насъ на Подольѣ — къ намъ только слухъ доходилъ; у насъ ляхи пановали, жиды обирали, ксендзы, уніяты пекли, рѣзали по старому, если еще не хуже. Но Господь умилосердился и надъ нами. Пятковка, Бершадь (Ольгопольск. у.) и многія другія села и мѣстечка принадлежали одному пану. Кто его знаетъ, гдѣ онъ самъ жилъ, а въ Бершади держалъ губернатора, который и заправлялъ всѣмъ, — помогалъ мучить народъ. А въ Пятковкѣ былъ жидъ орендарь, страшный обирало. Одинъ бѣднякъ изъ нашихъ и задолжай ему „пивъ таляра". Сумма незначительная, но бѣднякъ и того не могъ отдать; проценты же растутъ по днямъ и уже добираются до пяти злотыхъ. Жиду и на руку тяжкія обстоятельства должника; привязался: „виддай грошi" и конецъ.—„Бачъ, що нема! Ну, возьмы зъ мене шкуру".—„И шкура на тоби панська", кричитъ жидъ: „продай чортамъ свою душу, та мени грошы виддай! Невиро погана!" Что сдѣлаешь? Надо вести корову съ теленкомъ продавать—отнять у дѣтей ложку молока, только бы развязаться съ „поганью". Вотъ и ведетъ онъ корову съ теленкомъ въ Бершадь на ярмарку; а орендарь уже тутъ: „а що? грошы йе?" — „Дежъ воны взялысь, пане орендарю! Ось продамъ, то будуть". — „Мени треба заразъ". — „А въ мене заразъ нема. Кажу, продамъ, то будуть". — „Що то продамъ?" закричалъ жидъ: „ты будешъ продавать, а я що? Я маю чекаты на тебе?" — И, не говоря болѣе ни слова, вцѣпился за „налыгачъ". Какъ обыкновенно, собралась огромная масса жидовъ, крикъ, гамъ; тормосятъ, бьютъ хозяина. А наши разступились и смотрятъ, что вышло бы изъ этого, если бы явился Палій? Думаютъ про себя, а говорить не смѣютъ. Семенъ къ этому времени уже прославился, получилъ прозвище Палія, „що добре палывъ замкы", и навелъ такой страхъ, что паны подъ угрозой смертной казни запретили говорить о немъ. Даже если, бывало, новорожденнаго назовутъ Семеномъ, то ляхи съ жидами, съ ксендзами

да съ уніятами непремѣнно изведутъ цѣлую семью: „бунтовныкы! до Палія тягнуть". И попамъ за это доставалось. Не скоро люди догадались, но догадались таки, и долго, долго между дѣтьми не встрѣчалось ни одного Семена. — Вотъ жидъ заграбилъ корову за „пивъ—таляра".—„Хочъ на силъ дайте, пану орендарю!" проситъ ограбленный и избитый мужикъ, но грабитель не обратилъ вниманія, увелъ корову и ничего не далъ. Сѣлъ несчастный и плачетъ.—„Чого ты плачешъ, чоловиче?" спрашиваетъ его статный казакъ, сидя на лошади. Тотъ и разсказалъ все, какъ было. „Дурни жъ вы, дурни!" обратился казакъ къ народу: „капустяни головы! На що жъ у васъ лушни? на що штыльвагы? На що рукы вамъ Богъ давъ? А ушыма вы чы чулы що-небудь про Семена Палія?" — „Ай, ай!" подумали люди, столпившіеся возлѣ казака: „донесетъ кто-нибудь губернатору, и несчастный пострадаетъ.—„Колы не чулы, то подывится! Ось винъ передъ вамы!" продолжалъ казакъ и поднялъ шапку надъ головою. Въ то же время раздался свистъ по всей ярмаркѣ, и закраснѣли казацкіе жупаны „якъ макъ, якъ калына". Все это были „палійивци—козаки",—сверху „свита", а подъ низомъ „жупанъ и шаблюка". Тутъ-то пошла потѣха! Ни косточки не осталось „лядськой" да жидовской. Послѣ этого вся бершадщина поддалась Палію и всѣ стали казаками. И долго-долго не видать было ни ксендза, ни уніята.

А. Свидницкій, „Кіевлянинъ". 1870, № 57, (Зап. въ Бершади).

VII. Подвиги Палія.

Семенъ Палій бувъ лыцарь велыкій. Про ёго, було, дечого росказують запорожци нашымъ батькамъ, а батькы вже намъ. Десь-то, кажуть, жылы козакы и мижъ нымы бувъ молодый козакъ Семенъ. Разъ кошовый зибравъ військо и махнувъ воювать Орду и Ляхивъ, а Семенъ зостався глядить добра. Тоди ще хатъ не було дуже товсто, бильше жылы куринямы. Отъ дохозяинувався той Семенъ, покы спалывъ кошового куринь. „Що ёго робыть?" дума винъ: „прыйидуть—буде мини". Взявъ рушныцю и подався

Довго винъ ишовъ байракамы и зайшовъ въ таки пущы, шо тико небо и выдно. Сивъ винъ и спочыва. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощъ, потимъ гримъ, блыскавка. Дывытця винъ на скелю, колы выскакуйе лукавый. Якъ загремыть гримъ, винъ пидъ скелю; якъ затыхне, винъ вылизе и гнивыть Господа. Семенъ и дума: „що жъ теперъ робыть? або ёму смерть, або мини". Тико шо выскочывъ винъ на скелю, Семенъ прыцилывсь и убывъ. „Ой, бый ще", каже, „разъ, бый", просе лукавый.—„Буде зъ тебе и разу". Винъ знавъ, що якъ выпале вдруге, то побижыть. Зарядывъ Семенъ рушныцю и посунувся очеретамы въ пущу. Иде винъ, та й иде, а очеретъ густый та высокій и свита не выдно. Чуе винъ, трищыть очеретъ и щось суне прямо до ёго. „Що Богъ дасть", каже, та туды. Колы ось показався дидъ старый, старый та билый. „Здоровъ", каже, „сыну!„—„Здоровъ, дидусю!"—„Куды тебе Богъ несе!"—„Такъ и такъ", каже, „диду, доли шукаю: або звирюка зъйисть, або дійду до Велыкого Лугу въ Запорожжя". И ставъ ёму Семенъ росказувать: „спалывъ", каже, „куринь и боюся гнива козацького: або кіямы забъють, або на шыбыныцю". Дидъ и каже: „теперъ за тобою погоня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бійся: пиды до кошового, винъ простыть". Дали показуйе дидъ свою рушныцю и каже: „тутъ таке цилке, тико наведешъ, такъ и йе; давай", каже, „поминяемось". Вгори литала очеретянка. Дидъ прыцилывся, бахнувъ, вона и упала.—„Добра", каже Семенъ, „рушныця, а моя ще лучша. Я", каже, „не такого звиря убывъ". Отъ дидъ упъять и каже: „ну, колы минять не хочешъ, то дарую я тоби цю рушныцю за те, що убывъ сатану, тико шануй ёго. Будешъ ты". каже, „велыкій лыцарь и побиждатымешъ непрыятеля; будешъ ты", каже, „минятьця, якъ мисяць: мисяць зостаріетця, зостаріесся и ты, зійде молодыкъ—будешъ молодымъ и ты. Вертайся жъ, сыну, до кошового". Сказавъ це дидъ и Богъ зна, де дився, бо не простый чоловикъ винъ бувъ, а святый Апостолъ. Помолывся Семенъ и пишовъ до кошового. Прыйшовъ, та прямо

въ куринь. А кошовый тико що умывся, втыраетьця и молытву творе. Семенъ навколишкы.—„А що“, каже, „еретычый сыну, прыйшовъ?“—„Не клады“, каже, „тату, велыкого гнива: то я спалывъ куринь“.—„Щастя жъ твойе“, каже, „що не піймала погоня,—заколола бъ“. Дали кошовый и каже: „за те, що спалывъ куринь—будь же ты, еретычый сыну, Палійемъ“. Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сыльный, шо нихто ёго не подужа. Було якъ воюють козакы, то де Палій, тамъ и удача. Выбралы ёго козацькимъ батькомъ, то бъ то кошовымъ. Отъ прыйихавъ Швецкій король до проклятого Мазепы и давай воны пыть. Пылы, пылы, а потимъ и поклыкалы до себе Палія. Король и каже: „погуляймо, братци, та визьмемось рубаты въ пень москаля“.—„Не диждешъ!“ каже Семенъ Палій. Якъ схопытьця король, якъ схопытьця проклятый Мазепа, та до Семена Палія: „берить, въяжить, слугы, сякого—такого!“ Взялы Семена Палія, скувалы въ зализо рукы, ногы и замуровалы въ темныцю. Не багато жъ винъ тамъ сыдивъ, не йивше и не пывше—двадцять годъ. Черезъ двадцять годъ пишовъ Шведъ войною на царя Петра, пишовъ зъ нымъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У царя сыла війська, а у Шведа и проклятого Мазепы ще бильша. Ставъ шведъ побывать Москаля, а Петро и каже: „дай мини, Шведе, хоть трохы отдыху“. Той давъ, Петро пишовъ у свій станъ и пыта: „чы нема, братци, мижъ вамы богатыра або характерныка?“ Вызвався хлопець 16-ти литъ и каже: „я бъ помигъ, та ще лита не выйшлы; а йесть“, каже, „замурованый въ темныци Семенъ Палій, той побидыть Шведа“. Пославъ царъ за Палійемъ. Одмуровалы ёго, глянулы, ажъ у ёго борода и коса по колина, вусы по поясъ. Сорочка, штаны на ёму опалы —страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвелы коня. Що стане Семенъ Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Скилько не пидводылы,—ни одынъ кинь не здержавъ. Тоди прывелы царського коня. Винъ сивъ и пойихавъ. Прыйижжае до царя. Царъ посадывъ ёго за дубовый стилъ, угощайе и правды пытайе: „що“, каже, „Семене

Палію, чы звоюйемо Шведа?“ „Звоюйемо“, каже, „тико дай тры дни хлиба святого пойисты та спочыть“. У шведа була баба хымородныця. Отъ глянула вона на Петрове військо и каже: „ой щось за напасть велыка буде на насъ! Велы“, каже, „королю, кувать коней назадъ гакамы, та нумо утикать“. Покы Шведъ покувавъ коней—ось уже и Семенъ Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одежу, сивъ на коня и сунувъ зъ військомъ на Шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта царя: „бачышъ шведа?“—„Бачу“, каже: „подався черезъ гору“. Выбигъ тоди Палій на кряжъ и пыта упъять: „а теперъ бачышъ?“—„Бачу“, каже: „одынъ другого черкайе шаблямы“.—„А короля бачышъ?“—„Побигъ“, каже, „король степомъ, а за нымъ проклятый Мазепа, ажъ курява знялась“. Якъ звоювавъ Палій Шведа, Петро и каже: „ну, Семене Палію, теперъ я дамъ тоби грошей, стико схочешъ, дамъ я тоби и паньски областы“ —„Ни“, каже Палій: „не треба мини ни грошей, ни паньскихъ областивъ: дай мини мылу Украину, за котору я двадцять литъ страждавъ,—бильше у тебе не прошу ничого“. Давъ Петро Палійеви Украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъ зна, де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь живый и, якъ Господь ёму веливъ, миняитьця, якъ мисяць: старійе и молодійе.

Я. Новицкій, Екатеринославскія Губ. Вѣд., 1888, № 10.

VIII. Мазепа и Палій.

— „Якъ ваявавъ Мазепа зъ Паліямъ, дакъ я ще діевчынкаю була, и тади черезъ нашъ горадъ велыка сыла маскалюовъ ишла. А мы, дитвара, пазлазылы на тынъ, та й дывымось. А ваны йдуть тай идуть! Ще тади сестра мая меньча, Глашка, упала зъ тыну на шклянку да чыста ногы сабіе паріезала“...—„А самого Мазепу ты, бабо, бачыла?“—„Та й Мазепа жъ, кажу, зъ йимы бувъ: на біеламу такому коню йехавъ, тульки запоуныла (забыла), якій вуонъ бувъ“.

— „А може ты й Палія бачыла?“—„Може й бачыла—за-

була вже: давно це діела було! Мазепа, значыть, воювавъ, воювавъ, а дали царъ йиго й розбывъ. Вуонъ и втюокъ та уже, значыть. бачыть, що пропало йиго діела,—узявъ да самъ сабіе смерть и заподіеявъ.—Колысь маскалюовъ не було, а все козакы: отъ—вайна, заразъ казакы и збираютца. А такъ—дакъ вуойська не було [1]).

Городня, Черн. губ. отъ 70-лѣтней старухи (Зап. въ 80-ыхъ годахъ г. Евг. Дорошевскимъ).

IX. Палій и Мазепа подъ Полтавой.

Якъ пидступавъ шведъ пидъ Полтаву, то Царъ и ставъ думать та совитуваться зъ началныками: якъ бы ёго побидыть? А одынъ ото и каже: „знайете, Ваше Величество, я Вамъ найду одного чоловика, що непреминно побидыть ёго. Мазепа й духу ёго боиться; Вы ёго по Мазепынымъ навитамъ та прозьбамъ на Сибиръ заслалы!“ — „А хто жъ се?“ — „Палій Семенъ!“—„Якъ же бъ же ёго сюды прыставыть до бытвы?“—„А хочете, я ёго прывезу до бытвы“.—„Добре! Велыку за се награду получышъ“. — Та й давъ ёму бумагу, а той помчався по Палія... Палій пидставъ якъ разъ на бытву. Явывся до царя такый старый та обросшый, борода по поясъ, а измученый у каторзи—Боже!.. Царъ зъ нымъ поздоровкавсь та й ставъ просыты прощеньня. Каже: „Просты мене, Палію! Я тебе обидывъ, не знавшы твойейи вирносты“.—„Богъ тебе, Цару, простыть, а я прощаю“—каже Палій. Та поговорывшы зъ царемъ и пишовъ до козакивъ. А козакы ёго якъ побачылы,—Боже, якъ зрадилы, а винъ йихъ давай цилувать... Дали и каже: „А де, хлопци, моя чугунна *Стеха* (се ёго любыма пушка була), та, що я зъ нею підъ турка у Азовъ ходывъ (фактъ, не подтверждаемый исторіей), та вбывъ зъ нейи башу?“ А хлопци заразъ и кынулысь йийи шукать та такы й знайшлы. Боже! якъ кынувся винъ йийи цилувать, то такъ слёзы й полылысь зъ очей. Поплакавшы надъ пушкою, взявъ про-

[1]) Появленіе подобнаго рода разсказовъ, кажется, можно объяснить смѣшеніемъ въ ослабѣвшей памяти видѣннаго со слышаннымъ.

зорну трубу та й дывыться на монастырську дзвиныцю. Роздывывшысь и каже: „ишъ, вражи сыны! обидають!“— „Хто, батьку, обида?“ пытають козакы.—„Мазепа зъ Карломъ и пушку сюды выставылы. Ось дайте, лышень, хлопци, я свою Стеху заряжу“. Та якъ зарядывъ, якъ выпалывъ, то такъ отютянта, що кушаньня подававъ, на двойе й перервало. Мазепа, якъ побачывъ се, якъ схватыться, якъ сплесне рукамы: „отъ теперъ“, каже Карлови, „ваше велычество, пропалы мы!“—„Що? Якъ?“—„Палій прыйихавъ: я ёго пушку почувъ“.—„Не боюся твого Палія“, каже Карлъ (винъ такы хвабрый бувъ).—„Онъ-же жъ, якъ хочте, а пропалы“—каже зновъ Мазепа Карлови. На другий день Палій якъ узявъ изъ свойейи Стехы палыты, то що наведе на якій шведській рядъ, то воны якъ полова и сыплються.

Полит. пісні укр. нар., ч. I, вып. II, 37—48. (Зап. въ Полтавѣ).

X. Палій и Мазепа.

Семенъ Палій бувъ лыцарь и зъ Мазепою бывся. Такій то бувъ вирный у цара Мазепа, упросывъ у Цара, щобъ стратыть Семена Палія за те, що лыцарь, а лыцаривъ нетреба. Выславъ Мазепа Семена Палія зъ старымы салдатамы, а Царъ веливъ салдатамъ ёго не тратыть, а замуруваты у стовпъ. Воны ёго замурувалы у стовпъ. Мазепа веливъ, щобъ ёму серце Палійево прынеслы. Воны жъ собаку стратылы и сказалы: „оце серце Семена Палія!“ Черезъ скилька годъ началась війна проты Царя, отъ Мазепа передався до чужоземця, щобъ звоёвать сёго Царя. У Царя було війська мало. Зробылы разъ війну, зробылы другу, а на трейтій уже нема чимъ воюваты. Отъ винъ одпросывся на згоду и тоди каже старымъ салдатамъ: „обыскать, чы нема де лыцаря?“ Воны кажуть: „йесть такій лыцарь, тилькы не знайемъ, чы жывый?“ Отъ воны довидалысь до стовпа, а Семенъ Палій жывый; отъ воны й кажуть: „йесть такій— Семенъ Палій“. Тоди царъ сказавъ: „идить, возьмить ёго, тилькы не везить ёго ни возомъ, ни верхы, а зробить межъ пару коней колыску, щобъ не струсывся“. Прывезлы Се-

мена Палія. Царъ його у баню и обанывъ, и веливъ ёму спочыты.

А винъ не спочывайе,
Тилькы ходыть по табору,
Коня выберайе.

Отъ скилькы тамъ не було у Цара коней, винъ выбравъ того, що воду возыть. Царъ розсердывся, що выбравъ такого коня поганого. А винъ каже: „оцей тилькы кинь мене вывозыть". Скоро посидалы на коней, Палій пустывъ стрилку, та стрилка попала у лусту мьяса, де Мазепа зъ чужеземнымъ королемъ на радощахъ бенкетувавъ, балювавъ. Якъ побачылы воны стрилку, то й кажуть: „годи воювать, бо вже йе Семенъ Палій!" Та й до утёку тоди. А Семенъ Палій зъ царемъ идуть. Отъ Царъ и каже: „покажы мени, Семенъ Палій, свою лыцерію!" Семенъ Палій каже: йидьте, Ваше Императорське Велычество, по—за могылою", а самъ пойихавъ зъ другои стороны. Якъ показався, що царъ каже: „ой батюшка, Семенъ Палій, помылуй!"—„Не бійтесь, Ваше Императорське Велычество!" Пойихалы тоди до війська, одибралы знамена—и годи воёвать! Царство зновъ царствомъ тоди.

Чубинскій, Нѣсколько народ. ист. пред.,—Кіевъ, 1873, стр. 8—9.

XI. Легенда о домѣ Мазепы въ Черниговѣ.

У Мазепыномъ доми, кажуть, велыкій кладъ и тамъ заклята барышня йикась (або: царивна, дочка Мазепы): матка, кажуть, закляла, що не слухалась. Разъ дакъ стоявъ, значыть, салдатъ на часахъ. А вана й выходыть и просыть у його хреста. Вуонъ не давъ. Колы жъ на другу ночь зновъ вана выходыть, а вуонъ зновъ таки не давъ: чы пожаліевъ, чы, може, побаявся тамъ... А за трейтимъ разомъ пашовъ до командыра да й росказавъ: такъ и такъ, каже.

— „Дурный же ты! було бъ, колы свого хреста жалко, хочъ зъ скіепачакъ (щепокъ) зробыть да дать юой: тадибъ увесь кладъ бы доставсь". И скульки вуонъ не стаявъ вже на часахъ, то вже буольшъ не бачывъ.

Черниговъ. Запис. г. Евг. Дорошевскимъ.

XII. Легенды о дочери Кочубея, домѣ Мазепы и т. д.

Въ числѣ легендъ дома Мазепы (въ Черниговѣ) существуетъ одна, чисто народная, изображающая страданія бѣдной Маріи (Кочубей, какъ нужно догадываться). Бросивши отцовскій домъ, она ушла къ гетману, за что была проклята родною матерью, а душа ея по смерти осуждена на вѣчное скитаніе. Другое преданіе — что душа (проклятая) Маріи осуждена стеречь клады, спрятанные Мазепою въ подвалахъ своей канцеляріи, — клады (скарбы), взатые имъ у полковника Кочубея (нужно догадываться). И вотъ душа Маріи, осужденная стеречь эти клады, каждый годъ въ ночь подъ „Пречысте" блуждаетъ по землѣ въ образѣ женщины и проситъ встрѣчнаго, чтобъ осѣнили ее святымъ крестнымъ знаменьемъ; и тогда только снимется съ нея проклятіе матери. Вотъ содержаніе легенды:

(Разсказъ позднѣйшій).

У Пречысте саме въ пивночъ,
Якъ ще пивень не спивайе,
Вкругъ будынку (гетманського)
Якась постать похожайе...
Вся въ золоти, довги косы,
Мовъ гадюкы зъ плечъ спадають,
Биле чоло—все убрано
Клейнодамы, що й такъ сяють.
Ти клейноды такъ и зорять,
Вылыскують въ ночи темний...
(Люди кажуть, що то скарбы,
Ти, що Гетманъ позаховавъ)...
Ходыть постать, кого стрине,
Просыть вняты йийи мукамъ
И хрестомъ святымъ преславнымъ
Охрестыты... (знять покуту).

(Преданіе).

Кажуть: здавна, якъ той гетьманъ,
Що згубывъ Украйны славу,
Якъ зъ своимы козакамы

Утикавъ винъ у Молдаву,—
Зъ тий поры и постать (видьмо)
Въ лёхахъ темныхъ все блукайе,
А на пивночъ у Пречысте
Вкругъ будынку похожайе...

(Другой варіантъ).

(Кажуть люде, що той гетьманъ,
Утикаючы въ Молдаву,
Кынувъ бидную Марію (?)
На недобрую славу)...
Стерегты вона ти скарбы
За покуту тяжку мусыть...
Тилькы разъ въ кожне Пречысте
Знять хрестомъ покуту просыть...
Бо якъ хто хрестомъ преславнымъ
Благословыть кляту душу,
То ти скарбы и клейноды
Геть розсыпатысь мушуть...

Существуетъ еще разсказъ, слышанный мною отъ крестьянина с. Козерогъ. Указывается мѣсто между сс. Слабинымъ и Козерогами — на поляхъ открыты плугомъ остатки каменнаго зданія, чуть виднаго изъ земли, безъ выходовъ и отверстій, сложеннаго изъ дикаго камня, связаннаго цементомъ. Здѣсь тоже видѣли по ночамъ (по разсказамъ стариковъ) женскую „постать" всю въ золотѣ, „такъ и сяйе, горыть" по мѣстному выраженію. Но тутъ остается непонятнымъ: сходство двухъ разсказовъ очевидное, и заключительныя строки однѣ и тѣ же:

А якъ трейтій (пивень) заспивайе:
Зъ тяжкимъ стогномъ „хреста!"
Въ лёхахъ темныхъ пропадайе... [1])

Іосифъ Ж—ій, „Къ исторіи края," Черниг. Губ. Вѣд., 1888, № 11, часть неоф.

---

[1]) Жаль, что г. Ж-ій облекъ эти преданія въ болѣе, чѣмъ странную форму. Слагаемъ на его отвѣтственность всѣ несообразности текста.

XIII. За что проклинають Мазепу?

То царъ Петро да загадавъ, значыть, Мазепи зъйести сіемъ галушокъ, па сіемъ пудуовъ кажная. Отъ вуонъ йевъ, йевъ—шесть зъйевъ, сёмаю й подавыуся. Дакъ царъ и сказавъ ёго проклынать. А Мазепа здаровый таки бувъ чалавіекъ, черезъ то жъ яму царъ и загадавъ галушкы тые йести [1]). Добрянка, Черниг. губ., Город. у. (Зап. г. Евг. Дорошевскимъ).

XIV. Черногорская пѣсня о Петрѣ Велик. и Мазепѣ.

Кадъ (*когда*) Руссія съ Туркомъ заратила (*начала войну*),
Петаръ Первый, Императоръ Русскій,
Оправно посланника свога
Михаила Милорадовича
Одъ старине изъ Херцеговине,
Да понесе Црной горы књиге (*письмо*)
Петровичу Даниилу Владицы
И главаромъ (*начальникамъ*) одъ Горице ц'рне;
У књизи ихъ мило поздраваше
И овака њима (*такъ имъ*) говораше:
„Ево има доба неколико (*настало время*),
Да воюемъ и да боя біемъ
Съ еретикомъ краљемъ одъ Швеціе
За обрану (*въ защиту*) краля Полячкога,
Кога браниxъ (*котораго я защищилъ*) одъ краля Швецкога,
Ал' (*но*) онъ мене учини невѣру (*вѣроломство*)
И приступи душманину своме (*къ врагу своему*),
Душманину и своме, и моме;
Но я іоште (*еще*) имамъ издайника (*измѣнника*)—
Проклетога Мазепу Ивана,
Воеводу одъ Руссіе Мале,
Као (*какъ*) Србы Бранковича Вука!
Ни то меня досадило ніе,
Ни ратнике мое утрудило —
Съ Богомъ Шведе есмо рашчерали (*разсѣяли*),
Подъ Полтавомъ страшно побѣдили,
А Мазепа жива уфатили,
А Полячког' повратили краля" и т. д.

(Чубръ Чайковичъ, Пѣванія церногорска и херцеговачка, Ч. I, Будимъ. 1833, стр. 46—47 и Лейпцигъ, 1837, стр. 4).

---

[1]) Подобная легенда могла возникнуть изъ непонятаго фигуральнаго смысла малорусской пословицы: „Мазепа пидъ Полтавою галушкою подавывся."

Оскаръ Кольбергъ.

(по поводу 50-лѣтія его дѣятельности).

Нынѣшней весною, 31-го мая, этнографическая наука за границей справляла въ честь одного изъ своихъ старѣйшихъ дѣятелей замѣчательный праздникъ, какой рѣдко приходится на долю тѣхъ, кто посвящаетъ себя исключительно этой наукѣ. Вслѣдствіе вялости и нерегулярности нашихъ сношеній съ заграничными учеными обществами и учрежденіями, особенно славянскими, очень не мудрено проглядѣть не одно такое событіе въ мірѣ науки и потомъ пожалѣть заднимъ числомъ. Такъ, къ сожалѣнію, случилось и на этотъ разъ, хотя празднество было такого рода, что нашимъ этнографамъ слѣдовало принять въ немъ живое участіе.

Празднество происходило въ Краковѣ, а виновникомъ его былъ преклонный старецъ 75 ти лѣтъ, выдающійся этнографъ Оскаръ Кольбергъ. Справлялся 50 лѣтній юбилей его въ высшей степени плодотворной дѣятельности въ области изученія польско-русскаго племени.

Многіе изъ русскихъ читателей, вѣроятно, впервые встрѣтятъ здѣсь имя Кольберга, и это насъ нисколько не удивитъ, разъ мы знаемъ, что онъ писалъ не на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ, а на одномъ изъ славянскихъ языковъ—польскомъ. Въ силу какого-то рока, который до сихъ поръ тяготѣетъ надъ польско-русскими отношеніями вообще, этотъ языкъ остается для русскихъ неизвѣстнымъ, лишь за рѣдкими исключеніями, и все то громадное количество ученыхъ академическихъ и частныхъ изданій, трудовъ, изслѣдованій и статей, которое печатается на немъ, въ особенности въ послѣднее время, не только за границей, но и въ предѣлахъ Россіи,—отдѣлено отъ русскаго ученаго міра какою-то китайскою стѣною. Вотъ почему мало извѣстны у насъ и цѣнные труды Кольберга.

Оцѣнить эти труды можетъ лишь тотъ, кто съ ними бли-

T.K

же познакомится, кто вчитается въ нихъ. И не мало же придется ему употребить времени на ознакомленіе съ ними: ихъ всего 28 томовъ, каждый страницъ въ 300 и болѣе—солидный памятникъ 50-лѣтняго труда!

Примѣръ Кольберга настолько поучителенъ, что не лишне будетъ ближе коснуться его жизни и дѣятельности, тѣмъ болѣе, что его изслѣдованія охватываютъ собою не однѣ только заграничныя области, но также и наши привислянскія губерніи, которыя намъ такъ мало еще знакомы съ бытовой, этнографической стороны. Кромѣ того, тутъ же впередъ замѣтимъ, что Кольбергъ изучалъ и изучаетъ не однихъ только поляковъ, но и русскихъ, галицкихъ, подольскихъ и волынскихъ малороссовъ, которымъ посвящаетъ цѣлые отдѣльные томы. Думаемъ, что хоть при этихъ условіяхъ онъ имѣетъ право на наше вниманіе и на полное уваженіе къ его многолѣтнему труду.

Біографы Кольберга, не смотря на его нѣмецкую фамилію, стараются произвести его родословную отъ славянскаго корня, отъ онѣмеченныхъ лехитовъ Kołobrzeg'овъ изъ древней Оботритской земли, лежавшей въ нынѣшнемъ княжествѣ Мекленбургскомъ. Какъ бы то ни было, отецъ его Юлій Кольбергъ былъ чистѣйшій нѣмецъ, а мать—француженка, эмигрировавшая во время великой французской революціи, такъ что въ самомъ Оскарѣ Кольбергѣ трудно доискаться славянской крови. Одна развѣ только его горячая любовь съ какою онъ принялся за изученіе славянской народности, можетъ служить доказательствомъ того, что даже въ потомкѣ нѣсколькихъ онѣмеченныхъ поколѣній осталось скрытое чувство племенного родства со славянами.

Такому направленію его дѣятельности способствовали впрочемъ и внѣшнія условія. Семья поселилась въ центрѣ нынѣшней Польши—Варшавѣ, еще при господствѣ тамъ пруссаковъ, и осталась тамъ, не смотря на политическія перемѣны, когда было образовано княжество Варшавское. Отецъ служилъ сначала инженеромъ-топографомъ, потомъ казеннымъ землемѣромъ въ м. Присухѣ Опочненскаго уѣзда, Радомск. г.

(гдѣ и родился Оскаръ Кольбергъ), а также инспекторомъ фабрикъ; въ 1819 г. былъ приглашенъ въ Варшавскій университетъ на каѳедру геодезіи, межевыхъ наукъ и топографіи. Основавшись такимъ образомъ на долгое время въ Польшѣ, семья Кольберговъ [1]) стала жить польской жизнью, и польскій языкъ еще задолго до рожденія Оскара Кольберга былъ у нихъ разговорнымъ языкомъ въ семьѣ.

О. Кольбергъ родился въ 1814 г. ($^{10}/_{22}$ февр.); 10-ти лѣтъ поступилъ въ Варшавскій лицей, въ которомъ обучался, пока не наступилъ мятежъ 1830 г. По выходѣ изъ лицея ему случилось найти себѣ частное занятіе въ банкирской конторѣ; онъ долженъ былъ проститься съ систематическимъ университетскимъ воспитаніемъ и, можетъ быть, затерялся бы въ самой обыкновенной дѣловой средѣ, если-бъ не спасла его та искра чистаго искусства, которая въ немъ тлѣла и которую во время замѣтили окружающіе, въ томъ числѣ знаменитый Шопенъ и извѣстный писатель К. Бродзинскій. Кольбергъ былъ страстный любитель музыки и обладалъ значительными музыкальными способностями, которымъ отецъ и не далъ, къ счастью, заглохнуть. Онъ далъ сыну хорошихъ учителей, и при своихъ конторскихъ занятіяхъ молодой Кольбергъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенствовался въ музыкѣ, пока не дошелъ до того, что сталъ серьезно мечтать о композиторствѣ.

Съ этой пріятной мечтой онъ отправился въ 1834 г. въ Берлинъ для усовершенствованія въ контрапунктѣ и гармонизаціи. Вернувшись оттуда въ 1836 г., онъ какъ разъ очутился въ неожиданно прорвавшемся новомъ потокѣ въ литературѣ и наукѣ, который открылъ ему новый міръ въ той области, которую онъ изучалъ,—міръ народной безъискусственной поэзіи и музыки: какая благодарная почва для композитора, какое обиліе матеріала для созданія чего-ни-

[1]) Изъ 4-хъ сыновей Ю Кольберга, кромѣ Оскара, извѣстенъ еще старшій Вильгельмъ, который пошелъ по той же спеціальности, что и отецъ, и третій сынъ Антонъ, пользовавшійся въ свое время извѣстностью, какъ живописецъ картинъ духовнаго содержанія и подражатель Тиціана.

будь новаго, оригинальнаго, самостоятельнаго! Появился цѣлый рядъ этнографическихъ сборниковъ въ Варшавѣ, во Львовѣ и другихъ мѣстахъ; выдвинулись имена Вацлава зъ Олеска, К. Войцицкаго, Жеготы Паули, Липинскаго, Конопки, и къ этимъ-то извѣстнымъ въ славянской этнографіи именамъ присоединилось и имя Кольберга, вскорѣ затмившее ихъ собою.

Какъ музыкантъ въ душѣ и на практикѣ (жилъ уроками музыки въ теченіе 9 лѣтъ по возвращеніи изъ Берлина), онъ первое время интересовался народною жизнью преимущественно съ точки зрѣнія своей спеціальности. Познакомившись со сборниками народнаго творчества вышепоименованныхъ собирателей, онъ увидѣлъ, что при всемъ громадномъ интересѣ, какой они способны были возбудить своею новизною, они все таки не въ состояніи удовлетворить его запросамъ, такъ какъ тексты пѣсенъ безъ ихъ напѣвовъ остаются для музыканта мертвою буквою и вообще теряютъ половину своего значенія. Въ виду этого Кольбергъ задался мыслью представить народную пѣсню во всей ея полнотѣ, такъ сказать вживѣ, сопровождая каждый текстъ напѣвомъ, и съ 1839 г., а отчасти и еще раньше началъ онъ самъ непосредственно собирать, сначала въ окрестности Варшавы, а потомъ и въ другихъ мѣстностяхъ, образцы народной музыки, не только пѣсенъ, но и танцевъ, игръ и т. п. Часть собраннаго матеріала была имъ опубликована въ 1842 году въ видѣ сборника народныхъ пѣсенъ (Pieśni ludu Polskiego) для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано, въ количествѣ 101 номеровъ. [1]) Цѣль этого изданія была та, чтобы ввести понемногу народную пѣсню въ общество, въ салонъ, на подмостки концертной залы; но это еще не былъ въ строгомъ смыслѣ научный трудъ, какой составлялъ конечную цѣль помысловъ Кольберга. Занятія частными уроками,

[1]) Мы не знакомы съ этимъ сборникомъ. Библіографъ К. Эстрейхеръ, кромѣ познанскаго изданія 1842 г., посвященнаго залѣсскому (Вацл. зъ Олеска), К. Войцицкому, Паули и Конопкѣ, указываетъ еще варшавское изданіе (литогр. Давовковскаго) въ двухъ выпускахъ, безъ года.

а потомъ канцелярская и бухгалтерская служба при желѣзнодорожныхъ и другихъ конторахъ не представляли, правда, особенно выгодныхъ условій къ исполненію предположенной цѣли, въ особенности при такой широтѣ и трудной исполнимости плана, какой онъ себѣ намѣтилъ. Онъ имѣлъ въ виду сначала копить пѣсенный матеріалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ болѣе или менѣе исчерпанъ и только тогда приняться за его группировку, положивъ въ основаніе ея содержаніе или лучше сказать главныя темы пѣсенъ. Такимъ образомъ каждая пѣсня должна была быть представлена въ огромномъ количествѣ варіантовъ, собранныхъ со всевозможныхъ концовъ Польши русской и заграничной. Очевидно, что такой сборникъ никогда не увидѣлъ бы свѣта, или же сопровождался бы безконечнымъ рядомъ прибавленій, потому что каждый новый годъ, каждая новая волость и даже деревня создаютъ все новые по тексту и по напѣву варіанты однихъ и тѣхъ же пѣсенъ. Если и возможно было бы достигнуть въ этомъ дѣлѣ извѣстной полноты, то только при участіи многихъ и многихъ рукъ. Другое важное препятствіе въ исполненіи этого плана должно было встрѣтиться въ томъ, что отдѣльные поэтическіе мотивы и цѣлые эпизоды встрѣчаются очень часто въ народныхъ пѣсняхъ различныхъ по содержанію; масса наконецъ есть пѣсенъ составныхъ, такъ что группировка ихъ по основному содержанію весьма затруднительна. Всѣ эти неудобства Кольбергу поневолѣ пришлось сознать на практикѣ, когда онъ приступилъ къ изданію 1-го выпуска своего научнаго сборника, хотя для него онъ еще выбралъ болѣе благодарный въ этомъ отношеніи отдѣлъ думъ и легендъ, которыя имѣютъ сравнительно меньше варіацій на одну и ту-же тему. Этотъ выпускъ вышелъ въ 1857 г. въ Варшавѣ большимъ томомъ въ осьмушку около 450 стр., подъ заглавіемъ: „Pieśni ludu Polskiego. Serya I“; онъ заключаетъ въ себѣ 41 пѣсню съ варіантами, число коихъ для иныхъ пѣсенъ доходитъ до 50, а также около 500 номеровъ народной музыки безъ словъ, т. е. танцевъ. Приложенный въ концѣ книги алфавитный

указатель мѣстностей, въ которыхъ собранъ этотъ огромный матеріалъ, заключаетъ въ себѣ болѣе 450 названій. Это былъ первый осязательный плодъ 18-лѣтней работы, появившійся въ свѣтъ только на 43 году жизни неутомимаго изслѣдователя.

Очевидно, что такъ дѣло продолжаться не могло. Нужно было прибѣгнуть къ другой системѣ, которая указывалась самымъ ходомъ дѣла, самой практикой собиранія пѣсенъ. Народная пѣсня есть неотъемлемая часть духовной жизни народа, составное звено этой жизни, и какъ съ одной стороны нельзя основательно изучить пѣсню, не познакомившись съ создавшимъ ее народомъ и его жизнью, такъ съ другой стороны нельзя вырывать эту пѣсню изъ той среды въ которой она родилась и съ которой срослась, будетъ ли то обычай, обрядъ, игра или какая-нибудь другая сторона народной жизни. Такъ и Кольбергъ, задавшись сначала цѣлью изучать исключительно народную музыку въ ея живыхъ образцахъ, необходимо долженъ былъ всесторонне знакомиться съ бытомъ народа, и такимъ образомъ изъ спеціалиста музыканта онъ незамѣтно сдѣлался этнографомъ въ полномъ смыслѣ слова. Впрочемъ уже и въ первомъ выпускѣ его пѣсенъ можно замѣтить склонность къ расширенію своихъ изслѣдованій и интересъ къ другимъ вопросамъ помимо музыки: къ книжкѣ приложено 10 раскрашенныхъ таблицъ съ рисунками народныхъ типовъ въ оригинальныхъ костюмахъ. Разнообразный этнографическій матеріалъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ знакомствомъ во время его многочисленныхъ поѣздокъ все накоплялся, и тогда-то для его группировки потребовалось установить другія основанія, значительно расширивъ рамки изданія. Принята была система монографическая: матеріалы стали распредѣляться по мѣстностямъ, такъ что одинъ цѣлый выпускъ или же нѣсколько ихъ посвящалось одной извѣстной области. При томъ самая программа изданія охватывала уже всѣ стороны народнаго быта. Сообразно съ этимъ и заглавіе для дальнѣйшихъ выпусковъ было установлено такое: „*Lud*, *jego*

zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce". Но кромѣ тѣхъ рубрикъ, которыя здѣсь указаны, въ монографіяхъ отдѣльныхъ областей дается мѣсто предварительнымъ физическимъ, топографическимъ и отчасти историческимъ очеркамъ страны, а въ концѣ приводятся соотвѣтственныя выписки изъ разныхъ старыхъ изданій и научныя примѣчанія; наконецъ, помимо всего этого почти каждая книжка иллюстрируется рисунками народныхъ типовъ, строеній, орудій и другихъ принадлежностей быта.

По такой-то программѣ описаны Кольбергомъ слѣдующія области, названія которыхъ не всегда соотвѣтствуютъ современному административному дѣленію: 1) Сандомирская область—1 томъ (Варш. 1865), 2) Куявская—2 тома (Варш. 1867), 3) Краковская—4 т. (Краковъ, 1871—75), 4) Познанская—7 т. (К. 1875—82), 5) Люблинская—2 т. (К. 1883—84), 6) Кѣлецкая—2 т. (К. 1885—86), 7) Радомская—2 т. (К. 1887—88), 8) Мазовія—4 т. (К. 1885—88), 9) Покутье галицкое—3 т. (К. 1882,—83,—85) [1]. Не говоря уже о богатствѣ другого матеріала, заключающагося въ этомъ обширномъ рядѣ монографій, однихъ мелодій музыкальныхъ насчитываютъ въ нихъ болѣе 8 тысячъ. И это еще не все: лица, имѣвшія случай ближе познакомиться съ матеріалами Кольберга, свидѣтельствуютъ, что въ его завѣтныхъ 40 папкахъ остается еще такой запасъ, что если только судьба продлитъ жизнь этому почтенному старцу, то число томовъ можетъ дойти до пятидесяти.

При такой подавляющей массѣ матеріала прежде всего задаешь себѣ вопросъ: на какія-же средства и какимъ способомъ все это было собрано и издается? Отвѣтъ получается изумительный: все это результатъ главнымъ образомъ личнаго самопожертвованія Кольберга какъ въ дѣлѣ собиранія, такъ и въ дѣлѣ изданія.

---

1) Послѣднія двѣ серіи не носятъ приведеннаго выше подробнаго заглавія, а названы просто: Mazowsze, Pokucie.

На сбереженные гроши, урывая отъ служебныхъ обязанностей время, предпринималъ онъ систематическія поѣздки въ разныя мѣстности, заселенныя польскимъ и малорусскимъ племенемъ. Такъ, оставаясь жить до 1871 г. въ Варшавѣ, онъ посѣтилъ въ своихъ экскурсіяхъ въ 1837 г.—Литву, въ 1839 г.—окрестности Варшавы (особ. Виляново); въ 1842, —43,—57 и 61—окрестности Кракова, Бескиды, Подгаль, Силезію; въ 1844,—45,—47—страну курпей (по р. Нареву); въ 1848,—49 и 59—Люблинскую губ., въ 1853—Петроковскую. въ 1854—Сандомірскую область, въ 1855,—56—Радомскую, Кѣлецкую, Плоцкую губ., въ 1858—Августовскую (Сувалкскую), въ 1860—Куявскую землю. Кромѣ того онъ путешествовалъ въ Хорватіи, Венгріи, былъ въ Тріестѣ.

Съ 1861 г., оставивъ казенную службу, онъ могъ свободнѣе предаться своимъ любимымъ занятіямъ. Тутъ между прочимъ онъ попробовалъ опять вернуться къ исполненію и своей первоначальной завѣтной мысли—заняться искусственной композиціей серьезныхъ музыкальныхъ вещей въ народномъ духѣ, воплотить по примѣру Монюшки народные мотивы въ такихъ образахъ, которые бы навсегда запечатлѣвались въ душѣ и которыхъ бы не гнушалось даже фешенебельное общество, иногда съ презрѣніемъ относящееся къ непосредственному грубому народному творчеству. Идеаломъ въ этомъ смыслѣ должна была быть народная опера. Въ видѣ отрывочныхъ предварительныхъ этюдовъ къ такого рода произведенію Кольбергъ еще раньше компонировалъ мелкія вещицы: танцы, аріи и т. п, а потомъ написалъ даже оперу „Король пастуховъ", представленную семь разъ въ Варшавѣ (1857). Послѣ 1861 г., не стѣсняемый обязательной службой, онъ опять вернулся, какъ мы сказали, къ мысли о народной національной оперѣ и написалъ на народные мотивы оперетку „Янекъ изъ-подъ Ойцова", (либретто Грегоровича) а также началъ оперу „Wiesław" (на текстъ Прушаковой). Помимо этого онъ находилъ время для чисто литературныхъ занятій: помѣщалъ общедоступныя этнографическія статьи въ періодическихъ изданіяхъ, писалъ

спеціальныя статейки для энциклопедій, рецензіи на новыя книги по этнографіи и т. д.

Но эта дѣятельность не настолько все-таки поглощала Кольберга, чтобы заставить его забыть этнографію въ болѣе широкомъ смыслѣ. Участіе въ періодическихъ изданіяхъ вызывалось скорѣе необходимостью, являлось средствомъ заработка; музыкальныя занятія составляли для него отдыхъ и развлеченіе среди кропотливой работы надъ собственными этнографическими матеріалами. Онъ разбирался въ нихъ постепенно, приводилъ въ порядокъ, готовилъ къ печати и безпрестанно пополнялъ свои собранія въ цѣломъ рядѣ предпринимаемыхъ имъ новыхъ экскурсій, именно: въ восточную Галицію и Венгрію въ 1861 г., на Волынь въ 1862, въ Калишскую и Плоцкую губ. и опять въ Галицію, Краковъ, Карпаты въ 1863—65, въ Познань въ 1866—68, въ Холмскую Русь и еще разъ въ Сувалкскую губ. въ 1869 и 70 гг.

Слѣдуетъ отмѣтить 1871 годъ въ біографіи Кольберга, во-первыхъ потому, что съ этого года на него обратили болѣе серьезное вниманіе краковскія ученыя общества, во-вторыхъ потому, что тогда-же онъ простился съ Варшавой и переѣхалъ за-границу, гдѣ жилъ сначала по близости Кракова въ Модльницѣ (у пріятеля Конопки, занимавшагося этнографіей краковянъ), а потомъ съ 1884 поселился навсегда въ самомъ Краковѣ, откуда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершилъ еще третью серію экскурсій уже при поддержкѣ краковской Академіи. Такъ въ 1875 г. онъ отправлялся въ Познань и въ Пруссію, чтобы спасти тамъ то, что еще не успѣло онѣмечиться и исчезнуть; въ 1876,—77 и—80 гг. еще побывалъ на Покутьѣ и Галицкомъ Подолѣ; наконецъ въ 1883—5 гг. три раза посѣщалъ на собственныя средства Саноцкій округъ.

Въ каждой посѣщаемой имъ мѣстности, пользуясь гостепріимствомъ и содѣйствіемъ мѣстныхъ обывателей, онъ исчерпывалъ самъ лично попадавшійся ему матеріалъ, насколько было возможно, заводилъ новыя знакомства и вербовалъ себѣ сотрудниковъ и корреспондентовъ, которые потомъ

доставляли ему богатый запасъ свѣдѣній и готоваго матеріала.

Такимъ образомъ первая часть обширной и трудной задачи исполнялась: матеріалъ былъ собранъ въ достаточномъ количествѣ и постоянно пополнялся. Оставалось разрѣшить болѣе трудный вопросъ — опубликованія этого громаднаго матеріала. И въ этомъ случаѣ Кольбергъ, не возлагая надеждъ на чужую поддержку, началъ дѣло на собственный рискъ. Ведя чрезвычайно умѣренную и скромную жизнь, онъ сумѣлъ дѣлать сбереженія отъ своихъ ограниченныхъ доходовъ, такъ что съ 1836 г. собрался запасъ около 1½ тыс. рублей, которые онъ употребилъ на изданіе 1-го выпуска пѣсенъ въ 1857 г.; а затѣмъ получаемую отъ продажи своихъ изданій сумму съ новыми доплатами онъ употреблялъ на изданіе дальнѣйшихъ выпусковъ. Наконецъ, его труды обратили на себя вниманіе краковскаго ученаго общества (Towarzystwo naukowe), и оно предложило ему первую субсидію въ количествѣ 300 злотыхъ рейнскихъ на изданіе монографіи Краковской земли. Субсидія эта, была конечно, слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тѣми затратами. какія еще предстояли по изданію, и хотя она потомъ была увеличена, когда къ ученому обществу присоединилась краковская академія, тѣмъ не менѣе всего этого было далеко недостаточно для того, чтобы печатать свои матеріалы безъ собственныхъ приплатъ. Такимъ образомъ въ результатѣ оказывается, что до нынѣшняго года въ теченіе 17 лѣтъ Кольбергомъ получено субсидій около 8 тыс. злотыхъ, а съ своей стороны имъ приплачено при этомъ болѣе 4 тыс. зл. Нѣкоторые выпуски были обезпечены частными субсидіями. Такъ, монографія Мазовіи нашла себѣ издателя; на изданіе I-го тома „Покутья" было предоставлено Кольбергу 500 зл. р., оставшихся отъ этнографической выставки въ Коломыѣ 1880 г. Этого, конечно, не хватило, и Кольбергъ опять доплатилъ, а 2-й и 3-й т. „Покутья" издалъ цѣликомъ на свои средства.

Вотъ при какихъ условіяхъ началось и до сихъ поръ продолжается капитальное изданіе матеріаловъ, составляющихъ

неоцѣненный вкладъ въ этнографическую науку. Все это дѣлается главнымъ образомъ усиліемъ, трудомъ и энергіею одного человѣка, и сдѣлано имъ столько, сколько не дѣлають иныя общества, располагающія достаточнымъ количествомъ научныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ.

Да, имя Кольберга съ полнымъ правомъ и съ заслуженной славой станетъ на ряду съ именами извѣстнѣйшихъ этнографовъ всѣхъ народовъ, а среди изслѣдователей славянскихъ народностей онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Простительно ли послѣ этого всякому образованному человѣку не знать имени этого достойнаго и самоотверженнаго дѣятеля, служителя науки? Непростительно потому, что такихъ людей немного, и ихъ жизнь и дѣятельность должны быть извѣстны каждому и служить намъ примѣромъ. Яркимъ доказательствомъ его славы пусть послужитъ хоть то, что люди, не знающіе польскаго языка, какъ португальскій этнографъ проф. Педрозо, принимаются за изученіе этого языка только для того, чтобы имѣть возможность пользоваться его неисчерпаемыми матеріалами. Если нѣмцы даже въ своихъ энциклопедіяхъ (Брокгаузъ) игнорируютъ имя Кольберга, то на это, можетъ быть, у нихъ есть свои причины; но тѣмъ ближе и дороже это имя должно быть намъ, и тѣмъ охотнѣе и дружнѣе шлемъ мы въ видѣ отдаленнаго и запоздалаго юбилейнаго отголоска нашъ искренній и сердечный привѣтъ мастистому юбиляру. [1])

Н. Янчукъ.

---

[1]) О Кольбергѣ извѣстна намъ статья Людовика Кубы, въ чешскомъ журналѣ „Osvěta" (Прага, 1888. 8); затѣмъ новѣйшія статьи въ варшавскихъ польскихъ изданіяхъ за нынѣшній годъ по поводу его юбилея: 1) статья Адама Плуга въ „Клосахъ" (№ 1249) съ упоминаніемъ статьи о немъ же К. Вл. Войцицкаго въ томъ-же изд. за 1867 г.; 2) ст. В. Коротынскаго въ журналѣ „Tygodnik Illustrowany" (№ 332); 3) ст. Яна Карловича въ журн. „Висла", кн. 2; наконецъ, въ краковскомъ журналѣ „Nowa Reforma" особенно теплый очеркъ д-ра І. Коперницкаго, изъ котораго мы почерпнули нѣкоторыя подробности. Къ юбилею Кольберга см. также краткія извѣстія въ Петерб. газетѣ „Kraj", № 21 (корресп.) изъ Львова, № 22 и 24 фельетоны). Началомъ дѣятельности Кольберга признанъ 1839 г., давшій первые осязательные результаты (поѣздка въ Виляново).

Положенiе неспособныхъ къ труду стариковъ

ВЪ ПЕРВОБЫТНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

II.

Классическiе авторы оставили намъ въ своихъ произведенiяхъ много характерныхъ, но отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ извѣстiй по исторiи примитивной культуры, которыя до сихъ поръ еще не собраны и не провѣрены критически. Не всѣ они одинаковой цѣнности: одни принадлежатъ писателямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрiя своей точностью, трезвенностью; другiя вызываютъ въ читателѣ скептическое отношенiе, благодаря предвзятой теорiи, къ которой видимо подгонялись ими факты, благодаря наивнымъ попыткамъ рацiонализацiи, недостатку наблюдательности и богатству фантазiи, легковѣрiю и т. д. Подбирая такiя извѣстiя по какому-нибудь отдѣльному вопросу, приходится всегда быть на-сторожѣ, принимать во вниманiе личность автора, его взгляды, свойства и т. д., — приходится считаться съ самыми непримиримыми противорѣчiями. Характернымъ примѣромъ такихъ противорѣчiй являются извѣстiя объ убiйствѣ стариковъ у римлянъ.

Изъ этихъ извѣстiй наиболѣе полнымъ и важнымъ для насъ является отдѣлъ „Sexagenarios de ponte" въ извѣстномъ сочиненiи *М. Веррiя Флакка*, писателя временъ Августа: „De verborum significatione", которое было сокращено приблизительно во второй половинѣ III в. по Р. Хр. *С. Помпеемъ Фестомъ*, а въ VIII в.—*Павломъ Дiакономъ* [1]). Это сочиненiе

---

[1]) S. P. Festi et M. V. Flacci de verborum significatione lib. XX. ed. Dacerii, Lutetiae Parisiorum, 1681, lib. XVII стр. 522—3; Liebrecht, Gerv.

имѣетъ видъ словаря, составленнаго безъ всякихъ претензій, но съ большимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью; для изслѣдователя римскихъ древностей оно даетъ драгоцѣнные матеріалы. Въ указанномъ отдѣлѣ сведены и сопоставлены противорѣчивыя преданія, которыя ходили въ римскомъ обществѣ и литературѣ объ убійствѣ стариковъ и празднествѣ Аргей (Argei). Извѣстіе это настолько важно, что я считаю нужнымъ привести его цѣликомъ, въ возможно болѣе близкомъ переводѣ.

„Нѣкогда шестидесятилѣтнихъ стариковъ (sexagenarios) сбрасывали съ моста (de ponte). По словамъ Манилія [1]), причина этого состояла въ томъ, что аборигины, которые первые населяли Римъ, имѣли обычай ежегодно приносить въ жертву отцу Зевсу шестидесятилѣтняго старика (собственно: человѣка, который достигалъ шестидесятилѣтняго возраста). Это они перестали дѣлать съ приходомъ Геркулеса, но послѣ этого, изъ уваженія къ древнему обычаю, рѣшили по прежнему бросать въ Тибръ тростниковыя изображенія людей" [2]). Въ другомъ мѣстѣ, подъ словомъ „Argei" [3]), это извѣстіе дополняется: „аргеями называли тростниковыя изображенія, которыя ежегодно бросались весталками въ Тибръ".

Въ этомъ извѣстіи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія черты: аборигины, *доисторическіе жители* Италіи, имѣли обычай ежегодно приносить въ жертву Зевсу старика 60-ти лѣтъ; съ приходомъ Геркулеса обычай этотъ прекратился; взамѣнъ стали бросать въ Тибръ тростниковыя изображенія людей. Самый текстъ вызываетъ нѣсколько вопросовъ; онъ

von Tilbury, стр. 85—6 (Paulus Diaconus). Изданіе Дацерія—изъ очень плохихъ; капитальнаго изданія Миллера я не могъ, къ сожалѣнію, достать въ Москвѣ.

[1]) Ученый юристъ, современникъ Сципіона Младшаго.

[2]) Sexagenarios de ponte olim deiiciebant, cujus causam Manilius hanc refert, quod Romam qui incoluerint primi Aborigenes hominem, sexaginta annorum qui esset, immolare Diti Patri quotannis soliti fuerint, quod facere eos destitisse adventu Herculis, sed religione postea veteris moris scirpeas hominum effigies de ponte in Tiberim vetere modo mittere instituisse.

[3]) Festus—Flaccus, lib. I, стр. 36.

не даетъ отвѣта на то, какъ и въ какое время совершались жертвоприношенія и празднество „Argei“, какое количество аргеевъ бросали и т. д. Сопоставленіе „*immolare* Diti Patri“ и „religione... veteris moris scirpeas hominum effigies de ponte in Tiberim *vetere modo* mittere“ заставляетъ предполагать, что жертвоприношеніе Зевсу и состояло въ бросаніи стариковъ въ Тибръ, иначе такая замѣна была бы по меньшей степени странною и не соотвѣтствовала бы самому принципу „замѣнъ“, которыми такъ полна жизнь первобытнаго общества. Затѣмъ, если единственное число въ словахъ о жертвоприношеніи не считать ошибкой издателя (*hominem... esset* вм. *homines... essent*) или же метонимическимъ выраженіемъ самого автора, то пришлось бы предположить, что ежегодно приносили въ жертву по одному дряхлому старику [1], котораго, вѣроятнѣе всего, выбирали по жребію; но это опять таки противорѣчитъ замѣнѣ (hominem—*scirpeas hominum effigies*), которая всегда отличается педантичностью въ подробностяхъ. Къ остальнымъ вопросамъ по поводу этого свидѣтельства намъ еще придется возвратиться ниже.

„По словамъ другихъ,—продолжаетъ Флаккъ,—когда Геркулесъ находился въ Италіи, нѣкоторые спутники (его) поселились на берегу Тибра и назвались Аргеями отъ Аргивской области. У греческаго народа явилось желаніе возобновить память объ этомъ, которая передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію; былъ отправленъ какой-то аргейскій посолъ, который долго засидѣлся въ Римѣ, тамъ и умеръ. Жрецы постановили, чтобы тростниковыя изображенія тѣхъ, которые объявили что-нибудь (полезное) для государства, были отправляемы рѣкой и моремъ на родину“ [2]).

---

[1]) Трудно, конечно, предположить въ это время точный счетъ лѣтъ: терминъ „sexagenarius“, вѣроятно, взятъ Манилiемъ и Флаккомъ изъ болѣе поздняго порядка вещей.

[2]) Alii dicunt, morante in Italia Hercule, quod quidam jus (ejus?) comitum habitaverint secundum ripam Tiberis, atque Argaeos se ab Argivis vocaverint arvis, quorum proditam memoriam redintegrari, eo gente missum ab Graeca legatum quendam Argaeum diu cum iis Romae moratum esse, his ut obierit,

Текстъ этого мѣста видимо испорченъ и спутанъ; преданіе изложено въ немъ не ясно и туманно, отличается искусственностью: въ болѣе подробномъ и понятномъ видѣ оно было изложено *Овидіемъ*. По всей вѣроятности, это одна изъ многочисленныхъ légendes des origines, которыя часто придумывались досужими римскими книжниками для объясненія топографическихъ названій, происхожденія и названія различныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. д.; для объясненія, напр., такого весьма понятнаго по своему этимологическому происхожденію слова, какъ „aborigenes“ (ab origine), эти книжники придумали много запутанныхъ и сложныхъ легендъ, въ которыхъ пускали въ дѣло всю свою громадную эрудицію, поднимали на ноги всю греческую и римскую миѳологію. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ исходной точкой книжническаго „миѳотворенія“ съ неизбѣжнымъ Геркулесомъ [1]) было само римское топографическое и бытовое названіе „argei“, которое заманчиво напрашивалось на сопоставленіе съ Argivi-Graeci,[2]) слѣдовательно—съ Геркулесомъ, Эвандромъ и т. д.

---

institutum a sacerdotibus, ut effigies scirpea ex omnibus, cum quae publicae erant rei nuntiavisset, per flumen ac mare in patriam remitteretur.

[1]) Трудно рѣшить, какой Геркулесъ имѣется здѣсь въ виду—римскій или греческій. Римскія легенды разбираемаго типа приписываютъ ему цѣлый рядъ просвѣтительныхъ подвиговъ въ Италіи, но большинство сообщаемыхъ при этомъ біографическихъ подробностей о немъ приводятъ насъ къ Геркулесу греческому. Вѣроятнѣе всего, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искусственными передѣлками римскихъ народныхъ преданій, книжническими попытками дополнить ихъ изъ греческихъ источниковъ и, очень можетъ быть, изъ собственныхъ домысловъ: слишкомъ ужъ эти легенды сложны, противорѣчивы, натянуты...

[2]) Это производство такъ же сомнительно, какъ и приведенное выше сближеніе „argei“ съ „arceo“. По моему мнѣнію, это слово находится въ непосредственной связи съ греческимъ „argma“ (Odys., XIV, 446), лат. primitiae, „начатки, первинки (жертвы), сжигавшіяся въ честь боговъ“, по толкованію составителя „Гомеровскаго словаря“ г. Краузе, и вообще съ аріо-европейскимъ корнемъ a r g, свѣтлый—эпитетъ, довольно обычный по отношенію къ предкамъ (послѣднимъ указаніемъ я обязанъ В. Ѳ. Миллеру). Можетъ быть, оно стоитъ въ связи и съ argilla, argilos—бѣлая, свѣтлая глина, изъ которой Римляне могли дѣлать сначала эти изображенія, какъ изъ матеріала, наиболѣе удобнаго для лѣпки и распространеннаго; эти „аргеи“ могли сдѣлаться впослѣдствіи нари-

„Существуютъ и такіе,—читаемъ далѣе у Флакка,—которые говорятъ, что послѣ того, какъ Римъ былъ освобожденъ отъ Галловъ, вслѣдствіе недостатка въ пищѣ начали выбрасывать шестидесятилѣтнихъ стариковъ въ Тибръ. Одинъ изъ нихъ былъ спрятанъ любящимъ сыномъ и часто помогалъ родинѣ своими совѣтами, которые выдавалъ за свои его сынъ. Когда это узнали, юношу простили и перестали отнимать жизнь у стариковъ. То укромное мѣсто, гдѣ скрывался старикъ, показалось достойнымъ благоговѣнія и было названо Аркеями“ (отъ arceo, удерживаю) [1]).

Эта легенда, къ которой можно найти много параллелей въ европейской искусственной и народной поэзіи [2]), косвенно подтверждается, какъ увидимъ ниже, однимъ глухимъ извѣстіемъ Тита Ливія; конецъ ея — характерный образчикъ натянутыхъ и схоластически-сухихъ légendes des origines несомнѣнно искусственнаго происхожденія. Она важна для насъ тѣмъ, что указываетъ на *возобновленіе* у Римлянъ въ *историческое* время обычая убійства стариковъ подъ давленіемъ голода. О жертвоприношеніяхъ и „аргеяхъ“ здѣсь нѣтъ и рѣчи; характеръ преданія совсѣмъ иной, чѣмъ въ предыдущихъ преданіяхъ: это заставляетъ насъ думать, что мы имѣемъ дѣло *не съ разными версіями одного и того же преданія, но съ разными преданіями, относящимися къ разнымъ временамъ, но исходящими отъ одинаковаго обычая*. Составъ легенды не сложенъ и, кажется, ясно указываетъ на ея происхожденіе: существовалъ обычай, прекратился, возобновился временно. Память о немъ переходила

цательнымъ именемъ, когда ихъ стали дѣлать изъ другихъ матеріаловъ и когда было забыто ихъ первоначальное происхожденіе. За эту гипотезу я, впрочемъ, особенно не стою.

[1]) Sunt, qui dicant, post urbem a Gallis liberatam ob inopiam cibatus coeptos sexaginta annorum homines jaci in Tiberim; ex quo numero unus filii pietate occultatus saepe profuerit consilio sub persona filii. Id ut sit cognitum, ei juveni esse ignotum et sexagenariis vita concessa. Latebras autem ejus, quibus arcuerit senem, id est cohibuerit et celaverit, sanctitate dignas esse visas, ideoque Arcaea appellata.

[2]) Анализу этихъ легендъ будетъ посвящена особая глава.

отъ поколѣнія къ поколѣнію и подкрѣплялась празднествомъ „аргеевъ" и, какъ увидимъ ниже, Сатурналій и другихъ празднествъ; дѣйствительность указывала на важное значеніе стариковъ и ихъ совѣтовъ—изъ этихъ двухъ элементовъ народный умъ и составилъ отвѣтъ на естественно интересовавшій его вопросъ: почему прекратился этотъ обычай? Такое перенесеніе настоящихъ порядковъ въ далекое прошлое свойственно вообще примитивной средѣ, да и образованные, „культурные" классы не такъ ужъ давно, а пожалуй и еще не совсѣмъ освободились отъ этого... Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что легенда, объясняющая прекращеніе обычая убіенія стариковъ тѣмъ, что наконецъ понята была польза ихъ совѣтовъ, создалась въ эпоху наибольшаго вліянія стариковъ—при патріархатѣ. Какъ и всегда, эта легенда имѣетъ въ себѣ зерно истины, но приписываетъ одному опредѣленному факту то, что произвели многія причины и въ теченіе долгаго времени; близкую аналогію къ этому представляютъ тѣ народныя сказанія, которыя приписываютъ вѣковую работу расчистки и культивированія земли, проведенія дорогъ и т. д. единоличнымъ усиліямъ своихъ любимыхъ богатырей—Тезея, Геркулеса, Ильи Муромца, Георгія—Егорія. Опытъ и совѣты стариковъ были однимъ изъ факторовъ разложенія обычая,—факторомъ, который при постепенности и продолжительности своего дѣйствія не могъ оставить яснаго слѣда въ народной памяти; народная логика могла *случайно* натолкнуться на него въ своихъ поискахъ за генезисомъ обычая—и не вполнѣ оцѣнила и выяснила его...

Приведенныя выше легенды, разно объясняющія происхожденіе римскаго топографическаго и бытоваго названія, не удовлетворили Флакка: оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ „аргеяхъ", онъ переходитъ къ объясненію техническихъ терминовъ: „sexagenarios de ponte" и „senes depontani". „Вѣроятнѣе всего, говоритъ онъ,—что, когда впервые начали подавать голоса въ комиціяхъ черезъ „pons" [1]) молодые

[1]) Мостикъ—входъ въ мѣсто, отдѣленное на Марсовомъ полѣ для комицій

закричали, чтобы шестидесятилѣтніе старики были сброшены съ „понта", такъ какъ они уже не отправляли никакой общественной должности,—чтобы они (молодые), а не старики избирали для себя начальника. Этого мнѣнія придерживается даже Синній Капитонъ (извѣстный грамматикъ вѣка Августа). Афраній (извѣстный римскій комикъ I в. до Р. Хр.) въ (своей комедіи) „Repudiatus" высказываетъ неосновательное мнѣніе, будто бы подъ этимъ „pons" разумѣется Тибрскій мостъ [2]).

Съ перваго взгляда это объясненіе производитъ впечатлѣніе полной достовѣрности и вполнѣ удовлетворительно разъясняетъ выраженія: „sexagenarios des ponte" и „senes depontani" (непереводимое выраженіе; приблизительно—старики, которыхъ ужъ можно сбросить съ моста). Но стоитъ

и называвшееся ovile или saepta. См. Willems, Le droit public romain, стр. 157: „Pour faciliter le vote simultané des centuries de chaque classe, il y avait au champ de Mars un emplacement séparé (ovile, saepta), ayant un nombre d'entrées (pontes) ègal au moins à celui des centuries qui votaient en même temps. C'est à l'entrée que le vote était émis... Rien n'autorise à faire de ces pontes des pontes véritables, qui auraient été jetés sur la Petronia amnis. L'expression sexagenarii de ponte, depontani, d'où l'on a voulu conclure, que les citoyens âgés de plus de 60 ans étaient exclus des comices, n'a aucun rapport avec ces pontes(?)". Oeuvres complétes d'Ovide, т. 8.; Paris 1835, стр. 359—363; Ростовцевъ, Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Америйскаго, Кіевъ, 1879, стр. 72—73; Lange, Römische Alterthümer, I, 475—476: „Ein zufälliger Umstand hat Veranlassung zu der Meinung gegeben, dass die sexagenarii weder in den centuriae seniorum gewesen seien, noch Stimm recht gehabt hätten. Nämlich die jährlich am 15 Mai vom Pons sublicius in den Tiber gestürzten Binsenmänner, die Argei, d. h. die Weissen oder die Greise (стр. 83) in denen man später sexagenarii zu erkennen glaubte, hiessen auch depontani. Dies benutzte der römische Volkswitz seit der Zeit, als die Centurien über Brücken oder Stege, per pontes (II, 457), schreitend abstimmten, zu der Anwendung jenes Ausdrucks auf die sexagenarii und zu dem scherzhaften (?) Ausrufe: sexagenarios de ponte" и т. д.

[2]) Sed exploratissimum illud est causae, quo tempore primum per pontem coeperunt comitiis suffragium ferre, juniores conclamaverunt, ut de ponte dejicerentur sexagenarii, qui jam nullo publico munere fungerentur, ut ipsi potius sibi, quam illi, deligerent imperatorem. Cujus sententiae est etiam Sinnius Capito. Vanam autem opinionem de ponte Tiberino confirmavit Afranius in Repudiato.

внимательнѣе вглядѣться въ него, анализировать и сопоставить его съ другими свидѣтельствами и преданіями, чтобы придти къ убѣжденію, что Флаккъ и „даже Синній Капитонъ“ невѣрно поставили и рѣшили вопросъ. Набрасывая своимъ „sed exploratissimum“ etc. тѣнь недостовѣрности на изложенныя выше преданія и стараясь объяснить эти термины, Флаккъ оставляетъ въ сторонѣ тѣсно связанный съ ними вопросъ объ „аргеяхъ“, игнорируетъ другія свидѣтельства и преданія, не замѣчаетъ, что въ самомъ его объясненіи заключается указаніе на то, что 60 лѣтъ было предѣльнымъ возрастомъ, — годомъ, такъ сказать, политической смерти,—что странно было бы этимъ терминамъ быть типичными для стариковъ, *какъ стариковъ* (какими эти выраженія несомнѣнно были), если бы они могли употребляться и употреблялись только тогда, когда дряхлые старики пробовали принять активное участіе въ комиціяхъ вопреки обычаю: послѣднее, если даже стать на точку зрѣнія Флакка, могло быть исключеніемъ, а не правиломъ,—исключеніе же не можетъ привести къ типичному названію.

Разнообразныя и разновременныя свидѣтельства, „переживанія“ въ римскомъ быту указываютъ на то, что древніе Римляне убивали дряхлыхъ стариковъ, топили ихъ съ мостовъ: въ этомъ, конечно, и нужно искать объясненія происхожденія этихъ терминовъ. Когда-то они имѣли реальную силу, затѣмъ, послѣ прекращенія обычая, жили въ народной средѣ, какъ отзвукъ далекаго прошлаго, какъ терминъ, для всякаго понятный и привычный, но относящійся къ другому порядку вещей, пока сама жизнь не вдохнула въ нихъ новое содержаніе благодаря сходству названій моста (pons) и входа (тоже pons) въ ovile; очень можетъ быть, что римская молодежь иногда и примѣняла ихъ къ старикамъ въ новомъ значеніи, указанномъ Флаккомъ—конечно, фигуральномъ, ибо предполагать, чтобы въ то сравнительно позднее время, о которомъ говоритъ Фестъ, дѣйствительно сбрасывали стариковъ съ „понтовъ“, а не оттѣсняли, отталкивали ихъ только.

Любопытнымъ и важнымъ дополненіемъ и поясненіемъ къ словамъ Флакка являются нѣсколько стиховъ Овидіевыхъ „Фастъ“ [1]):

„Тогда (14 мая—мѣсяца, по словамъ Овидія, посвященнаго предкамъ, *majoribus*, откуда будто бы и его названіе) [2]) тогда дѣва (весталка) обыкновенно бросаетъ съ дубоваго моста изображенія древнихъ мужей (priscorum... simulacra virorum). Тотъ, кто думаетъ, будто бы стариковъ, перевалившихъ за 60-лѣтній возрастъ (corpora post decies senos qui credidit annos missa neci), взводитъ на (нашихъ) предковъ тяжкое обвиненіе (damnat avos crimine sceleris). Вотъ какъ гласитъ старинное преданіе. Еще тогда, когда (наша) земля называлась Сатурновой, таковы были слова прорицателя Зевса (въ Додонѣ): „бросайте старику, носящему косу (Сатурну), два тѣла, обреченныхъ изъ народа, чтобы они были приняты этрусскими [3]) водами (falcifero libata seni duo corpora gentis mittite, quae Tuscis excipiantur aquis)!“ Печальное жертвоприношеніе совершалось ежегодно по левкадскому образцу [4]), пока не пришелъ въ эту страну Тиринтіецъ (Геркулесъ) который (первымъ) бросилъ въ воду квиритовъ, сдѣланныхъ изъ соломы (т. е. Argei: выше — *scirpea simulacra*, здѣсь: *straminei* Quirites); по примѣру Геркулеса стали бросать мнимыя тѣла. Нѣкоторые думаютъ, будто бы юноши, чтобы самимъ только подавать голоса (на комиціяхъ?), сбрасывали слабыхъ стариковъ съ мостовъ.

---

[1]) P. Ovidii Nasonis Fastorum libri VI, ed. Peteri, Leipzig, V, v. v 621—660, срв. 680, 791—2.

[2]) V, v. 427—8: Mensis erat Maius, maiorum nomine dictus, qui partem prisci nunc quoque moris habet. Ib. v. v 75—76: Et Numitor dixisse potest: „Da, Romule, mensem hunc (Maium) senibus“, nec avum sustinuisse nepos.

[3]) Очень можетъ быть, что въ этихъ словахъ заключается указаніе на этрусское вліяніе на жертвоприношенія у римлянъ, которое, впрочемъ, не подтверждается другими источниками. См., впрочемъ, ниже—о Пикторѣ.

[4]) ib. стр. 235: „von dem Vorgebirge Leucate der Insel (oder Halbinsel) Leucas vor Akarnanien wurden alljährlich an dem Fest des dort verehrten Apollo Verbrecher ins Meer gestürzt“; Воеводскій, op. cit., 204.

(pontibus infirmos praecipitasse senes) [1]). Тибръ, повѣдай правду! Твои берега древнѣе города; ты можешь хорошо знать происхожденіе обряда. Тибръ поднялъ голову, увѣнчанную камышомъ, изъ середины русла; послышались глухіе звуки: „видѣлъ я, какъ на этихъ мѣстахъ не было (городскихъ) стѣнъ, все было покрыто дѣвственной зеленью; на обоихъ (моихъ) берегахъ паслись вразсыпную быки, и я, Тибръ, котораго теперь знаютъ и боятся всѣ племена, тогда былъ презираемъ даже скотомъ. Часто ты слышалъ имя аркадянина Эвандра: этотъ пришлецъ тревожилъ мои воды своими веслами; приходилъ и Алкидъ (Геркулесъ) съ толпой спутниковъ—если помнишь, меня тогда называли Альбулой,— этого юношу Паллантійскій герой (Эвандръ) принялъ гостепріимно, и наконецъ-то Какусъ понесъ заслуженное наказаніе. Алкидъ ушелъ побѣдителемъ и увелъ съ собой эрихтееву добычу (Fast. I, 543)—быковъ, но спутники, которые явились главнымъ образомъ изъ оставленнаго Аргоса, отказались итти дальше: на этихъ горахъ съ надеждой устраиваютъ они свой очагъ. Часто волновала ихъ сладкая любовь къ родинѣ; нѣкоторые изъ нихъ, умирая, давали (близкимъ) такое краткое поученіе: „бросьте меня въ Тибръ, чтобы я, влекомый его водами, хоть въ видѣ ничтожнаго праха доплылъ бы до Инахова (Аргивскаго) берега“ [2]). (Впо-

[1]) Трудно рѣшить, что здѣсь обозначаетъ pontes: мосты или входы въ ovile. Вѣроятнѣе первое, ибо это толкованіе приводится для объясненія бросанія съ мостовъ „аргеевъ“.

[2]) Пусканіе въ воду—одинъ изъ очень распространенныхъ способовъ погребенія, такъ что въ данныхъ словахъ Овидія, можетъ быть, сохранились искаженные отзвуки этого способа погребенія у Римлянъ (navis—навье, навь). Любопытно, что въ малорусскихъ преданіяхъ о рахманахъ, сближаемыхъ народомъ съ мертвецами (рахманській велыкдень—навській), есть черта, отчасти сходная съ этимъ способомъ погребенія, вѣрнѣе—связанная съ нимъ: бросаніе различныхъ относящихся къ Пасхѣ предметовъ въ рѣку, чтобы они доплыли къ рахманамъ. См. Сумцовъ, Очерки ист. юж. рус. апокр. сказ. и пѣсенъ, Кіев. Ст. 1887, 11, стр. 431—3; Чубинскій, Труды, I, 220, Kopernicki, Przyczynek do etnografii ludu Ruskiego na Wołyniu, Kraków, 1887, 45; Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, 159—160, Kolberg, Pokucie, I, 199, 351—3; III, 105—6, 204—5, Nowosielski, Dziennik Warszawski,

слѣдствіи) наслѣдникамъ не понравился такой способъ погребенія: умершій пришлецъ погребался въ Авзонской (Италійской) землѣ, а вмѣсто трупа (соб. pro domino) въ Тибръ бросали (его) тростниковое подобіе (scirpea imago), чтобы оно отдаленными водами было принесено къ греческимъ жилищамъ". Такъ устами Тибра излагаетъ Овидій свое мнѣніе по интересующему насъ вопросу и опровергаетъ противоположныя преданія и толкованія, которыя казались ему оскорбительными для чести предковъ. Противоположеніе „fama vetus" о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ мнѣнію самого Овидія, вложенному въ уста Тибра, заставляетъ предполагать, что эта „fama" была древнимъ народнымъ сказаніемъ; разсказъ же, приписанный Тибру, по всей вѣроятности, новѣйшаго происхожденія и былъ сфабрикованъ Овидіемъ, который былъ такъ хорошо знакомъ съ греческой и римской миѳологіей и въ своихъ „Метаморфозахъ" довольно свободно обращался съ имѣвшимся у него подъ руками, разнообразнымъ миѳологическимъ матеріаломъ. Искусственность этого разсказа сразу бьетъ въ глаза: если стать на точку зрѣнія Овидія, то пришлось бы предположить, что „аргеи" бросали вмѣсто трупа всякій разъ, какъ кто-нибудь умиралъ; между тѣмъ „аргеи" бросали *разъ въ году* и *въ опредѣленномъ количествѣ*; кромѣ того, во время Сатурналій, какъ увидимъ ниже, приносились въ жертву статуэтки—тоже замѣна человѣческихъ жертвоприношеній, и существовали такія выраженія, какъ „sexagenarios de ponte", „senes depontani": само собою разумѣется, что толкованіе Овидія разрушается этими фактами. Элементы, изъ которыхъ составленъ этотъ разсказъ (приходъ Геркулеса, Какусъ, Эвандръ и т. д.), были извѣстны въ Римѣ задолго до Овидія: они, напр., встрѣчаются у анналиста II в. до Р. Хр. Кв. Фабія Пик-

1854, №№ 33—35; Kirkor, Pokucie, Rozpr. Akad. Umiej. Krak., 1876; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 265—329 и Разыск. въ обл. рус. дух. ст. XI—X, 21, 32; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 259; Màtyàs, Świat i przyroda w wyobraźni chłopa, we Lwowie, 1888, стр. 7: (срв. Кирпичниковъ, Поэмы ломбардскаго цикла, стр. 115).

тора, у котораго нѣтъ и намека на человѣческія жертвоприношенія и убійство стариковъ [1]). Одно изъ приведенныхъ выше сказаній Флакка представляетъ, кажется, неудачное и немного спутанное отраженіе разсказа Овидія [2])—съ добавленіемъ, впрочемъ новой черты (аргивскаго посольства къ спутникамъ Геркулеса, оставшимся въ „Сатурніи) и съ еще болѣе искусственнымъ и натянутымъ концомъ.

Повидимому, знаменитый современникъ Юлія Цезаря, М. Теренцій Варронъ Реатинскій, и составитель плохого энциклопедическаго словаря: „Compendiosa doctrina per litteras", Ноній Марцеллъ [3]) (грамматикъ III в. по Р. Хр., цитировавшій Варрона) держались такого же мнѣнія относительно „sexagenarios de ponte" и „depontani", какого придерживались Флаккъ и Капитонъ.

---

1) Historia antiqua. 1599. ed. Bonutii. Q. Fabii Pictoris de aureo saeculo et de origine urbis Romae eiusque descriptione, lib. I, стр. 35: „Subsidens septem collibus campus Argeus dictus est ab Argo Euandri hospite et comitibus Argivi Herculis, qui ad Euandrum venerunt et in Saturnia subsederunt. Hinc extrema Argileta dicuntur. Superior Argiletus dicitur in principio vici Thusci (не отсюда ли и Tuscae aquae Овидія?) sub Coeliolo, inter Circum Maximum et Aventinum, ubi letum Argi simul et sepulcrum est. Imus vero Argiletus est, ubi Ianus quadrifrons, qui et Vertumnus in fine vici Thusci ad radices Capitolii in foro boario, ubi Saturniae vestigia" и т. д.

2) Любопытно въ fama vetus, которую Овидій излагаетъ въ началѣ приведеннаго выше отрывка, то, что въ ней идетъ дѣло вообще о жертвоприношеніяхъ,—говорится объ обреченіи (жребіемъ?) только двухъ тѣлъ,—безъ указанія, какихъ.

3) M. Terenti Varronis operum quae exstant, ed. Ausonii Popmae Frisii, Lugdunum, 1601, de vita pop. rom., lib. II, стр. 210—211; de lingua lat. IV, стр. 12, 13; lib. VI, стр. 74; Flaccus—Festus, l. c.; Collection de auteurs latins Nisard (Macrobius, Varro, Pomponius Mela), Paris, 1845, стр. 531—2; Nonius Marcellus, de proprietate sermonis, ed. Mercerii, Lipsiae, 1826, de doctorum indagine, стр. 523 (Sex. de ponte), стр. 86 (carnales, seddules); Oeuvres complétes d'Ovide, т. 8, Paris, 1835, стр. 363 (Bibl. lat. fran. Panckouke). Любопытно начало текста Марцелла: „Sexagenarios per pontem mittendos male diu popularitas intellexit, quum Varro... honestam caussam religiosamque patefecerit: quum и т. д.

„Когда (люди) достигаютъ пятой ступени (возраста) и имѣютъ 60 лѣтъ (говоритъ Варронъ), тогда они дѣлаются свободными отъ общественныхъ обязанностей [1]); вслѣдствіе этого вошло въ поговорку, какъ нѣкоторые думаютъ, что „нужно (какъ это говорится) сбрасывать съ „понта“ 60-лѣтнихъ стариковъ“ (sexagenarios de ponte dejici opportere), такъ какъ они не могутъ подавать голоса, что (обыкновенно) производится черезъ „понтъ“ (quod per pontem ferebatur)“. Такимъ образомъ, у Варрона выраженіе „sexagenarios de ponte“ (о „depontani“ онъ не упоминаетъ) обращается въ поговорку, чуть ли не въ шутку, не имѣющую никакого отношенія къ убійству, съ чѣмъ согласиться нельзя. Въ другихъ мѣстахъ онъ такъ толкуетъ слово „аргеи“: „аргеи—отъ аргейцевъ; они дѣлаются изъ тростника въ количествѣ 24-хъ (у Nisard и Frisius—30) и имѣютъ форму людей (simulacra hominum); жрецы (у Овидія — весталки) торжественно бросаютъ ихъ каждый годъ въ Тибръ со свайнаго моста (pons sublicius)“. „Полагаютъ, что аргеи названы (такъ) отъ начальниковъ, которые пришли въ Римъ съ Геркулесомъ Аргивяниномъ и поселились на Сатурновой землѣ“. Послѣдняя фраза очень характерна для насъ: она показываетъ, что версія съ Геркулесомъ—sui generis „научная“ гипотеза.

Подъ словомъ „carnales, seddules“ (?) Ноній Марцеллъ цитируетъ любопытный отрывокъ „sexagesii“ Варрона, который мнѣ не удалось найти въ его сочиненіяхъ: „какъ только онъ былъ обреченъ (vix ecfatus erat—жребіемъ?) его тащили, по обычаю предковъ „ultro carnales“ (?) и свергали съ моста въ Тибръ“. Эта фраза, несомнѣнно относящаяся къ 60-лѣтнимъ старикамъ, доказываетъ, что Варронъ зналъ и писалъ объ обычаѣ сбрасыванья стариковъ въ Тибръ, хотя онъ,

[1]) Сенека философъ понимаетъ предѣльный возрастъ до 50—60 лѣтъ: „audies plerosque dicentes: „a quadragesimo in otium secedam: sexagesimus annus ab officiis me dimittet“... Quae tamen stulta mortalitatis oblivio, in quinquagesimum et sexagesimum annum diferre sana consilia: et inde velle vitam inchoare, quo pauci perduxerunt?“ (Bibliothéque latine-françaiso, publiée par Panckouke, oeuvres complétes de Senéque le philosophe, t. III, Paris, 1832, De bre vitatevitae, 4, стр. 206—208).

вмѣстѣ съ Флаккомъ и Капитономъ, и объяснялъ „sexagenarios de ponte“ словомъ „понтъ“.

Для насъ въ высшей степени знаменательно замѣчаніе, которое мимоходомъ обронилъ такой знатокъ родной древности, какъ Цицеронъ, въ своей рѣчи въ защиту Росція Америйскаго, обвинявшагося въ отцеубійствѣ[1]): „сверхъ того я слышу, что подобнаго рода подозрѣніе (въ убійствѣ) падаетъ на Капитона (свидѣтеля противъ Росція) не въ первый разъ; онъ (какъ гладіаторъ, убійца) имѣетъ уже много безславныхъ пальмъ, но это —первая значительная, полученная имъ въ Римѣ (гдѣ гладіатору труднѣе добиться пальмы); нѣтъ ни одного способа убійства, который онъ не примѣнилъ бы къ нѣсколькимъ— для однихъ мечъ, для другихъ ядъ. *Я даже могъ бы сказать, кого онъ, вопреки обычаю предковъ, хотя тотъ и имѣлъ менѣе 60-ти лѣтъ, сбросилъ съ моста въ Тибръ* (habeo etiam dicere, quem contra morem majorum, minorem annis *LX*, de ponte in Tiberim deiecerit)“. Такой оборотъ и смыслъ фразы, обстоятельства, при которыхъ она была сказана, придаютъ ей особенно важное значеніе и бросаютъ яркій свѣтъ на „sexagenarios de ponte“ и „senes depontani“...

Какъ мы ужь указали выше, Титъ Ливій довольно глухо говоритъ о намѣренномъ оставленіи стариковъ въ открытой для Галловъ части Рима; любопытно, что онъ бѣгло намѣчаетъ при этомъ отношеніе къ факту оставленія самихъ стариковъ и простонародія [1]): „легко бросить оставленную какъ бы на гибель толпу старцевъ въ городѣ (за предѣлами крѣпости), только бы спаслись при этой нависшей грозѣ Капитолійская крѣпость, мѣстопребываніе боговъ, сенатъ, глава государственныхъ совѣщаній, молодые воины. Для того, чтобы большинство простонародья болѣе равнодушно относилось (къ оставленію на смерть стариковъ), они, консуля-

[1]) M. T. Ciceronis pro Sexto Roscio Amerino oratio, ed. Büchneri, Lipsiae, 1835, cap. 35, § 100; Osenbrüggen, l. c., Ростовцевъ, l. c.

[1]) Oeuvres de Tite-Live (histoire romaine) avec la traduction en français publiés sous la direction de Nisard, Paris, 1844, т. I, lib. V, c. XXXIX, стр. 255.

ры и получившіе тріумфы старцы, открыто говорили другъ съ другомъ, что они (охотно) умрутъ и не будутъ еще болѣе отягощать для вооруженныхъ затруднительное положеніе дѣлъ и скудость пищи своими тѣлами, которыя не могутъ носить оружія и помогать родинѣ“. Если сопоставить это извѣстіе съ одной изъ приведенныхъ выше версій Флакка, то придется придти къ весьма вѣроятному выводу, что при осадѣ Рима Галлами дряхлыхъ стариковъ оставили на смерть въ открытой для враговъ части города, послѣ же удаленія Галловъ бросали ихъ въ Тибръ вслѣдствіе недостатка въ пищѣ и общественной безурядицы. Если опираться на авторитетное въ большинствѣ случаевъ мнѣніе Тита Ливія, то слѣдуетъ предполагать, что въ это время старики имѣли ужъ значительное вліяніе и пользовались большимъ уваженіемъ, такъ что подобная мѣра могла практиковаться очень недолго,—пока государство не оправилось отъ галльскаго разгрома. Своеобразный патріотизмъ, который мы ужъ видѣли у Овидія и котораго, въ общемъ, не былъ лишенъ и Ливій, или же недостатокъ свѣдѣній—могли помѣшать нашему историку написать опредѣленно и обстоятельно обо всемъ этомъ: подобныхъ пробѣловъ и промаховъ современная историческая критика открыла у него не мало...

Діонисій Галикарнасскій [1]) дѣлаетъ существенныя дополненія къ приведеннымъ выше извѣстіямъ: „говорятъ, что древніе (Италійцы) имѣли обыкновеніе приносить человѣческія жертвы (... tas thysias epitelein... androfonus) Крону (Сатурну), какъ это дѣлалось въ Карѳагенѣ, пока существовалъ этотъ городъ,—какъ это дѣлается и теперь у Кельтовъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ народовъ. Геркулесъ

---

[1]) Dionysii Halic. opera omnia. Lipsiae, Antiq. Rom., т. I, I, 38, стр. 55—57 и Dionysiu tu Halikarnasseôs tês rhômaikês archailogias ta sôdzomena, Oxoniae, 1704, ed. Hudsoni, lib, I, 38, стр. 30 (за неимѣніемъ греческаго алфавита, я, въ случаѣ надобности, буду замѣнять его латинскимъ, передавая „эту“—*ê*, „омегу“—*ô* „юпсилонъ“—*y*, „омикронъ+юпсилонъ“—*u*, „хи“—*ch*, „пси“—*ps*, „дзэту“—*z*, „кси“—*x*, „тэту“—*th*, густое придыханіе—*h*, подписная іота вносится въ строчку).

же захотѣлъ уничтожить этотъ обычай, воздвигъ жертвенникъ на Сатурновомъ холмѣ и ввелъ священныя жертвоприношенія на чистомъ огнѣ (kai katarxasthai thymatôn hagnôn epi katharôi pyri hadzomenôn: намекъ, который объяснится слѣдующими преданіями). Для того, чтобы обитателей этой страны не безпокоило то, что они пренебрегли жертвоприношеніемъ, идущимъ отъ предковъ (patriôn... thysion), онъ научилъ ихъ, для умилостивленія гнѣва этого бога, вмѣсто людей, которыхъ раньше бросали въ Тибръ со связанными руками и ногами [1]), бросать въ эту рѣку изображенія, похожія на людей и въ ихъ одѣяніи [2])... Это и теперь (до меня) дѣлаютъ (дѣлали) Римляне немногимъ позже весеннаго равноденствія, въ такъ называемыя майскія иды, въ полнолуніе. Въ этотъ день *понтифики*, верховные жрецы, вмѣстѣ съ ними *дѣвы* (Весталки), *преторы и прочіе граждане, которымъ можно присутствовать при священнодѣйствіи* (очень важное указаніе, примиряющее показанія Овидія и Варрона), совершивши по обычаю жертвоприношеніе, бросаютъ со *священнаго* (у другихъ—свайнаго) моста въ Тибръ 30 изображеній, имѣющихъ форму людей и называемыхъ „аргеями" [3]). Такимъ образомъ Діонисій говоритъ вообще о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ и, подобно другимъ, не затрогиваетъ вопроса, почему аргеи бросали въ маѣ и почему ихъ было

---

[1]) Это дѣлали иногда народы индо-европейскаго племени при погребеніи покойниковъ. См., напр., Шейковскій, Бытъ Подолянъ, т. I, вып. 2, Кіевъ, 1860, стр. 27.

[2]) Anti tôn anthrôpôn, hus sympodizontes kai tôn cheirôn akrateis poiuntes, erhrhiptun eis to Tiberios rheitron, eidôla poiuntas andreikela, kekosmêmena ton auton... tropon, embalein eis ton potamon. Въ слѣдующихъ словахъ Діонисія содержится интересный намекъ: „относительно жертвъ и другихъ священныхъ обрядовъ, которые римскій народъ совершаетъ по греческому и мѣстному обычаю, я буду говорить въ другомъ мѣстѣ". Въ нашемъ обычаѣ, видимо, авторъ не замѣтилъ греческаго вліянія или сходства съ греческими обычаями, иначе онъ отмѣтилъ бы это, что онъ и дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ.

[3]) Eidôla morfais anthrôpôn eikasmena triakonta ton arithmon apo tês hieras gefyras ballusin eis to rheuma tu Tiberiu, Argeius auta kaluntes.

30 (это число можно считать прочно установленнымъ: 24 встрѣчается только въ нѣкоторыхъ худшихъ изданіяхъ Варрона). Извѣстіе его—одно изъ самыхъ обстоятельныхъ и солидныхъ, не считая, конечно, неизбѣжнаго Геркулеса и другихъ болѣе мелкихъ подробностей.

Плутархъ посвятилъ интересующему насъ вопросу одинъ изъ параграфовъ своихъ „римскихъ вопросовъ" [1]).

„Почему изображенія людей, которыя въ маѣ, въ полнолуніе сбрасываются съ деревяннаго моста въ рѣку (apo tês xylinês gefyras... eis ton potamon), называются аргеями? Не потому ли, что варвары, которые въ древности населяли эти мѣста, убивали Грековъ, которые къ нимъ попадали,—Геркулесъ же, доблесть котораго вызывала ихъ уваженіе, научилъ ихъ, чтобы они перестали убивать и замѣнили этотъ обычай бросаніемъ изображеній? Вѣдь простодушная древность называла Грековъ Аргейцами или Аргивянами; (мы знаемъ, что близкое) сосѣдство породило ненависть между Аркадянами и Аргивянами, что спутники Эвандра бѣжали изъ Греціи, поселились въ Италіи и сохранили (прежнюю) ненависть (къ Грекамъ)". Изъ самаго контекста слѣдуетъ, что эта оригинальная по нѣкоторымъ подробностямъ, но наивная версія—плодъ измышленій самого Плутарха. Онъ, такъ сказать, вводитъ насъ въ лабораторію, гдѣ создавались подобныя легенды, и ясно показываетъ, какъ онѣ создавались: изъ легендарныхъ сказаній Грековъ и Римлянъ онъ беретъ Геркулеса-просвѣтителя, Грековъ-Аргейцевъ, переселеніе Эвандра и другихъ въ Италію; предполагаетъ или беретъ изъ какихъ-нибудь другихъ источниковъ [1]), что враждебныя отношенія между Греками и ихъ италійскими соплеменниками продолжались и послѣ переселенія,—что

---

[1]) Plutarchi Chaeronensis scripta moralia, t. I, Parisiis, 1841, quaestiones Romanae, § 33, стр. 333.

[1]) Можетъ быть, изъ народныхъ преданій, которыми вообще, кажется, руководились классическіе писатели, толкуя о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Римлянъ,—и откуда, несомнѣнно, взялъ Фестъ свою трогательную легенду о старикѣ и его снѣ.

послѣдніе убивали своихъ враговъ, когда они приставали къ берегамъ Италіи; наталкивается на звуковое сходство argei—Argivi,—и вотъ версія готова. Другія легенды, всецѣло построенныя на просвѣтительной миссіи Геркулеса, съ которыми мы познакомились раньше, въ большинствѣ случаевъ такого же характера, съ отличіями только въ подробностяхъ, съ немного меньшей наивностью и натянутостью, чѣмъ у Плутарха, у котораго правдоподобно одно—убійство италійскими прибрежными жителями пришлецовъ, не подтверждаемое, къ сожалѣнію, другими источниками; замѣна же по совѣту Геркулеса убійства враговъ бросаніемъ въ рѣку ихъ изображеній—болѣе чѣмъ наивна и странна...

Лактанцій [1]), христіанскій писатель IV в. по Р. Хр., въ своихъ „Божественныхъ установленіяхъ", приводитъ интересующее насъ преданіе со ссылками на классическихъ писателей и въ легендарно-языческомъ освѣщеніи: „Очевидно, что въ древности существовалъ обычай умерщвленія людей: культъ Сатурна въ Лаціумѣ состоялъ въ томъ, что (ему) приносили въ жертву человѣка *не у алтаря, а сбрасывали его съ Мильвійскаго моста въ Тибръ* [2]). Варронъ свидѣтельствуетъ, что это получило свое начало отъ какого-то отвѣта оракула, послѣдній стихъ котораго таковъ [3]): „kai kefalas Hadêi kai tôi patri pempete fôta" (приносите въ жертву Аиду головы, а отцу—fôta: свѣтильникъ или человѣка). Такъ какъ этотъ отвѣтъ казался двусмысленнымъ, то бросали обыкновенно и свѣтильникъ, и человѣка. На самомъ дѣлѣ, говорятъ, этотъ родъ жертвоприношеній былъ уничтоженъ Геркулесомъ, когда онъ возвращался изъ

---

1) Lactantii opera, Wirceburgi. 1783, t. I Divinae Institutiones, lib. I, 21, de falsa religione; Roth-Gerlach, Sallustius, Basiliae, 1852, стр. 399 (Lactantius, epitome, 23, 2).

2) Apparet tamen, antiquum esse hunc immolandorum hominum ritum: siquidem Saturnus in Latio eodem genere sacrificii cultus est, non quidem ut homo ad aram immolaretur, sed uti in Tiberim de ponte Milvio mitteretur.

3) Quod ex responso quodam factitatum V a r r o a u c t o r est, cujus responsi versus ultimus est talis. и т. д.

Испаніи: обрядъ остался, но только вмѣсто подлинныхъ людей бросали ихъ изображенія изъ тростника, какъ это показываетъ Овидій въ „Фастахъ“ (ritu tamen permanente, ut pro veris hominibus imagines jacerentur ex scirpo...)“.

Въ другомъ мѣстѣ (epitome)это извѣстіе такъ дополняется: „по приказанію Аполлона *шестидесятилѣтніе старики* бросались съ моста въ Тибръ въ жертву Сатурну [1])

Эта фраза дополняетъ предыдущее и показываетъ, что объектомъ жертвоприношеній были старики. Что люди, вопреки мнѣнію Лактанція, приносились въ жертву Сатурну италійцами и у алтарей, доказывается послѣднимъ имѣющимся у насъ подъ руками и наиболѣе обстоятельнымъ извѣстіемъ Макробія, писателя V в. по Р. Хр., который въ своихъ „Сатурналіяхъ“ нѣсколько разъ возвращается къ интересующему насъ вопросу [2]):

„Теперь нужно сказать нѣсколько словъ объ изображеніяхъ (sigillaria), чтобы ты не считалъ достойными смѣха мои слова относительно ихъ священнаго характера. Эпикадъ говоритъ, что Геркулесъ, убивши Геріона, побѣдоносно гналъ черезъ Италію стадо (быковъ); былъ въ это время мостъ, который теперь называется свайнымъ; Геркулесъ бросилъ въ рѣку изображенія людей (simulacra hominum) по числу союзниковъ (спутниковъ), которыхъ потерялъ вслѣдствіе переселенія,—бросилъ будто бы для того, чтобы (эти изображенія), влекомыя теченіемъ въ море, достигли родины вмѣсто погребенныхъ тѣлъ: отсюда будто бы идетъ обыкновеніе считать эти изображенія священными“.

---

1) Saturno sexagenarii homines ex persona Apollinis de ponte in Tiberim dejiciebantur.

2) Macrobii opera, Biponti, 1788, т. I, Saturn. I, 11, стр. 253—4; Collection etc., Macrobius, Saturn. I, 7, стр. 165—6. Характерно слѣдующее сравненіе Макробія (Saturn. I, 5): „et heus te, hisne tam doctis viris quorum M. Cicero et Varro imitatores se gloriantur, adimere vis in verborum comitiis jus suffragandi? et tanquam sexagenarios majores de ponte dejices“ и т. д. Здѣсь, видимо, pons—входъ въ ovile, иначе было бы странно сопоставленіе съ „comitia verborum“.

Эта легенда примыкаетъ къ тому типу версій: „Геркулесъ и его спутники“, съ которымъ мы уже встрѣтились у Овидія и Флакка, хотя она и отличается отъ нихъ нѣкоторыми подробностями. Непонятное упоминаніе болѣе чѣмъ сомнительнаго въ тѣ доисторическія времена моста, необъяснимая замѣна Геркулесомъ погребенныхъ тѣлъ ихъ изображеніями, сдѣлавшимися почему-то священными—все это придаетъ этой версіи натянутый и искусственный характеръ. Любопытно, что здѣсь мы впервые наталкиваемся на объясненіе числа аргеевъ—числомъ погибшихъ спутниковъ Геркулеса. Все это показываетъ, что смыслъ древняго обряда давно ужъ былъ потерянъ для римскаго общества и безсильная мысль книжниковъ терялась и путалась въ противорѣчивыхъ и тщетныхъ попыткахъ *искусственно* возстановить его...

Далѣе Макробій, заявивши предварительно, что ему „кажется болѣе вѣроятнымъ“ другое объясненіе этого обычая, подробно излагаетъ въ двухъ мѣстахъ исторію, отчасти ужъ извѣстную намъ по своимъ подробностямъ. По словамъ Варрона, говоритъ Макробій, Пеласги, вытѣсненные изъ родины, разсѣялись въ разныя стороны и попали между прочимъ въ Италію. Раньше они обратились къ Додонскому оракулу, который направилъ ихъ въ Сатурнову землю и далъ имъ ужъ извѣстное намъ отчасти изъ Овидія и Лактанція неопредѣленное и двусмысленное приказаніе приносить въ жертву Аиду головы и отцу (Сатурну) — fôs (свѣтильникъ, факелъ или человѣкъ). Слово „fôs“ они поняли, какъ „человѣкъ“, и начали приносить въ жертву людей. Геркулесъ прекратилъ это, объяснивъ, что отъ нихъ требовалось посвящать Сатурну факелы, а живыхъ людей приказалъ замѣнить ихъ изображеніями. Съ тѣхъ поръ и стали римляне за себя и за своихъ близкихъ посвящать Сатурну во время Сатурналій восковыя статуэтки [1]).

[1]) I, 7: „Pelasgi, sicut Varro memorat, cum sedibus suis pulsi diversas terras petissent, confluxerunt plerique Dodonam et incerti, quibus haererent locis, ejusmodi accepere responsum“: steichete malomenoi Sikelôn Saturnian aian, hê d' Aborigeneôn kotilên hn nasos ocheitai, hais anamichthentes

Макробій здѣсь объясняетъ происхожденіе обычая приносить въ жертву изображенія во время Сатурналій такъ, какъ другіе писатели объясняютъ происхожденіе аргеевъ; онъ называетъ эти изображенія не „simulacra" и „imagines", какъ другіе писатели, а „sigilla", „sigillaria", „oscilla"—статуэтки, и говоритъ, что онѣ дѣлались изъ воску (cerea). Эти изображенія посылали или приносили въ храмъ Сатурна и тамъ ихъ сжигали [2]). Приносили ихъ за себя, за своихъ (pro se atque suis) и, судя по одному намеку Макробія, за своихъ патроновъ: по его словамъ, когда многіе патроны, изъ жад-

decatên ekpempsate Foibôi kai kefalas Hadêi kai tôi patri pempete fôta"... (первая половина предсказанія отчасти сбывается). Hoc, igitur miraculo deprehenso, has sibi sedes praedictas esse didicernnt vastatisque Siciliensibus incolis, occupavere regionem decima praedae secundum responsum Apollini consecrata, erectisque Diti sacello et Saturno ara: cujus festum Saturnalia nominarunt. Cumque diu humanis capitibus Ditem, et virorum victimis Saturnum placare se crederent propter oraculum, in quo erat: kai kefalas Hadêi kai tôi patri pempete fôta. Herculem ferunt, postea cum Geryonis pecore per Italiam revertentem, suasisse illorum posteris, ut faustis sacrificiis infausta mutarent, inferentes Diti non hominum capita, sed oscilla ad humanam effigiem arte simulata et aras Saturnias non mactando viros, sed accensis luminibus excolentes, quia non solum virum, sed et lumina „fôta" significat. Inde mos per Saturnalias missitandis cereis coepit".—I, 11: „Pelasgos, postquam felicior interpretatio capita non viventium, sed fictilia et „fôtos" aestimationem non solum hominem, sed etiam lumen significare docuisset, coepisse Saturno cereos potius accendere et in sacellum Ditis arae Saturni cohaerens oscilla quaedam pro suis capitibus ferre. Ex illo traditum, ut cerei Saturnalibus missitarentur, et sigilla arte fictili fingerentur ac venalia pararentur; quae homines pro se atque suis piaculum pro Dite Saturno facerent. Ideo Saturnalibus talium commerciorum coepta celebritas septem occurat dies; quos tantum feriatos facit esse, non festos omnes, nam medio, id est tertiodecimo. Kalendas festum probavimus et aliis hoc assertationibus ab his probatum est, qui rationem anni, mensium dierumque et ordinationem a C. Caesare digestam plenius retulerunt".

[2]) Liebrecht, l. c. цитируетъ изъ Макробія: effigies maniae suspensae, изъ чего можно заключить, что сигилляріи и подвѣшивались. Привѣшиваніе и повѣшеніе жертвъ—явленія очень распространенныя. Онъ же приводитъ любопытное названіе стариковъ у древнихъ грековъ tombogerontes.

ности, потребовали отъ кліентовъ слишкомъ большихъ подарковъ по случаю Сатурналій, трибунъ Публицій предложилъ народу наказать ихъ тѣмъ, чтобы запретить бѣднякамъ приносить эти изображенія за богачей—наказаніе, странное съ нашей точки зрѣнія, но въ тѣ времена, вѣроятно, дѣйствительное [1]). Ходило у римлянъ относительно сигиллярій и такое мнѣніе, что эти изображенія приносились въ жертву потому, что „благодаря Геркулесу, Римляне возведены были отъ неблагоустроенной и мрачной жизни какъ будто бы къ свѣту и знанію прекрасныхъ искусствъ (?!) [2]).

Вотъ всѣ извѣстія объ убіеніи стариковъ у Римлянъ, которыя намъ удалось собрать; попробуемъ въ нихъ разобраться. Несомнѣнно, что исходной точкой всѣхъ этихъ хитросплетеній и противорѣчивыхъ légendes des origines были обычаи и термины, которые, въ силу консерватизма, присущаго первобытнымъ народамъ вообще, а древнимъ Римлянамъ въ особенности, практиковались и употреблялись очень долго, хотя смыслъ и происхожденіе ихъ были мало понятны римскому обществу въ II—I в. до Р. Хр. Эти обычаи—бросаніе „аргеевъ" съ моста въ маѣ, принесеніе въ храмы Сатурну, сжиганіе и т. д. [3]) сигиллярій и осциллъ

---

[1]) Sat. I, 7: „Illud quoque in litteris invenio, quod, cum multi occasione Saturnaliorum per avaritiam a clientibus ambitiose munera exigerent, idque onus tenuiores gravaret, Publicius tribunus plebi tulit, nonnisi ditioribus cerei missitarentur".

[2]) ib. „alii cereos non ob aliud mitti putant, quam quod hoc principe (Hercule) ab incomi et tenebrosa vita quasi ad lucem et bonarum artium scientiam editi sumus".

[3]) Конечно, сжиганіе, бросаніе въ воду и т. д. изображеній явилось подражаніемъ принесенія такимъ же способомъ въ жертву людей. Интересна идентичность способовъ казни, жертвоприношеній и погребенія. (Cм. Котляревскій, О погреб. обыч.; Liebrecht, Zur Volkskunde, passim; Селецкій, Колдовство въ Юго-Зап. Руси въ XVIII в., Кiев. Ст. 1886, іюнь, 193—236; Karłowicz, Czary i czarownice w Polsce, Wisła, 1887, 14—20, 56—62. 93—99, 136—143, 172—178, 213—222; Сумцовъ, Культурныя переживанія (испытаніе вѣдьмъ водою), Кiев. Ст. 1889, янв., 83—89; Zibrt, Staroczeské vyroczni obyczeje, povêry, slavnosti a zábavy prostonárodni. V Praze, 1889, prvni máj, стр. 98—102 и. т. д.

во время Сатурналій [1]); термины—„sexagenarios de ponte dejicere“ и „senes depontani“. Любознательная мысль древнихъ писателей старалась возстановить утерянный смыслъ этихъ обычаевъ и терминовъ, строила разнообразныя гипотезы объ ихъ происхожденіи и значеніи, опираясь часто на сомнительныя филологическія сближенія, на греко-латинскіе, искусственно переработанные, а иногда и созданные ad hoc миѳы, рѣже на чисто народныя преданія. Явилась такимъ образомъ масса самыхъ противорѣчивыхъ версій, въ которыхъ шли объ руку Геркулесъ съ быками—и человѣческія жертвоприношенія, Эвандръ—и замѣна этихъ жертвоприношеній бросаніемъ изображеній, „Dichtung und Wahrheit“—все перепуталось и сплелось въ одну хаотическую массу...

Изъ этого хаоса выдѣляется нѣсколько чертъ, вполнѣ заслуживающихъ вниманія. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы приведенные выше писатели выдумали помѣщенныя у нихъ свѣдѣнія о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у первобытныхъ италійскихъ „аборигиновъ“, которыя, можно сказать a priori, должны были существовать у нихъ, какъ и у всякаго другого первобытнаго народа. Эти жертвоприношенія были, главнымъ образомъ, связаны съ водой,—фактъ, къ которому можно подыскать безконечную массу разновременныхъ и разнообразныхъ параллелей. По воззрѣніямъ человѣка, находящагося на „варварской“ ступени развитія вода, основаніе новаго поселенія или заложеніе новой постройки, мертвецы, неурожай и т. д. —все требуетъ человѣческихъ жертвъ [2]).

---

1) Виргилій (Georg. II, 388—9) говоритъ, что oscilla приносились и Вакху во время Либералій или Вакханалій. Изъ этого можно заключить, что и Вакху приносили въ жертву людей, что отчасти и подтверждается преданіями о жертвахъ вакханокъ (Орфей и т. д.).

2) Тэйлоръ, Первобытная культура, т. I, СПБ, 1872, 98—104; т. II, СПБ, 1873, 415—446; Kollár, Slawa Bohuně, 192—5; Liebrecht, Zur Volkskunde, 6—10, 284—296, 380—381; Nowosielski, Lud, I, 153—157, 163—5; А. Н. Веселовскій, Солом. и Китовр., 305 и Мелк. зам. къ был., Жур. М. Н. Просв., 1889, V, 44—5; Кирпичниковъ, Очерки изъ ист. средневѣк. лит., Москва, 1869, 102; Krauss, Das Bauopfer bei den Südslaven, Wien, 1887 (оттискъ изъ Mittheilungen der Anthrop. Gesellschaft

Многочисленные факты, констатирующіе существованіе этихъ воззрѣній и связанныхъ съ ними обычаевъ у современныхъ и вымершихъ народовъ земного шара, даютъ полную возможность возстановить генезисъ и эволюцію этихъ воззрѣній и обычаевъ.

Въ болѣе раннюю эпоху эти жертвоприношенія имѣютъ настоятельный, но случайный и безпорядочный характеръ: трудно подмѣтить въ нихъ какую-нибудь общую идею, порядокъ выбора жертвъ и т. д.; иногда въ этомъ періодѣ, какъ и въ слѣдующемъ, жертвы избираются по жребію, отзвуки чего слышатся въ былинахъ о Садкѣ, параллельныхъ имъ малорусскихъ сказкахъ [1]), извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о варяжскихъ отрокахъ—христіанахъ при Владимірѣ и, отчасти, въ малорусской думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ. Такой порядокъ одинаково падалъ всею своею тяжестью и на сильныхъ, и на слабыхъ,—на опору первобытнаго общества и на его балластъ. „Замѣна", которая играетъ такую важную роль въ примитивной эволюціи, придала этимъ жертвоприношеніямъ болѣе опредѣленныя формы и была вызвана, конечно, интересами сильныхъ: начали приносить въ жертву *только* плѣнныхъ, рабовъ, женщинъ, дѣтей и *стариковъ* [2]). Легко уловить тотъ психическій процессъ, слѣдствіемъ котораго явилась эта „замѣна": темная и страшная сила, которая проникала весь міръ извѣстныхъ

---

in Wien, B. XVII, der neuen Folge VII, 1887); Сборникъ мат. по этн., изд. при Дашк. М., II, 200; Сумцовъ, Курьтурн. переживанія, Кіев., Ст. 1889, V—VI, 489—492; Н. А. Янчукъ, По Минской губ., Москва, 1889, гл. II, 43 (Извѣстія И. Общ. л. Ест., Антр. и Этногр. Труды Этногр. Отд., кн. IX) и т. д.

[1]) Чубинскій, Труды, II, стр. 17 и т. д.

[2]) Воины Святослава, послѣ битвы съ Греками, вышли въ поле, „собрали всѣ трупы убитыхъ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили". См. Багалѣй, Исторія Льва Діакона, какъ источникъ для Русской Исторіи, стр. 19. Срв. Herod., III, 150. 159; Euseb. Hieron. Opera, Paris, 1845, II, 335; Girard de Rialle, De l'anthropophagie, étude d'ethnologie comparée, Paris. 1875, стр. 15 и т. д.

„варвару“ явленій, требовала жертвы—*человѣка вообще*; каковъ этотъ человѣкъ—безразлично для нея, но не безразлично для первобытнаго общества, для котораго, конечно, выгоднѣе было, чтобы приносился въ жертву безправный баластъ; кругъ неприносимыхъ въ жертву все болѣе и болѣе расширяется: позднѣе всего въ него входятъ женщины и дѣти. Такимъ образомъ, „замѣна“ является попыткой примиренія интересовъ общества и божества, но она на этомъ не останавливается: страхъ передъ природой уменьшается, увеличиваются потребности общества, и вмѣстѣ съ ними увеличивается раздѣленіе труда; всѣ члены общества имѣютъ *свой* трудъ, и лишаться ихъ по многимъ причинамъ невыгодно и неудобно для общества. Въ силу консервативности примитивныхъ воззрѣній сущность, идея остается, но въ нее постепенно прокрадываются фикціи, измѣненія, которыя постепенно придаютъ ей совершенно другой характеръ: жертвоприношенія по прежнему считаются необходимыми, но живые люди замѣняются частями ихъ тѣла—отрубленными пальцами, частью крови, волосами, наконецъ ихъ изображеніями, даже животными [1]).

Мнѣ кажется, что въ приведенныхъ выше классическихъ извѣстіяхъ сохранились отзвуки всѣхъ этихъ трехъ стадій: одни изъ нихъ говорятъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у „аборигиновъ“ вообще, причемъ изъ самаго контекста можно заключить, что опредѣленной *группы* приносимыхъ въ жертву не было, и что выбирали людей для этого, по всей вѣроятности, по жребію; другія говорятъ, что приносились въ жертву плѣнные эллины или дряхлые старики; и, наконецъ, всѣ эти извѣстія свидѣтельствуютъ, что человѣческія жертвоприношенія были замѣнены принесеніемъ въ жертву сдѣланныхъ изъ сосны, металла [2]), соломы,

1) Nowosielski, l. c.; Liebrecht, op. cit., 289—296; Тэйлоръ, I, 415—416, 437—436; Янчукъ, op. cit., I, 28; II, 31 и т. д.

2) Virgilius Maro, Georg. II, v.v. 388—389 (ed. Weise, Lipsiae, 1853, стр. 58): „et te, Bacche, vocant per carmina laeta, tibique oscilla ex alta suspendunt mollia pinu“; Воеводскій, Каннибализмъ въ греч. миѳахъ, стр. 237.

тростнику и воску изображеній, также посредствомъ „ver sacrum", т. е. замѣной принесенія въ жертву выселеніемъ въ другія мѣста для колонизаціи [1]).

По поводу этихъ изображеній невольно напрашивается гипотеза, на которой я остановлюсь мимоходомъ и которая, конечно, требуетъ еще большой провѣрки.

По всей Европѣ, до послѣдняго времени, былъ извѣстенъ обычай потопленія, сожженія и т. д. человѣкообразныхъ чучелъ—мужскихъ, но чаще женскихъ, которыя назвались Костромой, Мораной, „бабой", „дидомъ" [2]) и т. д. Самый обычай назвался „babu rzezati", „segare la vecchia", „serrar la velha", „рѣзать бабу", „смалыты дида" и т. д. Эти куклы дѣлались изъ различнаго матеріала (соломы, дерева, конопель и т. д.) и затѣмъ ихъ сжигали, бросали въ воду, разрывали на части, бросали въ нихъ камни и палки и т. д.; уничтожались онѣ въ разные времена года. Иногда, вмѣсто куклы, фигурировала самая старая баба села [3]). Для объяс-

1) Кулаковскій, Къ вопросу о началѣ Рима, стр. 76—95

2) Nowosielski, Lud, I, 123—125; Bastian, Die Rechtsverhältnisse, 296; Аѳанасьевъ. Поэт. возвр. слав. на природу, т. III, 692—696, 706, 723, 725; Iahn, „Die deutschen Opfergebräuche bei Ackerbau und Viehzucht" въ „Germanische Abhandlungen" Weinhold'a, Breslau, 1884, стр. 91—94, 133; Pajek, Czrtice iz duszevnega žitka sztajerskih Slovencev, v Ljubljani, 1884, стр. 2; Hanusch, Slaw. Myth., 413; Sumlork-Krolmus, Staroczeské powěsti, spěwy, slawnosti, hry, obyczeye a nápěwy, т. II, w Praze, 1847, стр. 12—20; Изв. Имп. О. Л. Е., А, и Э., т. XIII, вып. I, стр. 100—104; Gołębiowski, Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony, Warsz. 1830, 168—9; Сумцовъ, Культ. переж., Кіев. Ст. 1889, авг. стр. 424—425, сент. 632—3, 636—7; Кiев. Стар. 1889, февр. 544 (изъ „Елисаветградскаго Вѣстника", 1889, № 11); Wisła, 1888, т. II, 439—440 (ścięcie śmierci); Kollár, op. cit., 171; Zibrt, op. cit., 19, 52—62, 102, 277; Kolberg, Lud, XV, 175 и Pokucie, III, 105; Siarkowski, Mat. do etn. ludu polskiego z okolic Pinczowa, Zbiór, IX, 1885, Dz. etn. 56—8; Erben, Prostonárodni czeské pisně a rzikadla, v Praze, 1864, 57—8; Sbornik slovenskych národnich piesni, povesti, prislovi, porekadiel, hádok, hier, obyczajov a povier, svāzok I, vo Viedni, 1870, 186 и т. д.

3) Nowosielski, l. c., стр. 124: „w Barcelonie chłopacy biegają po ulicy, śpiewając piosnkę, że szukają najstarszéj baby w mieście, aby ją posiekać"; по другимъ извѣстіямъ, эту бабу подводили къ водѣ и дѣлали видъ, что ее бросаютъ въ рѣку, бьютъ и т. д.

нения этого обычая миѳологи устанавливаютъ равенство: старость—зима—смерть, и считаютъ его проводами зимы-смерти. Разбирать степень достовѣрности и древности этого равенства я не буду, такъ какъ заходить въ дебри миѳологіи при теперешнемъ состояніи науки довольно опасно; замѣчу только, что миѳологическая экзегеза этого обычая оставляетъ безъ вниманія, да и не можетъ объяснить съ своей точки зрѣнія нѣсколько очень важныхъ подробностей: чередованіе мужскихъ и женскихъ чучелъ и истребленіе ихъ въ разныя времена года у одного и того же народа, рядъ выраженій пѣсенъ, связанныхъ съ этимъ обрядомъ и т. д.

По моему мнѣнію, эти обряды—искаженныя переживанія обычая убійства стариковъ и старухъ, чучела, куклы—тоже, что и римскіе аргеи, сигилляріи, осциллы. Мнѣ кажется, что чередованіе мужскихъ и женскихъ чучелъ указываетъ на разницу въ степени древности обычаевъ, ибо, какъ увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, мужчинъ перестали убивать раньше, чѣмъ женщинъ, и въ однихъ случаяхъ могла сохраниться болѣе древняя „замѣна“, „выкупъ“ жертвоприношенія мужчинъ ихъ изображеніями, въ другихъ болѣе поздняя—женщинъ. Выше мы ужъ видѣли, что классическія извѣстія даютъ намъ два разныхъ указанія относительно количества аргеевъ—24 и 30, причемъ 24 встрѣчается только въ одномъ изъ плохихъ изданій Варрона, лучшія же и новѣйшія изданія этого писателя и другихъ авторовъ говорятъ о 30 аргеяхъ. Трудно, конечно, сказать, какъ объяснить это число: по всей вѣроятности, сначала каждый бросалъ ихъ „за себя и своихъ“, какъ и сигилляріи; затѣмъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ (можетъ быть, подъ вліяніемъ общераспространеннаго символическаго числа 30 или числа родовъ, основавшихъ путемъ синойкизма городъ) это число сдѣлалось устойчивымъ и опредѣленнымъ, чего не было съ сигилляріями. Такъ, вѣроятно, было сначала съ чучелами Костромы, Мораны и т. д. Человѣческія жертвоприношенія обыкновенно пріурочиваются къ большимъ годичнымъ праздникамъ—повороту съ зимы на лѣто, встрѣчѣ весны и умило-

ствиленію грозной для первобытнаго человѣка стихіи—воды; особенно многочисленны они должны были быть весной, когда встрѣча весны сталкивалась съ умилостивленіемъ воды и когда вопросъ о пропитаніи и о „лишнихъ ртахъ" принималъ наиболѣе острый характеръ, особливо въ одѣленныхъ природой странахъ, такъ что и экономическій стимулъ могъ побуждать увеличивать число жертвъ. Къ этому же времени должна была быть пріуроченой и „замѣна" этихъ жертвоприношеній истребленіемъ человѣкообразныхъ чучелъ; когда смыслъ этого обряда былъ забытъ, совпаденіе его весной съ проводами зимы могло натолкнуть на новое и невѣрное по существу толкованіе, что эти куклы изображали зиму—смерть; такое толкованіе могло сократить число куколъ до одной и произвести подобное же давленіе на параллельные обряды другихъ временъ года. Конечно, такой процессъ совершался постепенно, въ теченіи многихъ вѣковъ; самыя древнія свидѣтельства, которыя мы имѣемъ, даютъ намъ двѣ первыя стадіи этого процесса, существовавшія у римлянъ рядомъ и, видимо, безъ вліянія другъ на друга: жертвоприношеніе *неопредѣленнаго* числа сигиллярій и осциллъ (болѣе ранняя форма) и жертвоприношеніе *опредѣленнаго* количества аргеевъ (болѣе поздняя форма); позднѣйшія извѣстія о другихъ европейскихъ народахъ и современныя „survivals in culture" (культурныя переживанія), какъ выражается Тейлоръ, даютъ намъ послѣднюю и искаженную форму этого обычая—обрядъ уничтоженія Мораны, Костромы и т. д.

Фигурирующая иногда въ этихъ обрядахъ старуха, названіе самаго обряда, сходство способовъ уничтоженія этихъ куколъ со способами человѣческихъ жертвоприношеній, почти полное совпаденіе въ подробностяхъ этихъ обрядовъ съ римскими обычаями потопленія и сожженія аргеевъ и сигиллярій, совпаденіе времени Сатурналій, празднества Аргеевъ и Бакханалій или Либералій со временемъ совершенія этихъ обрядовъ и т. д., слова пѣсенъ, которыя поются при совершеніи обряда [1])—все это придаетъ нѣкоторое вѣроятіе нашей

[1]) Nowosielski, l. c., стр. 124 (это мѣсто приведено нѣсколько

гипотезѣ. Кстати, припомнимъ очень мѣткое старинное изреченіе: „nihil est in religione, quod non fuerit in vita“ и многознаменательныя слова А. Н. Веселовскаго: „попытка миѳологической экзегезы должна начинаться тогда, когда уже кончены всѣ счеты съ исторіей“ (предисл. къ Соломону и Китоврасу)...

Такимъ образомъ несомнѣнно, что у римлянъ существовалъ обычай убіенія стариковъ; въ эволюціи этого обычая, какъ и можно было предполагать a priori, наибольшую роль сыграли религія и жертвоприношенія разнымъ божествамъ. Мрачный характеръ Лемуралій и другихъ римскихъ празднествъ въ честь мертвыхъ,—обычаевъ и воззрѣній, связанныхъ съ культомъ предковъ позволяетъ предположить, что въ эволюціи нашего обычая сыграли свою роль и идеи защитительнаго и умилостивительнаго культа. Объ экономической причинѣ, которая могла дѣйствовать при возникновеніи обычая и навѣрно дѣйствовала при его временномъ возобновленіи въ эпоху нашествія Галловъ, намъ ужъ приходилось отчасти говорить. Разнообразныя переживанія этого обычая очень долго не исчезаютъ изъ римской жизни: ихъ сметаетъ великій переворотъ въ жизни Италіи и всей Европы—Христіанство...

Въ виду всего вышесказаннаго, странно наталкиваться на ту постановку, какую даетъ интересующему насъ вопросу такой замѣчательный ученый, какъ Моммсенъ [1]). Говоря о „купеческой аккуратности“, съ какой исполнялись обряды богослуженія у римлянъ, и о „спекуляціяхъ съ богомъ“, т. е. обычаѣ давать и принимать вмѣсто предмета

выше, въ предыдущемъ примѣчаніи); стр. 123: „U czechów Niemieckich... tak śpiéwają:

Nun treiben wir den Tod aus,
Den alten Weibern in das Haus,
Den Reichen in den Kasten,
Heute ist Mittfasten“.

1) „Римская исторія“, т. I, Москва, 1887, стр. 172.

его изображеніе, онъ прибавляетъ: „владыкѣ небесъ преподносили луковичныя и маковыя головки для того, чтобы на нихъ, а не на человѣческія головы онъ направилъ свои молніи; въ искупленіе жертвы, которой ежегодно требовалъ для себя отецъ Тибръ, въ волны рѣки ежегодно бросали 30 сплетенныхъ изъ прутьевъ куколъ (было бы совершенно безразсудно (?) видѣть въ этомъ случаѣ остатки старинныхъ человѣческихъ жертвоприношеній). Здѣсь понятія о божескомъ милосердіи и объ умиротвореніи смѣшиваются съ благочестивымъ лукавствомъ, которое пытается ввести грознаго властелина въ заблужденіе и отдѣлаться отъ него путемъ мнимаго удовлетворенія". Такая постановка вопроса остроумна, но, по моему мнѣнію, совершенно невѣрна: Моммсенъ приписываетъ особенностямъ римскаго характера то, что составляетъ неотъемлемую принадлежность примитивнаго развитія вообще. Называя со свойственнымъ ему язвительнымъ остроуміемъ „замѣны" „спекуляціими съ богомъ" и слѣдствіемъ „купеческой аккуратности" римлянъ, онъ упускаетъ изъ виду аналогіи изъ быта народовъ, стоявшихъ и стоящихъ на одной ступени развитія съ тогдашними римлянами,—а этими аналогіями, въ данномъ случаѣ, пользоваться *необходимо;* подводя подъ одну категорію такія, далеко не совпадающія въ своихъ подробностяхъ явленія, какъ отведеніе молніи съ человѣческой головы на головки луку и мака—и аргеи, онъ оставляетъ въ сторонѣ тѣсно связанный съ аргеями вопросъ о „sexagenarios de ponte", „depontani", сигилляріяхъ, осциллахъ и т. д. и совершенно произвольно считаетъ аргеи жертвоприношеніемъ *только* одному Тибру, вѣрнѣе — „спекуляціей" съ однимъ *только* Тибромъ, забывая или не желая говорить о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у римлянъ вообще. Затѣмъ, разъ римляне считали нужнымъ приносить въ жертву свои изображенія Тибру, Сатурну, Зевсу, Вакху и т. д.,—значитъ они замѣнили этими изображеніями живыхъ людей—иначе „замѣна" была бы актомъ, совершенно безсмысленнымъ: Тибръ, молнія могли сами выбирать себѣ жертвы, и, съ точки зрѣнія Моммсена, ихъ

еще можно было „лукаво“ предупредить и обойти ихъ „мнимымъ удовлетвореніемъ“, но это совершенно непримѣнимо къ другимъ олицетвореніямъ и божествамъ, требовавшимъ, по первобытнымъ воззрѣніямъ, человѣческой крови, искупительныхъ жертвъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, утверждая такъ положительно, что римляне пошли въ данномъ случаѣ по пути, совершенно отличномъ отъ всѣхъ другихъ народовъ, слѣдовало обстоятельно доказать это подробнымъ разборомъ древнихъ извѣстій о существованіи этого обычая у римлянъ,— доказать, что аналогіи изъ жизни другихъ народовъ въ данномъ случаѣ неумѣстны и непримѣнимы...

Гораздо скуднѣе имѣющіяся у насъ подъ руками извѣстія о существованіи этого обычая у Грековъ. До насъ дошло только нѣсколько такихъ извѣстій объ островѣ Кеосѣ и, кажется, Массиліи, которыя слабо пополняются косвенными указаніями Гомера и новогреческими легендами, на которыхъ вообще трудно что-нибудь обосновывать въ виду крайней сложности этнографическаго состава новогреческаго народа. Къ такимъ косвеннымъ указаніямъ можно отнести и несомнѣнно существовавшія у древнихъ Грековъ человѣческія жертвоприношенія, дѣтоубійство, явленіе, параллельное римскому „ver sacrum“—обычаи, тѣсно связанные у другихъ народовъ съ убійствомъ стариковъ. По свидѣтельству Страбона [1]) „у Кеосцевъ, кажется (?), былъ постановленъ законъ, о которомъ вспоминаетъ Менандръ [2]) (въ слѣдующихъ словахъ): „прекрасенъ, о Фанія, законъ Кеосцевъ, по которому тотъ, кто не можетъ жить хорошо и честно, не живетъ постыдно“. Законъ этотъ, какъ кажется (?), предписывалъ отравлять *цикутою* стариковъ свыше 60 лѣтъ, *чтобы было достаточно пищи для остающихся въ живыхъ.* Разсказываютъ, что Кеосцы, будучи осаждены нѣкогда

---

1) Strabonis Geographica, ed Müller et Dübner, Parisiis, 1853, Lib. X, cap. V, 6.

2) Аѳинскій комикъ (342—290 до Р. Хр.).

Аѳинянами, издали постановленіе, по которому самые старые граждане должны были быть умерщвляемы, причемъ былъ опредѣленъ и (предѣльный) возрастъ ихъ [1]; Аѳиняне послѣ этого сняли осаду". Не смотря на всю свою осторожность, которая выразилась въ повторяющемся кстати и некстати „кажется", Страбонъ видимо слилъ въ этомъ отрывкѣ два разныхъ разсказа: о существованіи интересующаго насъ обычая у Кеосцевъ въ болѣе древнее время и о возобновленіи его при блокадѣ Кеоса Аѳинянами. Любопытно, что въ разсказѣ Страбона рѣзко подчеркивается экономическая подкладка обычая.

Чрезвычайно важнымъ дополненіемъ къ этому извѣстію являются слова гораздо болѣе древняго писателя, чѣмъ Страбонъ,—Гераклида Понтійскаго (IV в. до Р. Хр.) [2] въ его сочиненіи „О государствахъ": „такъ какъ этотъ островъ (Кеосъ) здоровъ и люди, *особливо женщины*, доживаютъ тамъ до глубокой старости, то жители его не ждутъ (естественнаго) конца жизни стариковъ, но, *прежде чѣмъ у нихъ ослабѣютъ силы, сдѣлается дряхлымъ тѣло*, ихъ умерщвляютъ цикутой или *макомъ*". Эліанъ [3], писатель III в. по Р. Хр., разсказывая объ этомъ Кеосскомъ обычаѣ, неизвѣстно, на основаніи какихъ источниковъ, прибавляетъ, что старики являлись на смерть увѣнчанными, какъ будто бы на пиръ

---

[1]) Любопытно отношеніе къ старости и взглядъ на предѣльный возрастъ греческаго поэта VII в. до Р. Хр., Мимнерма. Nageotte, Hist. de la littér. grecque depuis ses origines jusq'au VI-e siècle de notre ère, Paris, 1887, стр. 119 (срв. 118): „voilà le sujet ordinaire des chants de Mimnerme: des regrets sur la fuite des plaisirs, des plaintes résignées sur la vieillesse inévitable, cette vieillesse qui lui fait peur avec ses défaillances, ses rides, son masque hideux"; стр. 122: „Mimnerme souhaitait de mourir à soixante ans. Solon lui conseilla gaiement de reculer la limite jusqu'á quatre—vingts".

[2]) Heraclidae Pontici de politiis libellus, ed. Cragii, Lugduni Batavorum, CIƆIƆCLXX, стр. 517—519; Müller, Fragmenta historicorum graecorum, Parisiis, т. II, 1848, IX, 5, стр. 215.

[3]) Müller, ib; Aeliani sophistae varia historia, ed. Vulteji et Perizonii, Lugduni, 1701, III, 37, стр. 265—6.

или праздвество, и умирали, сознавая свою безполезность для государства. Стефанъ Византійскій [4]), писатель VII в. по Р. Хр, подъ словомъ Iulis (городъ на о. Кеосѣ) почти дословно повторяетъ первую часть извѣстія Страбона. Валерій Максимъ (I в. по Р. Хр.) [5]), разсказывая о жителяхъ Массиліи, фокейской колоніи, нынѣшняго Марселя, даетъ очень любопытное извѣстіе и о Кеосѣ. По его словамъ у Массилійцевъ осужденные на смерть „совѣтомъ 600" или сенатомъ, отравлялись цикутою; онъ не думаетъ, чтобы этотъ обычай былъ галльскаго происхожденія, но считаетъ его занесеннымъ изъ Греціи: мнѣніе вполнѣ основательное, ибо такой способъ наказанія практиковался въ Аѳинахъ (припомнимъ исторію Сократа). По этому поводу Валерій вспоминаетъ очень интересный для насъ случай изъ своей жизни. Направляясь со своимъ покровителемъ Секстомъ Помпеемъ въ Азію, прибылъ онъ въ Кеосскій городъ Юлиду. Какъ разъ въ это время „одна очень почтенная женщина, достигшая глубокой старости (болѣе 90 лѣтъ), послѣ того какъ былъ данъ отчетъ гражданамъ о томъ, почему она *должна* была умереть (reddita ratione civibus, cur excedere vita deberet), рѣшила принять ядъ". Полагая, что присутствіе Помпея сдѣлаетъ болѣе славной ея смерть, она пригласила его; но явившійся Помпей, не смотря на все свое краснорѣчіе, никакъ не могъ отговорить ее. Она поблагодарила Помпея за то, что онъ не побрезгалъ явиться и разговаривать съ нею, посовѣтовала своимъ родственникамъ жить въ согласіи, раздѣлила наслѣдство и, лежа на постели, выпила кубокъ съ ядомъ. Она умирала въ полной памяти и съ молитвами на устахъ, прощалась съ близкими, говорила о дѣйствіи яда, а Валерій и Помпей со свитой оцѣпенѣли отъ никогда невиданнаго зрѣлища, отъ такого мужества...

[4]) Stephani Byzantii Ethnicôn, ed. Westermann, Lipsiae, 1839, стр. 148.

[5]) Panckoucke, bibliothèque latine—française Valére Maxime, т. I., Paris, 1834, lib. II, cap. 6, 7 и 8, стр. 192—194.

Такимъ образомъ относительно Кеоса фактъ убійства стариковъ можно считать прочно установленнымъ; основываясь на внутренней связи обѣихъ частей разсказа Валерія, можно думать, что этотъ обычай практиковался и въ Массиліи, принимая, какъ и на Кеосѣ, видъ вынужденнаго или добровольнаго самоубійства—отравленія цикутой. Изъ разсказа Валерія видно, что этотъ обычай не вышелъ изъ употребленія на Кеосѣ даже въ I-мъ вѣкѣ нашей эры, хотя и очень смягчился,—что для осуществленія его нужно было рѣшеніе гражданъ: въ Массиліи, можетъ быть, этимъ завѣдывалъ сенатъ. Трудно думать, чтобы Кеосъ и, можетъ быть, Массилія были исключеніемъ [1]. Гомеръ яркими чертами рисуетъ ту унизительную роль, то всеобщее пренебреженіе, среди котораго жили одряхлѣвшіе, лишившіеся вслѣдствіе старости владычества цари Лаэртъ и Пелей: врядъ-ли это пренебреженіе не вело раньше къ убійству. Изъ самыхъ Гомеровскихъ пѣсенъ видно, что въ то время въ греческой семьѣ ужъ началась революція противъ пренебреженія къ старикамъ, которая впослѣдствіи произвела давленіе и на все общество: Ахиллесъ и Одиссей негодуютъ по поводу такого отношенія къ ихъ отцамъ, престарѣлый, но не дряхлый Несторъ пользуется ужъ уваженіемъ... Изъ этого можно заключить, что убійство стариковъ, если оно практиковалось повсемѣстно въ Греціи, прекратилось у болѣе культурныхъ племенъ въ очень раннюю эпоху, чѣмъ и объясняется, можетъ быть, скудость извѣстій о немъ; только у нѣкоторыхъ, менѣе культурныхъ племенъ существовало оно до болѣе поздняго времени. Интересно, что на Парнассѣ одна скала до сихъ поръ еще называется „ho geronobrachos" т. е. „скалой стариковъ", такъ какъ съ этой скалы, по мѣстнымъ сказаніямъ, древніе низвергали неспособныхъ къ труду стари-

[1]) Xenophontis Memorabilia, ed. Dindorfii, Lipsiae, 1878, lib. I, c. II, § 55, стр. 16: Сократъ „taut'un elegen, u ton men patera zônta katorutteiu didaskôn, heauton de katatemnein, all'" и т. д. Можетъ быть, въ этихъ словахъ заключается глухой намекъ, относящійся къ нашему обычаю.

ковъ: это названіе почти идентично съ скандинавской „aetternis stapi" (фамильная или кланная скала), къ которой привязаны такія же точно преданія [2]). Подобныя легенды связаны и со скалой Dzastas, на островѣ Гидрѣ (возлѣ Арголиды) [3]). Въ этихъ новогреческихъ легендахъ, можетъ быть, сохранились древне-греческія *народныя* преданія, которыя почему-то не проникли въ классическую литературу—по всей вѣроятности по тѣмъ же причинамъ, по которымъ Овидій отрицалъ убійство стариковъ у Римлянъ; утверждать этого, конечно, нельзя, такъ какъ эти легенды могли принадлежать и другимъ наслоеніямъ новогреческаго народа.

В. В. Каллашъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Дополненія и поправки къ I главѣ *). Стр. 124 (отд. отт. 10), строка 16 сверху: вм. которому—которымъ. Стр. 126 (12), примѣч. 1, прибавить: «Кромѣ указанной выше причины дѣйствовали, конечно, въ процессѣ созданія сказаній о гинекократіи и другіе факторы: 1) перенесеніе порядковъ патріархальнаго строя въ эпоху материнства, т. е. невѣрное толкованіе его отзвуковъ съ новой точки зрѣнія, своеобразное пониманіе въ эпоху патріархата терминологіи и порядковъ предшествующей ступени развитія; 2) неумѣренная идеализація женщинами, въ эпоху ихъ рабства, своего прежняго положенія—и, конечно, 3) память о дѣйствительныхъ фактахъ приниженности мужа въ семьѣ, сплоченной подъ эгидой матери и ея брата (см. *Реклю*, Матер. главенство въ примит. семьѣ, Рус. Бог., 1883, I, 129—157; *Зиберъ*, Очерки первоб. экон. культ., 277 — 284; *Лёббокъ*, Нач. цивил., 57 и т. д.). Что вопросъ о гинекократіи нельзя вообще считать поконченнымъ, можно видѣть изъ прекрасной статьи г. *Русанова*: «Жизнь и соч. Бахофена» (Рус. Мысль, 1889, VI, 185—211).— Стр. 131 (17), прим. 5, вм. II, 106 чит. II, 183—4.—Стр. 134 (20), прим. 3, прибавить: «Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду всѣ періоды, слѣдовавшіе за первоначальной эпохой равенства мужчинъ и женщинъ».

В. К.

---

[2]) Grimm, Rechtsalterth., Weinhold, „Ausland", l. c.

[3]) Schmidt, l. c.; Bröndstedt, Voyages dans la Grèce, I livr., Paris, 1826, 63 и слѣд.; Böckh, Rohde, l. c.; Breto, Ethnikon hêmerologion, 1867, 97; Ross, Griechische Königsreisen, I, 55 и слѣд.; Reisen in Peloponnes, 93, прим. 53.

*) См. „Этногр. Обозр." кн. 1.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Книги и ученыя изданія.

Д. Н. Анучинъ. «О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи». (Изъ Записокъ Имп. Р. Геогр. Общ. по отдѣл. статистики, т. VII, в. 1.). С.-ПБ. 1889, стр. 184,8°, съ 10-ю раскрашенными картами.—Изслѣдованіе Д. Н. Анучина, представляющее собою цѣнный вкладъ въ нашу антропологическо-этнографическую литературу, дѣлится на двѣ части: въ первой говорится о географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія въ Западной Европѣ, во второй — о такомъ же распредѣленіи въ Россійской Имперіи по даннымъ объ общей воинской повинности за первое десятилѣтіе. Въ первой общей части говорится о прежнихъ взглядахъ на варіаціи человѣческаго роста и о работахъ ученыхъ Запада и Соединенныхъ Штатовъ надъ изслѣдованіемъ человѣческаго роста, его географическаго распредѣленія, о вліяніи на ростъ климата, мѣстности, рода занятій, продолжительныхъ войнъ, расы, почвенныхъ условій и т. д. Во второй части авторъ, давъ историческій очеркъ вопроса объ изслѣдованіи роста въ Россіи, переходитъ къ анализу данныхъ о новобранцахъ 1874—1883 гг., группируетъ ихъ, слѣдитъ за географическимъ распредѣленіемъ средняго роста, низкорослости, высокорослости, вычисляетъ процентъ ихъ по губерніямъ и уѣздамъ и иллюстрируетъ все это картами крашенными въ нѣсколько тоновъ. Такимъ образомъ наглядно опредѣляется два центра высокорослости: одинъ на югѣ близъ Чернаго моря, другой въ Прибалтійскомъ пространствѣ, и два центра малорослости: одинъ на востокѣ, другой на крайнемъ западѣ; малорослость проходитъ поперечной полосой отъ Минской, Гродненской губ. до Пензенской, Симбирской, Казанской. Кромѣ того малорослость является оазисами между высокорослыми и средними районами, а высокорослость нерѣдко между малорослыми.—Географиче-

ское распредѣленіе роста авторъ старается объяснять разнаго рода факторами, вліяющими на ростъ человѣка, какъ напримѣръ, условіями географическими, почвенными, климатическими, экономическими, антропологическими и этнографическими. Оказывается, что высокорослость и почвенныя условія не имѣютъ соотношенія: если, напримѣръ, и является въ черноземной полосѣ высокорослость, то въ ней-же встрѣчаются районы средніе и даже малорослые, высокій же ростъ встрѣчается и въ районахъ песчаныхъ. Меньшее количество неудобныхъ земель Тульской губерніи совпадаетъ какъ разъ съ малорослостью. Между величиной надѣла и ростомъ нѣтъ связи, а если взять во вниманіе избытокъ хлѣба, то его даютъ скорѣе малорослые, чѣмъ высокорослые районы. Такіе факторы, какъ лѣсистость мѣстности, скотоводство, сельская архитектура а также и половой составъ населенія губерніи, все это имѣетъ мало соотношенія съ ростомъ или даже не имѣетъ никакого. Распредѣленіе количества брачующихся указываетъ на зависимость отъ вѣроисповѣдныхъ условій, но соотношенія съ ростомъ не имѣетъ. Родъ занятій, плохое питаніе, плохіе гигіеническія условія должны вліять на ростъ, но пока данныхъ по этому отдѣлу мало. Могучимъ факторомъ, вліяющимъ на ростъ, является раса, колонизація, сліяніе расъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ; такимъ образомъ, смотря по тому, напримѣръ, съ кѣмъ смѣшивались славяне новгородскіе или малороссы, отличавшіеся большимъ ростомъ,—съ низкорослымъ инородческимъ элементомъ или высокорослымъ,—получался районъ низкорослый или высокорослый: въ первомъ случаѣ примѣсь низкорослой инородческой крови (вогулы, остяки, чуваши и др.) понижала ростъ смѣшивающейся съ нею народности, во второмъ случаѣ высокорослый инородческій элементъ поддерживалъ уже существующую высокорослость. Въ заключеніе авторъ высказываетъ свой взглядъ на существующія условія пріема новобранцевъ въ Россіи, а также пожеланіе чтобы данныя о воинской повинности собирались болѣе точно и опредѣленно, чтобы людьми компетентными была выработана подробная инструкція для воинскихъ присутствій. Въ приложеніи заключаются таблицы средняго роста по губерніямъ и уѣздамъ Россійской Имперіи, а также 10 картъ на которыхъ въ нѣсколькихъ тонахъ обозначены процентныя данныя о ростѣ, болѣзняхъ, невозмужалости, о женатыхъ новобранцахъ.—До сихъ поръ данныя по измѣреніямъ, произведеннымъ отдѣльными лицами и учрежденіями, разрабатывались у насъ въ Россіи или по отдѣльнымъ районамъ (Снегиревъ, Смидовичъ, Укке) или по отдѣльнымъ производствамъ (Погожевъ, Рума); выдающіяся работы проф. Эрисмана посвящены исключительно изслѣдованію фабричнаго населенія; изслѣдаваніе же проф. Анучина, отличающееся большою эрудиціею и глубиною анализа, займетъ несомнѣнно

первое мѣсто среди трудовъ этого рода, какъ по обширности района имъ охваченнаго, такъ и по массѣ разнообразнаго и громаднаго матеріала сгруппированнаго и освѣщеннаго почтеннымъ авторомъ [1]).

Г. И. К.

Алексѣй Харузинъ, Киргизы Букеевской Орды. Антрополого-Этнологическій очеркъ. Ввыпускъ первый. (Извѣстія Имп. Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. LXIII, Труды Антропологическаго Отдѣла, т. 10). Москва, 1889, 4°, стр. 1+ $\frac{550 + LIX + 16}{2}$ +2 нен. Ц. 3 р. 50. к.

Антропологія и этнографія—науки тѣсно связанныя между собою: одна пополняетъ другую, одна почти не мыслима безъ другой. Антропологъ, если только онъ, не ограничиваясь мертвыми костями, принимается за изслѣдованіе надъ живою народностью, не можетъ не быть, хотя бы отчасти, и этнографомъ; этнографъ часто ждетъ помощи и подтвержденія своихъ выводовъ и теорій отъ антрополога. Поэтому особенно бываетъ важно и полезно въ интересахъ обѣихъ наукъ, когда обѣ эти отрасли знанія соединяются въ одномъ лицѣ. Такое отрадное явленіе мы видимъ въ новомъ изслѣдователѣ киргизовъ А. Н. Харузинѣ, который, будучи спеціалистомъ-зоологомъ, сумѣлъ примѣнить въ своемъ объемистомъ трудѣ требованія современной антропологической и этнографической науки и далъ прекрасный образецъ того, что можно сдѣлать энергіею, трудомъ и любовью къ дѣлу, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Имя г. Алексѣя Харузина впервые появилось передъ публикой три года тому назадъ, правда, въ болѣе тѣсномъ ученомъ кружкѣ, когда въ засѣданіи Зоологическаго Отдѣла Имп. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (5 окт. 1886 г.) были читаны его письма съ береговъ Чернаго и Эгейскаго морей, куда онъ былъ командированъ названнымъ Обществомъ съ зоологическою цѣлью. (См. «Извѣстія» Общества, т. L, в. 2 и т. LI, в. 1). Въ слѣдующіе затѣмъ два года онъ отправлялся въ командировки въ Киргизскую Букеевскую степь и съ особеннымъ рвеніемъ принялся за изученіе этой страны и народности. Въ 1888 г. появилась хорошо изданная имъ и легко читающаяся книжка «Степные очерки»—изъ записной книжки. Это была, такъ сказать, лишь небольшая прелюдія на киргизскія темы къ громадной симфоніи, надъ которою авторъ работалъ болѣе двухъ лѣтъ, и которой первая часть, вышедшая въ свѣтъ нынѣшней весною, составляетъ предметъ

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ собираніи матеріала, которымъ пользовался проф. Д. Н. Анучинъ, по вопросу о ростѣ новобранцевъ, дѣятельное участіе принимало Моск. Имп Общество люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. *Ред.*

нашей замѣтки. Этотъ первый объемистый выпускъ въ 40 печатныхъ листовъ содержитъ въ себѣ части этнографическую и антропологическую (для продолженія имѣется въ виду матеріалъ антропологическій же, а затѣмъ зоологическій), и хотя антропологія въ этой книгѣ нѣсколько преобладаетъ, хотя изслѣдованіе включено въ серію «Трудовъ Антропологическаго Отдѣла» и даже представлено къ антропологической преміи имени проф. А. П. Расцвѣтова, тѣмъ не менѣе и по части этнографіи книга является такою цѣнною новинкою, что заслуживаетъ и съ нашей стороны полнаго вниманія.

Этнографія киргизовъ ведетъ свое начало еще съ прошлаго вѣка, съ извѣстнаго русскаго путешественника Лепехина, посѣтившаго Внутреннюю (по сю сторону Урала), или иначе Букеевскую орду, въ 1768 и 1769 гг. Съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ путешественниковъ, ученыхъ и туристовъ оставили множество изслѣдованій, записокъ и т. д. Болѣе 500 названій просмотрѣнныхъ авторомъ книгъ, брошюръ, статей касающихся киргизовъ — наглядно доказываютъ, что эта народность была особенно счастлива въ этомъ отношеніи. Но это богатство матеріала, помогая съ одной стороны новому изслѣдователю основательнѣе ознакомиться съ вопросомъ, въ то же время ставитъ его въ немалое затрудненіе, предлагая ему особыя требованія. Уже не малый трудъ разыскать всѣ эти данныя, разбросанныя по всевозможнымъ изданіямъ, и разобраться въ нихъ, и хотя бы даже изслѣдователь ограничился компиляторствомъ, то и въ этомъ случаѣ работа была бы не малая, если только онъ пожелалъ бы дать нѣчто полное, цѣльное. Для изслѣдователя же, который старается придерживаться строго научной почвы и ставитъ себѣ цѣлью критическую разработку имѣющихся свѣдѣній, эта работа удваивается; за то и заслуга его несравненно больше. А. Харузинъ, исполняя эту послѣднюю задачу, кромѣ того даетъ массу свѣжаго чрезвычайно интереснаго матеріала, добытаго имъ во время двукратнаго путешествія по киргизской степи, и, благодаря особенно удачному методу, который прилагается авторомъ въ трактованіи затронутыхъ имъ вопросовъ, все его изслѣдованіе является въ высшей степени цѣннымъ. Методъ его преимущественно сравнительно-историческій. Личныя наблюденія, выводы не ставятся имъ отдѣльно, особнякомъ, а освѣщаются, объясняются и подтверждаются исторіей киргизовъ, данными предшествующихъ изслѣдователей и сравненіемъ букеевскихъ киргизовъ съ киргизами зауральскими.

Во введеніи, послѣ очерка экспедицій въ Букеевскую степь и разсмотрѣнія литературы о киргизахъ, авторъ подробнѣе останавливается на исторіи самой Букеевской орды; эта исторія свидѣтельствуетъ съ одной стороны о живучести киргизской народности, съ другой стороны объ искусной и благоразумной политикѣ нашего пра-

вительства по отношенію къ Букеевской ордѣ, если не считать одного крупнаго промаха, именно покровительства магометанству, о которомъ одинъ изъ изслѣдователей азіатскихъ киргизовъ Лансдель замѣчаетъ, что киргизы по стольку сдѣлались магометанами, по скольку старались объ этомъ русскіе. Самою свѣтлою личностью въ исторіи Внутренней, или Букеевской орды является ханъ Джангиръ, преобразователь орды, послѣ смерти котораго (1847) вскорѣ было уничтожено въ ордѣ ханское достоинство, и управленіе постепенно перешло къ русскимъ. Основная мысль этнографической части изслѣдованія г. А. Харузина—это распаденіе стариннаго быта киргизовъ-букеевцевъ. Эта мысль проводится во всѣхъ главахъ первой части выпуска, въ которыхъ подробно трактуется съ этой точки зрѣнія о родовомъ и сословномъ устройствѣ киргизовъ, о религіи, объ образѣ жизни, о семейномъ устройствѣ, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ и другихъ сторонахъ быта, каковы: празднества, игры, охота, пѣніе и пѣсня, могилы, тамги и пр. Не останавливаясь подробно, за недостаткомъ мѣста, на этихъ главахъ, полныхъ живого интереса, укажемъ только выводы, къ какимъ пришелъ авторъ: 1) Киргизы вообще и букеевцы въ особенности, падаютъ въ своемъ національномъ быту, какъ это явствуетъ изъ разсмотрѣнія вышеуказанныхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ. Этотъ упадокъ въ Букеевской ордѣ вызванъ: а) условіями, въ которыя поставлена эта орда историческими событіями, отрѣзавшими ее отъ всего обширнаго киргизскаго народа; б) реформами хана Джангира, стремившагося цивилизовать орду; в) сильнымъ, не прекращающимся вліяніемъ татаръ на религіозную и бытовую жизнь; г) вліяніемъ русскихъ, выражающимся почти исключительно въ дѣйствіяхъ правительства. 2) Киргизы внутренней или Букеевской орды во время своей 90-лѣтней жизни по сю сторону Урала сдѣлали значительный прогрессъ въ развитіи гражданственности, которая выразилась въ полуосѣдлой жизни и въ замиреніи степи. 3) Въ настоящее время орда находится подъ вліяніемъ двухъ теченій—русскаго и въ особенности татарскаго, и идетъ къ сліянію частью съ элементомъ русскимъ, а главнымъ образомъ съ элементомъ татарскимъ.

Второй отдѣлъ книги, озаглавленный: «къ антропологіи киргизовъ», содержитъ въ себѣ часть общую и спеціально-антропологическую. Тѣ данныя, которыя авторъ помѣстилъ здѣсь въ общей части, собственно говоря, могли-бы быть въ значительной степени отнесены къ этнографіи. Здѣсь, именно, рѣчь идетъ о состояніи образованія въ киргизской степи, объ экономическомъ положеніи населенія, о характерѣ киргизовъ, о ихъ физическихъ свойствахъ, болѣзняхъ, питаніи, и всѣ эти вопросы, какъ всегда, разбираются со всею обстоятельностью. Еще большею обстоятельностью и строгостью плана отличается спе-

ціально-антропологическая часть, въ которой и этнографъ найдетъ для себя поучительныя данныя, хотя бы напримѣръ въ главѣ о типѣ киргизовъ, гдѣ исторически прослѣжено образованіе типа, его признаки, видоизмѣненіе подъ вліяніемъ условій жизни, смѣшеній и пр. По этому вопросу авторъ приходитъ къ любопытнымъ выводамъ, что киргизы представляютъ собою продуктъ смѣси монгольской и европейской расъ; что хотя съ теченіемъ времени образовался средній специально-киргизскій типъ, но все таки рядомъ съ этимъ часто появляются сильныя отклоненія то въ сторону монгольской расы, то въ сторону европейской; что у молодыхъ субъектовъ черты монголизма выражены гораздо рѣзче, чѣмъ у взрослыхъ, а старики нерѣдко совсѣмъ теряютъ монгольскія черты. Не касаясь дальнѣйшей, болѣе специальной части, содержащей описанія и измѣренія болѣе 150 субъектовъ, произведенныя самимъ авторомъ и обработанныя въ сравненіи съ незначительными данными, добытыми другими изслѣдователями, прибавимъ еще, что въ концѣ книги приложенъ хронологическій перечень литературы о киргизахъ, съ указаніемъ краткаго содержанія статей и книгъ, и наконецъ особое прибавленіе о 36 курганахъ, раскопанныхъ авторомъ въ степи. На этомъ мы бы и закончили обзоръ труда г. А. Харузина, если бы не боялись остаться въ долгу передъ авторомъ, не упомянувъ еще объ одномъ въ высшей степени цѣнномъ украшеніи книги—прекрасныхъ фотографіяхъ, представленныхъ въ фототипіяхъ на 16 таблицахъ въ количествѣ 65 №№. Все это снимки самого автора, сдѣланные имъ на мѣстѣ при помощи собственнаго аппарата. Здѣсь представлены въ двухъ видахъ (въ фасъ и въ профиль) 58 мужскихъ киргизскихъ типовъ, служащихъ богатою иллюстраціей къ антропологической части изслѣдованія, остальные 7 снимковъ — группы и виды.

Все сказанное даетъ намъ полное право заключить, что изслѣдованіе г. А. Харузина является капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для антропологическо-этнографической науки, и если кое гдѣ книга страдаетъ недостаточною систематичностью плана, то этотъ недостатокъ съ огромнымъ избыткомъ покрывается всѣми другими достоинствами, какихъ только можно требовать отъ научнаго труда. *Н.—ъ.*

Rodolphe Dareste. Etudes d'histoire du droit, Paris 1889. Авторъ, задавшись цѣлью представить очерки древняго права различныхъ народовъ [1]), отводитъ отдѣльную главу и для Кавказскихъ и Закавказскихъ народностей. Содержаніе этой главы для русскихъ

---

[1]) Въ этомъ выпускѣ помѣщены свѣдѣнія о правѣ Египтянъ Іудеевъ, Мусульманъ, др. Индіи, Персовъ, Армянъ, Грузинъ, Осетинъ, Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ. Юж. Славянъ, памятники права Венгріи, Швеціи, Даніи, Норвегіи, Исландіи, Ирландіи и Законъ Салическій.

читателей, имѣющихъ у себя въ распоряженіи гораздо большую литературу, чѣмъ г. Дарестъ, не представляетъ особой важности; интересны однако тѣ взгляды, которые авторъ высказываетъ на значеніе изученія Кавказа. Изслѣдованіе быта Кавказскихъ и Закавказскихъ народностей важно уже въ томъ отношеніи, что „Арменія и Кавказъ составляютъ, такъ сказать, переходную ступень между Индіей и Персіей съ одной стороны, и Европой съ другой". Относительно Арменіи авторъ, указавъ на свидѣтельства древнихъ писателей о нѣкоторыхъ обычаяхъ армянъ, переходитъ къ разсмотрѣнію законодательныхъ памятниковъ Арменіи, составленныхъ, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ каноническаго и греко-римскаго гражданскаго права. Такъ какъ авторъ имѣлъ передъ собой лишь законодательные памятники, то не удивительно, что онъ приходитъ къ заключенію, что древніе обычаи армянъ исчезли подъ вліяніемъ навѣяннаго извнѣ чужаго законодательства,—заключенію, конечно, ошибочному, такъ какъ обычное право, носящее на себѣ много отпечатковъ сѣдой старины, до сихъ поръ еще регулируетъ многія взаимныя отношенія армянъ.

Переходя затѣмъ къ Грузіи, г. Дарестъ останавливается главнымъ образомъ на „Сборникѣ Законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI". „Эти законы, замѣчаетъ онъ, очень недавни (обнарод. 1723 г.), но характеръ постановленій ихъ дышитъ самой отдаленной древностью, и именно этотъ контрастъ и дѣлаетъ Сборникъ Вахтанга однимъ изъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ для исторіи права". Свой разборъ этого памятника авторъ заключаетъ слѣдующими словами: „Этотъ Сборникъ XVIII в. заставляетъ насъ лучше понять, чѣмъ были Греки во времена Гомера и до Дракона, Римляне во времена доисторическія, Галлы до Цезаря, Германцы въ періодъ завоеванія ими древняго міра, Русскіе при Ярославѣ, Скандинавы въ XIII в." „Но писанное право, продолжаетъ г. Дарестъ, рисуетъ лишь небольшую частицу институтовъ политическихъ и соціальныхъ. Самые интересные изъ нихъ, наиболѣе тѣсно связанные съ жизнью народной, обыкновенно обходятся имъ молчаніемъ... Но если находится народъ, который, не записавъ своихъ древнихъ обычаевъ, сохраняетъ ихъ до сихъ поръ, если эти обычаи несомнѣнно относятся къ самой отдаленной древности,—то остается лишь распрашивать этихъ живыхъ свидѣтелей и на основаніи ихъ словъ представить картину древняго права". Находя такой народъ въ Осетинахъ, авторъ приступаетъ къ изложенію труда М. М. Ковалевскаго: „Современный обычай и древній законъ". Указавъ на сходство юридическихъ обычаевъ Осетинъ съ таковыми же у другихъ народовъ, онъ говоритъ, что „всѣ эти памятники поясняютъ другъ друга, и точка сравненія, которую мы находимъ у кавказскихъ народностей, тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что она являетъ передъ нами институты еще дѣйству-

ковціе". Передавъ содержаніе книги г. Ковалевскаго, авторъ заключаетъ свою главу слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Изъ этого краткаго обзора видно существенное значеніе обычнаго права Кавказа для исторіи права. Съ начала этого столѣтія различныя народности Европы открыли и опубликовали самые древніе памятники своего писаннаго права. Эта огромная работа въ настоящее время почти что кончена, но остается дополнить ее такой-же работой по праву неписанному. Трудъ М. Ковалевскаго одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи, и слѣдуетъ благодарить автора не только за добытые имъ результаты, но и за проложенную имъ дорогу и за поданный имъ примѣръ". *Н. Х.*

В. Ф. Мухинъ. Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ. СПБ. 1888 (331 стр. in 8°).

Указавъ на важное значеніе, которое имѣетъ рѣшеніе вопроса объ отношеніи обычнаго права къ законодательству, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не рѣшенъ или, лучше сказать, рѣшенъ въ двухъ противоположныхъ смыслахъ: одни утверждаютъ что «изученіе народной жизни и обычнаго права должно лечь въ основу законодательства или по крайней мѣрѣ служить ему восполненіемъ», другіе же утверждаютъ совершенно противоположное. «Намъ кажется, говоритъ авторъ, что для правильной постановки и рѣшенія вопроса о значеніи для кодификаціи существующихъ въ средѣ крестьянъ юрид. обычаевъ необходимо тщательно обслѣдовать положенія обычнаго права, относящіяся къ той или другой группѣ гражданскихъ правоотношеній, и сравнить ихъ съ постановленіями дѣйствующаго закона... При такомъ параллельномъ изслѣдованіи роль народнаго обычн. права въ дѣлѣ законодательства выяснится сама собой». Разнообразіе юридич. обычаевъ не должно смущать, такъ какъ оно «не есть еще признакъ смутности и непостоянства правовыхъ воззрѣній; часто оно вызывается самою жизнью и указываетъ или на существованіе особыхъ бытовыхъ условій... или на переходное состояніе въ самомъ строѣ бытовыхъ отношеній». Указавъ такимъ образомъ на способы и цѣль изслѣдованія, авторъ переходитъ къ основаніямъ обычнаго права наслѣдованія. Онъ опровергаетъ теорію трудового начала въ крестьянской семьѣ и приходитъ къ заключенію, что «основаніемъ права наслѣдованія служитъ кровное родство, но на ряду съ послѣднимъ въ народномъ быту придается весьма важное значеніе также фактической принадлежности къ семьѣ, вслѣдствіе чего, напр., лицо постороннее, но принятое въ семью и живущее въ ней, наслѣдуетъ подобно кровнымъ родственникамъ, и, наоборотъ, кровные родственники, отдѣлившіеся отъ семьи и порвавшіе съ него всякую фактическую связь, обыкновенно вовсе устраняются отъ наслѣдованія. Что же ка-

сается личнаго труда, то при настоящихъ условіяхъ экономической жизни народа онъ является необходимымъ звеномъ, связывающимъ оба означенныя условія права наслѣдованія въ одно живое, конкретное цѣлое. Другія два основанія наслѣдованія—бракъ и договоръ, и, останавливаясь на нихъ подробно, авторъ удачно доказываетъ, что договорное начало наслѣдованія имѣетъ не маловажное значеніе въ народномъ быту. Для уясненія началъ обычнаго права наслѣдованія, авторъ довольно подробно останавливается на организаціи крестьянской семьи. Считая дѣленіе семей на большую и малую невѣрнымъ, авторъ предлагаетъ другое дѣленіе на естественную и искусственную семьи. Первая—союзъ лицъ, происходящихъ отъ одной пары, сосредоточивающей въ себѣ семейный авторитетъ, семейную власть. Она дѣлится на простую, состоящую изъ родителей и не вступившихъ въ бракъ дѣтей, и сложную, когда между дѣтьми есть женатые и замужнія съ ихъ потомствомъ. Искусственная семья дѣлится: 1) на сводную—соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ семействъ въ одно хозяйственное цѣлое, члены котораго хотя и подчиняются одному авторитету, но власть представляющаго оный лица основывается не на естественномъ фактѣ происхожденія отъ него прочихъ членовъ семьи, а на договорѣ или обыкновеніи, при чемъ большакъ—старшій въ семьѣ; таковы семьи изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ, дядей и племянниковъ; 2) на артельную, въ которой кровное родство почти совсѣмъ стушевывается, и на первый планъ выступаютъ интересы чисто экономическаго свойства, а къ управленію домомъ и хозяйствомъ прилагается выборное начало. Основаніе происхожденія этого послѣдняго вида семьи авторъ видитъ главнымъ образомъ въ запрещеніи раздѣловъ у государственныхъ крестьянъ (до полож. 19 февр.) и въ крѣпостномъ правѣ. Она отжила свое время и «едва-ли можетъ возникнуть снова безъ особыхъ внѣшнихъ къ тому побужденій». Нельзя не согласиться, что если это дѣленіе и не является безупречнымъ, всетаки оно передаетъ лучше оттѣнки крестьянской семьи, чѣмъ дѣленіе семей на большія и малыя. Установивъ фактъ существованія въ крестьянской семьѣ семейной собственности, авторъ переходитъ къ самому порядку обычнаго наслѣдованія, останавливаясь сперва на наслѣдованіи нисходящихъ. Въ виду того, что «между наслѣдованіемъ нисходящихъ послѣ отца и послѣ матери существуетъ глубокое различіе», авторъ разсматриваетъ отдѣльно эти два вида наслѣдованія. Существенныя черты ихъ таковы: «наслѣдниками послѣ матери являются прежде всего дѣти, какъ сыновья, такъ и дочери, и притомъ безразлично, будутъ-ли они родными дѣтьми главы семейства и мужа ихъ матери или приведенными въ семью, т. е. насынками и падчерицами». «Въ противуположность наслѣдованію послѣ ма-

тери, основывающемуся на принципѣ кровнаго родства, наслѣдованіе нисходящихъ послѣ отца построено главнымъ образомъ на началѣ принадлежности къ семьѣ, выражающемся въ совмѣстномъ жительствѣ членовъ семьи и въ подчиненіи ихъ власти отца, какъ главы семейства». Почти повсемѣстно дочери при сыновьяхъ не наслѣдуютъ. Когда въ семьѣ нѣтъ сыновей, право наслѣдованія переходитъ къ дочерямъ въ равныхъ частяхъ, хотя бы онѣ были лишь единокровныя, но не единоутробныя. Малолѣтнія не отдѣляются отъ совершеннолѣтнихъ. Замужнія часто устраняются. Сыновья являются наслѣдниками въ равныхъ доляхъ. Установивъ эти принципы, авторъ подробно разсматриваетъ случаи изъятій изъ правилъ наслѣдованія нисходящихъ. Далѣе авторъ переходитъ къ наслѣдованію «особыхъ членовъ семьи»; въ эту группу онъ включаетъ пасынковъ, пріемышей, зятьевъ и незаконнорожденныхъ. Основаніемъ права наслѣдованія этой группы являются принадлежность къ семьѣ и договоръ о наслѣдованіи вступающаго въ семью лица съ представителемъ семейной власти. Принадлежа семьѣ, если нѣтъ договора, эти лица однако часто отстраняются отъ наслѣдства при существованіи родныхъ дѣтей, и наслѣдуютъ обыкновенно лишь тогда, когда они принимаются въ семью на правахъ родственниковъ, посредствомъ усыновленія, приписки къ семейству, долговременнаго пребыванія въ семьѣ (съ малолѣтства, отъ 10 до 15 лѣтъ) при участіи въ семейныхъ работахъ; въ противномъ случаѣ имъ обыкновенно выдаютъ извѣстное вознагражденіе изъ общей массы семейнаго имущества. Что касается наслѣдованія восходящихъ родственниковъ, то хотя и встрѣчаются случаи наслѣдованія дѣда или бабки, однако эти случаи крайне рѣдки. Обыкновенно же послѣ безпотомно умершаго сына наслѣдуетъ отецъ, если отца нѣтъ въ живыхъ—мать, и въ томъ случаѣ, когда ея право наслѣдованія ограничивается братьями умершаго, ей всетаки дается часть имущества на пропитаніе. Если умершій сынъ былъ отдѣленъ, наслѣдницей является обыкновенно вдова его; по общему правилу приданое бездѣтно умершей замужней женщины, «изъ чего бы оно ни состояло, а также прочее ея имущество, съ нѣкоторыми установленными обычаемъ ограниченіями, возвращается по наслѣдству прежде всего къ отцу умершей». Относительно наслѣдованія боковыхъ родственниковъ, авторъ замѣчаетъ, что «въ общихъ чертахъ порядокъ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ построенъ на подобіе наслѣдованія нисходящихъ и напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ систему наслѣдованія, существующую въ дѣйствующемъ законѣ». Отсылая читателя за подробностями въ этомъ отдѣлѣ, какъ и во всѣхъ предшествующихъ, къ самому сочиненію, укажу еще выводы автора по вопросу о наслѣдованіи супруговъ. Вдова при дѣтяхъ либо получаетъ отъ дѣтей содержаніе, либо ей дается право

пожизненнаго владѣнія и пользованія имуществомъ мужа, либо право на полученіе нѣкоторой части изъ оставшагося послѣ мужа наслѣдства; размѣръ этой части варіируется по мѣстностямъ. Вдова-сноха при дѣтяхъ (въ особенности мужского пола) получаетъ «при отдѣлѣ отъ свекра, свекрови или деверьевъ всю часть имущества, которая слѣдовала бы умершему ея мужу, еслибъ онъ находился въ живыхъ». Что касается вдовы бездѣтной, то тутъ дѣйствуютъ разныя правила, видоизмѣняющіяся разными условіями. Относительно наслѣдованія мужа послѣ жены авторъ приходитъ къ заключенію, что мужъ послѣ жены, какъ при дѣтяхъ, такъ и безъ дѣтей, отъ наслѣдованія устраняется.

Источниками, которыми авторъ пользовался при своемъ изложеніи служили рѣшенія волостныхъ судовъ и многія сочиненія по обычному праву, списокъ которыхъ авторъ приводитъ въ концѣ своего сочиненія. Выводы же авторъ почти исключительно строитъ на рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ. *Н. Х.*

Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія). Записаны въ Дятловицкой волости Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи *Зинаидой Радченко*. (Записки Импер. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи, т XIII. вып. 2; изданъ подъ редакціей Ѳ. М. Истомина). СПБ. 1888 (III+XLIII+265+III+8 нен).

Имя г-жи Радченко уже извѣстно въ этнографической литературѣ. Въ 1881 г. ею изданъ «Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ (гомельскаго уѣзда), записанныхъ для голоса съ аккомпаниментомъ фортепьяно», заключающій въ себѣ 9 веснянокъ, 2 хороводныя пѣсни, 1 жнивную, 18 лѣтнихъ, 1 свадебную, 2 колядныхъ и 1 колыбельную. Объ этомъ сборникѣ мы имѣли случай говорить раньше [1]). Настоящій трудъ г-жи Радченко содержитъ въ себѣ, кромѣ предисловія редактора, введеніе, составленное собирательницею, затѣмъ 677 народныхъ пѣсенъ (въ томъ числѣ и 34 напечатанныя въ сборникѣ 1881 года), 84 пословицы и алфавитное оглавленіе пѣсенъ по ихъ началу. Импер. Русск. Геогр. Общество достаточно оцѣнило этотъ трудъ, помѣстивъ его на страницахъ своихъ Записокъ и наградивъ автора золотою медалью. По мнѣнію редактора, выраженному въ предисловіи, настоящій трудъ даетъ довольно полную этнографическую картину одной изъ волостей гомельскаго уѣзда, въ особенности при вѣрности и точности данныхъ, сообщаемыхъ собирательницей, которая, живя въ деревнѣ, имѣла возможность вполнѣ изучить нравы, обычаи, повѣрья и пѣсни мѣстныхъ жителей. Если мы тѣмъ не менѣе рѣшаемся сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній и поправокъ къ этому изданію, то отнюдь не изъ жела-

[1]) Бѣлор. Сборн. Е. Романова, Кіевъ, 1886, т. 1, вып. 1 и 2, стр. VI.

нія умалить его значеніе, но единственно въ надеждѣ, что авторъ воспользуется ими при дальнѣйшихъ работахъ и придастъ послѣднимъ возможно большую научную цѣнность.

Въ обширномъ введеніи собирательница сообщаетъ интересныя, хотя и отрывочныя свѣдѣнія о бѣлоруссахъ дятловицкой волости, ихъ характерѣ, наружности, говорѣ, бытѣ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, характеризуетъ пѣніе и пѣсни, при чемъ вкратцѣ описываетъ и связанные съ послѣдними обряды. Позволяемъ себѣ остановиться подробнѣе на этихъ свѣдѣніяхъ, какъ въ виду ихъ интереса, такъ и изъ желанія исправить нѣкоторыя неточности. Такъ, намъ кажется невѣрнымъ названіе гомельскихъ великоруссовъ «староверами (единовѣрцами)». Старообрядца трудно назвать старовѣромъ и еще труднѣе единовѣрцемъ. Послѣднихъ въ гомельскомъ у. только 46 чел., старообрядцевъ же 12500, по офиціальнымъ даннымъ. Невѣрно также утвержденіе, будто въ уѣздѣ существуетъ два—три старообрядческихъ монастыря: Лаврентьевскій, Пахомьевъ, Чонка. Первые два закрыты еще въ 50-хъ годахъ, и закрытіе ихъ воспѣто мѣстными народными пѣвцами въ извѣстной пѣснѣ, которая и въ настоящее время служитъ у старообрядцевъ «постовою псальмою»:

«Боже, прондоша древни времена,
Люди прорекоша еще прежде насъ»... [1])

Что же касается монастыря чонскаго, то онъ—единовѣрческій.

Объ одеждѣ г-жа Радченко говоритъ нѣсколько неясно и противорѣчиво. На стр. II она заявляетъ, что одежда дятловцевъ «не сплошная бѣлая, какъ въ сѣверныхъ у. губерніи»; но въ сѣверныхъ уѣздахъ, съ которыми авторъ знакомъ, вѣроятно, мало, цвѣтъ и покрой одежды весьма измѣнчивъ, не только по уѣздамъ, но часто и по приходамъ. Замѣтимъ, однако, что въ оршанскомъ, на границѣ съ смоленскою губ., въ одеждѣ преобладаетъ синій цвѣтъ, въ сѣнненскомъ, на границѣ съ минскою—черный. Дѣвушки всѣхъ уѣздовъ предпочитаютъ красный цвѣтъ. Прямой воротъ въ рубахѣ не составляетъ перехода къ покрою малорусскому, какъ полагаетъ авторъ, а есть типичная бѣлорусская форма; за исключеніемъ пунктовъ, пограничныхъ съ великор. губерніями и имѣющихъ смѣшанное населеніе, у бѣлоруссовъ вездѣ рубахи съ прямыми воротами. Постояннаго ношенія шейныхъ платковъ мы, признаемся, нигдѣ не видали; но знаемъ, что считается неприличнымъ являться безъ платка на шеѣ въ церковь или „къ панамъ".

Совершенно справедливо замѣчаніе автора, что гомельскій говоръ, какъ и говоры юговосточные, близокъ къ языку нашихъ лѣтопи-

[1]) Бѣлор. Сборн. Е. Романова, ibid. стр. 369; также рукописный варіантъ предназнач. для 5-го вып.

сей, или, другими словами, сохранилъ много лексическихъ и грамматическихъ особенностей древнерусскаго языка. Близость эта настолько бросается въ глаза, что ее замѣчалъ каждый бѣлоруссъ, изучавшій лѣтопись. Намъ извѣстенъ случай, что изученіе Нестора однимъ изъ нихъ повлекло за собою составленіе бѣлорусской грамматики и словаря и затѣмъ собираніе произведеній народнаго творчества. Къ сожалѣнію, до сего времени въ печати все еще нѣтъ обзора звуковъ и формъ бѣлорусскаго языка, если не считать г. Карскаго, составлявшаго свой очеркъ на основаніи знакомства съ говоромъ едва ли не одного новогрудскаго уѣзда минской губерніи. Отъ г-жи Радченко, въ виду ея постояннаго проживанія въ Дятловичахъ, мы вправѣ были бы ожидать полнаго указанія особенностей мѣстнаго говора, изученіе которыхъ трудно дается изслѣдователямъ наѣзжимъ, по самому порядку ихъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, ожиданія эти не оправдываются: замѣчанія автора объ языкѣ частью неточны и неполны, частью сбивчивы, и во всякомъ случаѣ изложены совершенно безъ системы. На говоръ гомельскаго уѣзда, по увѣренію автора, повліяли нарѣчія великорусское и малорусское. Съ этимъ едва ли можно согласиться, хотя бы потому уже, что подобный говоръ простирается на громадномъ районѣ въ губерніяхъ: могилевской, минской, черниговской, орловской и курской, и слѣдовательно составляетъ особую вѣтвь языка южно-русскаго. На этомъ основаніи мы считаемъ неточнымъ заявленіе автора, что «въ настоящемъ бѣлорусскомъ языкѣ слышится *дз* и *ць*, или другими словами, что дзеканье и присутствіе флексіи 3-го л. составляетъ необходимую принадлежность „настоящаго“ бѣлорусскаго языка [1]). Замѣна личнаго оборота х о д и л и безличнымъ х о ж е н о—обыкновенный оборотъ русскаго народнаго языка. Мы не понимаемъ, что хотѣлъ выразить авторъ словами: „*ж* почти всегда выговаривается какъ *дж*, т. е. какъ итальянское g“ [2]). Мѣстоименіе э т о т ъ (у автора: «слово г э т о») произносится мягко

[1]) Бѣлор. Сборн. Е. Романова, вып. 3, стр. XIV.

[2]) Какъ на курьезъ, считаемъ нужнымъ указать на то, что г-жа Радченко сближаетъ бѣлорусскій языкъ съ языками чуть ли не всего міра. Такъ например. по ея увѣренію, слова: андаракъ, (юбка), чадо, доля, день, гость, хата, церковь, щепка, бровь, бить, дрипать, шкрабать, ступать, подтыкнуть, заплескать, и даже—стой, то самое, мабы, мабуть и т. д. бѣлоруссы взяли... отъ англичанъ. Отъ итальянцевъ переняты — произношеніе буквы *ж*, вставка *и* предъ *с* и слова: чоботы, скрыня, цытьте, новый, папа (хлѣбъ) и др. По-французски бѣлоруссы говорятъ: ночь, пащинецъ (пашинскій); по-турецки образуютъ превосх. степень: рахманный; по-татарски поютъ и пляшутъ „Конопельки“; какъ дикари Африки, просятъ ѣсть и т. п. Къ счастью, съ польскаго взяты только два слова: слыта и хвисть; съ литовскаго одно: ховтуры (похороны). Какъ несправедливы, значитъ, были великоруссы и малоруссы, презиравшіе бѣлорусса — первые, какъ *поляка*, *ляха*, вторые, какъ *литвина*! Надо надѣяться, что теперь ихъ взглядъ радикально измѣнится.

и безъ придыхательнаго *ı* въ гомельскомъ, рогачевскомъ, вост. части быховскаго, чериковскомъ, климовицкомъ, мстиславскомъ и части горецкаго уѣздовъ. Составляетъ ли это особенность спеціально гомельскаго говора?—Вмѣсто съ эстымъ чаще говорятъ: зь естымъ; твердо же произносятъ: утъ этый (вотъ этотъ). *Я* неударяемое произносится за *ѣ (е?)* только у мѣщанъ и подгородныхъ жителей и, само собою разумѣется, у дворни, подражающей господамъ; крестьяне же произносятъ его отчетливо—грубо: якій, глядѣть, яешня. Наоборотъ, *е* неударяемое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, произносится за *я* (послѣ шипящихъ и *р* за *а*): сястрица, пáрань и т. п.—явленіе, котораго г-жа Радченко не замѣтила, судя по неправильностямъ, допущеннымъ ею въ текстѣ пѣсенъ. Точно также неточно заявленіе автора, будто *о* неударяемое переходитъ въ *а*. Переходъ этотъ уже слѣдствіе вліянія города, школы; тамъ же, гдѣ такого вліянія нѣтъ, *о* произносится довольно отчетливо, хотя иногда переходитъ въ *у*. Въ семи верстахъ отъ мѣста жительства Радченко, въ ст. Дятловичахъ, нами записаны прошлымъ лѣтомъ въ сказкахъ формы: гувóра, мувлявъ, курóбочка, пушóвъ, на здуровъя, и даже — къ Труйицы. Въ сосѣднихъ же волостяхъ такое произношеніе обыкновенно. Весьма странно слѣдующее утвержденіе: «буква *и* ставится всегда предъ глаголами и именами существительными, начинающимися на букву *с* (какъ въ итальянскомъ языкѣ), напр. исказали, исховали». Дѣло, повидимому, идетъ о такъ называемомъ *и* придыхательномъ; но употребленіе его зависитъ отъ причинъ чисто случайныхъ (стеченіе согласныхъ, начало рѣчи и т. п.), и возводить его въ общее правило не было основаній. Причемъ тутъ буква *с*, причемъ глаголы и имена существительныя? Развѣ г-жа Радченко не слышала въ Дятловичахъ словъ: ссушить, сбиратца, складатца, сидѣть, сыночакъ, сторона и т. д., которыя напечатаны ею безъ *и* придых. на первыхъ двухъ страницахъ сборника. Съ другой стороны слова: игдѣ (стр. 84) изъ, исъ, икъ (377 и др.), игла, игрушка (груша), игрушина (89, 100), ирвать, ишовъ, ишла (110, 116) и др. имѣютъ *и* придых. вовсе помимо выставленныхъ авторомъ условій. Относительно замѣны въ гомельскомъ говорѣ *ѣ* черезъ *и* въ предложн. падежѣ можемъ сказать, что и въ великор. говорахъ *ѣ* неударяемое произносится въ этомъ падежѣ какъ звукъ средній между *ѣ* и *и*. Гомельскій говоръ въ этомъ отношеніи не имѣетъ особыхъ отличій, и примѣръ автора—въ пóли—ровно ничего не доказываетъ. Но другое дѣло, если говорить только о дятловицкомъ говорѣ. Тамъ, какъ мы имѣли возможность наблюсти, *ѣ*, даже ударяемое, довольно явственно переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ въ *и* (*и*), напр. рызать, горылка; изрѣдка: хлибъ, исть и др.; также изрѣдка въ предл. пад: на кони, по земли, на огни. Напрасно авторъ отрицаетъ также

смѣшиваніе ы съ и, зная такія формы, какъ, одынъ, ня слихавъ, запыска, побывъ (побилъ), катытца и др. О согласной г мы должны замѣтить, что есть слова, какъ: ганки, (крыльцо, 53), гузички (пуговички 245) и др., въ которыхъ она произносится твердо, какъ *g*, вопреки утвержденію автора. Мѣстоим. что и союзъ чтобы въ дятловицкой волости произносятся трояко: въ сѣверной части до ст. Дятловичъ: што, штобъ; въ южной (д. Карповка, Абакумы)—що, щобъ; въ восточной, за Сожемъ,—шо, шобъ (и также—що, щобъ). Къ сожалѣнію, заявивъ объ этомъ на стр. VII, собирательница совершенно забыла о своемъ заявленіи, и въ текстѣ пѣсенъ, вездѣ пишетъ невозможныя—что, чтобъ; такъ же неправильно пишетъ она мѣст. кто вм. хто, тебѣ, тобѣ вм. табѣ, себѣ, собѣ, вм. сабѣ и т. д. [1]). Вообще, нельзя не пожалѣть, что г-жа Радченко, которой «жизнь въ деревнѣ дала возможность вполнѣ изучить языкъ мѣстныхъ жителей», остановила свое вниманіе на мелкихъ и единичныхъ особенностяхъ говора, въ родѣ: кады (когда), вонъ (онъ), видъ (мордочка) и т. п., и не замѣтила, что въ гомельскомъ говорѣ, а въ дятловицкой волости особенно, никогда не слышно мягкаго *р*; что *ц* сочетается съ мягкими гласными весьма рѣдко и только у единичныхъ особей, заимствовавшихъ такое сочетаніе «на низу»; что приставочное *с* предъ мягкими гласными и передъ твердыми и плавными согл. произносится какъ *з*; что *л* въ концѣ слога переходитъ въ *в*; что губныя не могутъ сочетаться съ ъ и часто съ мягкими гласными: ё, ѣ, я, ю, и т. п. Вслѣдствіе этого въ сборникѣ находимъ массу формъ невозможныхъ для данной мѣстности, напр.: горькій, берёза, гряда; здаетця, жабци, мамци, ботци (бочкѣ); свертѣли, зъ посаду, съ мужиками, сборъ, зъ конемъ, съ двора и т. д.; солнейко, шелковый, жолтая, и даже—ходилъ, гулялъ; побье, копьемъ, семьсотъ, здоровье; мёдъ, опять, обѣдъ, и т. п. На стр. X—XIV введенія авторъ приводитъ довольно много мѣстныхъ выраженій, которыя помогли бы читателю исправить весьма многочисленныя неправильности въ текстѣ пѣсенъ, если бы были переданы вполнѣ точно. Но и здѣсь, къ сожалѣнію, находимъ нѣсколько неточностей, какъ въ способѣ написанія словъ, такъ и въ ихъ толкованіи.

Послѣ указанія особенностей говора, авторъ приводитъ нѣсколько суевѣрій и затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ бѣлорусскаго пѣнія и пѣсенъ, причемъ описываетъ и нѣкоторые обряды. Здѣсь также попадаются неточности и противорѣчія. О пѣсняхъ, напр., сказано (XVIII), что «всѣ онѣ поются въ минорномъ тонѣ», что «въ мажорномъ поются только плясовыя и немногія великорусскія» и заимствованныя; на стр. же XXIX о жнивныхъ пѣсняхъ сказано, что

1) Если только во всемъ этомъ вина собирательницы. *Ред.*

«всѣ онѣ поются въ мажорномъ тонѣ». Хоровое пѣніе московокъ—великороссіянокъ (въ сборникѣ изъ 37 хороводн. пѣс.—18 великор.), живущихъ въ гом. у., представляется, по замѣчанію автора, сплошнымъ визгомъ; но между тѣмъ, судя по мотивамъ хороводныхъ пѣсенъ, частью помѣщенныхъ въ сборникѣ 1881 г., оно далеко не таково (ср. напр. №№ 29, 32). Обрядовыя пѣсни поются не исключительно дѣвушками. Намъ хорошо извѣстно, что многія изъ весеннихъ (напр. № 6, 12, 13, 18, 21 и др.), лѣтнія, жнивныя, колядныя и весенния поются молодицами и даже пожилыми бабами; многихъ №№ весеннихъ пѣсенъ дѣвушки совсѣмъ не могутъ пѣть.

Что касается описанныхъ авторомъ обрядовъ, то въ общемъ они переданы довольно вѣрно. Мы позволимъ себѣ только усумниться въ точности опредѣленія дня провода русалки. Насколько мы могли наблюсти этотъ обрядъ въ гомельскомъ у., онъ совершается не въ день Купалы, а спустя недѣлю послѣ Духова дня, т. е. въ первый день петровокъ, въ понедѣльникъ такъ называемой «Граной недѣли», какъ это видно и изъ № 2 русальн. пѣс. сборника Радченко (стр. 54). Хороводныя пѣсни поются не во время одной пасхальной недѣли, а ровно столько времени, сколько стоятъ «кóзлы» (качели), т. е. до Троицына дня. Слово «Сула» напрасно авторъ производитъ отъ выраженія «съ улицы» Въ записанной нами пѣснѣ поется:

Сула, Сула рэка
Чаразъ мора тякла.
Отъ тамъ дѣвка воду нясла.
— «Ой дѣвка—дявица,
Да напой мойгó коня,
Ти ня будешъ ты моя!»
— Ня буду поити,
Будя мяне мати бити
Крапивкою да джигушкою,
Колкою да игрушкою, и т. д.

Эта пѣсня поется, когда дѣвушки, уходя домой послѣ игръ, составляютъ такъ назыв. «плетень». Пробѣгая съ пѣсней улицу, каждая дѣвушка выходитъ изъ плетня у воротъ своего дома. Въ Гомелѣ, Бѣлицѣ, Вѣткѣ въ этомъ случаѣ поется: «По Нѣмецкой улицѣ, улицѣ»...

Въ описаніи свадебнаго обряда опущено много интересныхъ моментовъ. Не упомянуто, напр., что при возвращеніи молодыхъ изъ церкви братья невѣсты, заперши ворота, влѣзаютъ на заборы и бросаютъ оттуда палками въ свадебный поѣздъ и даже стрѣляютъ, холостыми зарядами, конечно; что встрѣчаетъ молодыхъ мать у порога сѣней, въ вывороченной шерстью вверхъ шубѣ; что предъ тѣмъ, какъ вести молодыхъ въ клѣть, ловятъ курицу или пѣтуха и зажариваютъ ихъ чуть ли не заживо, часто посреди хаты, если въ ней полъ глиняный. Опущены также весьма интересные обряды, совершаемые въ томъ случаѣ, если невѣста окажется «згубившей вѣночекъ». Едва ли вѣрно, что родители женятъ дѣтей и выдаютъ

за-мужъ противъ воли послѣднихъ. Пѣсня о неудашечкѣ принадлежитъ къ числу старинныхъ и по отношенію къ настоящему времени ровно ничего не доказываетъ. При своихъ этнографическихъ изысканіяхъ мы обращали вниманіе на этотъ вопросъ и пришли къ убѣжденію, что въ настоящее время бракъ по неволѣ—рѣдкость, и отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ все болѣе и болѣе дѣлаются гуманными. Отказы же въ сватовствѣ бываютъ рѣдко потому, что женихъ посылаетъ обыкновенно сватовъ только тогда, когда предварительно заручится согласіемъ невѣсты, переговоривъ съ нею тайно гдѣ-нибудь на вечеринкѣ. Вообще, по нашимъ наблюденіямъ, браки по любви дѣлаются обыкновенными, и родители, если имъ не нравится выборъ, ограничиваются легкимъ протестомъ, въ родѣ: «ляди, моя дочка: намъ зь имъ ня жить; а ты завяжешъ вѣкъ, тогды не розвяжешъ!» Или: «ляди, сынокъ, съ усихъ боковъ: жонка не лапоть—зъ ноги ня скинешъ!»

Празднованіе колядъ описано кратко. Въ нѣсколькихъ строчкахъ упомянуто о козѣ, кралькахъ и звѣздѣ, составляющей нововведеніе, внесенное въ дѣтскую жизнь бѣлорусса народнымъ учителемъ, и совсѣмъ забыты медвѣдь, кобыла, журавль, цыганки—чисто народныя колядныя маскированья. Утвержденіе автора, будто «щедруютъ» наканунѣ праздника Р. Хр., едва-ли вѣрно; въ этотъ день бѣлоруссы постятъ «до звѣзды», до вечера, и имъ, понятно, не до пѣсенъ. Щедруютъ тогда же, когда справляютъ «щедрую (богатую, товстую) кутью», т. е. наканунѣ Новаго Года. когда дѣвушки, распѣвая подъ окнами щедровки, собираютъ блины, сало, колбасы, и потомъ устраиваютъ вечеринку. Если сельскія власти запрещаютъ щедровать, то это дѣлается по внушенію лицъ, ошибочно понимающихъ свои обязанности и не обладающихъ такимъ развитіемъ, чтобы понимать проявленія народнаго міровоззрѣнія и относиться къ нимъ съ должнымъ уваженіемъ,—о чемъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ.

Пѣсни въ разбираемомъ сборникѣ расположены по временамъ года,—расположеніе, наиболѣе правильное, если произведенія народной словесности собраны на ограниченномъ районѣ, какъ въ данномъ случаѣ. Другое дѣло, если матеріалы собраны на большихъ пространствахъ. Въ такомъ случаѣ собирателю всетаки приходится испытывать не мало затрудненій при расположеніи пѣсенъ, такъ какъ часто одна и та же пѣсня въ различныхъ мѣстностяхъ, даже въ предѣлахъ одной губерніи, поется въ различные сроки: волочебныя переходятъ въ обще весеннія, веснянки въ жнивныя, пилиповскія въ колядныя и т. п. Такимъ образомъ, вопросъ о преимуществахъ того или другого расположенія пѣсенъ все еще ждетъ разрѣшенія со стороны людей науки. Но въ данномъ случаѣ, повторяемъ, принятое авторомъ расположеніе наиболѣе правильное. Напрасно только редакторъ за-

является, что оно примѣнено г-жей Радченко впервые: г. Шейнъ располагалъ въ такомъ порядкѣ пѣсни уже въ первомъ своемъ сборникѣ (1874 г., но, судя по посвященію, сборникъ былъ готовъ къ печати еще въ 1869 г.); послѣдній его трудъ («Матеріалы») вышелъ также раньше книги г. Радченко (1887 г.).

Помѣщенныя у г-жи Радченко пѣсни относятся къ веснянкамъ (102 №№), хороводнымъ (37), русальнымъ (2), купальскимъ (1), жнивнымъ (41), свадебнымъ (177), коляднымъ (1), щедровкамъ (32), простымъ (237), рекрутскимъ (2), подтанечнымъ (32), дѣтскимъ (1) и колыбельнымъ 12),—всего 677 №№ съ варіантами [1]).

При бѣгломъ просмотрѣ пѣсенъ мы нашли 37 варіантовъ, уже напечатанныхъ раньше, въ веснянкахъ: 19 вар. въ хороводныхъ, 2 въ русальныхъ, 1 въ купальскихъ, 15 въ жнивныхъ, 17 въ свадебныхъ, 17 въ колядныхъ и щедровкахъ и 95 въ простыхъ (кромѣ 9 несомнѣнно малорусскихъ и 14 великорусскихъ), 11 въ подтанечныхъ, 1 въ дѣтскихъ и 4 въ колыбельныхъ,—всего варіантовъ и заимствованныхъ 242 №№. Если исключать пѣсни свадебныя, мѣняющіяся чуть ли не въ каждомъ приходѣ, то въ сборникѣ останется около 275 №№ пѣсенъ, болѣе или менѣе новыхъ. При томъ многіе изъ варіантовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, не только не полнѣе текстовъ, напечатанныхъ раньше, но часто гораздо короче и сбивчивѣе и составляютъ ненужный балластъ въ книгѣ. Появленіе ихъ на страницахъ сборника объясняемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что рукопись окончена авторомъ еще въ 1884 году, т. е. до выхода въ свѣтъ сборниковъ Шейна и Романова, и, если не ошибаемся, тогда же была представлена въ И. Р. Геогр. Общество. Нельзя не пожалѣть, что редакторъ, приступая къ печатанію рукописи въ 1888 г., не предложилъ автору сличить свой сборникъ съ вышедшими послѣ отсылки рукописи и кстати исправить языкъ пѣсенъ, который въ настоящемъ своемъ видѣ крайне искаженъ и можетъ ввести въ заблужденіе науку. Само собою разумѣется, что редакторъ не могъ взять на себя исправленіе ошибокъ и противорѣчій г-жи Радченко, разсыпанныхъ по всѣмъ страницамъ сборника, но они все же должны были обратить на себя вниманіе редактора и заставить его принять мѣры къ ихъ устраненію,—чего въ данномъ случаѣ не видно.

Перечисленіе всѣхъ искаженій, которымъ подверглись пѣсни въ сборникѣ Радченко, потребовало бы слишкомъ много времени и труда, какъ читатель легко можетъ убѣдиться, открывъ любую страницу. Г-жа Радченко, повидимому, желала слѣдовать грамматической транскрипціи, но, не имѣя навыка и выдержки, впала въ противорѣчія, тѣмъ болѣе, что вообще отнеслась къ записыванію довольно

[1]) Редакторомъ при счетѣ пропущена подтанечная пѣсня № 263 (стр. 241).

небрежно. Иначе мы не можемъ объяснить ея ошибокъ, доходящихъ до того, что одно и то же слово, на одной и той же страницѣ, имѣетъ различныя начертанія—въ пѣсняхъ, записанныхъ въ районѣ одной волости, гдѣ не можетъ быть нѣсколькихъ говоровъ. Нельзя же допустить, чтобы г-жа Радченко сознательно отнеслась въ 1884 году къ бѣлорусскимъ пѣснямъ такъ, какъ отнеслась къ нимъ въ 1853 году Е. П.

Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ 84 пословицъ редакторъ указалъ 30, составляющихъ варіанты къ малор. и бѣлор. пословицамъ, напечатаннымъ раньше. Кромѣ нихъ, мы нашли еще 29 пословицъ, помѣщенныхъ у Носовича [1]). Такимъ образомъ пословицъ, вѣроятно не бывшихъ еще въ печати, въ сборникѣ 25. Строго говоря, изъ послѣднихъ также трудно признать бѣлорусскими пословицы въ родѣ: Брехнею свѣтъ пройдешь и т. д., За одного ученаго и т. д. Побольше ѣшь, поменьше говори, Силою не быть милою, Хлѣбъ да каша, да милость ваша, Что съ воза упало и т. д. и другія.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе все вышеизложенное, нельзя назвать настоящій трудъ г-жи Радченко богатымъ по содержанію, но тѣмъ не менѣе, появленіе его, при бѣдности нашей этнографической литературы, касающейся Бѣлоруссіи, далеко не излишне, и толстые сборники Носовича, Шейна и др. съ удовольствіемъ дадутъ среди себя мѣсто и этому небольшому сборнику.

Въ заслугу собирательницѣ, по всей справедливости, должно быть поставлено то, что она, не давъ усыпить себя мертвящей деревенской скукѣ, сумѣла найти въ деревнѣ такое осмысленное и живое дѣло, какъ собираніе произведеній народнаго творчества и записываніе пѣсенныхъ мотивовъ. Искренне желаемъ, чтобы она не прекращала работъ на избранномъ поприщѣ и, воспользовавшись настоящимъ нашимъ правдивымъ словомъ, избѣжала отчасти указанныхъ нами недостатковъ въ своихъ будущихъ трудахъ.

Сборникъ съ внѣшней стороны изданъ хорошо и даже довольно роскошно, чѣмъ, какъ извѣстно, не могутъ похвалиться наши частные сборники. Русская наука не можетъ не поблагодарить И. Р. Геогр. Общество за ту поддержку, которую оно съ полною готовностію оказывало и оказываетъ въ дѣлѣ собиранія и изданія исчезающихъ памятниковъ устной народной словесности.

Е. Романовъ.

II. Журналы.

Вѣстникъ Европы. Мартъ. *Слонимскій.* О теоріяхъ прогресса. I. Характеристическія черты современной соціологіи (объ этно-

[1]) №№ 11, 13, 14, 16, 23, 25, 28, 31, 35, 37, 38, 42, 43, 46, 48, 52, 56, 59, 60, 63, 70, 72, 73, 74, 77, 78, 80, 81, 83.

графическомъ методѣ въ соціологіи). *А. М.* Географическая теорія развитія историческихъ народовъ.—Апрѣль. *Пыпинъ.* Обзоръ русскихъ изученій славянства (продолж. въ книжкахъ за іюнь—сентябрь).—Рецензіи на «Русскія Древности» гр. Толстого и Кондакова, на «Антропологію» Петри, «Volk und Nation» Neumann'a и «Etudes sur l'histoire du droit»—H. Sumner Maine.—Іюнь. Рец. на иссл. «Расколъ на Дону» Дружинина и «Расколъ въ Саратовскомъ краѣ» Соколова.—Іюль. *Весинъ*, Пржевальскій и его путешествія (продолж. въ август. кн.) Некрологъ О. Ѳ. Миллера.—Августъ. *Реутскій*, Изувѣры («божьи люди»).—Рец. на «Систематич. описаніе коллекцій Дашковскаго Музея» В. Ѳ. Миллера и на «Сборникъ пѣсенъ» Лопатина и Прокунина.

Живописное Обозрѣніе. 18 *Шайноха.* Воззрѣнія поляковъ старыхъ временъ на женщину.—21, 25. *Шуфъ.* Пѣсни крымскихъ татаръ.—23, 29, 31. Людоѣдство и человѣческія жертвоприношенія.—24. Некрологъ О. Ѳ. Миллера.

Журналъ Мин. Нар. Просв. Январь. *А. Н. Веселовскій*, Видѣніе Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. *Жуковскій*, Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи (съ сравнительными примѣчаніями).—Февраль. *А. Михайловъ*, Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи (продолж. въ март. кн.).—Апрѣль. *А. Н. Веселовскій*, Амфилохъ—Evalach (Эпизодъ Grand St.—Graal въ славян. апокрифѣ).—Рец. на «Русс. древности въ памятн. искусства», гр. Толстого и Кондакова.—Май. *А. Н. Веселовскій*, Мелкія замѣтки къ былинамъ: VIII. Владиміръ-богатырь (изъ китайской реляціи о посольствѣ Николая Спаѳари въ Китай при Алексѣѣ Михайловичѣ). IX. Кіевскія пещеры (Извѣстіе Сарницкаго, нач. XVI в., о погребенныхъ въ пещерахъ богатыряхъ и о томъ, что эти пещеры тянутся до Новгорода. Автору осталась неизвѣстной легенда, напечатанная Новосельскимъ въ его Lud'ѣ, въ которой разсказывается о томъ, что кіевскія пещеры тянутся подъ землей до Іерусалима). X. Былина объ Иванѣ Годиновичѣ и разсказъ изъ житія Іосифа Волоцкаго. XI. Жидовинъ—богатырь. XII. Къ сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ (привлекая къ изслѣдованію версію г. Мордовцева легенды о Паліѣ, авторъ не упоминаетъ версій—«Основы», г. Антоновича и т. д.; см. выше статью «Палій и Мазепа»).—Іюнь. *Соколовъ*, Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, назыв. змѣевиками. *Некрасовъ*, Къ вопросу о Домостроѣ. *Васильевскій*, Житіе св. Стефана Сурожскаго и о Гилло, умерщвляющей новорожденныхъ дѣтей.—Іюль. *А. Н. Веселовскій*, Славяно-германскіе отрывки (I. Rosmafjöll и остзейскіе Готы. II. Валькирія—Welis, Helusior pedion, Вила—Viola). *Соболевскій*, Къ исторіи русскихъ былинъ.—Рец. на «Сборникъ матер. для описанія мѣстностей и

племенъ Кавказа», на «Соч. А. А. Котляревскаго». Некрологъ О. Θ. Миллера.

Иверія. Мартъ. Кээноба и суевѣрія грузинъ въ Джавахетіи, *Коптанашвили*. Въ виду того, что Кэеноба въ первой книгѣ нашего журнала (156) была уже описана, мы остановимся только на нѣкоторыхъ суевѣріяхъ джаваховъ. Когда сверкаетъ молнія, гремитъ громъ и дождь превращается въ градъ, джавахи говорятъ: «слѣпой Еліа (Илья), направляйся по горамъ». По ихъ представленію градъ, молнія и громъ—дѣло Еліа, котораго просятъ, чтобы онъ пощадилъ ихъ нивы и сады и отступилъ къ горамъ. Во время молніи и грома кладутъ на сковородку немного соли и ставятъ у дверей въ полной увѣренности, что градъ растаетъ и обратится въ воду. Во болѣзняхъ прибѣгаютъ не къ врачамъ, а къ мкитахави (оракулу). Въ Джавахетіи пользуются уваженіемъ мкитахави—муллы, а также женщины, которыя предсказываютъ, гадая на бобахъ, болѣзни, несчастіе, свадьбу, пріѣздъ гостей и пр. Наканунѣ праздника Св. Сергія, молодыя дѣвушки, а также неженатые джавахи съѣдаютъ соляной крендель послѣ недѣльнаго строгаго поста и засыпаютъ. Кто дастъ во снѣ пить, тотъ будетъ суженымъ или невѣстой.—Апрѣль. Идеалъ героя въ поэзіи пшавовъ *Важапшавели* (псевдонимъ). Герой долженъ имѣть «сердце желѣзное», глаза сверкающія, какъ у ястреба, лапы деревянныя. Красота его мужская—онъ гигантъ, брюнетъ, женственность ему не присуща. Онъ не золотомъ славится, а внутренними своими качествами. Эти качества—честность, прямота, откровенность, отсутствіе лукавства, хитрости, личной вражды, готовность положить свою голову въ защиту родины, чести и женщины. Онъ проводитъ время въ борьбѣ съ врагами родины, онъ гордо и надменно относится даже къ общинѣ, когда она занята лишь веселіемъ съ женщинами, забывая интересы родины. Но считается болѣе привлекательной покорность героя волѣ общины. «Гордости я предпочиталъ, говоритъ Ростомъ, смиреніе и покорность». Герой долженъ избѣгать женскихъ совѣтовъ и навѣтовъ, онъ долженъ стоять выше земныхъ наслажденій и заботъ. Поэтому въ пѣсняхъ пшавовъ онъ обращается въ святого: онъ и герой и Божій человѣкъ. О поэмѣ «Ростомъ» см. первую статью въ настоящей книжкѣ.—Май. Имущественное право грузинки въ крестьянской семьѣ. *Ек. Габашвили*: 1) Неотъемлемую собственность грузинки составляетъ капиталъ, отданный ей въ приданое при выходѣ за мужъ и получаемый отъ жениха обязательный денежный подарокъ, половина котораго, впрочемъ, идетъ на приготовленіе вещей, необходимыхъ для женскаго туалета и домашняго обихода. 2) Въ полное владѣніе женщины поступаютъ: «нишани» или «белга», «пирисанахави» и «шабаши». «Нишани»—первый подарокъ

денежный или вещный (натуральный), подносимый женихомъ или его довѣреннымъ лицомъ при помолвкѣ. «Пирисанахави»—даръ, дающій право узрѣть ликъ невѣсты, по формѣ переживанія напоминающій время, когда лицо невѣсты закрывалось, и она снимала покрывало подъ условіемъ подарка, приносимаго, какъ теперь, не только родственниками и свитой жениха, но и вообще всѣми участникама свадьбы. «Шабаши»—подарокъ денежный, получаемый невѣстой, послѣ того какъ она протанцовала лезгинку. 3) Личную собственность крестьянки составляетъ корова, подаренная ей матерью послѣ перваго разрѣшенія отъ бремени. 4) Женщинѣ же принадлежитъ «крунчхиспури» и «керисназолари». «Керисназолари»—часть ячменнаго урожая, а «крунчхиспури»—не вымолоченные пшеничные колосья, оставшіеся послѣ вѣянія хлѣба. Женщины собираютъ эти остатки, молотятъ для себя, и полученныя зерна продаютъ или сѣютъ пополамъ съ сосѣдомъ.

Имущество крестьянки переходитъ къ ея дѣтямъ. Если приданое небольшое, то оно поступаетъ все въ собственность дочери; въ противномъ случаѣ дѣлится между сыновьями и дочерями, и поступаетъ въ ихъ полное владѣніе, не идетъ даже на погашеніе долга, падающаго на всю семью. Женщина предпочитаетъ отдавать свой капиталъ на проценты въ чужія руки, но если семья беретъ въ долгъ у нея, то обязана возвратить безпрекословно. Если женщина умерла бездѣтной, то право на приданое, принесенное ею, принадлежитъ прежде всего ея роднымъ по отцу и матери, а за отказомъ ихъ—мужу, вступающему въ безраздѣльное владѣніе капиталомъ жены.

Иллюстрированный Міръ, 1. Святки и Новый годъ на Кавказѣ.—5, 6 и 7. Путешествіе въ Восточную Сибирь. (переводъ статьи *Ж. Мартена* изъ журн. «Jllustration»).

Историческій Вѣстникъ. Май. Рец. на «Исторію музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней»—Іюнь. *Сорокинъ*, Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. *Труворовъ*, Волхвы и ворожеи на Руси въ концѣ XVII в.—Рец. на изсл. «Расколъ на Дону» Дружинина.

Кіевская Старина. Май и іюнь. *Багалѣй*, Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры (продолж. въ слѣд. книгѣ). *Н. Сумцовъ*, Культурныя переживанія: плахта, дерга, галаньци (штаны), калатало (колотушка), засовка, преданіе объ обрядахъ при основаніи поселка, обряды при закладкѣ хаты, къ исторіи хаты, домашніе талисманы (огонь, печь, соръ, ужъ, ласточка, аистъ, конская подкова, растенія и т. д.). *Ящуржинскій*. Весенніе хороводы, игры и пѣсни. *Тиховскій*, Двѣ мнимо народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. *Каминскій*, Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣтнихъ богатыряхъ». *Васильевъ*, «Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ

значенія змѣи и къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ».—I и л ь *Барвинокъ*, Русалка (этногр. разсказъ). *Сумцовъ*, Культурныя переживанія (продолженіе): надписи на сволокахъ, човенъ, састены, маковники и другія простонародныя «ласощи», обрядовое яйцо, сыръ въ повѣрьяхъ и обрядахъ, священное значеніе обѣденнаго времени, ивана, соломаха и мамалыха, журъ (журило, чурило), глекъ и кглекъ, кумашецъ. *Лобко*, Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. *Н. Б.* Медико-топографическая и этнографическая работа д-ра де-ла-Флиза.—Рец. на «Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи» Лучицкаго, «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣст. и племенъ Кавказа» и «Заселеніе харьк. края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета» Багалѣя.—А в г у с т ъ. *Васильевъ*, Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ (этногр. очеркъ). *Лилеевъ*, Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. *Сумцовъ*, Культ. переж. (продолженіе): черты, рѣзы, мѣты, бирки, карбити, раваши, колыска, каганецъ, живой или Божій огонь, коляда, колодка—колодій, Купало. *Л. П.* Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. *Ящуржинскій*, Народный праздникъ св. муч. Маккавеевъ.—Варіантъ пѣсни о Кармелюкѣ. Пѣсня сахарно-заводская. Рец. на «Соч. А. Котляревскаго».

Кіевскія Университетскія Извѣстія. *Кн. 3. Г. Павлуцкій.* Д р е в н е г р е ч е с к і я р о с п и с н ы я в а з ы. Давая описаніе вазъ по ихъ характернымъ періодамъ, кончая періодомъ чернофигурныхъ вазъ, авторъ сравниваетъ помѣщенныя на нихъ рисунки, бытовые и религіозные, съ разсказами древнихъ авторовъ о греческихъ нравахъ соотвѣтствующаго времени (Иліада). Благодаря такому пріему, выясняется не только историческая послѣдовательность этой отрасли искусства, но получается также яркое представленіе о значеніи вазъ для изученія общаго хода культуры и отдѣльныхъ эпохъ. Не даромъ сказалъ Земперъ: «покажите только горшки, выдѣланные какимъ ни есть народомъ, и тогда можно уже сказать вообще, каковъ былъ этотъ народъ и на какой степени цивилизаціи онъ стоялъ» (Semper Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten. II Band. p. 3). Въ предисловіи авторъ даетъ отзывы о предшествующихъ изслѣдованіяхъ по исторіи керамики: 1) «Les cèramiques de la Grèce propre», par Albert Dumont et Jules Chaplain. Paris. Didot. 1881—1888; fasc. 1—5, и 2) «Histoire de la cèramique grecque», par Oliver Rayet et Maxime Collignon, Paris. 1888. Отмѣчаемъ эту работу г. Павлуцкаго потому, что греческая культура оказала вліяніе на нашу южно-русскую.—*Кн. 6. А. Ясинскій.* Д о н е с е н і е о М о с к о в і и М а р к а Ф о с к а р и н и. Эта краткая замѣтка, предназначенная собственно для историка, имѣетъ значеніе и для этнографа, такъ какъ Фоскарини ставитъ одной изъ своихъ задачъ изображеніе нравовъ Московіи половины XVI в. Правда, по словамъ автора, Фоскарини не заслужи-

ваетъ того громкаго имени, которымъ его надѣляютъ Бестужевъ—Рюминъ (Русская Исторія, I, 182) и др., такъ какъ весь трудъ этого итальянскаго посла представляетъ собою «довольно безцеремонную передѣлку сочиненій Павла Іовія» (De legatione Basilii); кромѣ того, имъ допущены и невѣрности.

Нива (СПБ). 5. Поклоненіе священному дубу близъ Моздока.—6. *Линдеманъ*. Объ измѣненіяхъ природы въ періодѣ человѣка.—10. Поклонники дьявола въ Карской области (отзвукъ офитовъ, каїнитовъ и т. д. первыхъ вѣковъ христіанства?)—13 *К. Горбуновъ*. Александровскій утесъ на Уралѣ, съ надписями 1837 и 66 гг.; разсказъ о путешествіи Александра II по Уралу.—29. Біографія покойнаго академика Кеппена, занимавшагося и этнографіей.

Пантеонъ Литературы. Апрѣль Рец. на «Русскія Древности». гр. Толстого и Кондакова.—Май. Рец. на «Исторію рус. театра» Морозова и на «Соч. А. А. Котляревскаго».

Русская Мысль. Январь. *Муромцевъ*, «Соціологическіе очерки». (I. Происхожденіе сотрудничества. Первобытное общество. II. Перениманіе и воспитаніе. III. Развитіе сотрудничества). *Пругавинъ*, Вольныя крестьянскія школы (ихъ прошлое и настоящее)—.Рец. на «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда» Первухина.—Февраль. Рец. на «Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права» Винавера и на кн. «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи» Первольфа.—Мартъ. Рец. на «Калевалу» Борисова.—Май. *Колюпановъ*. Очеркъ исторіи русскаго театра до 1812 г. (прод. въ іюл. кн.).—Іюнь. *Русановъ*, Жизнь и сочиненія Бахофена (гинекократія, Mutterrecht и т. д.).—Рец. на 1-ю книжку «Этнографическаго Обозрѣнія».—Іюль. Рец. на «Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета» Багалѣя, «Село Угодичи» Артынова, «Зап. Имп. Археологическаго Общ.», «А. К. Киркоръ» Н. Янчука, «Сборникъ лирич. пѣсенъ» Лопатина и Прокунина, «По Минской губ.» Н. Янчука, «Изслѣд. о нарѣчіяхъ черемис. яз.» Веске, «Lud» Federowskiego и журн. «Wisła».

Русская Старина. Январь. *Селивановъ*, Ѳ. И. Буслаевъ.—Май. *Труворовъ*, О кончинѣ царевича Симеона п о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ (его же въ Рус. Ст. за 1887, 12: «О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ»; ср. Д. Н. Анучина: «Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда», статья въ „Древностяхъ“ Моск. Арх. Общ. 1889 г. (печатается).

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. 44. *Мотовиловъ*. Симбирская молвь. Къ матеріаламъ для изученія областныхъ нарѣчій.—Т. 45. *Ровинскій*. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ (географія,

исторія, археологія, современное положеніе, этнографія).—Т. 47. Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. I: Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ изображеніямъ. Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинъ. Два вопроса русской исторической науки—о пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ. Русская народная литература. Сказанія о русскихъ богатыряхъ. Новые труды по русской старинѣ и народности. Старина и народность за 1861 г..

Сѣверный Вѣстникъ. Апрѣль. *Андреевъ*, Въ защиту крест. семьи. *О. В—скій*, Земледѣліе въ Цар. Польскомъ.—Рец. на «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи» Ремезова, «Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwickelung» Starke.—Май. Рец. на «Расколъ на Дону» Дружинина.—Іюнь. *А. Баловъ*: «Русскій хороводъ» Хороводныя игры въ Ярославской губ. Не смотря на то, что въ настоящее время среди крестьянъ указанной губерніи начинаютъ распространяться и кадриль, и лансье, и полька, и вальсъ,—древнія хороводныя игры еще не вытѣснены окончательно и продолжаютъ играться народомъ. Для этихъ игръ избираются обыкновенно либо лужайки около воды, либо рощи, либо, наконецъ, кладбища, причемъ мѣста для гульбищъ, разъ опредѣленныя, не мѣняются подчасъ черезъ цѣлыя поколѣнія. Общій отличительный признакъ хороводныхъ игръ составляетъ то, что онѣ вмѣщаютъ въ себѣ не одну пляску но и всѣ другіе виды лирико-драматической области: пѣсню, музыку и сценическую игру. Авторъ излагаетъ 20 видовъ хороводныхъ игръ, между прочимъ старинную «А мы просо сѣяли», не останавливаясь, къ сожалѣнію, подробно на тѣхъ, которыя вышли въ настоящее время изъ употребленія, хотя ихъ помнятъ «не только старые но и пожилые люди». Какъ ни сдѣлано много по изслѣдованію русскихъ хороводныхъ игръ различными авторами, болѣе подробное изученіе ихъ тѣмъ не менѣе крайне желательно, и записи ихъ, подобныя составленной г. Баловымъ, съ присоединеніемъ и тѣхъ игръ, которыя если и вышли изъ употребленія, но не утратились еще совершенно изъ народной памяти, являются крайне желательными и для другихъ мѣстностей Россіи, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, не далеко то время, когда, выходя постепенно изъ употребленія, хороводныя игры всюду замѣнятся заносными танцами.—Іюль. *Номикосовъ*. Общинное владѣніе въ Донскомъ краѣ.—Августъ *А. Леонтьевъ*. Русская колонизація въ степяхъ Средней Азіи.—Сентябрь. *Н. Д.* Письма о Грузіи (прод.): О вліяніи Персіи на Грузинскую литературу.

Филологическія Записки (Воронежъ). Вып. I. *Четыркинъ*, Къ вопросу объ отреченныхъ книгахъ древней Руси. *Веревскій*, Вукъ Караджичъ и его сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ.

Юридическій Вѣстникъ. Февраль. Рец. на «Etudes d'histoire

du droit» Dareste. *Астырева*, Особенности экономич. положенія Сибири.—**Апрѣль**. *Спасовичъ*, О гминахъ и гминныхъ судахъ въ Цар. Польскомъ.—Рец. на «Etudes sur l'histoire du droit» H. Sumner Maine.—**Май**. *Реви*, Законъ, жизнь и обычное право.—**Іюнь**—**Іюль**. *Н. Добротворскій*. Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губ. (уѣзды: Вязниковскій, Гороховецкій. Шуйскій и Ковровскій). Статья г. Добротворскаго является какъ-бы продолженіемъ его статьи, появившейся въ Юрид. Вѣстникѣ въ 1888 г. (№ 6 и 7). Изложивъ въ послѣдней свѣдѣнія о бракѣ, авторъ во второй статьѣ касается семьи, семейныхъ раздѣловъ и права наслѣдованія, причемъ свѣдѣнія свои дополняетъ и подтверждаетъ имѣющимися у него въ распоряженіи рѣшеніями волостныхъ судовъ. Въ своемъ изложеніи авторъ, что является особенно цѣннымъ, старается указать на различія въ юридич. обычаяхъ настоящаго времени сравнительно съ прежнимъ; между прочимъ онъ отмѣчаетъ также особыя черты, какими отличаются офени отъ остальнаго крестьянскаго населенія—пахарей. *М. М. Ковалевскій*. Сельская община въ Закавказьѣ. Статья написана по поводу книги С. А. Еліазарова: «Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьѣ, ч. I. Сельская Община».

III. Газеты.

Акмолинскія Областныя Вѣд. (Прибавленіе, киргизск. газ.).— **5**. *С. Г—нъ*. Джиренше-Шешень и Алдаръ-Косе (киргизск. сказка).— **7**. *Какбай Джанатаевъ*. Общій видъ аула киргиза Чингизской волости Семипалат. уѣз., Ибрагима Кунашбаева, въ моментъ прикочевки на урочище Кобъ-беитъ, при р. Баканасъ (въ стихахъ).—**8**. *Ташмухаметъ Сейфуллинъ*. Басня «Волкъ и лисица».—**9**. *С. Г—нъ* Киргизская легенда о лошади, верблюдѣ, коровѣ, собакѣ, пѣтухѣ и мыши.—**19**. *А. Н.* Муллы въ К—скомъ уѣздѣ.—**23**. *Габдрахимъ Алашбаевъ*. Нужды киргизскаго населенія.

Архангельскія Губ. Вѣд.—**3**. *Н. Ер.* «Что читаютъ въ Архангельской губерніи?» Цыфровыя данныя о томъ, какія періодическія изданія выписываются жителями Архангельской губерніи. Нельзя не отнестись съ признательностью къ г. Н. Ер. за его цыфровое изображеніе умственнаго запроса жителей Архангельской губерніи, какъ въ сферѣ политической, такъ въ сферѣ наукъ, искусствъ и проч. Но намъ кажется, что было бы еще интереснѣе, если бы г. Н. Ер. отмѣтилъ, чтó изъ этого матеріала падаетъ на городское населеніе и что на сельское, сколько экземпляровъ выписывается крестьянами исключительно и т. д.—**5**. Ст. г. *Прежняго* «На вечеринкѣ»; см. отзывъ въ I кн. Этнограф. Обозр. 152.—**9**. Васильевъ «Исторія Сумскаго посада». Названіе посада авторъ производитъ отъ назва-

нія финскаго племени Suomalaiset, которое по мнѣнію автора здѣсь жило, пока не явились сюда новгородцы; лишь 1476 г., когда «Ливонскаго города нѣмцы православныхъ христіанъ Греческаго закона начали изгонять и мучить и тогда отъ ихъ нѣмецкаго озлобленія многіе переселились въ Новгородскую область, на Заонежье и Соловецкое подворье»; передается о разграбленіи Сумскаго посада «Литовскими людьми» и говорится о теперешнемъ видѣ посада. — **19** «Отчетъ о состояніи Архангельскаго губ. Статит. Комитета». Изъ отчета видно, что комитетъ состоитъ изъ 4-хъ почетныхъ, 16 непремѣнныхъ и 32 дѣйствительныхъ, за смертью же и выбытіемъ изъ 49 членовъ; библіотека состоитъ изъ 4443 названій въ 8820 томахъ (по этнографіи 135); въ музеѣ 1957 предметовъ; число посѣтителей музея сравнительно съ прошлымъ годомъ (446 человѣкъ) увеличилось на 68 человѣкъ. — **44** — **50**. «Сельская поземельная община въ Архангельской губерніи». Дается описаніе отдѣльныхъ общинъ разныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, такъ, напр., общинъ Зачатьевской, Лошенской, Нюхотской, Сумостровской—по отношенію къ пользованію пахотной землею, сѣнокосами и проч. угодьями.—**50**. *Суровцовъ*, «Кой-что изъ медицины нашего сѣвера». Перечень растеній съ приписываемыми имъ крестьянскою массою цѣлебными свойствами.

Астраханскія Г. В.—**2**. Свѣдѣнія о состояніи дѣятельности «Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края» за время съ 7 сент. 1886 г. по 31 дек. 1887. (См. ниже: «дѣятельность уч. обществъ»).— Объ устройствѣ въ 1890 г. въ Казани научно-промышленной выставки произведеній Волжско-Камскаго края и восточной Россіи (см. ниже).

Бессарабскія Г. В.—**61**. Некрол. О. Ѳ. Миллера.—**79**. Замѣтка объ обычаѣ рѣшать судебныя дѣла поединкомъ у кельтовъ, кельтиберовъ, франковъ, германцевъ и другихъ средневѣковыхъ народовъ (Пр. В.) — **80**. Древнія типографіи на Волыни (изъ Прав. В.).

Варшавскій Дневникъ.—**154**. Реценз. на «Труды Варшавскаго Стат. Комитета».—**162**. Некрол. хорватскаго писателя и общественнаго дѣятеля Ив. Кукульевича-Сакцинскаго, состоявшаго между прочимъ членомъ И. Моск. Археолог. Общества, членомъ корресп. И. Академіи Наукъ и награжденнаго Имп. Александромъ II орденомъ Владиміра въ 1862 г.—**160**. Корреспондентъ изъ Грубешовскаго уѣз. Люблин. губ. сообщаетъ, что у мѣстнаго народа существуетъ преданіе о временномъ пребываніи св. Антонія Печерскаго въ с. Курмановѣ по пути съ Аѳона въ Кіевъ. 10 іюля—храмовой праздникъ въ Курмановской церкви, которая, по преданію, построена надъ пещерой св. Антонія. — **164**. Въ корреспонденціи за подписью *П. У.* изъ м.

Корца Новгородъ—Волынскаго у. сообщаются историко археологическія свѣдѣнія объ этомъ мѣстечкѣ и его достопримѣчательности.

Виленскій Вѣстникъ.—46, 48. О еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ въ Трокскомъ уѣз. Вил. г.—**62.** *Ив. Сиротко* въ корр. изъ м. Крево (Ошмян. у.) сообщаетъ о развалинахъ мѣстнаго замка. Мѣстечко возникло раньше Вильны и Трокъ и служило, по предположенію, резиденціею др.-литовскаго жреца Криве-Кривейто.—**64.** Графъ Бобринскій отъ имени Московскаго (??) Археологич. Общества предложилъ проф. Кіев. Дух. Академіи В. З. Завитневичу совершить нынѣшнимъ лѣтомъ археологическую поѣздку въ Бѣлоруссію. Проф. Завитневичъ, по словамъ замѣтки, отправляясь по Припети на Мозырь, Туровъ, Пинскъ, а оттуда къ верховьямъ Березины и Нѣмана, намѣренъ обратить особенное вниманіе на особенности древняго дреговичскаго типа и на границы, отдѣлявшія это племя отъ сосѣдей литовцевъ и др. племенъ. Проф. Завитневичъ приглашенъ къ участію въ изданіи сборника статей по археологіи западнаго края, предпринимаемомъ археологическимъ обществомъ (какимъ?).—**68.** «Аушлявисъ (Жалтисъ), литовскій богъ врачеванія. Историч. изслѣд. *Теобальда* (отрывокъ изъ «Полной Литовской Миѳологіи)». Приводятся историч. свидѣтельства о почитаніи литовцами этого божества въ видѣ ужа и содержаніе легенды, разсказанной польск. писателемъ Крашевскимъ (въ «Витолераудѣ») о женитьбѣ Жалтиса на одной изъ 3-хъ сестеръ Эгле, одеждою которой онъ завладѣлъ во время ея купанья, и о шурьяхъ его, которые изрубили его косами, вызвавъ обманомъ изъ воды, послѣ чего Эгле обратилась въ ель (эгле-ель), ея старшій сынъ—въ дубъ, младшій—въ ясень, а дочь (выдавшая тайныя слова, какими мать ея вызывала супруга—ужа)—въ вѣчно-дрожащую осину.—**69.** По словамъ «Судеб. Газ.» въ петерб. санитарную коммиссію внесено предложеніе о собираніи свѣдѣній черезъ сельскихъ учителей и фельдшеровъ о знахаряхъ и знахаркахъ и объ употребляемыхъ ими врачебныхъ средствахъ.—**70.** *Ив. Сиротко* сообщаетъ изъ м. Крево о культурныхъ перемѣнахъ, внесенныхъ въ жизнь крестьянина-бѣлоруса реформою, сравниваетъ старое поколѣніе съ новымъ и приводитъ два полународныхъ бѣлорус. стихотворенія: одно—насмѣшка надъ «панскимъ игрищемъ» (баломъ), другое—назиданіе молодому поколѣнію. **75.** *Ніола* (жена Поклуса, литов. Плутона) и *Упина* (лит. богиня рѣкъ)—Т е о б а л ь д а.—Поклусъ, принявъ видъ цвѣтка, соблазнилъ Ніолу, дочь богини плодовъ земныхъ Крумины, и увлекъ въ преисподнюю. Легенда эта записана литовскимъ историкомъ Нарбутомъ и воспроизведена Крашевскимъ въ поэмѣ «Витолерауда». О богинѣ Упинѣ Нарбутъ писалъ въ 1835 г., что около м. Сапѣжишки, близъ Ковна (на лѣв. бер. Нѣмана) былъ ручей богини Упины, куда на-

родъ собирался для исцѣленія по праздникамъ, особ. въ день Ив. Купалы. По преданію здѣсь существовалъ жертвенникъ Упины и особыя жрицы; потомъ онѣ выродились въ чародѣекъ, которыя ежегодно въ «праздникъ росы» (Петровъ день) собирались сюда ночью на шабашъ и къ нимъ являлась на летающемъ козлѣ мнимая старуха Упина для освященія ручья. Все это уничтожено въ 1783 г., и на мѣстѣ жертвенника выстроена часовня.—**81, 83**. *М. З.* «Новости бѣлорусской науки». Послѣ общихъ замѣчаній о возрастающемъ въ наукѣ и обществѣ интересѣ къ бѣлорусской странѣ и народности, авторъ останавливается на статьѣ Н. Янчука въ 1 вып. изданнаго подъ ред. Н. Харузина «Сборника свѣд. для изуч. быта крестьянскаго насел. Россіи» (Моск. 1889) и, давая въ общемъ сочувственный отзывъ, дѣлаетъ автору нѣкоторыя возраженія. Считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь одну симпатичную мысль автора замѣтки, именно, что желательно было бы имѣть возможность вызывать и направлять къ дѣятельности мѣстныя силы, мѣстныхъ дѣятелей, у которыхъ матеріалъ подъ руками. «Этнографъ, пріѣзжающій на короткое время въ страну, замѣчаетъ г. М. З., всегда будетъ поставленъ въ худшія условія, чѣмъ мѣстный наблюдатель; на мѣстномъ интеллигентѣ и должно, какъ намъ кажется, основываться въ подобнаго рода трудахъ, нужно вызывать его къ содѣйствію. Въ этомъ отношеніи столичныя общества уже по одной своей отдаленности могутъ сдѣлать немногое. Въ этомъ случаѣ гораздо было бы полезнѣе направить усилія на образованіе научныхъ обществъ въ самомъ краѣ, хотя бы въ видѣ отдѣленій столичныхъ, какъ это дѣлаютъ сельско хозяйств. общества... Важное обстоятельство, подрывающее мѣстную дѣятельность, не дающее ей широкаго и свободнаго развитія,—это отсутствіе въ краѣ высшаго образовательнаго и вообще умственнаго центра»... Да, возобновленіе Виленскаго университета является настоятельнѣйшею потребностью для западнаго края. Тогда только и явится возможность устройства мѣстнаго ученаго общества.—**87**. Замѣтка о сборникѣ бѣлорус. пѣсенъ З. Радченко (см. рец. въ этой кн.).—**102—3**. Рец. на кн. П. Д. Брянцева: «Исторія Литовск. государства съ древнѣйш. временъ».—**111**. Нѣкто *Гаврило Полоцкій* помѣстилъ въ перев. съ англійскаго двѣ египетскія сказки, взятыя изъ повѣсти Ben-Hur америк. пис. Wallace'а, хотя замѣчаетъ, что онѣ написаны только подъ вліяніемъ и въ духѣ др.-египетскихъ сказокъ, недавно изданныхъ во франц. переводѣ директоромъ егип. музея въ Булакѣ Ж. Масперо (въ настоящее время оставившаго эту должность). Въ изданіи Maisonneuve сборника Масперо: «Les contes populaires de l'Egypte (t. IV, 1882) подобныхъ сюжетовъ нѣтъ, и было-ли пополненное изданіе—не знаемъ, но тѣмъ не менѣе Уоллесъ, повидимому, заимствовалъ откуда-

то сюжеты этихъ сказокъ. Одна изъ нихъ повѣствуетъ о враждѣ Озириса съ Изидой и о сотвореніи міра и человѣка—какъ результатѣ этой вражды, другая (въ № 112)—объ ассуанской красавицѣ На-на-Гоффра, кажется, чисто романическаго характера. Переводчикъ дѣлаетъ научныя примѣчанія по исторіи и миѳологіи Египта, который ему знакомъ изъ путешествія 1879 г.—**113**. Виленское Св. Духовское братство издало для народа сборникъ «Въ память 50-лѣтія со времени возвращенія уніатовъ въ православіе», куда между прочимъ вошли статьи: «Начало христіанства въ Литвѣ» и «Русскіе крестьяне подъ владычествомъ Литвы и Польши».

Витебскія Г. В.—**15**. Перепечатана замѣтка «Прав. Вѣстн.» (на основ. «Олонец. Г. В.», см. ниже) объ Олонецкомъ естественно-промышл. и историко-этнографическомъ музеѣ при Губ. статистич. комитетѣ.—**18**. Объ экспедиціи М. В. Пѣвцова въ Тибетъ отъ И. Р. Геогр. Общества.—**19**. О засѣданіи Геогр. Общ. (см. ниже «дѣятельность ученыхъ обществъ»).—**28**. Въ замѣткѣ о праздникѣ Пасхи («разн. извѣст.») припоминаются нѣкоторые древнерус. обычаи, впрочемъ общеизвѣстные.—**48**. Перепечатанъ изъ «Новостей» опубликованный Эварницкимъ документъ 1764 г. о 27-милліонномъ кладѣ, въ 80 вер. отъ Херсона близъ д. Одаренковой, написанный отъ имени 40 запорожскихъ казаковъ.—**54**. Обычай сожиганія жены по смерти мужа, нѣкогда существовавшій у нашихъ предковъ существуетъ до настоящаго времени въ Китаѣ, гдѣ вдову предварительно удавливаетъ ближайшій ея родственникъ, напр. братъ, послѣ того какъ ее съ церемоніею пронесутъ по всѣмъ улицамъ на носилкахъ. (Нов. Дня, Минскія Г. В. 50).—**60**. Перепеч. изъ «Вилен. Вѣстн.» статья г. *А. Сементовскаго* объ открытыхъ имъ въ Полоцкомъ уѣз., на берегу р. Ушача древнихъ курганахъ (Рудиянскіе иначе Колтуновскіе или Салатскіе курганы).

Владимірскія Г. В. 5 и 6. «Отхожіе промыслы въ Муромскомъ уѣздѣ», *Н. Добрынкина*. Авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о заработкахъ служащихъ на судахъ и артелей волгарей (крючниковъ), коноводовъ и лямочниковъ.

Владим. Епарх. Вѣд. 9—10. *А. Ключарева*. Школьный бытъ питомцевъ Переяславскаго духовнаго училища въ 40-хъ гг.

Волжскій Вѣстникъ. 106. Народный самосудъ въ Китаѣ (смѣсь).—**111**. Свѣдѣнія объ этнографическо-археол. коллекціи изъ быта запорожцевъ у не названнаго помѣщика Екатеринос. г.—**114**. Изъ Н.-Новгорода извѣстіе о 30-лѣтнемъ юбилеѣ А. С. Гациского (въ іюлѣ).—**120**. О находкѣ въ Кіевѣ 9 предметовъ XII в., купленной Антоновичемъ («Кіев. Сл.»).—**122**. Корресп. изъ с. Косякова Свіяжск. у. о мѣстной святынѣ мусульманъ—могилѣ неизвѣстнаго татарскаго святого съ вытекающимъ около нея ключомъ.—

Замѣтка изъ Туркестанскихъ Вѣдом. о коллекціи туркестанскихъ произведеній (этногр., ест.-истор., арх.), собранной Гофманомъ и Варламовымъ. Предполагается выставка ихъ въ городахъ Россіи и Зап. Европы.—Извѣстіе изъ англійск. газетъ о находкѣ чиновникомъ Кемблемъ реликвіи Будды (4 камня, 2 палочки и суставъ пальца—въ металл. ящикѣ) въ 90-футовой могилѣ къ ю.-в. отъ Юнагада, въ Катжарѣ.—**125**. *А. И—въ* пишетъ въ фельетонѣ о переселенцахъ, «сибирской уголовщинѣ»—самосудѣ и пр.

Вологодскія Г. В.—3, 4, 10. Отчетъ мѣстнаго Статистическаго Комитета, въ коемъ, между прочимъ, указываются городища, а также помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о «Панахъ» и «Чуди», преданія о ея нападеніяхъ и исчезновеніи, о могилахъ Чуди и находкахъ въ нихъ.—**23**. «Нѣчто о городкѣ». Статья содержитъ описаніе древняго городка близъ Спасо-Преображенскаго села, построеннаго по показаніямъ писца Никиты Вышеславцева для защиты отъ набѣговъ Чуди. Такихъ городковъ по р. Вохмѣ довольно много. — **27** и **28**. Протоколъ засѣданія Комитета по развитію кустарныхъ промысловъ и докладъ о кустарной выставкѣ въ г. Вологдѣ.

Волынскія Г. В.—2?, **29, 30**. Редакторъ неоффиціальной части газеты г. *Братчиковъ* продолжаетъ ст. «Остатки Волынской старины» (см. № 4). Разсматриваются причины бѣгства др. русскихъ людей за границу и условія, помогшія Курбскому водвориться на Волыни, состояніе просвѣщенія (особенно типографскаго дѣла) и группируются разбросанныя по разнымъ изданіямъ свѣдѣнія о вещественныхъ слѣдахъ прошлой жизни на Волыни, въ особенности о г. Острогѣ (30).

Волынскія Еп. В.—1—14. Историко-стат. описаніе церквей и приходовъ Волын. епархіи (№№ 597—677).—**3**. *С. Ш.* Новый годъ въ старину («Нов. Вр.»).—**13**. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальн. обычаевъ: артосъ, христосованье, освящ. хлѣба (Подол. Еп. Вѣд. 1887 г. № 14).

Волынь.—27. «На посидѣлкахъ» (народныя повѣрія о 12 пятницахъ).—**32**. Исторія волынской нѣмецкой колонизаціи.—**33**. Очеркъ состоянія кустарной промышленности на Волыни.

Воронежскія Г. В.—41. *Вейнбергъ*. Распространеніе христіанства на Украйнѣ.

Всемірный Путешественникъ (прибавл. къ газ. «Родина» см. ниже).—**1—4**. *Л. Кавказовъ*. Воспоминанія изъ перваго Ахалтекинскаго похода.—**5**, **6**. *Андр. Аргентовъ*. Пятнадцать лѣтъ въ Нижнеколымскомъ краѣ (изъ воспоминаній миссіонера).

Восточное Обозрѣніе. *Д. П—нъ*. Выставка предметовъ буддійскаго культа въ Иркутскѣ.—**5**. Карагазы.—**7**. О средствахъ сдѣлать кочевниковъ осѣдлыми.—**8**. Разоблаченныя тайны тибетской меди-

цины и средства борьбы съ ламами.—15—16. *Н. Ядринцевъ*. Забайкалье и въ гостяхъ у ламайскаго епископа.—18. *Н. Ядринцевъ*. Поѣздка въ Забайкалье.

Вятскія Г. В. 23. *Юрьевъ* «Матеріалы для исторіи Вятскаго края первой четверти XVIII в.»—**27**. Владѣнная выпись вотякамъ Круглой и Онсинской деревень на сѣнные покосы по рѣкѣ Чепцѣ.—**28**, — **32**, **53**, **56**, **58**. *Н. Первухинъ*. «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда» (продолж). Настоящія статьи посвящены обрядамъ, слѣдующимъ непосредственно за рожденіемъ ребенка, связанныхъ съ приготовленіями къ крещенію (глазовскіе вотяки оффиціально христіане) и т. д. Интереснымъ является указаніе автора, что въ куновья нельзя приглашать никого изъ членовъ семьи, живущей общимъ хозяйствомъ и что лучше приглашать родственниковъ жены, чѣмъ мужа. Если ребенокъ начинаетъ хилѣть, то надъ нимъ совершается обрядъ «нимъ воштонъ» (перемѣна имени) двумя способами: одинъ изъ нихъ заключается въ передачѣ ребенка первому изъ проходящихъ мимо данной избы съ тѣмъ, чтобы тотъ внесъ его въ избу, гдѣ происходитъ либо перемѣна имени, либо ограничиваются произнесеніемъ установленной формулы; второй способъ совершенія этого обряда состоитъ въ томъ, что ребенокъ, совершенно голый, лишь завернутый въ тряпку, относится въ заранѣе приготовленную около крыльца кучу сора, выметеннаго изъ избы, и приглашенный въ «куновья» поднимаетъ ребенка, вноситъ въ избу и поздравляетъ отца и мать съ новорожденнымъ. Этотъ обрядъ, по мнѣнію автора, является отголоскомъ глубокой старины, когда хилыхъ дѣтей убивали и замѣняли пріемышами. Весьма интересны также указанія г. Первухина на обязанность принесенія жертвъ дѣду и бабкѣ новорожденнаго, если они умерли ранѣе его рожденія, свѣдѣнія о талисманахъ отъ болѣзней и т. д.—**42**. Краткія извѣстія о командировкахъ нынѣшняго лѣта отъ Этногр. Отдѣла И. О. Л. Естествозн., Антр. и Этнографіи, объ изданіи «Этногр. Обозрѣнія» и о засѣданіи въ Этногр. Отдѣлѣ этого же Общества 8 мая. (Изъ «Рус. Вѣд.» № 129, 130).—**62**. *А. Спицынъ*. «Чудскія древности въ Зюздинскомъ краѣ» (оконч.). Село Зюздино-Аѳанасьевское, расположено на р. Камѣ. Описывая урочища и отдѣльные археологическіе предметы, авторъ сообщаетъ также мѣстныя народныя преданія и т. п.

Донскія Еп. В.—**4**. Свящ. Ѳ. въ замѣткѣ «Безъ вины виноватые», въ объясненіе причинъ неточности метрическихъ записей, говоритъ: «Были случаи, что крестные записывали младенца по дѣду, желая тѣмъ возстановить родовую фамилію, а не зятевскую». Кромѣ того, крестьяне коверкаютъ имена до неузнаваемости: Анкирей Трапомычъ (?), Правоторъ (Провъ?), Нотарей (25 окт.), Вертуха—Фер-

вуфа и пр.—5. Замѣтка «Изъ соврем. жизни мѣстнаго раскола».—7. *Ѳ. Сланскій* въ статьѣ «Распространеніе книгъ въ Васильевск. поселкѣ Таганрог. округа» жалуется на вредное вліяніе ихъ продавцевъ-армянъ, странниковъ, «гребянчуковъ»—играющихъ на гребенкѣ, богопродавцевъ и т. п.—9. *І. Городецкій.* О хожденіи причтовъ съ иконами ва св. недѣлѣ. Приводятся нѣкотор. черты соврем. жизни казачьихъ хуторовъ.—12. *Ив. Сулинъ*, Краткое описаніе станицъ Обл. Войска Донскаго. По заявленію автора, оно имѣетъ цѣлью служить матеріаломъ для будущаго историка поселеній Области и источникомъ, на основаніи котораго можно будетъ впослѣдствіи составить карту поселеній Донскихъ казаковъ 16, 17 и 18 столѣтій. При краткомъ историческомъ очеркѣ станицъ упомянутая статья указываетъ происхожденіе урочищъ, замѣчательныхъ въ историческомъ и археологическомъ отношеніи, передаетъ мѣстныя преданія и наконецъ даетъ списки характерныхъ фамилій, которыя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на составъ населенія.

Донская Пчела.—25 и 26. Пасха у евреевъ.—32. *И. Литвиновъ.* Съ береговъ Донца. Историч. воспоминанія; населеніе станицы Каменской.—34. Персидская сказка (искусств.?).—35. Некрологъ проф. СПБ. университета К. П. Патканова († 2 апр.).

Екатеринбургская Недѣля.—3, 4. Статья «Лѣсоворы» сообщаетъ нѣсколько интересныхъ бытовыхъ данныхъ о кражѣ лѣса въ пріуральскомъ краѣ.—5, 12, 19. «О непорядкахъ въ крестьянскомъ землепользованіи».—7, 8. Пережитки древности, какъ опасныя суевѣрія настоящаго времени (по поводу Бѣлгородскаго дѣла объ убійствѣ дѣвочки съ цѣлью добыть человѣческое сало).—2, 9, 10, 12, 13, 16, 18, 20, 23. Къ изученію Пермской губерніи (библіографич. замѣтки).—17. Къ вопросу объ организаціи артели въ Каменскомъ заводѣ.—20—23. Крестьянское землепользованіе въ Соликамскомъ уѣздѣ.—21, 22. Изъ набросковъ золотопромышленника (по поводу старательскихъ работъ).—24. Общественная запашка въ с. Юсовѣ.

Екатеринославскія Г. В.—17. *Я. Новицкій* «Пѣсни казацкаго вѣка» (Морозенко).—26, 27. Нар. сказаніе о могилахъ и камен. бабахъ (изъ Елисаветгр. Вѣстн., см. ниже).—28. *Новицкій.* Изъ области нар. преданій, повѣрій и разсказовъ: исчезновеніе о-ва Дубоваго на Днѣпрѣ, оскудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи, змій, плачъ невидимаго чудовища).—32, 41. *Чайкинъ.* Отчеты о курганныхъ раскопкахъ Д. И. Эварницкаго въ д. Богодарѣ, Александр. у.—40. Отчетъ самого Эварницкаго о тѣхъ же раскопкахъ.—37, 40, 43. «Матеріалы для исторіи колонизаціи Новороссійскаго края» (документы).—41. «День св. Троицы». Вкратцѣ объяснены троицкіе обычаи, преимущественно завиваніе вѣнковъ, употребленіе березокъ и др. растеній.—45. *Д. И. Эварницкій*, «Замѣчательная страница

изъ исторіи Запорожскихъ казаковъ» (газ.). Описывается Старая Сѣча иначе Чертомлицкая (у устья р. Чертомлыка, гдѣ дер. Капуловка Екатерин. у.), внутреннее устройство куреней и нападеніе крымской орды.—49. *Его-же.* «Изъ поѣздки по бывшимъ запорожскимъ владѣніямъ». Приведены двѣ легенды, разсказанныя возницей—хохломъ: о происхожденіи кладовъ и о средствѣ найти кладъ при помощи вырваннаго у покойника «кутняго зуба», который даетъ также силу отпирать замки и «обертать» къ себѣ дивчатъ.—53. *Д. И. Эварницкій* сообщаетъ документъ «Дарственная грамота (1776 г.) премьеръ-маіору А. М. Синельникову на владѣніе д. Норовки, тожъ Алексѣевки или Любимовки»,—изъ бумагъ А. Н. Синельникова, съ дополненіями изъ межевыхъ книгъ 1779 и 1827 гг.—54, 57. Возраженіе г. *А. Егорова* по поводу статьи *Д. И. Эварницкаго*. (въ № 21 той же газ., перепеч. изъ 3 кн. «Историч. Вѣстн.») о скиѳскомъ сосудѣ въ музеѣ А. Н. Поля (изъ Од. Нов., № 1333.—55. Дарственная грамота царей Ивана и Петра Алексѣевичей полк. Данилу Апостолу 1676 г. Сообщ. *Д. И. Эварницкій.*—60, 63. *Д. Эварницкій* сообщаетъ двѣ малор. сказки: «Дурному ни въ людяхъ ни дома» (ей предпосланы общія замѣчанія объ историч. развитіи этнографич. изысканій въ Россіи),—какъ жена, играя повидимому роль послушнаго орудія мужней воли, всегда беретъ перевѣсъ и ставитъ на своемъ. «Присказка для нюхарей»—своего рода малор. «Горе-злосчастіе», по замѣчанію изслѣдователя, переданное хотя въ простой, не особенно поэтичной формѣ, но съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ. Для интересующихся этимъ отдѣломъ народной словесности можемъ указать статью П. В. Шейна: «Приговоры или причеты о табакѣ», напеч. въ VII кн. «Трудовъ этнографич. отдѣла Имп. Общ. люб. Ест., Антр. и Этнографіи» («Извѣстія» Общества, т. 48, в. 1, стр. 180).—65. Кустарный промыселъ въ Екатер. г.

Елисаветградскій Вѣстникъ. 4. Смѣсь: рождественскія эмблемы; святочныя пѣсни заграницей.—11. *Танъ.* О сельскихъ обычаяхъ подъ праздники (святки): Святый вечеръ (сочельникъ); обычай «спалыть дида» — зажиганіе подъ Новый годъ огней по садамъ для окуриванія и пережиганіе «покалищъ» (сорныхъ ямъ) втеченіе всей ночи.—Выписка изъ ст. Максимова (Новости) о томъ, что Петровскій Новый годъ не прививался въ народѣ.—16. Въ фельетонѣ изложено дѣло объ убійствѣ тремя мальчиками дѣвочки изъ желанія добыть человѣческаго сала, которое будто бы помогаетъ совершать безнаказанно всякія преступленія (разбиралось въ Бѣлгородѣ).—22. Библіогр. замѣтка о 1 вып. «Матеріаловъ для археологіи Кавказа», изданныхъ И. Моск. Археологическимъ Обществомъ. (Рус. Вѣд.).—23. Смѣсь: о кулачныхъ бояхъ въ Глуховѣ на Новый годъ, Рождество и Крещеніе. Въ фельетонѣ замѣтка о статьѣ Берендѣева въ «Сѣв. Вѣстн.» (см.

кн. I, «Этногр. Обозр.»).—**25**. Замѣтка объ археол. коллекціи при елисаветградск. земском реальн. училищѣ подъ завѣдываніемъ учителя В. Н. Ястребцова (предметы костюма, вооруженія и т. д.). — **28**. «Елисаветградъ въ 1774» по показаніямъ путешеств. академика I. А Гильденштедта.—**29**. Замѣтка о шахматной игрѣ, при чемъ доказывается, что она къ намъ принесена не съ запада, а съ востока, вѣроятно, во времена татарщины. — **35, 38, 41, 42, 44, 49, 51, 53, 60, 64, 65, 69**. Елисаветградская провинція, по свидѣтельству Гильденштедта (Reisen durch Russland, изд. П. С. Палласомъ, СПБ. 1787).—**36**. Въ Волынской губ. сохранился свадебный обычай испытанія огнемъ для засвидѣтельствованія невинности дѣвушки. Въ прежнее время невѣста, если она сознавала себя «не честною», не рѣшалась перешагнуть черезъ разложенный костеръ; теперь обычай служитъ развлеченіемъ (смѣсь). — **39**. О Кіев. Старинѣ 1889 г. — **40**. Замѣтка объ экспедиціи капитана Б. Л. Громбчевскаго изъ Ферганы къ верховьямъ Инда въ 1888 г. отъ И. Р. Геогр. Общ. (см. ниже «дѣят. уч. обществъ». — **45**. «Женская доля по Кобзарю». 28-я годовщ. смерти Шевченка.—**55**. *Бр*. «Народное сказаніе о могилахъ и каменн. бабахъ». Около с. Веселые Терны на лѣв. бер. р. Саксагании (Верхнеднѣпр. у. Екатериносл. г.) есть могилы; одна раскопана еще во времена «панщины», найденъ золотой гробъ. Двѣ парныя могилы назыв. *Баба* и *Пидбабокъ*. Нѣкогда въ здѣшней степи жили волосатые люди; солнца еще не было, одна тьма. По ихъ просьбѣ Богъ далъ солнце, луну и звѣзды; но они, собравшись на вершину Бабы, стали плевать на солнце, за что были обращены въ камни. Потомъ пришли сюда запорожцы, наконецъ паны; при раскапываніи Бабы находили окаменѣлыхъ людей—кам. бабы.—**56**. *Я. П. Новицкій*. Изъ области народн. преданія: татарскіе набѣги; раздѣлъ запорожскихъ вольностей, поселенцы-великороссы при Екатеринѣ В.—**58**. Выдержки изъ «Гражданина» о современной пѣснѣ («періодич. печать»). Легенда о Сем. Паліѣ противникѣ Мазепы, взятая изъ замѣтки Мордовцева въ «Новостяхъ» (смѣсь); см. выше стат. «Палій и Мазепа».—**59**. Z. Кое-что изъ сравнит. антропологіи. На основаніи статей Коперницкаго, Мейера, Эмме, Дибольта и др. авторъ излагаетъ результаты сравненія трехъ народностей: великоруссовъ, малорусс. и поляковъ — относительно внѣшнихъ физическихъ признаковъ, характера, иннерваціи и т. д. — **60**. Перерожденцы (секта).—**61**. Тунгузское племя Орочи (содержаніе реферата Гондатти въ засѣданіи Этногр. Отдѣла И. О. л. Ест., Антр. и Этногр. 8 февр.).—**66, 68, 74**. Воспоминанія М. Кропивницкаго изъ бытовой южно-рус. жизни.—**69**. Мартъ мѣсяцъ по народнымъ представленіямъ (изъ Кіевлянина).—**72**. Объ образованіи при И. Рус. Геогр. Обществѣ коммисіи для обсужденія вопроса объ изслѣдованіи литов-

скихъ губерній.—75. *С. Р.* Рец. на 1-й вып. «Матер. по археологіи Кавказа», изд. И. Моск. Арх. Общ. *Н. Сумцовъ.* Вниманіе сельскихъ жителей (о врачаніяхъ). — 76. О праздновании Вербной недѣли (Кіевлян.). — 77. Случай отравленія знахаркой. — 78. «1-е апрѣля». Слѣды обычая обманывать у древнихъ индійцевъ (празднество въ честь коварнаго и свирѣпаго Шивы) и у римлянъ (праздн. въ честь бога Сибха). Дополн. къ этому въ № 79 (смѣсь). — 79. Пасха въ Малороссіи и у южн. славянъ (Кіевлян.). — 81. Свѣтлый праздникъ Пасхи въ старину («Х. В.»).—*Новицкій.* Изъ области нар. преданій: исчезновеніе о-ва Дубоваго на Днѣпрѣ; оскудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи; змій; плачъ невидимаго чудовища («Ек. Г. В.»).—92. Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго пѣвца.

Зоря. 3, 4. Набожни казки болгарски (дуалистическія космогоническія легенды и параллели къ нимъ).—4, 5. Библіографія: рец. на Копернинцкаго: «O góralach ruskich w Galicyi».

Кавказъ.—62—64, 67, 71, 78. Событія въ Персіи послѣ смерти Надиръ-шаха, прод. статьи ген.-маіора *Кишмишева.* Нѣсколько главъ посвящено варварскому вторженію перс. шаха Ага-Магометъ-хана въ Тифлисъ.—132. *Е. Т. А.* Праздникъ Вознесенія Г. у Армянъ. У тифлисскихъ армянъ праздникъ называется «телетоба» отъ имени села Телеты, въ которомъ есть церковь св. Георгія. По дорогѣ въ это село находится скала, представляющая двѣ фигуры. Каждый проходящій считаетъ долгомъ крикнуть: «Беременная скала, что у тебя: сынъ или дочь?» Если эхо сильнѣе повторитъ «сынъ», то къ счастью, а «дочь»—къ несчастью. Фигуры, по преданію, представляютъ окаменѣлыхъ невѣрныхъ женъ. Праздникъ Вознесенія (Амбарцумъ) сопровождается джигитовкой, представленіемъ «джамбази» (акробатъ) и «тамамасхара» (шутъ) при звукахъ туземной музыки. Устраиваются гаданія о судьбѣ (вечика хагъ), праздникъ цвѣтовъ (джалъ гулумъ), описанія которыхъ авторъ сообщаетъ. Кромѣ того существуютъ нѣкот. домашніе обычаи. Хозяинъ утромъ отправляется въ садъ, кладетъ камень между вѣтвями большого дерева, чтобы его плоды окрѣпли, на корни подсыпаетъ золу, чтобы въ нихъ не завелись черви. Свѣже выдоенное молоко раздаютъ сосѣдямъ, чтобы у коровы былъ обильный удой. На канунѣ Вознесенія всѣ растенія говорятъ, какое цѣлебное свойство имѣетъ каждое изъ нихъ. Отыскиваютъ четырехлистную травку и разрѣзываютъ золотымъ кольцомъ, вѣря, что всякая просьба при этомъ исполнится; черпаютъ молча изъ рѣки воду, которая помогаетъ отъ головной боли и т. п.

Казанскія Г. В.—41. *В. К. Магницкій,* Тяжебные документы чувашъ Козьмодемьянскаго уѣз. 17 и 18 столѣтій—двѣ жалованныя грамоты на Кинярскій островъ на Волгѣ. 141. Въ годовомъ собра-

ніи лондонскаго Географическаго Общества, происходившемъ 15-го мая членъ Имп. Русскаго Географическаго Общества Г. И. Радде, директоръ тифлисскаго музея былъ увѣнчанъ одной изъ высшихъ наградъ, которыми располагаетъ общество, а именно большой медалью королевы Викторіи (the Patrons Medal). Въ представленіи совѣту общества, по словамъ «Нов. Вр.», сказано, что «медаль эта присуждается русскому ученому за его долголѣтнее служеніе географической наукѣ въ качествѣ путешественника, наблюдателя и писателя, въ особенности же за его пятилѣтнее путешествіе по Восточной Сибири (1855—1860 гг.), за его обстоятельное изслѣдованіе Кавказскаго горнаго хребта, Мингреліи, Абхазіи, страны Каротовъ, Дагестана и Армянскаго плоскогорія, а также Каспійскаго побережья (1875—1880) и во вниманіе къ его услугамъ въ качествѣ начальника закаспійской экспедиціи въ 1886 г.; равнымъ образомъ за капитальные труды Г. И. Радде, въ которыхъ изложены результаты его изслѣдованій, а именно: 1) путешествія по восточной Сибири, 2) путешествіе въ мингрельскихъ альпахъ и въ трехъ ихъ верхнихъ продольныхъ долинахъ, 3) четыре публичныхъ чтенія о Кавказѣ, 4) изъ дагестанскихъ альпъ, 5) путешествія вдоль русско-персидской границы, 6) предварительный отчетъ объ экспедиціи въ Закаспійскій край и Хорасанъ; въ особенности же за талантливое изложеніе, въ которомъ Г. И. Радде сумѣлъ связать разработку матерьяловъ по части этнографіи, орнитологіи и ботаники съ обзорами общегеографическаго свойства, касающимися изслѣдованныхъ имъ странъ; наконецъ, за энергію и умѣнье, которыя онъ выказалъ при устройствѣ въ Тифлисѣ естественно-историческаго музея". Какъ извѣстно медаль Королевы Викторіи была также присуждена Н. М. Пржевальскому въ 1879 г.

Калужскія Г. В.—34. «Кирпичныя избы въ воронежскомъ и землянскомъ уѣздахъ». Въ указанныхъ мѣстностяхъ Воронежской и Тамбовской губ. за послѣдніе годы начинаетъ распространяться постройка избъ изъ кирпича, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ. Описывается подробно способъ постройки (изъ Ворон. Телегр.).—**53.** Замѣтка о клѣточномъ промыслѣ въ Медынскомъ у., Калужской губ.

Карсъ.—1. Описаніе храма, построеннаго въ византійскомъ стилѣ въ 937—942 гг.; вмѣстѣ съ тѣмъ передается исторія вторженія Абхазскаго царя Бера въ 943 г. въ Арменію.

Кіевлянинъ. 69. Обычай освобождать въ Кіевѣ 25 марта птицъ на волю.—**74** Вербная недѣля.—**79.** Пасха въ Малороссіи и у южныхъ славянъ.—**83.** Ѳомина недѣля.—**89.** Юрьевъ день.—**93—96.** Легенда о Петрѣ Великомъ. **137.** Иванъ Купало.

Кіевское Слово. 558. Корресп. изъ Кобелян. у. Полт. губ. о народныхъ обычаяхъ на Рождество и Новый годъ.—**583, 599, 606.**

Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.—646. Праздникъ Пасхи въ Брацл. у. Подол. губ. и капля любви (волын. легенда).

Кишиневскія Еп. В.—5: *Авкс. Стадницкій* «Мѣры о развитіи просвѣщенія въ Бессарабіи по присоединеніи ея къ Россіи» (1812). Нѣкоторыя черты для характеристики мѣстныхъ нравовъ конца 18 и нач. 19 в., вредное вліяніе грековъ и французовъ. Въ связи съ этимъ его же ст. въ № 6: «Попытка открытія 1-го женскаго училища въ Бессарабіи".—8, 9. Состояніе раскола и сектантства въ Бессарабіи за 1888 г. 8. Обычаи др. христіанъ съ праздникомъ Пасхи («Воскр. день»).

Ковенскія Г. В.—39. Замѣтка о символич. значеніи дерева вербы въ народныхъ вѣрованіяхъ особенно у малоруссовъ. Она имѣетъ вліяніе на чадородіе женъ (Нарбутъ); святою вербою ударяютъ другъ друга для здоровья, приговаривая: «будь великъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода»; или: «не я бью, верба бьетъ (бье?), за тыждень великъ—день»; верба ограждаетъ зданія отъ грозы и пожара. Въ нашихъ (?) обрядахъ верба играетъ роль «Перуновой лозы». Въ вербу превращается «облачная жена»—туча (изъ Арх. Г. В.).

Костромскія Г. В.—35. „Бесѣдки" и „свозы" въ Солигаличскомъ уѣздѣ. Авторъ даетъ интересное описаніе деревенскихъ увеселеній, отмѣчая, впрочемъ, вліяніе на нихъ фабричной культуры. Различіе между «бесѣдками» и «свозами» главнымъ образомъ заключается въ томъ, что на послѣдніе съѣзжаются дѣвушки различныхъ деревень, участвуя въ увеселеніяхъ иногда по недѣлѣ. Особеннымъ многолюдствомъ отличаются «свозы», называющіеся «игрищами». Они происходятъ съ первыхъ дней Рождества и до Крещенья. «Бесѣдки» носятъ характеръ вечеринокъ у зажиточныхъ городскихъ мѣщанъ. Участвующіе парни носятъ названіе «жениховъ», при чемъ въ одинъ вечеръ они успѣваютъ побывать на нѣсколькихъ бесѣдкахъ. Замужнія и дѣвушки старше 23 л. не участвуютъ на бесѣдкахъ.

Kraj (СПБ.).—21. *Ал. Ельскій* сообщаетъ мимоходомъ въ корреспонденціи изъ Минской губ., что въ Игуменскомъ уѣз. употребляется при колдовствѣ осиновое дерево: парень, которому не позволили жениться на любимой дѣвушкѣ, перегородилъ съ какою-то таинственною цѣлью дорогу къ ней осиновыми колышками, за что былъ избитъ. Въ литературномъ прибавленіи тотъ же авторъ сообщилъ «Нѣсколько словъ о Минской епархіи по поводу 50-лѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ».—22 (фельет.). О 50-лѣтнемъ юбилеѣ этнографа Оскара Кольберга въ Краковѣ; къ этому прибавимъ упоминаніе объ этомъ юбилеѣ въ корресп. изъ Львова въ № 21 «Края» съ выпиской изъ одного почетнаго адреса, гдѣ указаны въ общихъ чертахъ заслуги юбиляра, которому въ настоящей книжкѣ нашего изданія посвящена особая статья.

Кубанскія Вѣд. 11. Въ Лохвено-Кубанскомъ аулѣ Баталпашинскаго отдѣла, было совершено торжественное жертвоприношеніе по случаю катастрофы 17 окт. 1888 г. Собравшіеся, ставъ лицомъ къ югу, подняли въ уровень съ грудью руки; затѣмъ, когда водворилась тишина, эфенди, стоя впереди, сталъ читать соотвѣтственныя молитвы изъ Корана. Въ это время былъ принесенъ жирный баранъ, котораго эфенди обливалъ во время чтенія, положивъ на землю и связавъ ему три ноги полотенцемъ, а потомъ сталъ пѣть стихи изъ Корана. Послѣ этого баранъ былъ зарѣзанъ и тутъ же приготовленъ изъ него шашлыкъ, котораго каждый присутствующій долженъ былъ съѣсть кусокъ.

Курляндскія Г. В.—48. Въ замѣткѣ „Народная Медицина" говорится, что на Кавказѣ и въ Поволжьѣ употребляется противъ болотныхъ лихорадокъ настой подсолнечныхъ цвѣтовъ и стружекъ ствола («Медицина», № 21).

Курскій Листокъ.—43. Огонь и вода въ народ. повѣріяхъ, *Богдановича*.—**45**. Радуница и день Св. Георія, *Богдановича*.

Курскія Еп. В.—1. *Д. Кукльрскій*. Краткая исторія празднованія Новаго года.—**2, 3, 8, 9.** *А. Танковъ*, Изъ исторіи раскола въ Курской епархіи.—**3—5, 11, 14, 15, 17, 19.** Матеріалы для исторіи Курск. епархіи.—**7.** *І. Харлановъ*. Нѣсколько словъ о религіозномъ состояніи православныхъ цыганъ.

Кутаисскія Г. В. 21, 22. *К. Мачаваріани*. Религіозное состояніе Абхазіи. Перечисленіе древнихъ и нынѣ существующихъ абхазскихъ храмовъ и монастырей, частью, по словамъ автора, не вошедшихъ въ описаніе гр. П. С. Уваровой, съ обозначеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые были резиденціями епископовъ.

Минскія Еп. В.—4. Замѣтка о паденіи семьи въ деревнѣ, преимущественно жалоба на семейные раздѣлы (изъ Паст. Соб.).—**6.** Полѣсье и **10.** Несвижъ (Моск. В. № 42)—обѣ статьи изъ «Очерка» К. Случевскаго (см. 1 кн. Этногр. Обозр. 163).

Минскій Листокъ.—35. Отзывъ *В. К. С—ъ*, о 2-мъ изданіи книги *Н. В. Ремезова*. „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи", имѣющей впрочемъ публицистическій характеръ.—**37.** Въ фельетонѣ напечатана въ 1-й разъ бѣлорусская поэма „Тарасъ". Въ примѣчаніи сказано, что она „принадлежитъ перу неизвѣстнаго бѣлорусскаго поэта-юмориста", между тѣмъ, какъ извѣстно, что авторъ ея—Викентій Дунинъ-Марцинкевичъ (1807—1885), писавшій на бѣлорусскомъ языкѣ стихи и театральныя вещи на народныя темы. Въ «Календарѣ сѣв. зап. края» на 1890 г., изд. подъ ред. г. *М. Запольскаго*, ожидается біографія этого полу-народнаго поэта, составленная старожиломъ и знатокомъ Бѣлоруссіи г. Александромъ Карловичемъ *Ельскимъ*, въ архивѣ котораго хранятся подлинники нѣкоторыхъ не-

напечатанныхъ еще произведеній Марцинкевича, въ томъ числѣ и поэмы «Тарасъ на Парнасѣ», какъ гласитъ ея полное заглавіе *). Эта поэма уже въ рукописи получила нѣкоторое распространеніе, и намъ между прочимъ также былъ доставленъ въ запрошломъ году ея списокъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Благодаря любезности г. Ельскаго, приславшаго намъ копію подлинника, мы можемъ сказать, что въ «Мин. Л.» поэма напечатана въ искаженномъ видѣ, при чемъ недостаетъ 7 стиховъ, до нормальнаго числа 308.—**41**. О сожженіи старухи (изъ „Кавказа“, см. „Минск. Г. В.“).—**43**. Некрологъ Ор. Ѳед. Миллера († 1 іюня). Выражена между прочимъ мысль, что «самое нѣмецкое происхожденіе покойнаго давало поводы говорить, что онъ способенъ къ патріотическому самовосхваленію». Раздѣляетъ-ли самъ авторъ эту мысль—неясно. Въ общемъ указаны также заслуги покойнаго по изслѣдованію рус. народнаго эпоса.—**53**. Въ Игуменск. уѣздѣ, въ дер. Русаковичахъ, нынѣшнимъ лѣтомъ для прекращенія засухи, по совѣту старшины, было устроено «вспахиваніе рѣки». Нѣсколько женщинъ впряглись въ соху и подъ управленіемъ самой сильной въ деревнѣ бабы, бороздили дно рѣки. По словамъ старшины, къ тому же средству прибѣгаетъ знакомый ему помѣщикъ.

Минскія Г. В.—32. Извлеченіе изъ корресп. „Кавказа“ о сожженіи мнимой колдуньи въ с. Тамуши, Кодорскаго участка Сухумск. округа. По указанію ворожеи, крестьяне стали пытать старуху раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы удостовѣриться, она-ли виновна въ болѣзни своихъ двухъ сыновей и смерти одного изъ нихъ. Старуха отъ неожиданнаго ужаса онѣмѣла, а народъ, добиваясь, чтобы она созналась, сталъ поджаривать ее надъ костромъ, привязавъ къ палкѣ, отчего она и умерла.—**40**. Преданіе о происхожденіи чая отъ бровей одного индійца, который, проповѣдывая въ Китаѣ буддизмъ (около 519 года Даема), велъ очень строгую жизнь и рѣшилъ никогда не предаваться сну, но не могъ выполнить этого обѣта, и въ досадѣ остригъ себѣ брови, превратившіяся вскорѣ въ лепестки чайнаго растенія, которое онъ сталъ употреблять для подкрѣпленія силъ. Тутъ же рецептъ китайскаго врача, составленный изъ снадобій, отчасти извѣстныхъ и нашему народу, а именно: ящерицъ, змѣй, кузнечиковъ, птичьихъ костей, плавниковъ рыбы (акулы), оленьяго рога, имбирю, корня женченга, побѣговъ батана (?), бѣлыхъ (?) орѣховъ, черныхъ фиников, листьевъ лотоса, иловой коры и гвоздей отъ старыхъ гробовъ.—**42**. „Застольные обычаи“ (изъ Харьк. Г. В.), краткія замѣтки о томъ, какъ обѣдали въ древности, о появленіи

*) Того же Марцинкевича полу-народная стихотворная повѣсть „Гапонъ“ напечатана въ извлеченіи въ календарѣ г. Запольскаго на 1889 г. (Москва) вмѣстѣ съ историко-литературнымъ этюдомъ издателя о бѣлорусской литературѣ.

вилки, о происхожденіи слова „куверть“, о застольныхъ правилахъ для малыхъ и взрослыхъ. Составлено по сочиненію франц. историка Альфр. Франкена (т. VI), занимающагося изслѣдованіемъ домашней жизни французовъ съ XII по XVII в. Нѣкоторые обычаи и предразсудки, наблюдавшіеся еще въ средніе вѣка во Франціи и другихъ странахъ удержались до сихъ поръ, а также извѣстны и у насъ: напр. о числѣ 13, объ опрокидываніи солонки и пр. Правила сидѣнія за столомъ, взятыя изъ французскихъ „руководствъ хорошаго тона“, распространялись, какъ извѣстно, въ русскомъ переводѣ, особенно съ Петра I. — **46**. Въ объясненіе народнаго вѣрованія въ мстительность аиста, поджигающаго своего обидчика, приводится сообщеніе газ. „Волынь“, что въ апрѣлѣ аистъ поджегъ въ мѣстечкѣ Олыкѣ усадьбу мѣщанина, принеся въ гнѣздо, находившееся на его клунѣ (сараѣ) головню (изъ мести?)—**47**. „Минскъ въ 1812 г.“, по статьѣ Игнатьева въ той же газетѣ 1877 г.

Могилевскія Г. В.—65. Сообщеніе о присужденіи Им. Академіей Наукъ серебряныхъ медалей крестьянкѣ Л. С. Егоровой, за доставленіе сборника XVII в., содержащаго между прочимъ отрывокъ былины о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ, и крестьянину Савченкову за доставленіе статей: «Исторія крестьянской одежды, обуви, бѣлья и головныхъ уборовъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ» и «Народныя вѣрованія о дождѣ, громѣ и другихъ атмосферныхъ явленіяхъ. Народный календарь».

Могилевскія Еп. В.—3, 4. Содержаніе неоффиц. части изданія за 1888 г.—**11, 12**. Объ употребленіи красныхъ яицъ въ праздникъ Св. Хр. Воскресенія (духовное значеніе обычая).—**5—13**. Сильвестръ II (кн. Святоп. Четвертинскій) еп. Могилевскій и состояніе при немъ Могил. епархіи.

Московскія Вѣдомости.—158, стр. 4. Дѣло о разрытіи крестьянами с. Елшанки Саратовскаго у., Саратовской губ. могилы вслѣдствіе суевѣрнаго понятія, что смерть человѣка опившагося водкою влечетъ за собою засуху и что для устраненія ея необходимо разрыть могилу и трупъ «опоицы», сплавить по рѣкѣ или сбросить въ какое либо болото или трясину (корресп.).—**159**. *Я.* Мараловодство на русскомъ Алтаѣ (оленій промыселъ; продажа роговъ въ Китай, какъ лѣкарственнаго средства). — **210**. *Хозарскій*. «Вѣнская жизнь» (отзывъ о статьѣ *Францоза*: «Das Volkslied der Ruthenen»).—**228**. Празднества въ храмахъ Флора и Лавра. «...18-го августа, въ день памяти свв. мучениковъ Флора и Лавра, по заведенному изстари обычаю, къ обоимъ въ Москвѣ храмамъ, посвященнымъ ихъ имени, на Мясницкой и на Зацѣпѣ, еще до начала литургіи стали приводить лошадей для окропленія ихъ Св. водой. Окропленіе лошадей совершилось послѣ литургіи и молебствія. Особенно много приводится лошадей къ храму на Зацѣпѣ (сегодня было

до 700), причемъ дорогіе рысаки приводятся съ цвѣтами и лентами въ гривахъ, а извозчичьи лошади съ дешевыми ситцевыми лоскутками. Для окропленія св. водой лошади въ порядкѣ проводились, одна за другой, мимо церковной паперти».

Московскія Церковныя Вѣд.—**18**. *Н. Катановъ*. „Шаманскій бубенъ и его значеніе». Подробно описанъ одинъ бубенъ, принадлежащій шаману Степной думы Кчеку Чанкову, занимавшемуся 45 лѣтъ шаманствомъ (изъ Енисейск. Еп. В.).—**20** «Изъ религіозной жизни самоѣдовъ—шаманы, шаманство, и загробная жизнь» (изъ Томск. Еп. Вѣд. 1888, № 44). Для того, чтобы быть тадибеемъ-шаманомъ требуются особыя физическія качества, такъ какъ для бесѣды съ духами шаманъ долженъ истязать себя. Необходимою принадлежностью шамана является барабанъ, украшенный мѣдными кольцами и бляхами. Костюмъ шамана состоитъ изъ замшевой рубашки съ красной суконной каймой и яркими наплечниками. При вопрошаніи духовъ шаманъ спускаетъ на лицо лоскутъ сукна, такъ какъ въ міръ духовъ онъ проникаетъ не тѣлесными очами. Къ шаману самоѣды прибѣгаютъ въ тяжелыя минуты: при пропажѣ оленя, при его болѣзни, въ случаѣ личнаго недуга и т. п. Вѣры въ загробное существованіе у самоѣдовъ нѣтъ; только шаманъ послѣ своей смерти переселяется въ міръ духовъ, не разрывая впрочемъ связи съ этимъ міромъ. Давно жилъ на землѣ шаманъ по имени Уріеръ. Надоѣло жить Уріеру среди самоѣдовъ. Сталъ онъ замѣчать, какъ съ каждымъ годомъ стада оленей стали уменьшаться и какъ сами самоѣды стали хуже. И задумалъ Уріеръ переселиться на небо. Для этой цѣли онъ приказалъ своимъ двумъ женамъ изготовить совершенно новыя одежды и для оленей справить новую упряжь, при томъ такъ, чтобъ ни одной старой нитки не было употреблено въ дѣло. Когда все было сдѣлано, Уріеръ и его двѣ жены стали подниматься на небо. Достигнувъ половины пути, Уріеръ сталъ замѣчать, что олени его слабѣютъ и они начинаютъ спускаться къ землѣ. Тогда Уріеръ спрашиваетъ у своихъ женъ, не употребили ли онѣ при работѣ чего-нибудь стараго. Одна изъ женъ созналась, что въ упряжи ея оленя есть старая нитка, и стала просить мужа, чтобъ онъ отпустилъ ее на землю, гдѣ у нея осталось два ребенка. Уріеръ отпустилъ ее, а самъ съ другой женой благополучно поднялся на небо.

Нижегородскія Г. В.—**13**. *Н. Бочаровъ*. День Благовѣщенья (историко-этнографич. справка).—**17, 19**. Пѣсни, записанныя въ Хохловской вол. Семеновск. у. (всего 5, изъ нихъ 3 болѣе старинныя).—**27, 29**. *И. А. Милотворскій* помѣстилъ два раскольничьи стиха, запис. въ д. Анниковкѣ Богоявл. вол., Семеновск. у.: «Стихъ зѣло душѣ полезенъ» и «Стихъ о юности.» Замѣтимъ при этомъ, что въ распоряженіи нашего Этнографич. Отдѣла имѣется собраніе

раскольничьихъ стиховъ, къ которымъ желательны были бы дополненія.—**27.** Пѣсни, запис. въ д. Харенкѣ Балахнинск. у. (4 пѣс.—любовнаго содержанія).—**31.** Деревянныя мазанки на кустарной выставкѣ въ Н.-Новгородѣ. Сундучное производство въ г. Макарьевѣ. О промыслахъ въ Балахнинск. у.—**32.** *П. Коптевъ.* Пѣсни, запис. въ Танайковской вол. Княгининск. у.

Новгородскія Г. В.—5. «Мысли бывшаго крестьянина собственника Демянскаго уѣзда объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ быту и хозяйствѣ».

Новое Время.—4773. Народная медицина.—**4810.** *Сильчевскій.* «Подводная сѣчь, современная (?) украинская легенда» (переложеніе не названнаго разсказа Нечуя-Левицкаго: «Запорожці»).

Новое Обозрѣніе (Тифлисъ).—**1819.** Путевыя замѣтки туриста *Варламова.* Приводятся нѣкоторыя интересныя преданія (напр. о Тамерланѣ).—**1870.** Въ засѣданіи мѣстнаго юридическаго общества обсуждался вопросъ о программѣ для собиранія свѣдѣній о закавказскомъ разбоѣ.—**1875.** *А. Хах—овъ.* Библіогр. замѣтка о 1-й кн. «Этнографич. Обозрѣнія».—**1895.** Изъ грузинскихъ сказокъ: «Сновидецъ», запис. *Ѳ. Мтварелишвили* въ Сигнахскомъ уѣз. по порученію Общества распространенія просвѣщенія въ грузинск. краѣ.—**1903** и **1907.** *Васильевъ.* Горскіе евреи. Авторъ касается ихъ занятій, характера, вопроса о происхожденіи и антропологическаго типа. — **1912.** Имеретія въ 1650 г. Печатается статейный списокъ посольства Толочанова къ имеретинскому царю Александру; былъ напечатанъ Новиковымъ въ «Россійской Вивліоѳикѣ», ч. V.

Новороссійскій Телеграфъ.—4388. Крымскія легенды о пасхѣ (корр. изъ Симферополя).—**4425.** Экономич. письма о Новороссіи (о дробной передачѣ частно-владѣльческихъ земель и о десятинщикахъ въ новороссійскихъ губерніяхъ).

Новости. 66. Нѣчто для гг. ученыхъ, *Мордовцевъ* (легенда о Паліѣ, воспроизведенная нами выше).—**108.** *Эварницкій.* Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца.

Одесскій Вѣстникъ. 5. *Эварницкій.* Какъ встрѣчали запорожскіе казаки новый годъ.—**93.** Вопросы мѣстной этнографіи.—**102.** Рец. на «Малорус. бытовыя пѣсни» Чугуевца (Харьковъ 1889).—**149.** Описаніе ярмарки въ г. Балтѣ Подол. г.

Одесскій Листокъ. 94. Рец. на «Рус. Древности» гр. Толстаго и Кондакова.—**95.** Праздникъ Пасхи въ деревнѣ.

Олонецкія Г. В.—10. Отчетъ о дѣятельности Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета: описаніе находящагося при комитетѣ естественно-промышленнаго и историко-этнографическаго музея. Музей основанъ въ 1873 г. на частныя и земскія средства и поддерживается ежегодной субсидіей отъ земства въ 300 р. Оба

главные отдѣла музея довольно богаты коллекціями.—**34.** *Г. И. Куликовскій.* «Олонецкія помочи»—при постройкѣ хатъ, въ полевыхъ работахъ, а также на «супрядкахъ». **46, 48.** *М. Георгіевскій.* «Святки въ деревняхъ Олонецкой губерніи и различныя гаданія» (описаніе святочныхъ увеселеній, сельскаго маскарада и разнаго рода гаданій о судьбѣ).—**49.** Промысла городскаго и сельскаго населенія Олонецкой губерніи въ 1888 г., свѣдѣнія какъ о мѣстныхъ, такъ и отхожихъ промыслахъ и кустарничествѣ.—**60.** *Савичевъ.* «Рыболовство въ Большешальскомъ приходѣ». Описаніе снарядовъ, способовъ и времени рыбной ловли въ Большой Шалгѣ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

Оренбургскія Г. В. 11. Объ избраніи Султана Ишима Ханомъ Киргизъ—кайсацкой меньшей орды въ 1794 году. Послѣ краткаго очерка управленія Киргизами со времени вступленія ихъ въ подданство Россіи и до настоящаго момента, авторъ, переводя на русскій языкъ прошенія нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ, даетъ картину избранія въ прежнее время султановъ на ханскій престолъ. Статья эта сообщаетъ интересный фактъ относительно «баранты».—**23.** Туркмены въ 1858 году. *А. В. Орловъ* переводитъ письмо туркменскаго хана Аиурадъ Рысмухамедова, характеризующее общественное состояніе туркменъ въ 1858 г.

Орловскія Г. В.—61. Способы привѣтствовать другъ друга при встрѣчѣ у разныхъ народовъ («разн. изв.»).

Пензенскія Г. В.—61, 63 и др. Приходская лѣтопись с. Поливанова-Сергіевскаго Керенск. у. (опытъ исторіи села).—**173.** Перепеч. изъ «Новостей» извѣстіе о пожертвованіи И. С. Полякова музею при Имп. Академіи Наукъ этнографической коллекціи, составленной имъ во время путешествія по Вост. Азіи, Японіи и Китаю. —**13.** Приложенъ указатель къ неоффиц. части; составленъ систематически и обнимаетъ до 40 названій статей, касающихся преимущественно русскаго населенія.

Пермскія Г. В.—65. Сообщеніе о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи для облегченія кустарямъ сбыта своихъ произведеній въ Петербургъ.

Подольскія Еп. В. (Прибавленія).—**2 и 3.** *Е. Сѣцинскій.* Древнѣйшія правосл. церкви въ Подоліи (церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ Летичевск. у.).—**3.** *Ал. Он-въ.* Мірской (не богослужебн.) костюмъ древняго и современнаго священника.—**6, 7, 9, 11, 12, 15—17.** *Сол. Лобатинскій.* Движеніе уніатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при епп. Гервасіи и Іовѣ (1757—1776).—**7.** Объясненіе названій мѣсяцевъ.—*Евф. С.* «Набожныя» пѣсни въ честь Тывровской (Винницк. у. Под. г.) Б. Матери. Краткая исторія иконы (1740) и духовныя пѣсни о ней: а) изъ статьи въ томъ же изданіи

1873 № 23, б) изъ кн. Лонгинова: «Червенскіе города» (Варш. 1885), в) двѣ запис. авторомъ: одна отъ лирника Федька Хоптоваго изъ Остапковецъ Проскуровск. у., другая (явившаяся подъ вліяніемъ пѣсенъ почаевскаго «Богогласника»)—въ с. Мытникѣ Литинск. у.—**19**. Историч. свѣдѣнія о Каменцѣ Подольскомъ и его церквахъ въ связи съ гражданскою и церковной жизнью Подоліи. Авторъ между прочимъ касается вопросовъ «объ основномъ элементѣ Подольскаго и въ частности каменецкаго населенія—славянъ», о «бытѣ подольскихъ славянъ и ихъ первоначальной религіи» и т. д. (нач.)—**20**. Къ исторіи уніи въ Подоліи.

Полтавскія Еп. В.—**5**. *I. Костенко*. Прошлое и настоящее Старомлинской слободки (Старые Млины или Велико-Будищскій жен. монастырь).—**4**—**6**, **8**. Матеріалы для исторіи Переяславско-Полтавской семинаріи. Изъ архивныхъ дѣлъ Полт. Консисторіи и Семинаріи за 1812—1862 гг. (прод., см. 1888 г. № 22).—**7**. О происхожденіи и значеніи нѣк. пасх. обычаевъ (изъ Подольск. Еп. В. 1887 № 14; см. Волын. Еп. В. 1889, 13).

Псковскія. Г. В.—12 и **13**. Библіографическій указатель книгъ и статей относящихся къ Псковской губерніи, начатый печатаніемъ еще въ 1888 г. въ №№ 20, 22, 24 и 41; въ № 12 помѣщенъ указатель этнографическій, въ № 13 по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ.

Радомскія Г. В.—**14**. *М. С.* въ статьѣ о «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» жалуется на мертвенность этихъ изданій, между тѣмъ какъ неоффиціальная ихъ часть, даже въ рамкахъ допускаемыхъ закономъ (ст. 867, т. II. Общ. Учр. Губ.) могла бы быть интересною и должна бы замѣнить собою мѣстную газету. Законъ допускаетъ помѣщеніе въ неоффиціальной части статей географическихъ, топографическихъ, историческихъ, археологическихъ, этнографическихъ и пр. и вообще статей, не заключающихъ въ себѣ вымысла. Кому-жъ, казалось бы, доступнѣе давать разнообразные матеріалы по внѣшнему и духовному быту мѣстнаго населенія, какъ не Губернскимъ Вѣдомостямъ? И между тѣмъ очень рѣдко онѣ даютъ что-нибудь дѣльное, самостоятельное. Скудость силъ, энергіи, инициативы въ нихъ поразительна, и иныя доходятъ до того, что даже свѣдѣнія о состояніи погоды въ своей губерніи перепечатываютъ изъ «Правит. Вѣстника».—**15**. Въ статьѣ: «Нынѣшнія деревни» высказываются общія жалобы на порчу нравовъ въ деревнѣ, на развитіе воровства и т. п. (перепеч.?).—**22**, **23**, **25**—**27**. Продолжается (см. 11, 12) «Краткій историческій очеркъ Радомской губ. и ея городовъ, составленный по матеріаламъ для статистическаго описанія Радом. губ.» Сандоміръ (22, 23, 25), г. Козеницe (26), г. Опатовъ (27), Опочно (29), Пржедборжъ Конск. у. (30), Шидловецъ Кон. у. (31).—

—**26**, **27**, **29**. Реценз. на I-й т. «Трудовъ Варшавскаго Статистич. Комитета».—**30**. Въ корресп. изъ пос. Сиржино Опочненск. у. сообщаются историко-бытовыя свѣдѣнія и обращается вниманіе на необходимость научныхъ раскопокъ въ посадѣ.

Рижскій Вѣстникъ.—**1**. Имена у евреевъ.—**25**. О дѣятельности «Латышскаго общества» (см. ниже).—**66**. Сектанты «читальщики» въ Ревельск. у. ожидали весною этого года конца міра.—**92**. Словаки въ Венгріи.

Родина. **1—4**, **8—9**. *С. В. Максимовъ*. Изъ чудесъ и диковинокъ на Русской землѣ.—**26**. *Д. Дмитріевъ*. Иванъ Купала.—При газетѣ издается прибавленіе «Всемірный Путешественникъ» (см. выше)

Русская Рада (изд. въ г. Коломыѣ).—**4**. Замѣтка о народныхъ средствахъ, употр. противъ бѣшенства и водобоязни въ Россіи (луговая крапива, листъ xanthium spinosum, корень euphorbia nizzuensis). —**5**. Корреспонденція изъ Грохова Волынск. г. съ краткими свѣдѣніями о бытѣ мѣстныхъ крестьянъ, мѣщанъ и евреевъ.

Русскія Вѣдомости. **2**. Наука въ 1888 г. (есть рѣчь и объ этнографіи). **9**. Забытые люди забытаго края.—**10**, **81**, **99**, **130**. Отчеты о засѣданіяхъ Этнографич. Отдѣла И. О. Л. Естествозн., Антр. и Этн.—**45**. *Н. С.* Изъ области науки (антропологія и фотографія).—**53**. Рец. на «Сборникъ свѣд. для изуч. быта крест. населенія Россіи», вып. I, изд. подъ ред. Н. Харузина. (Москв 1889). —**110**. *Глѣбъ Успенскій*. «Новыя народныя пѣсни.» Изъ деревенскихъ замѣтокъ. Авторъ останавливается на новѣйшихъ произведеніяхъ народнаго творчества, преимущественно на т. н. «частушкахъ», мелкихъ стихотворныхъ отрывкахъ, которыми народъ до сихъ поръ продолжаетъ отзываться на новыя явленія деревенской частной и общественной жизни. Онѣ показываютъ что «творческая мысль народа живетъ непрестанно», только она «сбита съ толку». Собравъ эти частушки съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ даже мелкихъ подробностяхъ крестьянскаго хозяйства на дворѣ, можно было бы имѣть поучительный матерьялъ о широтѣ духовной народной жизни. Собранныя тысячами, сотнями тысячъ, но разработанныя соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, частушки дали бы поистинѣ прелестнѣйшую картину нравственной жизни народа. Въ подтвержденіе сказаннаго авторъ приводитъ нѣсколько (до 33-хъ) частушекъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ народнаго быта. Вполнѣ присоединяясь къ сказанному авторомъ относительно возможности и плодотворности собиранія и изученія этихъ частушекъ, мы не можемъ не находить мнѣнія его о поэтическихъ достоинствахъ этихъ произве-

деній и объ ихъ значеніи для характеристики народной жизни преувеличеннымъ. Произведеніе современнаго народнаго творчества, частушки далеко не обладаютъ тѣми свойствами, которыя давали бы имъ возможность свидѣтельствовать о «широтѣ» современной народной духовной жизни. Бѣдность мысли малая характерность, часто банальность образовъ вмѣстѣ съ общею всѣмъ имъ необыкновенною краткостью—вотъ черты частушекъ, гораздо болѣе подтверждающія общераспространенный взглядъ, который видитъ въ нихъ не проявленіе, а упадокъ истиннаго творчества. Приводимыя авторомъ частушки какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это. Едва-ли кто усмотритъ особенныя поэтическія достоинства въ безобразныхъ куплетахъ въ родѣ слѣдующаго, какой намъ приходилось слышать:

Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу сваво милку.

Или: Неужели ты завянешь, травушка шелкòвая?
Неужели замужъ выйдешь, дура безтолковая?

Не болѣе высокое мнѣніе можно имѣть и о частушкѣ какъ матерьялѣ для характеристики народной жизни. Частушка игнорируетъ рядъ явленій, я до сихъ поръ еще занимающихъ значительное мѣсто въ современной народной жизни. Частушка не отражаетъ въ себѣ всей той массы явленій современной народной жизни, которыя въ бòльшей или меньшей мѣрѣ до сихъ поръ удержали свою связь со стариной, отразили на себѣ слѣды старинныхъ понятій, стариннаго склада жизни. Но и явленій чисто современной жизни частушка также касается лишь поверхностно и какъ бы мимоходомъ; въ коротенькомъ стихотвореніи—частушкѣ народъ лишь называетъ, если можно такъ выразиться, то или другое отношеніе, ту или другую тему, иллюстрируя ее однимъ, много двумя сравненіями, метафорами или параллелизмами; но она далеко не исчерпываетъ всего явленія, котораго касается, съ тою полнотой, какой это явленіе часто заслуживало бы. Какъ произведеніе нашего времени, частушки въ ряду другихъ явленій народной жизни безспорно заслуживаютъ внимательнаго собиранія и изученія для болѣе полнаго уразумѣнія этой жизни. Поэтическое произведеніе, какія бы ни были его достоинства и недостатки, не можетъ въ большей или меньшей мѣрѣ не отражать на себѣ условія мѣста и времени, и матерьялъ, представляемый частушками, является съ этой точки зрѣнія цѣннымъ для всякаго изслѣдователя современнаго народнаго быта. Самая бѣдность творчества въ частушкахъ есть явленіе, характерное для нашего времени. Но трудно быть высокаго мнѣнія о самостоятельныхъ достоинствахъ этого рода произведеній которыя наглядно свидѣтельствуютъ объ упадкѣ творчества.—**157.** Рец. на кн. В. Ѳ. Миллера: „Систематич. описаніе коллекцій Даш-

ковскаго этногр. Музея“, в. I.—**216**. О подворномъ землевладѣніи въ Вятской губ. **239**. *А*. Форма крестьянскаго землевладѣнія въ Могилевской губ. (корресп.). **135**. Рецензія на кн. А. Харузина: „Киргизы Букеевской орды“, вып. I. (Труды Антроп. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр. т. X) Моск. 1889 г. Отзывъ о 1-й кн. „Этногр. Обозрѣнія“.

Рязанскія Г. В. — 2. Рождество Христово у разныхъ народовъ.—**6**. Описаніе Бухарскихъ тюремъ, сдѣланное бухарскимъ корреспондентомъ Туркест. Вѣдомостей. Отвратительное содержаніе этихъ тюремъ и крайне жестокое обращеніе съ преступниками характеризуетъ тамошніе грубые нравы (изъ Сам. Вѣд.).—**19**. Очерки дикихъ народовъ: Островитяне Тонга. Описаніе острова Тонга (архипелагъ его составляетъ часть Индо-Малайскаго архипелага) и его жителей, ихъ нравовъ, обычаевъ, наружности, занятій и игръ. (Вопр. Свѣта, 9).—**20**. Обычай привѣтствія при чиханьи; его происхожденіе и значеніе, какое приписывали чиханью въ разное время у различныхъ народовъ (Новь).—**60**, **61**. Село Ильицыно, Зарайск. у. Обычаи и особенности тѣ же, что въ опис. с. Ильинскаго (Ряз. Еп. В. 10), лишь съ нѣкоторыми добавленіями.

Рязанскія Еп. В. 5—10. Матеріалы для историко-стат. описанія епархіи. Кромѣ историч. данныхъ приводятся изрѣдка повѣрья, обычаи и т. п. Такъ, въ № 6, въ описаніи с. Рожнова, Зарайск. у. находимъ слѣд. свѣдѣнія: существуетъ вѣра въ дворного (домового), который то холитъ, то мучитъ скотину на дворѣ; вѣра въ огненнаго змѣя, который прилетаетъ съ заходомъ солнца къ избранной женщинѣ въ образѣ ея мужа и пропадаетъ съ восходомъ солнца; вѣра въ лѣшаго, который любитъ потѣшаться надъ пьяными. До освобожденія крестьянъ было много кликушъ, которыя во время херувимской подымали вой и крикъ; отчитывателемъ ихъ славился діаконъ Ѳома Иларіоновъ. На дѣвичникѣ интересно убираніе елки цвѣтами. Женихъ, пріѣхавъ, окупаетъ елку, сваха накрываетъ ее платкомъ, невѣсту съ подругами отводятъ въ чуланъ или клѣть. Въ день свадьбы женихъ выкупаетъ еще и самую невѣсту; продавщиками являются братъ ея и крестная мать, которая послѣ выкупа сажаетъ жениха на свое мѣсто. Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу на дворѣ послѣ благословенія образомъ «къ суду Божію» поддружье слегка стегаетъ невѣсту плетной, приговаривая: «бросай дѣвичьи привычки, привыкай къ бабьимъ»! Молодые ѣдутъ въ разныхъ повозкахъ. Отъѣхавъ немного, женихъ съ дружкомъ возвращаются. Молодыя женщины, придерживая дверь, выпрашиваютъ денегъ, прежде чѣмъ впустить. Женихъ приглашаетъ къ себѣ на пиръ тестя съ тещей и уѣзжаетъ къ вѣнцу. Иногда во время вѣнчанія ударяютъ три раза въ колоколъ, чтобы «завѣнчать» болѣзнь на молодыхъ. Моло-

дыхъ отъ вѣнца встрѣчаетъ кто-нибудь въ вывороченой шубѣ, чтобы ихъ не испортили; въ такомъ же видѣ встрѣчаетъ всѣхъ пріѣзжихъ сваха съ хмѣльною гущей и брызгаетъ на всѣхъ, окунувъ въ гущу шапку. За столомъ дружка съ полотенцемъ черезъ плечо обноситъ короваемъ. На крестинахъ младенца послѣ крещенья кумовья кладутъ на разостланную шубу приговаривая: „какъ видѣли тебя подъ крестомъ, чтобъ видѣть и подъ вѣнцомъ". Въ заключеніе крестиннаго обѣда повитуха подаетъ въ шапкѣ горшокъ съ кашей, и когда потчуютъ отца новорожденнаго, то насыпаютъ ему въ кашу соли, чтобы чувствовалъ, какъ солоно приходится матери при родахъ. Ворона вѣщая птица: на чью крышу сядетъ—быть тамъ покойнику. Тутъ-же замѣтка о городкахъ и кладахъ.—Въ № 10, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ обычаяхъ с. Ильинскаго и нѣкоторыхъ окрестныхъ селъ и деревень: 1) По крещеніи младенца крестная мать разстилаетъ въ переднемъ углу овчинную шубу и кладетъ на нее младенца съ пожеланіемъ ему счастья, богатства и т. д, Въ концѣ обычнаго угощенія подаются двѣ каши отъ родильницы и повив. бабки, въ пользу которыхъ собираются затѣмъ деньги. Отцу новорожденнаго бабка подноситъ ложку каши пополамъ съ солью. 2) Когда женихъ съ поѣздомъ пріѣзжаетъ за невѣстой, свахи обѣихъ сторонъ сходятся въ сѣняхъ, угощаютъ другъ друга брагой и затѣмъ опрокидываютъ стаканъ на стаканъ. Женихъ съ поѣздомъ ждетъ за воротами, а его дружко входитъ въ избу съ плетью за поясомъ и торгуетъ невѣсту у ея крестнаго отца, который сидитъ съ нею рядомъ за столомъ. на разостланной шубѣ. По окончаніи торга входитъ женихъ съ поѣзжанами. Жениха сажаютъ рядомъ съ невѣстой, предъ ними кладутъ по ломтю пирога и по новой ложкѣ, которые по обычномъ угощеніи относятся въ домъ жениха. На пути къ вѣнцу и отъ вѣнца свадебному поѣзду преграждаютъ путь на околицахъ и перекресткахъ и за освобожденіе требуютъ выкупъ. 3) При помазаніи елеемъ замѣчаютъ, входитъ-ли елей въ тѣло больного или стекаетъ; въ первомъ случаѣ больной выздоровѣетъ, во второмъ — умретъ. 4) При смерти больного ставятъ на окно воду для омовенія души, а въ головахъ покойника кладутъ первый блинъ, когда пекутъ блины для поминовенія. 5) Въ полночь подъ Крещенье ходятъ на рѣку, черпаютъ воду, пьютъ, умываются и несутъ домой какъ освященную свыше. 6) На Вознесенье пекутъ изъ тѣста лѣстницы. 7) На заговѣнье, подъ Петровки (русальское загов.) молодыя бабы и дѣвки идутъ въ поле «провожать русалку». 8) Подъ Ивана Купалу женщины собираютъ росу, какъ цѣлебную. Впрочемъ по словамъ мѣстнаго священника соблюденіе этихъ обычаевъ съ каждымъ годомъ сокращается.—13. Описаніе с. Козлова (Зарайск. у.) и характеристика его жителей.—14. Опиписаніе села Астрамьева и окрестностей.

Самарская Газета.—**135**. Какъ прежде пили и ѣли (Нов. Вр.)—**57**. Ильинъ день (компилятивн. статья).

С.-Петербургскія Вѣдомости.—**257**. Король Менеликъ, властелинъ Шоа, слѣдующимъ образомъ воспроизводитъ одну легенду (о происхожденіи негра), примыкающую къ циклу космогоническихъ. Во время сотворенія міра и перваго человѣка Адама злой духъ выпросилъ у Бога позволеніе тоже сотворить человѣка изъ комка земли. Господь согласился на это; человѣкъ довольно хорошо удался дьяволу, но такъ какъ все, до чего онъ дотрогивался, дѣлалось чернымъ, то и человѣкъ вышелъ у него такого же цвѣта. Сатанѣ это не понравилось; онъ вздумалъ вымыть свое произведеніе, и бросилъ негра въ Іордань; но воды священной рѣки тотчасъ разступились и только ладони и подошвы намокли немного, отчего и сдѣлались свѣтлѣе. Разгнѣванный неудачею, сатана ударилъ своего человѣка по носу и приплюснулъ его. Бѣдный человѣкъ сталъ просить о пощадѣ, и такъ какъ дьяволъ понялъ свою несправедливость, то въ видѣ ласки провелъ рукою по головѣ своего созданія; рука дьявола была, конечно, раскаленная, и потому волосы негра тотчасъ сдѣлались курчавы. Вотъ отчего произошла такая разница между сынами Іафета и Сима и между отродьемъ Хама. Однако черезъ три или четыре поколѣнія Богъ полюбилъ одного маленькаго негра и пересоздалъ его сердце, сдѣлавъ этого ребенка честнымъ, вѣрнымъ, склоннымъ ко всякимъ добрымъ дѣяніямъ. Этотъ-то ребенокъ и основалъ позже королевство Шоа, и король Менеликъ—его потомокъ.

Свѣтъ.—128. Сообщеніе о разрытіи могилы опоицы для прекращенія засухи (см. Моск. Вѣд.).

Сибирскій Вѣстникъ.—**9** и **10**. Миссіонеръ *Сергій Ивановскій*. «Изъ путевыхъ записокъ миссіонера» (о киргизахъ).—**18**. *Ѳ. К—въ*. «Экскурсія въ вершины Бѣлаго и Чернаго Іюссовъ» этнографическіе наброски о качинцахъ, кизыльцахъ, сагайцахъ и койбальцахъ.—**42** *Н. П.* «Инородцы Минусинскаго округа».—**52** *И Алдаровъ*. «Къ вопросу объ иммиграціи китайцевъ въ Приамурскій край».—**64**. *Н. П.* Законы Сперанскаго объ инородцахъ и ихъ примѣненіе теперь. Авторъ говоритъ только о трехъ родахъ качинцевъ: Тубинскомъ, Тинскомъ и Шалошиномъ.

Смоленскій Вѣстникъ.—**2**. *Калугинъ*. «Два слова о с. Княжинѣ, Бѣльск. у.» (Андреевское тожъ, осн. въ 1769 г.; исторія, мѣстополож., промыслы).—**24**, **48**, **53**, **82**. Перечень пожертвованій въ Смоленскій историко-археологич. музей (см. ниже «извѣстія и замѣтки»).—**25**, **26**. *Г. А. Цептаевъ*. Некрологъ Ив. Ник. Харламова († 8 мар. 1887), занимавшагося изслѣдованіемъ народной жизни, преимущественно раскола—его исторіи и современныхъ ученій и толковъ, равно какъ семейной и общественной жизни раскольниковъ. — **26**.

А. Ступиъевъ. «Святочныя игрища въ Ельнинск. у.» Игрища устраиваются въ Рождеств. вечера и подъ Новый годъ или поочередно въ каждомъ домѣ, или по общему соглашенію, гдѣ просторнѣе. Музыкантъ (скрипка или гармонія) назыв. *скоморохомъ* или *посмыкалою;* ему платятъ всѣ участницы поровну деньгами около 2 р. и припасами. Сначала танцуютъ однѣ женщины, потомъ неожиданно являются парни, и начинаются игры и представленія, особенно—«женитьба» и «показываніе чуда». При «женитьбѣ» двое парней при помощи «ошметка» (жгута) заставляютъ своихъ товарищей выбирать себѣ «жонку», затѣмъ каждой парѣ подносятъ «угощеніе» въ видѣ ударовъ жгута, наконецъ является продавщикъ съ сундукомъ и будто продаетъ молодымъ красный товаръ, вмѣсто котораго опять сыплются удары ошметка. «Чудо» большею частью представляетъ громадную лошадь, туловище которой составляютъ двое мужчинъ прикрытыхъ дерюгами, а голова искусственная. Продавцомъ ея является цыганъ, но она околѣваетъ и цыганъ изгоняется. Сцена эта имѣетъ связь съ «вертепной драмой». Игрища оканчиваются общимъ «скаканіемъ» и «играніемъ» пѣсенъ, заимствованныхъ изъ свадебныхъ и другихъ празднествъ; иногда «гуляютъ» въ карты «по носкамъ» и т. п.; водки не бываетъ.—Въ Смолен. у. въ числѣ способовъ народнаго лѣченія практикуется «окуриваніе золотухи» у ребятъ. Среди избы жжется сулема на жаровнѣ, надъ которою держатъ завернутаго ребенка съ $^1/_4$ часа. Противъ грыжи пьютъ царскую водку, которую предварительно «томятъ» положеннымъ въ нее оловомъ, пока она не сдѣлается бѣловатою (перепеч. въ Тамб. Г. В. 39).—**27**. Въ «мѣст. хрон.» по свѣдѣніямъ изъ Писковской вол. Сычевск. у. сообщается о «бракахъ уходомъ» среди мѣстныхъ старообрядцевъ. Молодыя старообрядки, видя безправное положеніе жены старообрядца, который въ каждое время можетъ ее прогнать, предпочитаютъ вѣнчаться въ церкви съ православными, и въ случаѣ сопротивленія старшихъ дѣлаютъ это «уходомъ».—**25**. Изъ Сычевск. у. корресп. о масляничныхъ катаньяхъ и ряженіи въ д. Замошьѣ, Гривской вол. — **34**. Мѣстные смоленскіе археологи съ завѣдующимъ археол. музеемъ С. П. Писаревымъ во главѣ предполагали отправиться этимъ лѣтомъ для раскопокъ кургановъ въ с. Гнѣздово. Результаты пока неизвѣстны.—**40**. «Деревенскіе признаки весны»; сообщены нѣкоторыя примѣты.—**43**. Въ Сапожской вол. Бѣльск. у. знахарь употребляетъ слѣд. составъ противъ сифилиса: киноварь, ртуть, окись ея, азотную кислоту, и еще какое-то вещество; все смѣшивается и дается 3 пріема по стол. ложкѣ.—**44**. Перепеч. изъ «Кіев. Старины» (апр.) замѣтка Петрова о г. Смоленскѣ.—Въ «мѣстн. хрон.» сообщено о «Бурцевой горѣ» въ г. Рославлѣ, возникшей по предположенію въ X в. По преданію подъ этой насыпью скрыта церковь первыхъ христіанъ въ данной мѣст-

ности, принужденныхъ скрываться отъ язычниковъ. На горѣ былъ также замокъ удѣльнаго князя.—**44**, **45**, **47**. Статья «Въ бабьемъ царствѣ» даетъ свѣдѣнія по артелямъ.—**49**. Извѣстіе о пособіи отъ И. Р. Геогр. Общ. его чл.—сотр. В. Н. Добровольскому на собираніе памятн. народн. творчества въ Смоленск. г. — **50**. *С. Б.* «Первое мая»,—празднованіе этого дня, большею частью по печатн. источникамъ.—**51**. Въ Вязьмѣ въ теченіе всей Святой совершаются крестн. ходы изъ собора ко всѣмъ приход. церквамъ (опис. въ Пам. Кн. Смол. г. 1858). При этомъ существуетъ обычай, что прихожане каждаго прихода поочередно угощаютъ у себя своихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Преданіе относитъ установленіе ходовъ къ Алексѣю Михайловичу, который жилъ въ Вязьмѣ, когда повсемѣстно, исключая этого города, свирѣпствовалъ моръ —**52**. *Ф. Пивоваровъ.* «Народное лѣченіе бѣшенства».—**55**. «Краснинское житье»—сборъ вол. писарями по мѣрѣ всякаго хлѣба съ каждаго двора во время Коляды —**60**. *И.Б.* въ корресп. изъ Сычевки замѣчаетъ мимоходомъ, что нѣкоторые случаи болѣзни на скотѣ мѣстныя знахарки объясняютъ тѣмъ, что «полевой въ ухо пролетѣлъ».—**62**. *Н. Селезневъ* пересказалъ «сказку печника Лисея изъ д. Ивонина»—про охотника, который, освободивъ змѣю изъ огня, получилъ даръ понимать языкъ природы. На сколько она искусственна—не беремся судить.—**64**. О кликушахъ въ Сычевск. у.—**71**. Свѣдѣнія о «толокахъ» при унаваживаніи—изъ Сычевки.—**72**. *И. С.* Свѣдѣнія о курганахъ, раскопкахъ и находкахъ въ Юхновск. у. (дополн. въ № 82).—**75**. О мѣстномъ цѣлебномъ ключѣ (желѣзист.)—въ с. Дубровѣ, Юхновск. у.—**77**, **78**, **80**, **81**, **87**, **89**. *Н. П. Виноградовъ.* «Историческій очеркъ г. Вязьмы» (см. №№ 37 и 45). — **84**, Изъ Рославля въ «мѣстн. хр.» сообщено о цѣлебной крыницѣ (ключѣ), называемой Василевскій ровъ и считающейся чудодѣйственною. — **89**. Перепеч. изъ «Недѣли» корр. изъ Смол. г. съ нѣкоторыми данными о землевладѣніи, о поселеніяхъ на „лядахъ" и т. п.

Смоленскія Еп. В.—**7**, **8**. *Н. Соколовъ.* «Нѣсколько чертъ изъ періода управленія Смол. епархіей пр. Гедеономъ» (1728—1761)—на основ. архивныхъ дѣлъ Смол дух. консисторіи. Кандалы, плеть, нещадное сѣченіе передъ консисторіей мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сыскъ съ поличнымъ и т. п.—были обычными средствами наказанія, къ какимъ прибѣгалъ преосвященный. Въ консисторіи хранится т. н. *лисица*—дубовый обрубокъ съ цѣпью и ошейникомъ для наказанія провинившихся священно—и церковно-служителей. При немъ были особыя должностныя лица не духовнаго званія; альдерманы, боярскіе сыны, пристава съ солдатами. Боярскіе сыны исполняли полицейскія обязанности, совершая «доѣзды» по его порученію для разслѣдованія дѣлъ и ареста виновныхъ; альдерманы—живописные мастера.

Судебная газета.—23. *Фридманъ.* Крестьянскіе суды.

Сѣверный Кавказъ (Ставрополь). **53—55.** *Ив Акинфьевъ.* Изъ поѣздки на Кавказъ (путевыя впечатлѣнія отъ Кисловодска до Тифлиса).—**59.** Сообщеніе *Тулатова* овосхожденіи на обѣ вершины Казбека (изъ Терск. Вѣд.).

Тамбовскія Г. В.—50—55. *Н. Нечаевъ.* Свадебные обычаи въ с. Хворостянкѣ Пушинской вол. Усманскаго уѣзда, Описываются обряды при сватовствѣ, запоѣ, сказываньи (уговоръ о величинѣ кладки), вечерины и самый день свадьбы; приводятся величальныя и другія свадебныя пѣсни и причитанія невѣсты. Авторъ прислалъ намъ письменное дополненіе къ этому очерку; онъ сообщаетъ между прочимъ, что мѣстные крестьяне—бывшіе крѣпостные, получившіе полный надѣлъ 3 дес. на душу: всѣ православные—сектантовъ нѣтъ. Отхожихъ промысловъ нѣтъ; главное и почти исключительное занятіе—земледѣліе: на работы ходятъ только къ окружнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ—купцамъ. Живутъ вообще зажиточно. Ярмарокъ кругомъ по близости много.—**57.** Отчетъ о послѣднемъ засѣданіи коммиссіи (при И. Рус. Геогр. Общ. въ Петерб.) для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ (повидимому изъ «Нов. Вр.» № 4709). Въ настоящее время эта комиссія издала программу для собиранія народныхъ юридич. свѣдѣній; подробнѣе о ней см. ниже, стр., 230.

Тамбовскія Еп. В.—4 Извѣстіе о томъ, что Могилевскій епископъ Сергій основываетъ историко-статистическій комитетъ. Предполагается разослать по епархіи особую программу съ вопросами не только по церковной археологіи, но и относительно современнаго положенія церквей приходовъ, количества деревень съ объясненіемъ ихъ названій, особенностей и обычаевъ.—11. Молоканство въ с. Чуевской Алабушкѣ. Преслѣдованіе штундистовъ самимъ населеніемъ.—**12, 13.** Тайны ученія хлыстовъ.

Тверскія Еп. В. Въ № 2, 3, 4, 6. описаны нѣкот. церкви и монастыри—прежде и теперь.—**10.** «По поводу празднованія весеннихъ и лѣтнихъ пятницъ», извлеч. изъ поученія свящ. Покровскаго. Проповѣдникъ думаетъ, что этотъ обычай перенятъ отъ татаръ.

Томскія Епарх. Вѣд.—6. Записки миссіонера Кебезенскаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи священника *Сергія Ивановскаго* за 1888 г.—**8, 9** и **11.** Записки киргизскаго миссіонера, священника *Филарета Синьковскаго* за 1888 г.—**13.** *С. Борисовъ.* Бесѣда съ указнымъ муллой.

Уральскія Войсковыя Вѣд.—4. Замѣтка объ устройствѣ войсковаго музея, въ которомъ имѣютъ быть сосредоточены всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ прежней жизни уральскаго войска.—**7.** «Къ вопросу объ открытіи въ г. Уральскѣ войсковаго музея».

«Только тогда, говоритъ авторъ, музей могъ бы дать наглядное понятіе о прошедшей жизни Уральцевъ, если въ немъ, на ряду съ вещественными памятниками старины Ур. Каз войска, будетъ дано мѣсто памятникамъ старины инородцевъ, кочевавшихъ и кочующихъ въ предѣлахъ Уральской области, со включеніемъ въ него предметовъ, относящихся до религіозно обрядовой жизни тѣхъ и другихъ». —**15, 17**. *П. И. Обротновъ*, «Очеркъ нашего садоводства». Сообщаются данныя о садоводствѣ уральскихъ казаковъ.—**18**. «Киргизская легенда». Разсказывается, почему именемъ мыши называется первый годъ каждаго двѣнадцатилѣтія. Послѣ того, какъ различныя животныя, выставляя каждое свои заслуги, не могли прійти къ соглашенію относительно того, чьимъ именемъ назвать первый годъ двѣнадцатилѣтія, «мучеля» (мышь) предложила назвать этотъ годъ именемъ того изъ нихъ, кто первый увидитъ восходъ солнца при наступленіи названнаго года. Взобравшись на спину верблюда, она имѣла возможность увидѣть первою восходъ солнца, а потому ея именемъ и названъ начальный годъ «мучеля».—**20, 21**. *Н. А. Бородинъ*. О нуждахъ уральскаго рыбнаго промысла и мѣрахъ къ улучшенію его постановки.

Харьковскія Г. В.—119. *В. А.* Рецензія на изданный Отдѣломъ Этнографіи И. О. Л. Е. подъ ред. Н. Харузина. «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи». Указывается на необходимость участія въ этомъ изученіи мѣстныхъ жителей, оттѣняется особенная важность изученія обычнаго права и называются существующія въ литературѣ программы для изученія народнаго быта.—**137**. Въ корреспонденціи изъ г. Остра сообщается о тщетномъ исканіи 20-милліоннаго клада. 20 рабочихъ рыли около мѣсяца и вырыли нѣсколько чел. скелетовъ и желѣзные замки (безъ точнаго указанія мѣстности).—**149**. Въ замѣткѣ о кладоискательствѣ на югѣ Россіи (обзоръ період. печ.) припоминаются прежніе случаи неудачныхъ разысканій по словеснымъ и письменнымъ указаніямъ (близъ г. Остра, недалеко отъ Новгорода-Сѣверска) и приводится изъ «Новостей» сообщенный археологомъ Д. И. Эварницкимъ документъ въ родѣ завѣщанія отъ 1764 г., съ указаніемъ клада въ 27 милліоновъ, зарытыхъ какими-то «40 братьями запорожцами», которые лишены вѣчно страны россійской. Мѣстность указана такъ: «Отъ г. Херсона въ 80 верст., на дачи Дюфимской деревни Одаренкова, въ 2-хъ верст. отъ одной (*оной?*) деревни, есть трактиръ, а отъ трактира въ 1 верстѣ есть кошара, а отъ кошары есть дикой камень 5 саж. длины, на немъ надпись, на томъ мѣстѣ погребѣны 40 казаковъ запорожскихъ»... Дальнѣйшее направленіе подробно указывается въ саженяхъ, въ аршинахъ и шагахъ по примѣтамъ, отъ которыхъ, вѣроятно, не осталось и слѣда.

Червоная Русь. — 30. Иноземная колонизація въ юг.-зап. Руси.—**78**. Великодни крашанки.—**85**. Русскіи колоніи въ угорской Руси.

Черниговскія Г. В.—5. Къ исторіи края, *Ковчинца*. Преданіе объ Екатеринѣ II, графѣ Кушелевѣ и раздачѣ земель. Легенда о Петрѣ Великомъ, его борьбѣ съ Лютрой и Утеранкой и солдатѣ Иванѣ. Любопытна одна изъ подробностей легенды: „Петро выпросывъ земли на шкуру у Утерянки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременцѣ, посшивавъ ихъ, отъ Двини до Двини обовьевъ землю и построивъ крепость". Срв. преданіе о Кароагенѣ и т. д. (Худяковъ, Мат. для изуч. нар. слов., СПБ., 1863, стр. 42. Николичъ, Народне српске приповиjетке, прва свезка, Београдъ, 1842, № 9. Якушкинъ, Соч., 1884, письма изъ Псковск. губ., стр. 243. Köhler, Sagen von Landerwerbung durch zerschnittene Häute, Orient und Occident, III, 185—187; Justinus, XVIII, 5; Grimm, Rechtsalterthümer, 90 слѣд. 939; Dunlop-Liebrecht, Gesch. der Prosadichtungen, 514; James Told, Annals and antiquities of Rajasthan, London, 1832, II, 235; Pott, Die quinare und vigesimale Zählmethode, 2; Meyer въ Kuhn's Zeitschrift, VII, 285 слѣд.; Bulletin des sciences historiques de l'Académie de st. Petersbourg XVI,460; Kottenkamp, die ersten Amerikaner im Westen, 382; Pott въ Supplementband des Philologus, 258; Кулишеръ, Очерки сравн. этн. и культ., СПБ., 1887, стр. 122—3. Sjögrens gesam. Schriften I, 301: Pabst, Bunte Bilder, Reval 1856; I Heft, 26—7, 32—45.—Преданіе было перепеч. въ Кіевлянинѣ и Кіевск. Стар. 1889.

Черниговскія Г. В.—26. Корреспондентъ изъ с. Рожновки Борзенск. у. сообщаетъ о шарлатанѣ знахарѣ «литвинѣ» и при этомъ замѣчаетъ: «Литвинами украинцы называютъ бѣлоруссовъ. Литвины считаются въ Украинѣ знающими, какъ говорятъ, куриное слово. Литвинъ можетъ напустить на человѣка такую чуму, что тотъ будетъ поступать противно своимъ интересамъ; можетъ заворожить злодія, такъ что тотъ не двинется съ мѣста своего преступленія; изъ Литвы бѣгаютъ вовкулаки» и т. п.—**42—44**. Изъ архива гр. Милорадовича — два поземельныхъ документа 1714—8 гг.—**57**. Къ исторіи края, *А. Чубатаго*. Легенда о происхожденіи названія м. Салтыкова—Дѣвица, Черниг. у., отъ утонувшей возлѣ мѣстечка дочери помѣщика Салтыкова; подобное преданіе разсказывается объ озерѣ Твань, возлѣ села Ковчина.

Южный Край—2747. Рождество Христово въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа (1888 г.)—**2810, 2815, 2822**. Козачья колонизація въ XIX в.—**2844**. Послѣ разговѣнья, этногр. замѣтка Чугуевца.

Ярославскія Г. В.—29, 30 и слѣд. *П. Васильевъ*. Кустар-

ная промышленность въ Ярославской губ.—**30** и **51**. *А. Архангельскій*. Пѣсни и причеты Дмитровскаго прихода, Пошехонскаго у., Ярославск. губ. (продолженіе: 10—18).—**34**, **37** и **38**. *В. Ивановскій*. Святочные обычаи—«ряженье» и «гаданье» въ Вощажниковской волости, Ростовскаго у. Обычай рядиться на святкахъ, по словамъ автора, очень распространенъ среди мѣстныхъ жителей не только между молодежью обоего пола, которая для этого собирается въ «компанію», но и между замужними женщинами и пожилыми мужиками. Парни одѣваются обыкновенно стариками, старухами, колдуномъ, солдатомъ или урядникомъ. Дѣвушки дѣлятся на двѣ группы: одна одѣвается парнями; другая не ряженая сопровождаетъ первую для того, чтобы танцовать съ ними. Бабы рядятся только въ одиночку и лишь самыя разудалыя, чаще всего—«цыганками». Мужики рядятся вожаками медвѣдя, котораго изображаетъ одинъ изъ участниковъ. Покупныя маски употребляются, хотя рѣдко. Авторъ, къ сожалѣнію, указываетъ лишь вскользь, что въ старину рядились и «курочкой» и «разбойниками» и т. п. Между тѣмъ было бы крайне интересно познакомиться со старинными способами ряженья и сравнить ихъ съ современными. Кромѣ общеизвѣстныхъ способовъ гаданія на оловѣ, при помощи жженной бумаги, пѣтуха, зеркала и т. п., встрѣчается интересный способъ гаданія на лучинкахъ. Каждая изъ гадающихъ беретъ огарокъ первой зажженой утромъ при затопкѣ печи лучины; затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправляются съ лучинами къ пруду или проруби, куда и опускаютъ лучины; послѣ этого собираются въ избу, гдѣ «сидятъ» и стараются зажечь лучины: чья лучина загорится первой, той дѣвушкѣ предстоитъ и наиболѣе скорое замужество.—**35**. Послѣдствія деревенскаго самолѣченія. Статья содержитъ нѣкоторыя указанія на народные способы лѣченія.—**37**. *А. Неезоровъ*. Рецензія на «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи» (Т. IX Трудовъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э).—**39**. *К. Родосскій*. Народные великопостные «стихи», записанные въ Рыбинскомъ уѣздѣ (6 стиховъ).—**42**. «Изъ области предразсудковъ и суевѣрій, преимущественно существующихъ въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ». Авторъ приводитъ встрѣчаемый имъ у мѣстныхъ жителей списокъ «Сказанія о 12 пятницахъ» и даетъ краткія свѣдѣнія о вѣрѣ населенія въ колдуновъ, объ обрядѣ опахиванья полей, о способахъ толкованія сновъ и нѣкоторыхъ примѣтахъ.—**43**. О кустарной промышленности въ Николо-Тропской волости, Рыбинскаго у. *Н. Оп—на*.—**44**. Особенности народнаго говора населенія Рыбинскаго у. *Н. Оп—на*.—**49** и **50**. Болобановская волость, Рыбинскаго у. въ экономическомъ и бытовомъ отношеніи.—**51**. Замѣтка по поводу статьи А. В. Балова: «Русскій хороводъ. Хороводныя игры въ Яро-

славской губ.» (см. Сѣв. Вѣст. іюнь).—**53 и 54.** *А. В. Баловъ.* Крестьянскіе похоронные обычаи въ Пошехонскомъ у. Авторъ указываетъ на примѣты, на основаніи которыхъ лица, окружающія больного, узнаютъ объ исходѣ болѣзни и приближеніи смерти. Подробнѣе объ этомъ А. В. Баловъ говорилъ въ своей статьѣ «Народныя суевѣрія и предразсудки Пошехонскаго у.» (Яросл. Г. В. 1888 № 43 и 52). Послѣ кончины больного употребителенъ извѣстный и въ другихъ мѣстностяхъ обычай вывѣшивать въ окно полотенце и сохранять въ рукомойникѣ воду для того, чтобы душа могла обмыться. Интересенъ также обычай класть умершему въ руку мелкую мѣдную монету, чтобы онъ могъ заплатить на томъ свѣтѣ за перевозъ черезъ огненную рѣку, отдѣляющую рай, или же для того, чтобы онъ могъ купить себѣ у другихъ покойниковъ мѣсто на кладбищѣ. Съ умершею женщиною кладутъ иногда пряжу. Приводятся употребительныя въ уѣздѣ похоронныя причитанія. Послѣ выноса покойника хозяйка дома садится на нѣсколько минутъ на мѣсто, на которомъ лежалъ покойникъ; затѣмъ выметаетъ полъ, моетъ столъ и лавки, а тряпки, которыми она пользовалась для этого, равно какъ и солому, на которой лежалъ покойникъ, горшокъ, изъ котораго брали воду для омыванія тѣла умершаго, и гребень, которымъ его причесывали, выбрасываетъ за околицей на первомъ перекресткѣ. Далѣе описывается погребальный обѣдъ и поминки, которыя совершаются обыкновенно въ 3, 6, 9, 20, 40 дни послѣ смерти, а также и въ годовщину смерти.—**61.** *А. В. Баловъ.* Дѣтскія народныя игры, пѣсни и присказки въ южной части Пошехонскаго уѣзда. Авторъ приводитъ двѣ колыбельныя пѣсни и 7 дѣтскихъ пѣсенокъ и присказокъ, употребительныхъ въ указанной мѣстности, а также нѣсколько дѣтскихъ игръ; наиболѣе часто играютъ въ «черненькіе», «прятки», «во́рона», «жгутъ», «горѣлки», «жмурки» и т. п.

Ярославскія Еп. В.—2. Рафли у раскольниковъ.—**3.** *А. Соколовъ.* С. Погорѣлое на Ухтомѣ Пошехонск. у.—**5.** *Его же.* Къ лѣтописи с. Кіова Любимск. у.—**7, 11—13.** *Его же.* Село Пилатики Романовск. у. (преданіе о приплывшей иконѣ Б. М.)—**16.** Индійскій праздникъ богини Сангеи.—Китайское ученіе.—**17.** *Н. Лавровъ.* Село Семеновское Пошех. у. по писцовымъ книгамъ 1627 г. По мѣстному преданію, деревни обращались въ пустоши вслѣдствіе разоренія ихъ «панами» (поляками) или выселенія въ низовыя губерніи во время голода.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ БИБЛІОГРАФІИ *).

Н. И. Гродековъ.—Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской Области. Томъ первый: юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889. in 8°, стр. 298+205. Цѣна 3 руб.

Литература о киргизахъ обогатилась новымъ обширнымъ сочиненіемъ Н. И. Гродекова—юридическій бытъ киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-Дарьинской области. Это сочиненіе заключаетъ слѣдующій длинный рядъ главъ: преданіе о происхожденіи киргизовъ и каракиргизовъ, тамга, бѣлая кость, старшинство, мѣстничество, родовое начало, степени родства, власть родителей, совершеннолѣтіе, родъ матери, усыновленіе, опека, побратимство, выдѣленіе сыновей, наслѣдство, свадебные обычаи и обряды (съ большими подробностями), пользованіе землей и водой, кочеваніе, общее имущество, гостепріимство, наемъ, находка, подарки, долги, торговля, преступленія, воровство, баранта, давность, устройство народнаго суда, біи (судьи), порядокъ разбора дѣлъ, свидѣтели, поручители, улика, присяга, штрафы, тѣлесныя наказанія, посрамленіе, изгнаніе, пари, метаніе жребія, духовенство и школы, игры, похороны; затѣмъ помѣщено 258 пословицъ и поговорокъ, списокъ урановъ (боевыхъ криковъ), списокъ и рисунки тамговъ (родовыхъ знаковъ), нѣкоторыя свадебныя пѣсни, до четырехъ сотъ рѣшеній біевъ и др. — все на 503 довольно большихъ страницахъ. Уже просто перечень всѣхъ этихъ вопросовъ, которые задѣты въ сочиненіи Н. И. Гродекова, дѣлаетъ каждому очевиднымъ, что намъ переданъ цѣлый кладъ. Если же принять во вниманіе ту детальность, которую мы встрѣчаемъ въ тѣхъ или другихъ вопросахъ, и почти полное отсутствіе въ существующей до сихъ поръ литературѣ о киргизахъ свѣдѣній объ юридическомъ бытѣ этихъ инородцевъ, то цѣнность сочиненія Н. И. Гродекова возрастаетъ еще больше. Вообще говоря, литература по киргизскому племени весьма обширна, на что бы мы ни взглянули, уже не говоря о топографіи мѣстности, на религію ли, на исторію, на одежду, свадебные обряды, кочевой образъ жизни, хозяйство, торговлю, судоустройство и судопроизводство и т. д.,—по всѣмъ этимъ вопросамъ встрѣчаемъ мы многочисленныя замѣтки, статьи, брошюры, даже цѣлыя сочиненія.

---

*) Отдѣлъ рецензій былъ уже оконченъ печатаніемъ, когда были доставлены эти двѣ замѣтки. Одна изъ нихъ тѣсно примыкаетъ къ напечатанной выше замѣткѣ о новой книгѣ о киргизахъ, другая касается одного изъ весьма существенныхъ и настоятельныхъ вопросовъ—программы этнографическихъ изслѣдованій. Въ виду этого мы не откладываемъ этихъ статеекъ до декабрьской книжки, чтобы онѣ не были слишкомъ запоздалыми. *Ред.*

Мнѣ лично извѣстно слишкомъ 500 сочиненій, брошюръ, газетныхъ и журнальныхъ статей, касающихся и быта, и жизни киргизовъ, и исторіи ордъ, и топографіи страны. Но, не смотря на это количество статей, киргизская народность считается неизслѣдованной. Это имѣетъ свою долю правды. Громадное большинство сочиненій, относящихся къ киргизамъ, начиная съ конца прошлаго столѣтія и до настоящаго времени, страдаютъ отрывочностью данныхъ, отсутствіемъ системы. Но этого сказать нельзя про всѣ сочиненія—изъ большого ряда краткихъ статей и замѣтокъ выдаются весьма полныя сочиненія и статьи слѣдующихъ авторовъ: Аткинсона, Радлова, Георги, Залескаго, Левшина, Даля, Маковецкаго, Палласа, Бларамберга, Евреинова, Зеланда, Ханыкова, Эверсмана, Иванина, Гебеля, Красовскаго, Мейера, Островскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Эти авторы своими сочиненіями могутъ дать основу для изученія киргизовъ. Въ теченіе долгаго времени измѣнялась въ своемъ быту киргизская народность, соотвѣтственно ея столкновенію преимущественно съ русской культурой, въ силу чего многія статьи устарѣли: онѣ интересны теперь только какъ матеріалъ для сравненія. Напримѣръ, сочиненіе А. Левшина, нѣкогда классическое по своей полнотѣ, утратило до извѣстной степени свое значеніе въ виду того, что съ 20-хъ годовъ киргизская народность въ своемъ быту сильно измѣнилась, даже больше—мѣстами окончательно переродилась. Прослѣдить это постоянное измѣненіе въ киргизскомъ быту за разные годы и въ разныхъ мѣстностяхъ было бы весьма интереснымъ. Многія статьи заключаютъ въ себѣ краткое описаніе топографіи мѣстности, дѣленіе киргизскаго племени на орды и роды, описаніе одежды, элементарныя указанія на свадебные обряды, на кочевую жизнь (эти свѣдѣнія, повторяющія одно и то-же, имѣются сотнями), но лишь не многіе изъ авторовъ вникаютъ въ суть быта этой интересной народности. Нѣкоторыя статьи страдаютъ и тѣмъ недостаткомъ, что въ нихъ нѣтъ точнаго указанія на мѣстность, гдѣ тѣ или другіе обычаи въ ходу, далѣе къ какому времени относится тотъ или другой обычай или обрядъ.

Въ текущемъ (1889) году появилось въ свѣтъ новое сочиненіе, посвященное спеціально юридическимъ обычаямъ киргизовъ; по полнотѣ и по количеству данныхъ ему нѣтъ равнаго въ современной литературѣ о киргизахъ ни одного сочиненія. Авторъ его Н. И. Гродековъ, какъ видно изъ его предисловія, въ началѣ 80-хъ годовъ вступилъ въ управленіе Сыръ-Дарьинской Области и, подмѣтя пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ по обычному праву киргизовъ, рѣшилъ собрать возможно полныя свѣдѣнія по этому вопросу и съ этою цѣлью побудилъ В. П. Наливкина составить программу для «сбора постановленій киргизскаго обычнаго права» и пригласилъ А. Н. Вышнегорскаго собрать по этой программѣ возможно больше свѣдѣній. При-

чина, побудившая Н. И. Гродекова собирать свѣдѣнія по обычному праву киргизовъ и каракиргизовъ, заключается въ важности и значеніи обычнаго права «для правильнаго устройства управленія и суда въ средѣ кочеваго населенія нашихъ среднеазіатскихъ областей». Цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ, очевидно, составленіе „свода современныхъ юридическихъ обычаевъ киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-Дарьинской Области". Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора, что изученіе обычнаго права не только важно, но и необходимо для устройства правильнаго управленія данной народностью. Именно незнаніе обычнаго права нашихъ инородцевъ заставляло насъ неоднократно дѣлать крупные промахи и ошибки, которыя впослѣдствіи тяжело ложились на насъ же самихъ, и съ этой-то точки зрѣнія слѣдуетъ отдать должную честь Н. И. Гродекову за его трудъ. Если и существуютъ нѣкоторые пробѣлы, то о нихъ, въ виду общей полноты свѣдѣній, упоминать не имѣетъ смысла.

Но существуетъ и другая сторона, о которой упоминаетъ самъ авторъ—это сторона научная. Съ точки зрѣнія науки это сочиненіе можетъ интересовать въ одинаковой степени юриста и этнографа. Объ юридическомъ значеніи сочиненія Н. И. Гродекова мы говорить не станемъ, но остановимся на значеніи этнографическомъ.

Обычное право стоитъ въ тѣсной связи съ этнографіею, и мы поступили бы несправедливо, если бы эту отрасль знанія исключили изъ этнографической науки, напротивъ мы должны положить возможно болѣе усилій для изслѣдованія обычнаго права съ точки зрѣнія этнографической; правда, мы столкнемся съ нѣкоторыми вопросами чисто юридическаго характера, но несправедливо будетъ выдѣлить на этомъ основаніи обычное право, какъ отрасль знанія, принадлежащую исключительно юридическимъ наукамъ. Вотъ почему и для этнографа трудъ Н. И. Гродекова представляетъ большую цѣнность.

Мы выше говорили о цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ авторъ при своей работѣ; повторяемъ, если имѣть исключительно въ виду составленіе «свода современныхъ юридическихъ обычаевъ», то сочиненіе вполнѣ удовлетворяетъ предначертанной программѣ, но мы въ правѣ требовать отъ сочиненія бо́льшаго. Перечисленіе обычаевъ и обрядовъ насъ удовлетворить никакъ не можетъ: нужна мысль, руководящая нить, освѣщеніе,—именно то, чѣмъ очевидно не задавался авторъ. Возьмемъ, какъ примѣръ, главу II—«родовое начало». Она начинается слѣдующими словами: «Огромное значеніе родового начала вытекаетъ изъ права сильнаго: личность находитъ защиту только у своего рода, за поступки ея отвѣчаетъ родъ. При неуплатѣ хуна убивается не непремѣнно убійца, а любой человѣкъ изъ его рода. Невѣста принадлежитъ не лицу, а роду» и т. д.,—свѣдѣнія, конечно, весьма цѣнныя, но въ изложеніи нѣтъ связи; это простое пере-

численіе того, что есть, это кодексъ, пользоваться которымъ вообще трудно именно потому, что нѣтъ ни связи, ни выводовъ. Далѣе авторъ предполагаетъ, что многое читателю уже извѣстно, и не останавливается на самыхъ, съ перваго взгляда, простыхъ вещахъ, которыя между прочимъ должны освѣтить все: онъ, напримѣръ, не говоритъ ничего объ родовомъ началѣ вообще у киргизовъ, объ родовомъ устройствѣ какъ идеѣ. Тоже самое встрѣтимъ мы въ любой главѣ, тоже самое и въ приложеніяхъ: такъ авторъ приводитъ списокъ урановъ и рисунки тамговъ, не распространяясь ни о томъ, ни о другомъ. Какъ намъ кажется, на каждомъ лицѣ, обладающемъ такимъ цѣннымъ и большимъ матеріаломъ, какъ Н. И. Гродековъ, лежитъ непремѣнная обязанность разработать его, поставить въ систему и тѣмъ облегчить трудъ лицъ, которыя интересуются даннымъ вопросомъ, освѣтить свой матеріалъ, что сравнительно не трудно при хорошемъ знакомствѣ съ данной народностью, а не оставлять свой матеріалъ просто матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей, которые въ свою очередь, быть можетъ, не имѣя возможности изслѣдовать киргизовъ лично, не имѣя возможности познакомиться съ условіями жизни киргизовъ на мѣстѣ, дадутъ не всегда вѣрное объясненіе тѣмъ фактамъ, которые представлены столь обильно въ книгѣ Н И. Гродекова. Сочиненіе его всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ о киргизахъ, занимаетъ теперь первое мѣсто въ обычномъ правѣ киргизовъ, но останется всегда лишь матеріаломъ для изслѣдованія юридическаго быта киргизовъ. Къ книгѣ приложено 11 гравюръ и этнографическая карта Сыръ-Дарьинской области.

А. Х.

Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. (Изданіе Комиссіи собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, состоящей при Отд. Этнографіи Им. Русск. Геогр. Общества. СПБ. 1889 ,. стр. IX+85 in 8°. ц. 40 к.).

Изученіе народнаго быта, развивающееся съ каждымъ годомъ, вызвало появленіе инструкцій и программъ для облегченія изучающимъ бытъ народный ихъ нелегкой задачи. Начиная съ 1847 года, времени, когда впервые Императорскимъ Русс. Географическимъ Обществомъ была издана первая программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, мы видимъ цѣлый рядъ программъ, заключающійся вышедшей на дняхъ програмой, заглавіе которой выписано выше. Эта послѣдняя, касаясь вопросовъ, относящихся къ юридической жизни народа, ставитъ и другіе, которые находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ вопросами права, чѣмъ изслѣдователю дается большій просторъ при изслѣдованіяхъ, возможность не ограничивать ихъ узкой рамкой

вопросовъ чисто юридическихъ. По своему содержанію она является наиболѣе полной, такъ какъ, кромѣ права гражданскаго и уголовнаго, въ нее включены еще отдѣлы о судопроизводствѣ и общинномъ владѣніи, чего не было сдѣлано въ наиболѣе полной до сего времени «Программѣ для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ» изданной Отдѣломъ Этнографіи при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ 1887 году *). Являясь такимъ образомъ по количеству затрагиваемыхъ отдѣловъ наиболѣе полной, програмиа, къ сожалѣнію, не является таковой же и въ отношеніи разработки вопросовъ по перечисленнымъ отдѣламъ. Такъ, напримѣръ, такому интересному явленію народной жизни, какъ артели, програмиа посвящаетъ лишь 5 вопросовъ (217—221); принимая во вниманіе, что нѣкоторые вопросы разбиты на нѣсколько пунктовъ, окажется, что артелямъ посвящено всего 13 вопросовъ. Вслѣдствіе этого такія рубрики, какъ о личномъ составѣ артели, ея имуществѣ, правахъ и обязанностяхъ членовъ артели, составляющія въ «Программѣ для собир. свѣдѣній объ юрид. обыч.» 1887 года—124 вопроса, заключаются въ новой програмиѣ въ одномъ вопросѣ: «Каково устройство артели?» Естественно, что такой общій и широкій вопросъ затрудняетъ съ одной стороны собирателя, съ другой не даетъ ему возможности подмѣтить тѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, которыми такъ богаты разные виды русскихъ артелей. Не касаясь другихъ подобныхъ сокращеній, могущихъ вредно отразиться на отвѣтахъ собирателя, укажемъ еще на одинъ, и въ данномъ случаѣ пожалуй болѣе существенный недостатокъ: «Хотя вниманіе собирателя, читаемъ мы въ предисловіи къ програмиѣ, согласно содержанію и цѣли программы должно быть сосредоточено главнымъ образомъ, на изученіи быта русскаго населенія, но при благопріятныхъ условіяхъ было бы желательно, чтобы отмѣчались и племенныя особенности быта живущихъ въ предѣлахъ Россіи инородцевъ». Слѣдовательно програмиа разсчитана до извѣстной степени и на инородцевъ. Между тѣмъ всякій, кто для ознакомленія съ бытомъ инородцевъ сталъ бы пользоваться этой программой, менѣе всего могъ бы оттѣнить особенности инородческаго быта. Многія черты быта инородцевъ, налагающія на ихъ обычное право своеобразный отпечатокъ, почти совсѣмъ не освѣщены въ програмиѣ. Такъ относительно родового устройства, имѣющаго такое большое вліяніе на все право народа, мы встрѣчаемъ въ програмиѣ лишь одинъ вопросъ (вопр. 1-й главы I-й). О сословномъ устройствѣ у инородцевъ нѣтъ никакого упоминанія. Между тѣмъ въ програмиѣ, изданной Отдѣломъ

*) Програмиа эта имѣется еще въ запасѣ при Этнографическомъ Отдѣлѣ, равно какъ и общая „Програмиа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній“. *Ред.*

Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, этимъ пунктамъ посвящено 67 вопросовъ. Относительно кровной мести и выкупа за убійство мы встрѣчаемъ въ нововышедшей програмкѣ нѣсколько разбросанныхъ вопросовъ, далеко не обнимающихъ того, что сдѣлано по этимъ отдѣламъ програмой, изданной Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и т. д. Въ виду важности собиранія данныхъ объ юридическихъ обычаяхъ народа является желательнымъ, чтобы всякая, выходящая вновь програма пополняла и совершенствовала предшествовавшую ей; этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать про новоизданную въ Петербургѣ програму. Введя въ свое содержаніе новые отдѣлы сравнительно съ програмой изданной въ Москвѣ 1887 г., она исполнила часть задачи. Но, сокращая до minimum'а вопросы, она сдѣлала шагъ назадъ и вмѣсто того, чтобы облегчить, скорѣе затруднить изслѣдователя. Что касается новаго отдѣла, введеннаго програмой, то и онъ выполненъ далеко не тщательно. Относительно судоустройства и судопроизводства програма упустила изъ виду важность судовъ неоффиціальныхъ: имъ посвящено лишь 5 вопросовъ. Между тѣмъ третейскіе суды, суды родственниковъ и т. д. господствуютъ не только въ быту нашихъ инородцевъ, но и среди русскаго крестьянскаго населенія, а въ иныхъ мѣстахъ замѣняютъ почти всецѣло суды оффиціальные. Фактъ существованія ихъ въ крестьянской средѣ, а также и то, что они хранятъ въ себѣ много переживаній далекаго быта, дѣлаетъ ихъ важными для науки обычнаго права, заслуживающими большаго вниманія, чѣмъ имъ удѣлено въ програмкѣ. Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что если и нельзя не отнестись сочувственно къ факту изданія програмы, то нельзя и не пожалѣть, что она выполнена такъ, что позволяетъ желать много лучшаго, въ особенности если знать, что она издана такимъ ученымъ Обществомъ, какъ Императорское Русское Географическое Общество.

Н. Х.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Дѣятельность ученыхъ обществъ, музеи, выставки, съѣзды, публичныя чтенія и пр.

— Этнографическій Отдѣлъ Имп. Общ. Любит. Естествозн., Антроп. и Этнографіи при Московскомъ университетѣ имѣлъ въ текущемъ году еще два засѣданія (см. 1 кн. „Этн. Обозр". 177), а именно: 1) 8 мая выслушаны были доклады *Н. Л. Абазадзе*: «Грузинская семейная община» и *Н. А. Янчука*: «Рождественскій вертепъ на Подлясьѣ» (дополненная обработка тѣхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, которыя нѣсколько раньше, въ виду обилія польскихъ текстовъ, были имъ напечатаны въ варш. журналѣ Wisła 1888, кн. 4); предназначавшійся къ чтенію третій докладъ *В. Н. Сѣнъ*: «Этнографическія данныя изъ Тарасовской слободы Харьк. г.» былъ отложенъ, но онъ вошелъ въ 1-ю кн „Этногр. Обозрѣнія". 2) 28 сент. читаны были рефераты: *Н. А. Янчука*: „50-лѣтній юбилей этнографа О. Кольберга" (напеч. въ этой книжкѣ), *А. А. Ивановскаго* „Историко-этнографическій очеркъ торгоутовъ", и имѣлъ быть читанъ, но отложенъ до слѣд. засѣданія рефератъ *В. В. Каллаша* „Историческія лица и событія прошлаго вѣка въ народныхъ преданіяхъ", часть коего составляетъ статья „Палій и Мазепа" въ этой книжкѣ. Отчетъ о первомъ изъ этихъ засѣданій см. въ „Рус. Вѣд.", № 130 и въ „Моск. В." № 129, о послѣднемъ въ „Рус. В." № 272 и въ „Моск. Вѣд." № 271; въ дополненіе къ этому отчету можемъ указать на корр. въ „Моск. Вѣд." № 262, заключающую свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи г. Ивановскаго въ Китай къ торгоутамъ.

— Имп. Московское Археологическое Общество дѣятельно готовится къ восьмому археологическому съѣзду. который имѣетъ быть въ Москвѣ въ Историческомъ Музеѣ съ 8 по 24 янв. 1890 г. При съѣздѣ будетъ устроена богатая выставка въ залахъ Историч Музея и отчасти Моск. Архива Иностранныхъ дѣлъ. Коллекціи на выставку уже присылаются отовсюду, какъ отъ учрежденій, такъ и отъ частныхъ лицъ. Въ члены съѣзда можетъ записаться всякій, кто изъявитъ желаніе принять участіе въ его занятіяхъ и внесетъ

4 руб., послѣ чего ему выдается или высылается по почтѣ членскій билетъ, дающій между прочимъ право льготнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Записываться заблаговременно можно въ Моск. Археологич. Обществѣ (Москва, Берсеневка), или же въ Петербургскомъ. Съѣздъ будетъ раздѣляться на девять секцій: 1) Древности первобытныя. 2) Древности историко-географическія и этнографическія. 3) Памятники искусствъ и художествъ. 4) Русскій бытъ—домашній, юридическій и общественный. 5) Памятники церковные. 6) Памятники славяно-русскаго языка и письма. 7) Древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія. 8) Древности восточныя и языческія. 9) Памятники археографическіе. По всѣмъ этимъ отдѣленіямъ уже заявлено разными лицами 73 сообщенія, *) въ томъ числѣ по историко-географическо-этнографическому отдѣленію 15 рефератовъ. Заглавія ихъ перечислены въ недавно изданной Обществомъ и разосланной брошюрѣ: «Восьмой Археологическій съѣздъ въ память 25-ти лѣтъ со времени основанія Имп. Моск. Археологическаго Общества»; тутъ же правила съѣзда, составъ предварительнаго комитета и 50 запросовъ, на которые желательно получить разъясненія на съѣздѣ. (Эту брошюру не слѣдуетъ смѣшивать съ изданною раньше, о которой было говорено въ 1 кн. «Этногр. Обозрѣнія» 172).

Имп. Рус. Географич. Общество снарядило въ этомъ году нѣсколько экспедицій, которыя имѣютъ въ виду и этнографическія цѣли. Полковникъ генеральнаго штаба *М. В. Пѣвцовъ* въ сопутствіи офицеровъ В. И. Роборовскаго и К. П. Козлова, геолога К. И. Богдановича и др. продолжаетъ изслѣдованія покойнаго Н. М. Пржевальскаго въ Азіи (Тибетъ). Экспедиція продолжится до конца 1890 г. („Новости“). Отрывочныя свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи попадаются въ частныхъ телеграммахъ, напр. отъ 29 сент.—При обществѣ открыта подписка на учрежденіе преміи и медали имени Пржевальскаго.—Капитанъ *Б. Г. Громбчевскій*, старшій чиновникъ особ. порученій при начальникѣ Ферганской области, предпринялъ вмѣстѣ съ другими экспедицію въ Среднюю Азію отъ имени Геогр. Общ. на средства Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича. Экспедиція продлится 8—12 мѣсяцевъ („Kraj“, № 14). Въ прошломъ году г. Громбчевскій тоже былъ въ экспедиціи отъ имени Геогр. Общества при поддержкѣ ген. адъют. Розенбаха. Прошлогодняя

*) Новыя заявленія могутъ быть присылаемы на имя предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой, (Моск.; Берсеневка, д. Археол. Общ.).

экспедиція длилась въ течепіе мѣсяцевъ іюля—ноября. Между прочимъ собраны этнографическія коллекціи, около 120 фотографич. снимковъ видовъ и типовъ, составлены словари канжутскаго и ваханскаго нарѣчій. („Елисаветгр. Вѣстн.“ 40, смѣсь: отчетъ о сообщеніи г. Громбчевскаго въ засѣданіи И. Р. Геогр. Общества 1 февр.).—Секретарь этнографическаго отдѣленія И. Р. Геогр. Общ. *Ѳ. М. Истоминъ* предпринялъ весною поѣздку въ Печорскій край вмѣстѣ съ сѣверной экспедиціею, снаряженной министерствомъ госуд. имуществъ съ геологическою цѣлью. Г. Истоминъ предполагаетъ заняться мѣстной стариной и имѣетъ въ виду распространить этнографическія наблюденія не только на русскихъ, но и на инородцевъ, какъ напр. зырянъ, самоѣдовъ („Вит. Г. В.“ № 19, „Сынъ Отеч.“).—При Обществѣ образована комиссія для обсужденія вопроса объ изслѣдованіи литовскихъ губерній («Вилен. Вѣстн.» 70, «Елисаветгр. В.» 72).

— Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края, возникшее въ 1874 г. по случаю празднованія въ Астрахани 30 мая 1872 г. двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Петра I (въ память пребыванія Петра въ Астрахани въ 1722 г.) и закончившее было свою дѣятельность послѣ годичнаго существованія, вызвано опять къ жизни съ 1886 г. и въ настоящее время постепенно развиваетъ свою дѣятельность, какъ видно изъ «Отчета» за время съ 7 сент. 1886 г. по 31 дек. 1887 г. (изд. въ Астрах. 1889, 8° стр. 52), заключающаго въ себѣ и исторію Общества. Дѣятельность Общества въ новомъ періодѣ его существованія первое время была направлена: 1) на изданіе сборника, который бы заключалъ цѣнные и рѣдкіе матеріалы объ Астрахани и Астраханскомъ краѣ, 2) на разработку мѣстныхъ архивовъ при посредствѣ особой коммиссіи, 3) на устройство въ Астрахани публичнаго музея. Сборникъ приготовленъ къ печати; музей пополняется коллекціями и состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: историко-этнографическаго, естеств.-историч. и торгово-промышл. Съ 1887 г. при Обществѣ образованы двѣ секціи: историко-этнографическая и естественно-историческая. Секція историко-этнографическая была занята: 1) составленіемъ и распространеніемъ программы для собиранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю (обработана чл. Н. Ф. Леонтьевымъ), 2) составленіемъ указателя матеріаловъ по Астрах. краю, 3) выработкою плана «Словаря достопамятныхъ лицъ Астрах.

края», составленіе коего уже начато, 4) учрежденіемъ архивной коммиссіи, 5) научными экскурсіями и сообщеніемъ рефератовъ.

— Уральское Общество Любителей Естествознанія (въ Екатеринбургѣ) занято въ послѣднее время приведеніемъ въ порядокъ коллекцій своего музея и ихъ систематическимъ описаніемъ. Недавно изданъ и поступилъ въ продажу II отдѣлъ «Каталога» составленнаго хранителемъ музея *Д. И. Лобановымъ* (Екатеринб. 1889. стр. 20 in 8°, ц. 40 к.), Онъ заключаетъ въ себѣ этнографію и археологію. Этнографическая часть раздѣлена по народностямъ, при чемъ описываемые предметы распредѣлены по рубрикамъ: жилище, одежда и обувь, пища, художественные предметы и орудіе, религіозные предметы, перевозочные предм., музыкальные инструменты, дѣтское воспитаніе, медицина и т. д., иногда съ объясненіемъ ихъ употребленія, съ указаніемъ мѣстности и жертвователей. Изъ народностей представлены въ вещевыхъ коллекціяхъ пермяки (161 номеръ), вогулы (92 номера), вотяки (62 №), черемисы (87 №), башкиры (71 №), дунгане (82 №), самоѣды (22 №), китайцы (13 №), тунгусы (1 №), киргизы (19 №), буряты (13 №), якуты (31 №). По каждой народности даются предварительныя свѣдѣнія о ея мѣстожительствѣ, образѣ жизни, религіи, занятіяхъ и т. д. Археологическій отдѣлъ каталога содержитъ рубрики: предметы доисторическіе, старинныя вещи, фотографіи и пр.

— Харьковское Историко-филологическое Общество въ одномъ изъ своихъ засѣданій слушало докладъ проф. *Н. Ѳ. Сумцова* о народныхъ воззрѣніяхъ на демоническое происхожденіе болѣзней вообще и въ особенности колтуна, сумасшествія и эпилепсіи. Краткій отчетъ см. въ «Харьк. Г. В.» № 90. Въ томъ же засѣданіи рѣшено было перепечатать программу (какую?) для собиранія историческихъ, археологич. и этнографическихъ матеріаловъ съ дополненіями, предложенными проф. Д. И. Багалѣемъ. Новую редакцію программы взялъ на себя чл. общества. М. П. Савиновъ.

— «Латышское Общество» въ Ригѣ образовало при себѣ особую комиссію для собиранія народныхъ древностей. Въ февралѣ Общество праздновало свою 21-ю годовщину. Предсѣдателемъ вновь избранъ г. Гросвальдъ («Риж. Вѣстн.»).

— Научно-промышленная выставка въ Казани, устраивающаяся по иниціативѣ мѣстнаго университетскаго

Общества Естествоиспытателей при поддержкѣ города и земства, имѣетъ быть съ 1 мая будущаго года по 15 сентября. Въ числѣ отдѣловъ ея первымъ поставленъ научный, вмѣщающій въ себѣ между прочимъ отдѣленія: историко-этнографическое, антропологическое и археологическое. Проектируется также устройство особаго отдѣла—«книжнаго», въ которомъ имѣютъ быть сосредоточены всѣ статистико-экономическія, этнографическія и другія изслѣдованія Волжско-Камскаго края, Сибири и Средней Азіи. Положеніе о выставкѣ уже утверждено оффиціальнымъ путемъ и начинаютъ поступать въ комитетъ выставки заявленія объ участіи.

— Восьмой съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей имѣетъ быть въ Петербургѣ (въ зданіи университета) съ 28 декабря по 7 янв. 1890 г. Членомъ съѣзда (со взносомъ 3-хъ руб.) можетъ быть всякій, кто занимается естествознаніемъ; но правами голоса на съѣздѣ пользуются только ученые, напечатавшіе самостоятельное сочиненіе или изслѣдованіе по естественнымъ наукамъ, а также преподаватели этихъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Область естествознанія съѣздъ понимаетъ очень широко, и въ свою программу онъ включилъ между прочимъ отдѣлъ географіи, этнографіи и антропологіи. Засѣданія секцій имѣютъ быть 29, 30, 31 дек и 3, 4, 5 янв. Заявленія объ участіи въ съѣздѣ принимаются до 15 дек. въ университетѣ. Подробности въ газетахъ (напр. въ «Варш. Дневн.» № 157).

— Въ Елисаветградѣ устроенъ музей при земскомъ реальномъ училищѣ и находится подъ завѣдываніемъ учителя *В. Н. Ястребцова*. Кромѣ чисто археологическихъ вещей, музей содержитъ и вещи этнографическія: предметы быта, костюма и т. п.

— Въ г. Уральскѣ устраивается войсковой музей, въ которомъ будутъ сосредоточены коллекціи, касающіяся быта уральскаго войска, особенно прежней его жизни (см. выше «Уральск. Войск. Вѣд.»).

— Смоленскій археологическій музей, находящійся въ зданіи городской думы подъ завѣдываніемъ *С. П. Писарева*, постоянно пополняется этнографическими и историко-археологическими предметами. Перечни жертвуемыхъ предметовъ печатаются въ „Смол. Вѣсти." (№ 24, 35, 48, 53, 82), откуда можно познакомиться съ коллекціями музея. Члены музея предпринимаютъ также научныя поѣздки (см. библіогр. „Смол. В.").—

Съ 8-го сент. открыта въ Смоленскѣ сельско-хозяйственная и научно-промышленная выставка (Моск. Вѣд. № 252).

— По сообщенію „Смоленскаго Вѣстника" (№ 37), въ г. Вязьмѣ 5 и 12 марта преподаватель гимназіи *Н. П. Виноградовъ* прочелъ двѣ публичныя лекціи по исторіи города Вязьмы въ пользу „Общества вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ Вяз. гимназіи." Помимо объясненія той роли, какую игралъ этотъ городъ во внѣшней политич. исторіи Россіи и Литвы, лекторъ касался и другихъ историко-этнографич. вопросовъ, напр. вопроса о древнѣйшемъ населеніи мѣстнаго края, о правахъ мѣстнаго общества XVII и XVIII вв. и т. д. Древнѣйшимъ населеніемъ края были финны, отъ которыхъ, по объясненію лектора, и городъ получилъ свое названіе (вясь-племя). Къ сожалѣнію, репортеръ „Смоленскаго Вѣстника" отнесся нѣсколько иронически къ хорошему начинанію (отвѣтъ г. Виноградова, см. въ № 45 той-же газ.). Лекціи печатаются въ „Смоленскомъ Вѣстн." (см. библіогр.).

— Въ Парижѣ во время всемірной выставки, именно съ 18 (30) сентября втеченіе одной недѣли происходилъ международный этнографическій конгрессъ въ Трокадеро подъ предсѣдательствомъ *Жюля Опперта*. Изъ русскихъ въ числѣ делегатовъ были названы кн. Гагаринъ (Одесса), Юферовъ (СПБ) и Кукурановъ (Казань), Этнографическій Отдѣлъ Моск. Общества Люб. Естествознанія привѣтствовалъ конгрессъ сочувственной телеграммой. Конгрессъ подраздѣлялся на секціи: 1) общей этнологіи, 2) этики, народнаго права и соціологіи, 3) этнографич. психологіи, 4) сравнительныхъ религій (въ числѣ референтовъ въ этой секціи былъ намѣченъ д-ръ *Михаловскій*: „Религія древн. славянъ"), 5) лингвистики, 6) археологіи и изящныхъ искусствъ.

— По газетнымъ извѣстіямъ Краковская Академія Наукъ издала этнографическія записки о Полѣсьѣ волынскомъ, составл. кс. *Брыкчинскимъ*. Онѣ заключаютъ свѣдѣнія объ обычаяхъ и обрядахъ, семейныхъ и общественныхъ празднествахъ, занятіяхъ, съ прибавленіемъ большого количества пѣсенъ („Мин. Лист." 34, изъ „Нов.").

— Семейство покойнаго галицко-русскаго историка и этнографа *Я. Ѳ. Головацкаго*, умершаго 1 мая 1888 г., пожертвовало оставшіяся послѣ него русскія книги и журналы въ Народный Домъ во Львовѣ; галицко русскія изданія — въ Импер. Публичную

Библіотеку, съ тѣмъ чтобы при ней было основано особое галицко-русское отдѣленіе; нѣмецкія изданія и книги на другихъ славянскихъ языкахъ отданы въ Виленскую публичную библіотеку, которою онъ завѣдывалъ въ послѣднее время, а рукописи обѣщаны галицко-русской Матицѣ. („Вил. Вѣстн.“ 76). Свѣдѣнія о происхожденіи и семьѣ покойнаго приводитъ „Вил. Вѣстн.“ (№ 101) изъ „Червоной Руси.“. — Замѣтимъ кстати, что мѣсто завѣдующаго Виленскою публичною библіотекою и музеемъ послѣ Головацкаго занялъ г. *Крачковскій*, извѣстный изслѣдователь западнаго края, въ особенности Гродненской губ. Будемъ надѣяться, что г. Крачковскій оживитъ мѣстныхъ ученыхъ, замершихъ въ бездѣйствіи, сумѣетъ сплотить вокругъ себя новыя силы и направитъ ихъ на изслѣдованіе мѣстнаго края, что является крайне настоятельною потребностью. Отъ него именно можетъ итти инціатива образованія такого мѣстнаго ученаго общества, о какомъ уже были высказаны пожеланія и въ печати (см. выше библіогр. „Вил. Вѣстн.“).

— Между бумагами, оставшимися послѣ покойнаго знаменитаго натуралиста доктора *Альфреда Брэма*, найдены записки о семейной и общественной жизни киргизовъ. Сынъ покойнаго приступаетъ теперь къ опубликованію этихъ записокъ („Акмолин. Обл. Вѣд.“).

ОПЕЧАТКИ.

Стрн.	*стрк.*	*нап.*	*чит.*
5	13 сн.	578	678
65	3 св.	дивай	давай
79	1—2 сн.	стоіря	сторія
84	13 сн.	знатное	значное
92	20 св.	ротыще	ратыще
—	22 —	Прийшовъ хлопъ	Прийшовъ,—хлопъ
94	13—14 св.	vпри... Dichtun... on... ...Sichlerg	при... Dichtung... von... ...Sichler
—	16 св.	483	482
—	15 сн.	1887	1877
101	9 св.	та—	такій
123	4 сн.	Чайковичъ	Чойковичъ
138	10 сн.	выше	ниже
141	12 св.	des	de
142	4 сн.	ибо	ибо нельзя

Труды Этнографическаго Отдѣла (9 книгъ) содержатся въ слѣдующихъ томахъ «Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи» *).

т.

VII. (кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. Ц. 3 р.

XII. (кн. 2). Народныя пѣсни Латышей, Ѳ. Я. Трейланда. Изд. В. А. Дашкова. 1873 г. Ц. 4 р.

XIII. (кн. 3), вып. 1—2, 1874 г., по 1 р. 15 к.

Содержаніе. Вып. 1: Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. *Статьи*; 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Ст. Верковича.—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли.—3) программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи). Колоусека—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Приклонскаго... Пріѣрова.—7) Домашній бытъ Маріупольскихъ грековъ, А. Анторинова.—8) О пермякахъ, П. Вологдина—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки положенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Засъ-Касселя.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли.—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана-Майдари, совершаемаго бурятами. Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. Ц. Добрыниной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

Вып. 2. Зыряне и Зырянскій край, К. А. Попова.

XXVIII, (кн. 4). Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. Ц. 2 р.

Статьи: 1 О) французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ѳ. Миллера. — 3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, Е. В. Барсова.— 5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедовъ.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрыниной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на Орели, Е. В.

---

*) Получать можно въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей), а также въ книжныхъ магазинахъ коммиссіонера Общества А. Суворина. Первыя 2 книги, изд. Дашкова, остались въ незначительномъ количествѣ только у издателя (Москва, Публичный и Румянцевскій Музеи).

Барсова.—8) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ" И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ѳ. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ѳ. Миллера.

XXX, (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ., П. Е. Ефименка. Ц. 4 р.:

Часть 1: Описаніе внутренняго и внѣшняго быта. 2 р. 50 к.

Часть 2: Народный языкъ и словесность. Ц. 1 р. 50 к.

XL, (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Ѳ. Я. Трейланда (Бривземніаксъ). Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. Ц. 3 р. 50 к.

XLVIII, (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія. Ц. 4 р.

Вып. 1. *Статьи*: 1) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусская свадьба въ Константиновск. у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука.—3) Приговоры и причеты о табакѣ, П. В. Шейна.—4) О гилицкомъ языкѣ. Д-ра Зеланда. (2 р).

Вып. 2. *Статьи*: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ). В. Ѳ. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его-же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). Его-же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татовъ. М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ. Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.—зап. Сибири. Его-же.—8) Программа для собиранія этнографич. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ. (2 р.)

LXI, (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (съ приложеніемъ портрета М. Н. Харузина). 2 р.

Статьи: 1) Памяти М. Н. Харузина. В. Ѳ. Миллера.—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи. П. М. Богаевскаго.—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. В. Кандинскаго.—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ. А. Папе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъ-естественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году). Н. Янчука.—8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. А. Кельсіева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. Вас. Тихонова.—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. Янчука).